

РУССКИЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ (ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

С.Я. СУЩИЙ

РУССКИЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ
(ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

С.Я. Сущий

РУССКИЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

(геодемографический аспект)

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2019

УДК 314.8
С91

Рецензенты:
д-р социол. наук, проф. Г.С. Денисова
канд. социол. наук Т.Т. Тарасова

Сущий, С.Я.
С91 Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы (геодемографический аспект) / С.Я. Сущий. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – 344 с.
ISBN 978-5-4358-0181-1.

В работе анализируется пространственная, расселенческая, количественная динамика русского населения в пределах национальных регионов, составлявших в советский период комплекс союзных республик, а после 1991 г. образовавших ближнее зарубежье России.

Представлена специфика расселения русских на данных территориях в XVIII – начале XXI в. Исследована их современная география, численность и наиболее вероятные сценарии геодемографической динамики в среднесрочной (до 2030–2035 гг.) и более отдаленной перспективе (середина XXI в.).

Издание рассчитано на специалистов в области этнодемографии, миграционных процессов, регионалистики, а также на всех интересующихся исторической и современной геодемографической динамикой русского народа.

УДК 314.8

Утверждено на заседании Ученого совета ЮНЦ РАН № 4 от 2 апреля 2019 г.

Работа выполнена в рамках проекта № АААА-А19-119011190184-2
(Государственное задание Южного научного центра РАН на 2019 г.)

ISBN 978-5-4358-0181-1

© Сущий С.Я., 2019
© ЮНЦ РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Глава 1. РУССКИЕ НА УКРАИНЕ 15
1.1. Московское царство и императорская Россия 15
1.2. Первые десятилетия советского периода (1917–1941 гг.) 29
1.3. Война и послевоенный период (1940–1950-е гг.) 40
1.4. Последние десятилетия советского периода (1960–1980-е гг.) 45
1.5. Русские постсоветской Украины: геодемографическая динамика 53
1.6. Сценарии демографической динамики русских в ближайшей и среднесрочной перспективе 68
1.7. Этнодемографические перспективы Донбасса 86

Глава 2. РУССКИЕ В БЕЛОРУССИИ И МОЛДАВИИ 90
2.1. Русские Белоруссии 90
2.2. Русские Молдавии 121

Глава 3. РУССКИЕ В ПРИБАЛТИКЕ 144
3.1. XVI – начало XX в. 144
3.2. Межвоенный период (1920–1930-е гг.) 149
3.3. Советский период (середина – вторая половина XX в.) 156
3.4. Постсоветский период 167
3.5. Демографические перспективы русского населения Балтии 178

Глава 4. РУССКИЕ В ЗАКАВКАЗЬЕ 190
4.1. Имперский период 190
4.2. Советский период 199
4.3. Постсоветский период 207

Глава 5. РУССКИЕ В КАЗАХСТАНЕ 227
5.1. XVIII – начало XX в. 227
5.2. Советский период 231
5.3. Постсоветский период 240
5.4. Геодемографические перспективы русских Казахстана 251

Глава 6. РУССКИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ 264
6.1. Имперский период 266
6.2. Советский период 271
6.3. Постсоветский период 283
6.4. Демографические перспективы русских Средней Азии 306

Заключение 311

Приложение. ЧИСЛЕННОСТЬ И УДЕЛЬНЫЙ ВЕС РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ 326
I. Западный макрорегион 326
II. Прибалтийский макрорегион 331
III. Закавказский макрорегион 332
IV. Средняя Азия и Казахстан 335

Список литературы и источников 338

ВВЕДЕНИЕ

Территории, составляющие ближнее зарубежье Российской Федерации, собирались Российским государством на протяжении ряда веков и включали как материнские ареалы расселения множества народов, так и регионы нового освоения, которые русские переселенцы колонизировали вместе с представителями других национальных сообществ, а также частично районы, в которых именно русское население являлось наиболее старожильческой, компактно проживающей этнокультурной группой. Общим для всех этих территорий являлась только их административная принадлежность к одной из союзных республик СССР.

Как свидетельствует многовековая история России, русские являются народом государственным. Не только в смысле стержневой роли в самом Российском государстве, но и по своей плотной привязке к его территории. Практически на всем протяжении своего развития русский народ оставался максимально сконцентрированным в государственных пределах России, т.е. география расселения русских и пространственные контуры государства находились в прямой корреляции.

Присоединение новых земель влекло за собой и появление на них русских поселенцев. Но исследователи, изучавшие колонизационные стратегии русских, среди разнообразных вариантов продвижения на новые земли обнаруживают и обратную последовательность. Многими русскими первопроходцами, помимо традиционных для людей авантюрного склада жажды наживы, риска, любознательности, двигало и осознание собственной государственной миссии, желание расширить пределы России. В сложном взаимодействии Российского государства со своими подданными бывали случаи, когда уходившие за рубежи страны от традиционно жесткой властной опеки свободолюбивые группы русского населения, добившись желаемого,

в дальнейшем сами же обращались к высшей власти с просьбой принять под свою руку «новую землицу».

Исключение составляли старообрядцы, группы которых с последней трети XVII в. начинают формировать первое в истории русского народа ближнее зарубежье. Однако, несмотря на достаточно широкий размах данного движения, география старообрядчества за пределами России представляла дисперсное множество поселений, часть которых в XVIII–XIX вв. вновь оказалась внутри России. Весьма ограниченной была и общая численность таких зарубежных русских, не превышавшая нескольких десятков тысяч человек.

Более масштабным оказался послереволюционный «выплеск» русского населения: в начале 1920-х гг. порядка трех миллионов человек выехало из Советской России или вдруг оказалось за ее пределами после распада Российской империи. Однако эта большая группа русских, не сумев оформиться в качестве устойчивого множества территориальных общин, начала быстро ассимилироваться принявшими их странами. А сложная политическая история 1930-х этот процесс только ускорила.

Вторая мировая война стала причиной еще одной масштабной социальной турбулентности, вынесшей в первой половине 1940-х гг. за пределы Советского Союза многие миллионы русских. Но после войны самая значительная их часть вернулась (или была насильно возвращена) в СССР. Общая численность пополнивших русское зарубежье не превышала 200–300 тыс. человек.

Этого пополнения было абсолютно недостаточно для устойчивого демографического воспроизводства русских общин Европы и Америки. Тем более что в последующие несколько десятилетий миграционная подпитка зарубежных очагов почти отсутствовала. И к концу советского периода вне Советского Союза проживало не более 1–1,3 млн русских – менее 1 % от их общей численности.

А в пределах самого СССР география русского народа, по сути, совмещалась с территорией государства. Количественный рост русских в союзных республиках продолжался на всем протяжении советского периода. По своим темпам он существенно опережал демографическую динамику русских в самой РСФСР. Если за 1926–1989 гг. русское население в ней выросло на 65 %, то союзных республик – в 4,4 раза. Этот рост был неравномерен как по десятилетиям, так и по отдельным национальным образованиям. Но даже в Азербайджане, в котором пик русского этнического присутствия пришелся на конец 1930-х гг., республиканская русская община за весь советский период выросла более значительно, чем численность русских в РСФСР (табл. 1).

Таблица 1. Прирост (убыль) численности русского населения в РСФСР и союзных республиках СССР, 1926–1989 гг. (%)[1]

Территория \ Годы	1926–1939	1939–1959	1959–1970	1970–1979	1979–1989	1926–1989
Украина	62,6	61,1	28,8	14,7	8,5	319,7
Белоруссия	–4,1	41,9	42,1	20,9	18,3	176,7
Узбекистан	204,9	46,8	37,0	11,4	–0,8	577,5
Таджикистан	2150,0	94,8	30,8	14,8	–1,8	6366,7
Туркмения	210,7	12,9	19,0	11,5	–4,3	345,3
Казахстан	91,2	62,3	38,5	8,9	4,0	386,6
Киргизия	161,2	105,9	37,2	6,5	0,5	690,5
Грузия	221,9	32,0	–2,7	–6,3	–8,3	255,2
Азербайджан	140,0	–5,1	1,8	–6,9	–17,5	78,2
Армения	142,9	9,8	17,9	6,1	–25,7	147,6
Литва	–	220,8*	16,0	13,1	13,5	377,8
Латвия	–	169,9*	26,8	16,5	10,4	339,8
Эстония	–	344,4*	39,2	22,5	16,1	779,6
Молдавия	–	48,7*	41,3	22,2	11,1	185,3
Все союзные республики	64,5	60,2	30,9	12,2	6,0	337,7
РСФСР	23,8	8,9	10,0	5,4	5,6	65,2

Примечание: * – 1940–1959 гг.

Ускоренный количественный рост русского населения в союзных республиках на протяжении долгого времени определялся всеми тремя факторами демографической динамики: расширенным естественным воспроизводством, миграционным притоком и ассимиляцией. Переломным периодом в данном восходящем тренде русского этнического присутствия за пределами РСФСР становится вторая половина 1960-х – начало 1970-х гг., в течение этого периода завершается демографический переход русских к современному типу демографического воспроизводства и ощутимо падают масштабы естественного прироста. А параллельно идет к концу эпоха масштабной индустриализации страны, время гигантских всесоюзных строек, привлекавших в республики значительное число трудовых мигрантов из центральных регионов Советского Союза. И если в 1960-е гг. русское население союзных республик выросло почти на 31 %, то в 1970-е гг. уже только на 12 %.

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

Более ограниченными к концу советского периода становятся и масштабы ассимиляционного пополнения русских за пределами РСФСР. Процессы этнокультурного возрождения советских народов, сыгравшие значительную роль в социальной жизни позднего СССР, начинают ощущаться в союзных республиках задолго до последнего советского десятилетия. Вместе с тем общее значение аккультурационно-ассимиляционных процессов в демографической динамике местного русского населения даже возрастало.

Следует учитывать усложненную этнокультурную структуру русского населения в пределах национальных автономий страны, тем более в союзных республиках, в которых русские являлись меньшинством. Если в имперский период этнокультурный традиционализм, характерный в это время практически для всех народов российской государственности, позволял им сохранять высокий уровень собственной этнодемографической обособленности, то в советские десятилетия масштабы межнациональной брачности выросли на порядок. А вместе с ней в составе русского населения союзных республик быстро пошла в рост группа биэтнофоров – потомства национально-смешанных браков, самоопределяющегося в качестве русских. В некоторых союзных республиках данная группа к концу советского периода составляла уже заметную часть русского населения.

Но если в 1950–1970-е гг. нарастающая биэтнизация становилась дополнительным фактором демографического роста русских (большая часть биэтнофоров выбирала русскую идентичность), то к концу советского периода положение начинает меняться. А в постсоветский период обстоятельство, ускорявшее рост русских общин, стало работать на их быстрое демографическое сжатие в пределах всего постсоветского пространства.

Однако, несмотря на все указанные выше признаки «торможения» восходящего этнодемографического тренда, нараставшие от одного советского десятилетия к другому, масштабы русского присутствия в союзных республиках продолжали расти до конца 1980-х гг. Последняя советская перепись зафиксировала за пределами СССР более 25 млн русских (рис. 1).

С этого ракурса распад Советского Союза и появление ближнего русского зарубежья, насчитывающего полтора десятка стран, стали самой масштабной трансформацией в государственно-политической системе расселения русского народа за всю его историю. Не сдвинувшись с места, десятки миллионов русских (почти 20 % от общей численности) оказались за пределами своего государства[1].

[1] Психологически для подавляющей части русского населения «своим» государством был именно Советский Союз, а не Российская Федерация, воспринимавшаяся как самая крупная, но только одна часть единой страны.

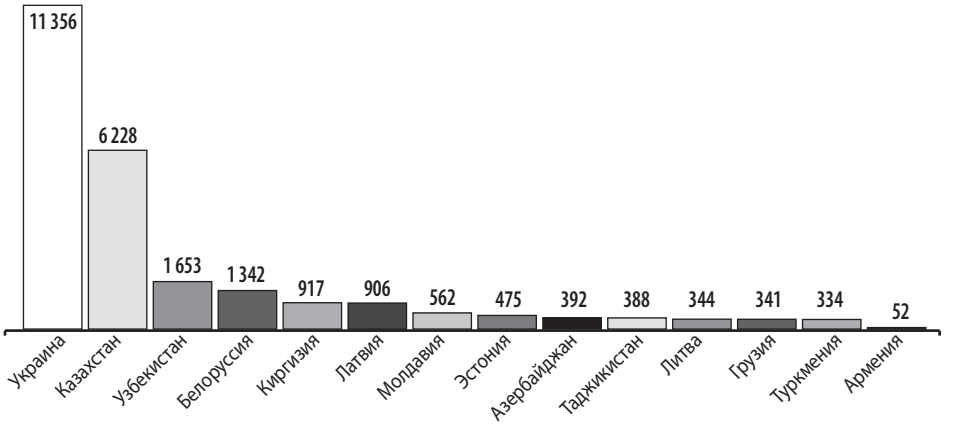

Рис. 1. Численность русских по союзным республикам СССР, 1989 г. (тыс. чел.)

Рис. 2. Доля русских в населении союзных республик СССР с начала 1990-х гг. (млн чел.)[1]

В ближнем зарубежье России отчетливо выделяются несколько макрорегионов: северо-западный (страны Балтии), западный (Украина, Белоруссия и Молдавия) и два южных (Закавказье, а также Средняя Азия с Казахстаном). Динамика русских общин в каждом из этих крупных ареалов

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

обладала серьезной спецификой, хотя некоторые геодемографические тренды, как показало настоящее исследование, были общими для всей группы бывших советских союзных республик.

История появления русских в национальных регионах империи (а затем и СССР), их демографическая динамика и система расселения привлекали внимание многих исследователей. Прежде всего следует выделить работы В.М. Кабузана, ряд монографий которого создает комплексную картину развития жизненного ареала русских в XVIII–XIX вв.[1]

Геодемография русского населения на национальных окраинах Российского государства, миграционные процессы, количественная, расселенческая, половозрастная и социопрофессиональная динамика русских общин не были обделены вниманием географов, демографов, этносоциологов. Большинство работ посвящено истории и/или современности русского населения в пределах отдельных национальных макрорегионов (союзных республик, постсоветских государств). Но есть исследования, анализирующие ситуацию и по всему данному территориальному поясу.

Среди работ, охватывающих проблемы всего множества русских общин постсоветского пространства, выделим работы В.М. Кабузана, Л.Л. Рыбаковского, С.С. Савоскула, В.А. Тишкова[2].

В работах М.С. Днестрянского, О.В. Романцова затрагиваются вопросы географии и численности русского населения Украины постсоветского периода[3]. И.И. Мигович, М.П. Макара, Я. Терлюк анализируют динамику русского населения отдельных украинских регионов[4]. Демографическая и миграционная динамика русской общины постсоветской Молдовы, процессы ее ассимиляции рассматриваются в публикациях Л.В. Остапенко, С.А. Сухинина, И.А. Субботиной, В.Г. Фоменко[5].

Геодемографической истории (имперской, советской) и современности русских общин в странах Балтии посвящены работы В. Бузаева, В.В. Волкова, И.В. Никифорова, А.Г. Манакова, А. Марцинкявичуса,

---

[1] *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990; *Его же.* Народы России в первой половине XIX века. Численность и этнический состав. М., 1992; *Его же.* Русские в мире. СПб., 1996; *Его же.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – в начале XX века. М., 1998.

[2] *Кабузан В.М.* Русские в мире. *Рыбаковский Л.Л.* Русские и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. М., 1996; *Савоскул С.С.* Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М., 2001.

[3] *Дністрянський М.С.* Этнополитическая география Украины // Етнополітична географія України. Львів, 2006; *Романцов В.О.* Населення України і його рідна мова за часів радянської влади та незалежності (XX – початок XXI століття). Киев, 2008.

[4] *Мигович І.І., Макара М.П.* Закарпатський соціум: етнологічний аспект. Ужгород: Патені, 2000; *Терлюк І.Я.* Росіяни західних областей України (1944–1996 рр.) (Етносоціологічне дослідження). Львів, 1997.

[5] *Субботина И.А.* Демографические перспективы русской диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3; *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: миграция или адаптация? М., 1998.

В.В. Полещука, А.А. Поммера, В.А. Тишкова, А.Н. Федотова, К.С. Халлик, О.А. Чученковой[1].

Этнодемографические и миграционные аспекты жизни русского населения Казахстана и Средней Азии анализировались в работах Л.Д. Гудкова, Н.П. Космарской, С.С. Савоскула, В.А. Тишкова. Из исследований, выполненных в последние 10–15 лет, можно выделить работы М.В. Алейникова, А.Н. Алексеенко, И.Е. Боровикова, Ш.Б. Курбанова, И.С. Савина, А.С. Салиева, Л.Л. Хоперской; Ю.Н. Цыряпкиной, В.Н. Федорко, Б. Эшмента[2].

Динамика русского этнического присутствия в Закавказье на разных этапах его развития в составе Российского государства и в постсоветский период рассматривалась в работах И.В. Долженко, Д.И. Исмаил-Заде, О.Д. Комаровой, Н.З. Мосаки, А.С. Юнусова, А.А. Цуциева[3].

Таким образом, литература, посвященная основным аспектам геодемографической истории русских ближнего Зарубежья, достаточна обширна. Однако обобщающие исследования по этой теме в основном относятся

[1] *Бузаев В.* Правовое и фактическое положение русскоговорящего меньшинства в Латвии. Рига, 2016; *Волков В.В.* Демография русского населения Латвии в XX–XXI вв. // Этническая политика в странах Балтии. М., 2013. С. 177–196; *Манаков А.Г.* Динамика национального состава населения Эстонии и Латвии в 1920–30-е гг. // Псковский регионологический журнал. 2017. № 2 (30). С. 74–95; *Манаков А.Г., Чученкова О.А.* Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 по 2016 г. Псков, 2017; *Марцинкявичус А.* Социальная адаптация русских в межвоенной Литве // Диаспоры. 2011. № 1; *Его же.* Русские в независимой и советской Литве: демография, социальное положение, идентичность // Этническая политика в странах Балтии. М., 2013. С. 197–218; *Никифоров И.В., Полещук В.В.* Демография русского населения Эстонии в XX в. // Этническая политика в странах Балтии. М., 2013. С. 155–176; *Поммер А.А.* Русские в Латвии. Исторический очерк. XIII–XIX вв. URL: http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-a-pommer.html; *Тишков В.А.* Русские как меньшинства (пример Эстонии) // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 110–124; *Федотов А.Н.* Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики. URL: http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-fedotov.html; *Халлик К.С.* Русские в Эстонии // Русские: этносоциологические исследования. М., 2011. С. 90–119.

[2] *Алейников М.В., Боровиков И.В.* Русское население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е гг. XX в.) // Мир Евразии. 2013. № 2. С. 2–8; *Алексеенко А.Н.* Население Казахстана между прошлым и будущим. URL: http://polit.ru/article/2006/05/16/demoscope245/; *Гудков Л.Д.* Русские в Казахстане: доклад Центра исследований русских меньшинств в странах ближнего зарубежья. М., 1995; *Савин И.С.* Русские в Казахстане: «кто мы сейчас» // Русские: этносоциологические исследования. М.: Наука, 2011. С. 158–190; *Тишков В.А.* Русские в Средней Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭАРАН, 1993. Док. № 51; *Хоперская Л.Л.* Российские соотечественники в Центральной Азии – демографический ресурс, отрезанный ломоть или хранители русского мира? // Этнопанорама. № 3–4. 2012. С. 5–12; *Цыряпкина Ю.Н.* Русские в Узбекистане: языковые практики и самоидентификация (на примере полевых исследований в Фергане) // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. 2015. 3 (9); *Эшмент Б.* Проблемы русских в Казахстане – этничность или политика? // Диаспоры. 1999. № 2–3.

[3] *Исмаил-Заде Д.И.* Население городов Закавказского края в XIX – первой половине XX века. М., 1991; *Его же.* Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX – начало XX века. М., 1982; *Комарова О.Д.* Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане // Русские старожилы Азербайджана. М., 1990; *Юнусов А.С.* Этнические и миграционные процессы в постсоветском Азербайджане. URL: http://chairs.stavsu.ru/geo/Conference/c1–67.htm; *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

к середине – второй половине 1990-х гг. Между тем речь идет о процессах, обладающих высоким динамизмом, за последние 15–20 лет сумевших существенно изменить систему расселения и географию, гендерно-возрастную структуру русских общин новых постсоветских стран, не говоря уже об их общей численности. Данное исследование призвано осветить некоторые малоизученные аспекты этой обширной темы.

Для анализа геодемографической динамики русских в XVIII – первой половине XIX в. на территориях, в дальнейшем составивших ближнее зарубежье России, использовались статистические материалы, помещенные в уже упомянутых монографических исследованиях В.М. Кабузана, дополненные количественными данными и расчетными оценками из работ значительного числа других исследователей (в т.ч. Ю.А. Борисенка, Е.И. Дружининой, Д.И. Исмаил-Заде, М.К. Любавского, А.Н. Федотова и др.).

Учитывая широкий пространственно-временной охват, исследование в значительной степени ограничивалось непосредственно геодемографическими аспектами – анализом количественной, удельной, расселенческой динамики русских. Данные по их половозрастной структуре привлекались спорадически в тех случаях, когда этот показатель оказывал заметное воздействие на динамику естественного воспроизводства.

С конца XIX в. в качестве статистической базы исследования геодемографии русских ближнего зарубежья привлекались материалы переписей населения, в т.ч. Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., советских переписей 1920–1989 гг., всероссийских переписей 2002–2010 гг., а также национальных переписей населения постсоветских стран.

Следует отметить, что после распада СССР проведение переписей населения стало внутренним делом каждого из вновь образованных государств. Сроки данных масштабных мероприятий определялись суммой социально-политических и экономических факторов развития этих стран и не совпадали между собой (табл. 2). Поэтому и результаты данных переписей оказываются далеко не полностью можно сопоставить.. Требуется серьезная экспертная доработка этой статистической информации – сведенит в общую картину геодемографических процессов, протекающих на постсоветском пространстве.

Заметим также, что Украина, на которую в начале 1990-х гг. приходилась почти половина русских ближнего зарубежья, ограничилась только одной переписью (2001 г.), данные которой к настоящему времени существенно устарели. А Узбекистан, обладатель крупнейшей русской общины в Средней Азии, в постсоветский период вообще обошелся без переписей населения.

Таблица 2. Переписи населения в странах ближнего зарубежья, 1990–2010-е гг.

Территория \ Годы	1995	1999–2000	2001–2002	2003	2004	2005	2009	2010	2011	2012	2014	2015
Украина			*									
Беларусь		*					*					
Узбекистан												
Таджикистан		*						*				
Туркменистан	*									*		
Казахстан		*					*					
Киргизия		*					*					
Грузия			*								*	
Азербайджан		*					*					
Армения			*						*			
Литва			*						*			
Латвия		*							*			
Эстония		*							*			
Молдова					*						*	
Непризнанные и частично признанные государства ближнего зарубежья												
Абхазия				*					*			
Нагорный Карабах						*						*
Приднестровье					*							*
Южная Осетия												*
ДНР			*									
ЛНР			*									

Примечание: перепись населения на территории будущих народных республик Восточного Донбасса (Донецкой и Луганской) проводилась в 2001 г., когда они еще находились в составе Украины.

Прогноз численности русских общин ближнего зарубежья на среднесрочную и более отдаленную перспективу выполнялся с использованием статистической информации, позволяющей оценить текущие темпы их естественной убыли. Принимались в расчет и такие показатели русских общин, как миграционная активность и сальдо миграции; уровень межнациональной брачности, ассимиляционные потери и положительный ассимиляционный потенциал (в ряде стран ближнего зарубежья на протяжении постсоветского периода продолжался процесс обрусения части представителей русскоязычных общин).

Для каждой из данных трех компонент демографической динамики русских составлялся спектр вероятных вариантов (от негативного до положительного) и анализировались возможные их сочетания, создававшие широкий коридор изменения численности русских общин. При наличии информации по возрастной структуре русского населения для прогноза использовался и метод передвижки возрастов, позволявший уточнить сделанные оценки.

Значительный масштаб изучаемой проблемы не позволил осветить все ее аспекты с необходимой детализацией. Остается надеяться, что выполненное исследование станет отправной точкой для дальнейшего изучения данной обширной темы, более комплексного и углубленного анализа геодемографической, расселенческой, половозрастной динамики русских ближнего зарубежья.

ГЛАВА 1
РУССКИЕ НА УКРАИНЕ

1.1
МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ

Две крупнейшие ветви восточных славян, вышедшие из единого этнокультурного корня, изначально формировались в пределах общей системы расселения, сложившейся еще в домонгольский период развития Руси. Раздельное политическое (в значительной степени и социально-экономическое) функционирование крупных регионов, некогда составлявших Древнерусское государство, на протяжении XIV–XVI вв. привело и к оформлению самостоятельных этнокультурных сообществ, составивших в дальнейшем русский, украинский и белорусский народы.

Ядерные ареалы данной, растянувшейся на века этноконсолидации были разнесены в пространстве, но периферия формирующихся народов не просто соприкасалась – на многих направлениях она могла долгое время представлять почти единый массив населения со слабо выраженной этнокультурной спецификой, совмещавшей черты двух (а местами и всех трех) восточнославянских сообществ.

Тем более что эти широкие полосы этнокультурного лимитрофа, как правило, совмещались с государственным порубежьем, разделявшим Московскую Русь и ее западных соседей – Великое княжество Литовское, а потом и Речь Посполитую. Именно государственная принадлежность таких периферийных восточнославянских территорий в конечном счете и определяла этнокультурную принадлежность местного населения – становилось ли оно со временем великорусским или постепенно приобретало малороссийские/белорусские языковые, бытовые, социокультурные (в т.ч. ментальные) характеристики.

Процесс этнической консолидации и самоидентификации данных пограничных сообществ могла существенным образом осложнять и удлинять неоднократная смена их государственной принадлежности. На протяжении веков силовое соотношение между Московской Русью и Литвой, а затем Польско-Литовским государством многократно менялось, и пограничные районы восточнославянского ареала попеременно переходили под юрисдикцию более сильной стороны[1].

К моменту поступательного вхождения в состав России (вторая половина XVII в. –XVIII в.) малороссийского («протоукраинского») демографического массива его социоэтнокультурная специфика уже вполне сложилась. И соответственно лимитроф, в пределах которого сходились два этнокультурных ареала, был достаточно отчетлив. Сколько-нибудь значительного смещения данной пограничной полосы, тем более ее «растворения», не происходило. Достаточно ограниченными оставались и масштабы этнического взаимопроникновения.

Русским крестьянам не имело смысла переселяться в пределы густонаселенной Малороссии, в которой малоземельность ощущалась столь же (если не более) остро, чем в демографически плотном великорусском центре. Не возникало обратного желания и у малороссийских поселян. Соответственно, этническая инфильтрация между двумя плотными ареалами расселения ограничивалась пограничными перемещениями, позволявшими даже не столько территориально смещать этнокультурный лимитроф, сколько изменять удельное соотношение русских и украинцев на отдельных его участках, а на других – несколько расширять зону совместного проживания.

Но и в таких районах совместность означала чересполосное размещение двух народов. Иными словами, если русские постепенно «заходили» в пределы малороссийского этнокультурного ареала (или происходило обратное движение), то, как правило, речь шла не о «подселении» в существующие населенные пункты, а о создании собственных моноэтнических поселений. При этом глубина такого взаимопроникновения оставалась ограниченной, переселенцы старались далеко не отрываться от материнского ареала.

[1] Некоторые из таких районов (смоленские, брянские, курские, белгородские земли) в конце концов стали частью русского этнокультурного ареала с более или менее значительным присутствием украинцев; другие (черниговские, новгород-северские земли) оформились как часть украинского этнокультурного пространства, с примесью русского населения. Причем масштаб данных взаимных этнокультурных вкраплений с течением времени колебался под воздействием самых разных факторов.

Но к югу от центральных ядер расселения обоих народов лежали малонаселенные земли, которые и стали основным направлением совместной колонизации. Уже в XVII в. начали осваиваться земли по Северскому Донцу, получившие название Слободской Украины (нынешняя Харьковская и Сумская области). А в следующем столетии, усилившись, Российская империя в несколько этапов присоединила обширные пустынные территории Северного Приазовья и Причерноморья.

Степная полоса шириной в 150–300 км, вытянутая от Днестра и Буга до Дона и Кубани, со второй половины XVIII в. начала быстро обживаться мигрантами из малороссийских регионов и русского центра. На каждом из участков этого колонизируемого пространства соотношение русских и украинцев – двух основных этнокультурных групп, формирующих местное население, было различным и менялось во времени. Но в целом появление нового имперского макрорегиона, в дальнейшем получившего название Новороссии, существенно расширило пространство русско-украинского этнокультурного «общежития».

При наличии множества факторов, определявших соотношение русского и украинского колонизационных потоков, центральную роль играли два: территориальный – близость/удаленность осваиваемых территорий от места выхода переселенцев и общий демографический потенциал колонизации, определяемый численностью трудоизбыточного населения, готового участвовать в колонизации.

Северо-западные и северные районы Причерноморья (территории современных Одесской, Николаевской, Херсонской областей) располагались в 100–200 км к югу от густонаселенного украинского этнокультурного ядра. Масштабный приток на эти территории малороссов был самым естественным вариантом колонизационного движения и определил их полное количественное доминирование среди переселенцев с первых же этапов освоения.

Но и на землях, прилегавших к северным берегам Азовского моря (юг будущей Екатеринославской губернии), украинцы уже в середине – второй половине XVIII в. также составляли основную массу колонистов. Причем еще в первой четверти столетия на данных землях количественно доминировали русские, составлявшие в 1719 г. более 80 % местных жителей. Коренной этнодемографический сдвиг пришелся на 1730-е гг. С одной стороны, он был связан с опустошительным татарским набегом 1736 г., серьезно сократившим русское население, с другой – объяснялся резко возросшим притоком украинских переселенцев, которые не только с избытком восполнили потери местного населения, но и кардинально изменили его этническую структуру (табл. 1.1).

Таблица 1.1. Доля русских и украинцев
на территориях Екатеринославской губернии
в границах XIX в. (%)[1]

Национальности	1719 г.	1744 г.	1763 г.	1795 г.
Русские	80,4	19,6	9,2	11,2
Украинцы	19,6	80,4	82,8	79,8

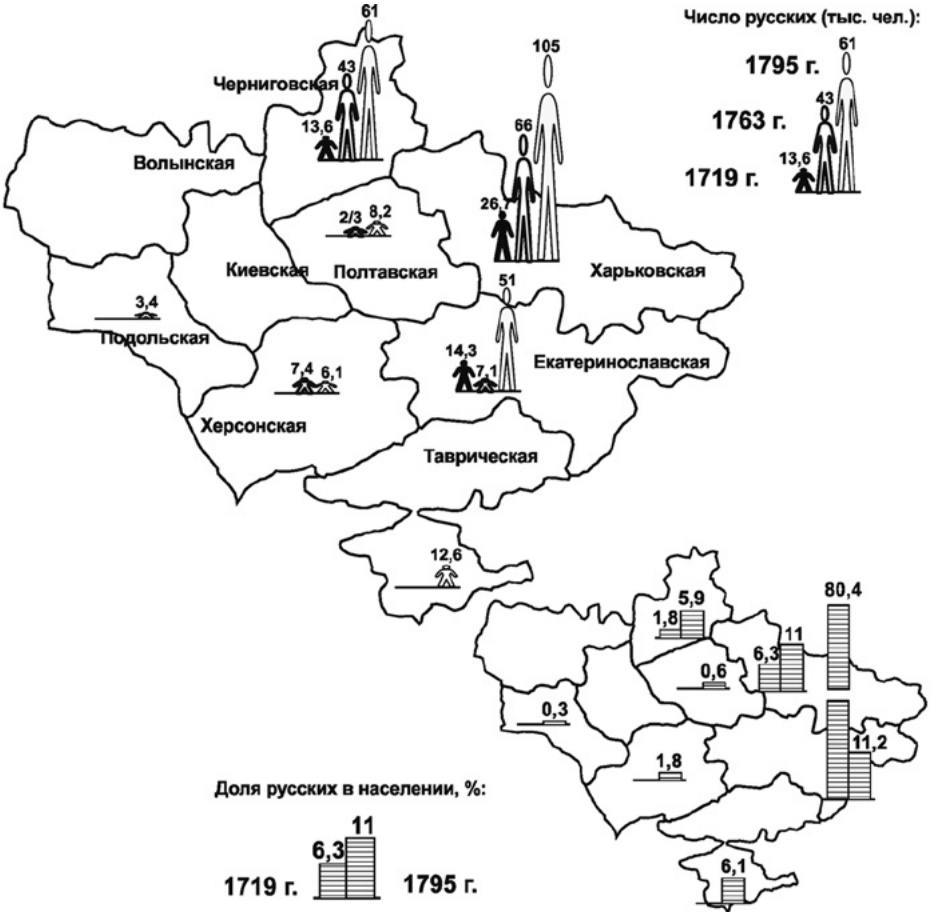

Рис. 1.1. Русское население в Малороссии и Новороссии,
1719–1795 гг. (тыс. чел.)

[1] Сост. по: *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 45, 285; *Его же.* Украинцы в мире: динамика численности и расселение (20-е гг. XVIII в. – 1989 г.). М., 2006. С. 430.

Но сама легкость подобной трансформации в значительной мере объяснялась начальной стадией хозяйственного и демографического освоения данных территорий, общей малочисленностью местного населения. В 1719 г. в территориальных пределах будущей Екатеринославской губернии проживало всего 17,9 тыс. чел. (14,4 тыс. русских и 3,5 тыс. украинцев), которое было сосредоточено в северных ее уездах. Потеря даже нескольких тысяч жителей во время татарского набега должна была существенно сократить демографический потенциал местного русского населения. Потребовалось не так много малороссов, чтобы включить данную территорию в область своего этнического ареала. К середине 1740-х гг. население на данной территории выросло до 42 тысяч, а соотношение двух восточнославянских этнических групп стало обратным (33,7 тыс. украинцев и 8,2 тыс. русских).

Показательно, что даже район Нижнего Подонья, устойчиво входивший в систему расселения донского казачества, в последние десятилетия XVIII в. начинает заполняться выходцами из Полтавской и других областей Малороссии. Исключительная роль принадлежала малороссам и в заселении приазовских районов будущей Кубанской области (Таманский полуостров и правобережье Кубани вплоть до впадения Лабы, составившие землю Черноморского казачьего войска). Данные территории вошли в состав Российской империи по Кючук-Кайнаджирскому мирному договору и были заселены в 1790-е гг. почти исключительно украинцами – переместившимися сюда запорожцами и выходцами из Левобережной Украины.

И в данном случае первостепенную роль играл уже не пространственный фактор, а более значительный демографический колонизационный потенциал малороссийского этнокультурного ареала, имевшего существенно большую плотность населения, чем великорусский центр (а значит, и более высокую степень крестьянского малоземелья). Сказывалось и активное участие населения русских губерний в освоении огромного Зауралья, оттягивавшего бóльшую часть переселенцев и существенно ограничившего масштабы южного направления русской колонизации.

Таким образом, присоединение к империи Северного Причерноморья и Приазовья прежде всего существенно расширило украинский этнокультурный ареал. И численность русских в территориальных контурах современной Украины (без Крыма) в начале XVIII в. составляла всего 54 тыс. чел. К началу 1760-х гг. этот показатель вырос в 2,5 раза (до 130–135 тыс. чел.), но основная масса русского населения по-прежнему располагалась на землях

Слободской Украины (Харьковская губерния). То есть на деле речь идет об этнокультурном лимитрофе – территориях, в советский период включенных в состав Украинской ССР.

Число русских внутри самого малороссийского этнического ареала в середине XVIII в. оставалось минимальным. А в пределах Новороссии они в это время, как уже отмечалось, присутствовали в Екатеринославской губернии. На 1750-е гг. приходится появление группы русских старообрядцев в пределах Херсонской губернии. Во второй половине XVIII в. эта география несколько расширяется за счет появления небольшого числа русских в Крыму и старообрядцев в Подолии.

К концу XVIII в. численность русских возрастает до 250 тыс. чел., но основная их масса по-прежнему приходится на территориальную «окантовку» малороссийского этнического ареала, захватывающего земли трех губерний – Харьковской (Змиевский, Старобельский, Изюмский уезды), Екатеринославской (Славяносербский, Бахмутский уезды), Черниговской (Стародубский и Новозыбковский уезды).

XIX столетие сохранило уже сложившиеся этнодемографические тренды. Русских в пределах плотно заселенных малороссийских губерний по-прежнему очень мало. Зато территории Новороссии активно колонизируются представителями обоих народов. Как и раньше, помимо украинцев и русских, на данных землях селились представители других национальностей (немцы, евреи, молдаване, сербы). Но, несмотря на отчетливую полиэтничность населения Северного Причерноморья и Приазовья, украинцы в составе этого региона продолжали количественно доминировать, иногда составляя значительное большинство[1].

Следует, однако, отметить отчетливо сельский характер украинской колонизации новороссийских губерний[2]. Переселенческий поток, формируемый малороссами-крестьянами, огибал города, массово оседая на присоединенных землях и формируя плотную систему сельских поселений. Русских переселенцев было значительно меньше. Но, являясь более разнообразными по социальному составу, включавшему, помимо земледельцев, немалое число торговых людей и ремесленников, они охотней селились в городах. В результате

[1] Так, на протяжении всей первой половины XIX в. доля малороссов в населении Екатеринославской губернии колебалась в пределах 78–79 %, снизившись к концу этого периода до 69 %.

[2] Согласно административно-территориальному делению конца XIX – начала XX в. Новороссия в узком смысле включала три губернии – Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую; в широком – также Бессарабию, Область Войска Донского и Кубанскую область, Черноморскую и Ставропольскую губернии. В данной работе Новороссия рассматривается в узком варианте (в составе трех губерний).

разные уровни системы расселения Новороссии приобретали заметную этническую специфику – малороссийская по своему населению сельская местность заключала городские центры со значительной долей русских и в целом с очень пестрым национальным составом горожан.

К середине XIX в. несколько увеличилась доля русского населения и непосредственно в малороссийских губерниях (Киевской, Подольской, Волынской), в которых, впрочем, их удельный вес по-прежнему измерялся долями процента. В губерниях Новороссии русских было немного. Однако численность их росла быстрыми темпами.

Таким образом, география русского расселения в территориальных контурах современной Украины к этому времени еще отчетливее приобретает вид подковы. К вытянутой дуге, идущей по северо-восточным границам малороссийского этнокультурного ареала (земли Черниговской и Харьковской губерний), добавляется азово-черноморский «отрог» расселения, вытянутый вдоль северного побережья, – от Мариуполя и Таганрога до Одессы и Измаила. Данная «подкова» заключала уже около 750 тыс. русского населения – в три раза больше, чем на рубеже XIX в.

Еще более ускоряется пространственный и демографический рост русских в пореформенные десятилетия. В это время наряду с губерниями Новороссии переселенцы из центральной России всё чаще появляются и в пределах самой Малороссии. За период 1858–1897 гг. число русских в Киевской губернии возрастает почти в 27 раз, на Волыни – на математический порядок, кратно растет в Полтавской и в Подольской губерниях. Существенно увеличивается русское население и в губерниях Новороссии.

К концу XIX в. в пределах Украины уже проживает около 2,7 млн русских (в 3,5 раза больше, чем в конце 1850-х гг.). Но столь значительно нарастив свой демографический потенциал, они сохраняют основные расселенческие черты своей географии и преимущественную концентрацию в городах. Особенно заметной эта особенность была в губерниях Новороссии, в которых русские горожане на рубеже XX в. превосходили по численности местных украинцев, хотя в сельской местности уступали им многократно.

Максимальной была концентрация русских в региональных «столицах» (рис. 1.2). В пяти из девяти губернских центров русские в конце XIX в. количественно доминировали, но и в остальных составляли 20–30 % горожан, как правило, лишь незначительно

уступая столичному показателю и многократно (если не на порядок) превышая удельный вес русского сельского населения. Исключением являлась Черниговская губерния с большой группой русских сельских старожилов.

Рис. 1.2. Форма расселения русских в Малороссии и Новороссии, 1897 г.[1]

Но в целом масштабы присутствия русских в новороссийских губерниях и Малороссии, как и раньше, различались весьма существенно. Причем в пределах своего исторического этнокультурного ареала (Подолия, Волынь, Киевская и Полтавская губерния) украинцы количественно превосходили русских даже в городской среде. А в сельской местности их демографический перевес был подавляющим. Определенное исключение составляла только Киевская губерния, точнее сам Киев, в котором к концу XIX в. уже преобладало русскоязычное население.

[1] В данной и следующих картах, а также в таблицах использовались материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp _lan_97_uezd.php), всесоюзных переписей населения 1926–1989 гг. и всероссийских переписей населения 2002–2010 гг. (URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26php?reg-89.php?reg; http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php – 10 php).

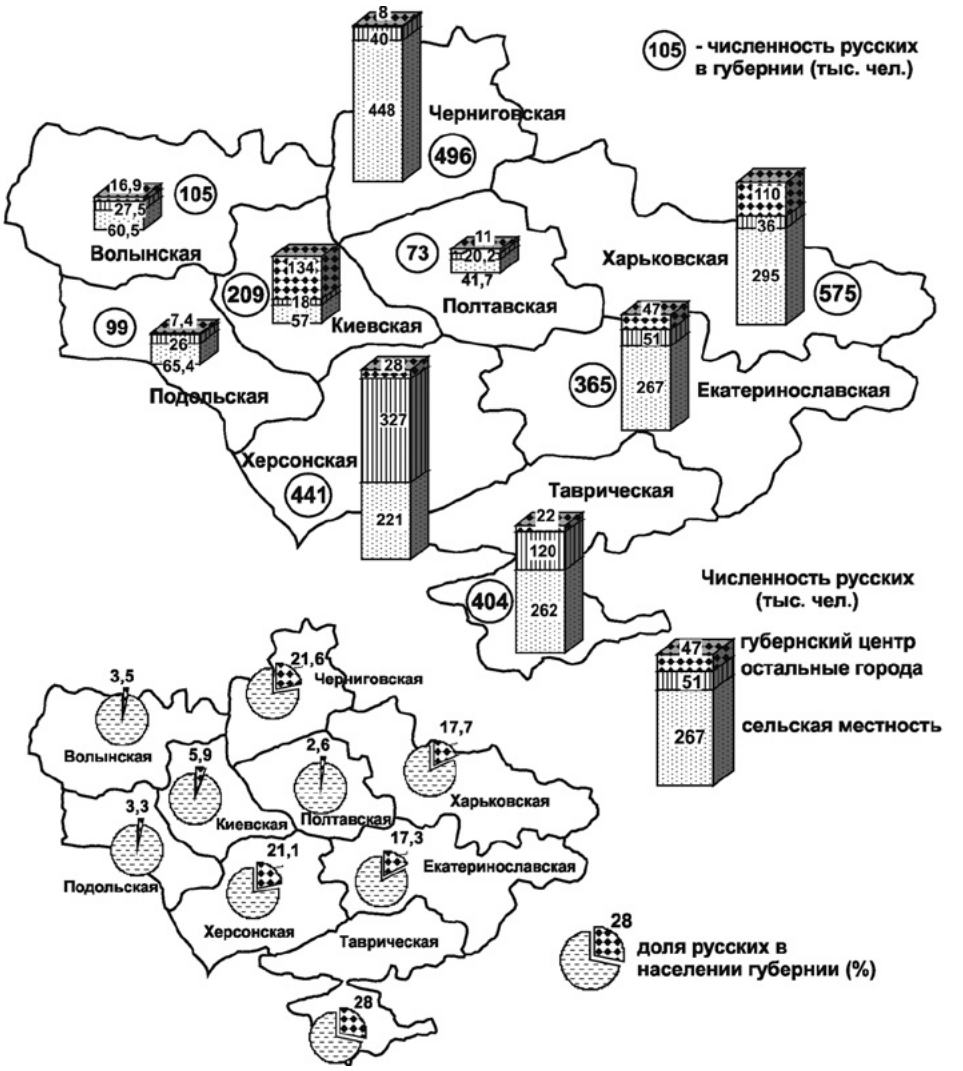

Рис. 1.3. Русские в Малороссии и Новороссии, 1897 г. (тыс. чел., %)[1]

Как известно, в переписи 1897 г. учитывалась не национальность, а конфессиональная и языковая принадлежность населения. Но с учетом высокого уровня социокультурного традиционализма народов Российской империи этого времени данные по языковому признаку могут быть использованы и для оценки национального состава отдельных регионов страны. Только в крупных городах ситуация могла быть иной. Языковая

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

русификация городских сообществ в отдельных случаях оказывалась довольно значительной. И доля русских в Киеве (как и в крупных центрах Новороссии) могла быть несколько ниже доли русскоязычных, зафиксированных имперской переписью. Но даже возможный поправочный коэффициент не отменяет вывода о существенном повсеместном росте русского присутствия в городах как Новороссии, так и малороссийских губерний.

Ускоренный демографический рост многих из этих городов в пореформенные десятилетия был связан с активным притоком не только русских, но и еврейских переселенцев. В пределах городской системы Украины (взятой в пространственных контурах шести малороссийских и трех новороссийских губерний) выделялось три ареала, которые по преобладающей национальности горожан можно условно обозначить как «русский», «еврейский» и «украинский». Данные ареалы в разных сочетаниях могли пересекаться, формируя городские сообщества сдвоенной/строенной этнической доминанты. Но в целом среди городского населения русские преобладали в Новороссии и Киеве[1], евреи доминировали на Западной Украине (в пределах Волыни и Подолии) и многих центрах Киевской губернии, украинцы – в центральной и северной Малороссии, некоторых частях бывшей Слободской Украины (Полтавская и Черниговская губернии, северные районы Харьковской губернии).

В общей сложности русское население Малороссии и Новороссии в конце XIX в. составляло 2,77 млн чел. При этом основные его массивы по-прежнему концентрировались вдоль границ украинского этнического ареала, на северо-востоке, востоке и юге охватывая его уже упоминавшейся пространственной «подковой». В ее пределах русские были не только максимально представлены в городах, но и ощутимо присутствовали в сельской местности, позволяя говорить о некотором расширении русской географии. Впрочем, в сельской местности всех девяти губерний (за исключением Крыма, составлявшего южную часть Таврической губернии, и отдельных уездов Черниговской губернии) доля русских никогда не дотягивала до 20 % местного населения.

Наглядно иллюстрирует степень укорененности русских в разных частях малороссийско-новороссийского ареала их гендерный баланс. Во всех губерниях (за исключением Черниговской) мужчин среди местного русского населения было больше, чем женщин. Но этот перевес практически по всей Новороссии был незначительным. Иной была ситуация в губерниях Малороссии, где по мере продвижения к западу гендерный дисбаланс нарастал как в городах, так и в сельской местности.

[1] К рубежу XIX–XX вв. русские составляли более половины населения Киева, от четверти до трети жителей других «украинских» центров. В городах Новороссии (Харьков, Луганск, Херсон, Николаев, Одесса) этот показатель был еще выше, зачастую достигая 50–60 %.

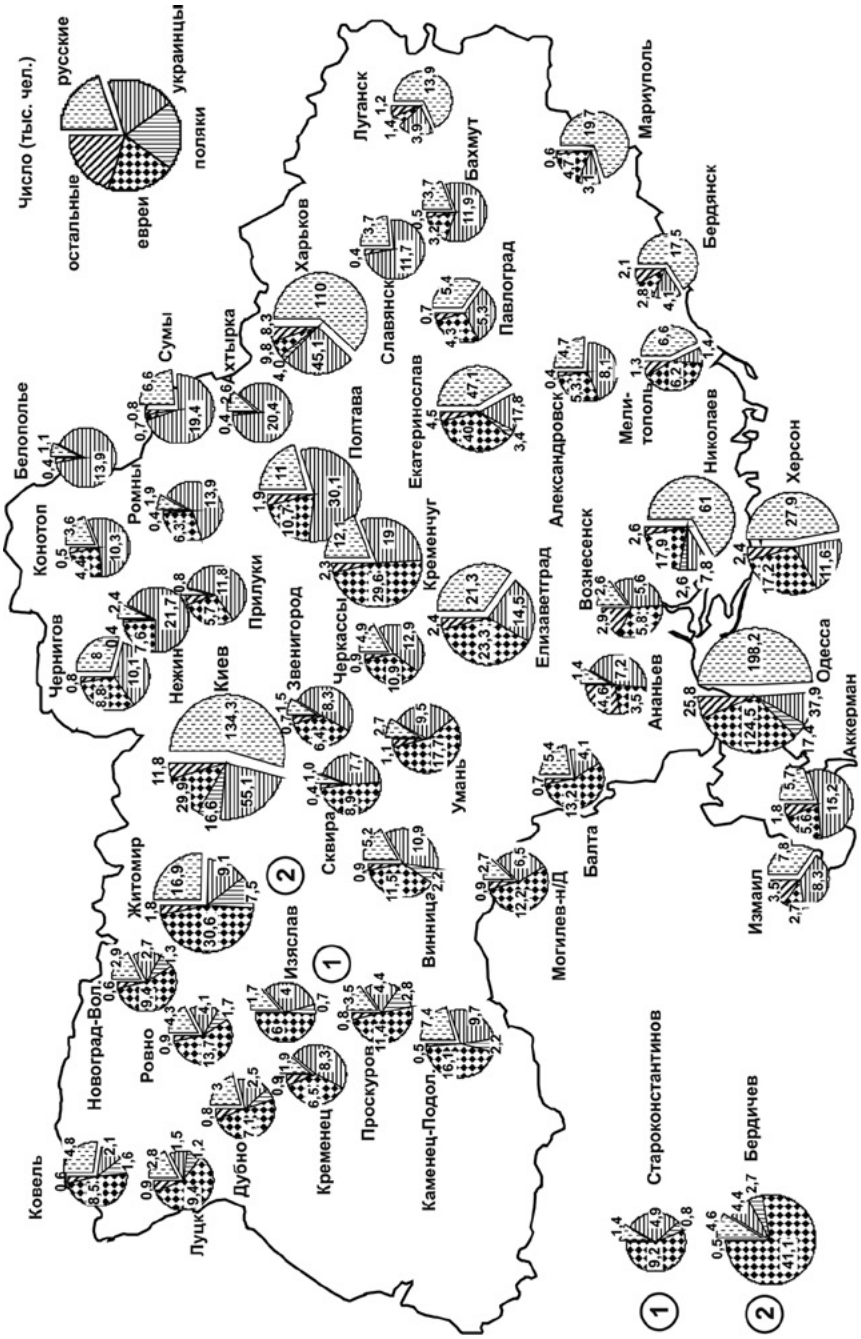

Рис. 1.4. Национальный состав населения городов Малороссии и Новороссии (без Крыма), 1897 г. (тыс. чел.)

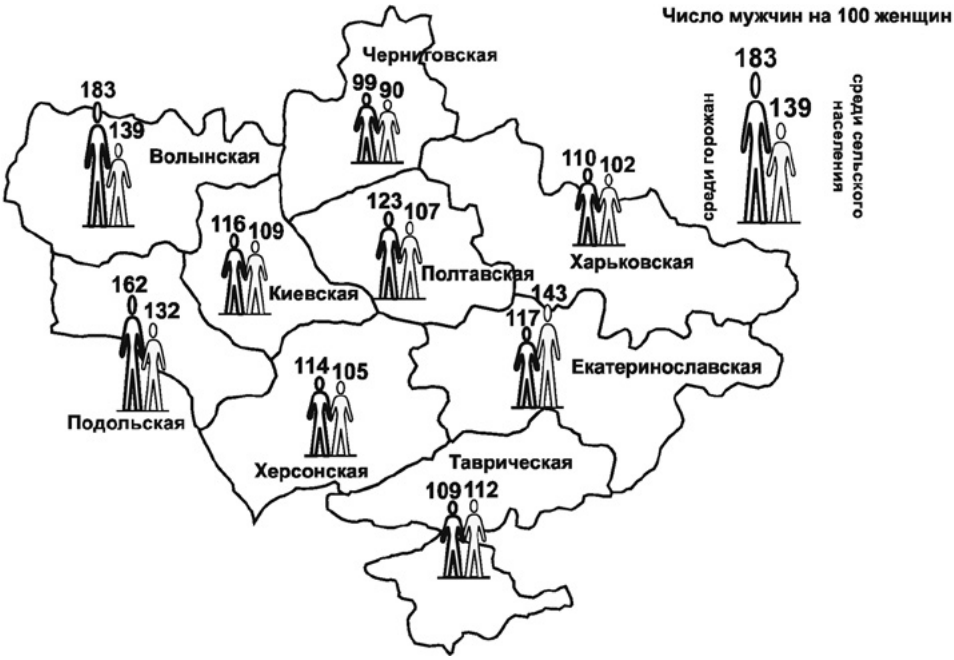

Рис. 1.5. Гендерные характеристики русского населения губерний Малороссии и Новороссии, 1897 г.[1]

Существенный (1,4–1,8-кратный) перевес мужчин в русских общинах двух западноукраинских губерний (Подольской и Волынской) – очевидное свидетельство всё еще низкой укорененности местного русского населения, которое только обживало данные территории. А среди вновь прибывших процент одиноких мужчин оставался весьма высоким. Показательно и то, что дисбаланс был выше в городах – местах концентрации воинских подразделений и прослойки управленцев. Русские поселяне, действуя по-крестьянски обстоятельно, в большинстве своем приезжали на Западную Украину уже с семьями.

Итак, на протяжении XIX в. русские увеличили свое присутствие в пределах украинского этнического ареала и продолжали освоение Новороссии. Однако на последнем направлении они заметно уступали украинцам, проявлявшим бóльшую активность, в демографической (а стало быть, и хозяйственной) колонизации новых территорий. Только на востоке данного макрорегиона, в пределах стремительно растущего промышленного Донбасса, требовавшего значительного числа новых работников, приток русских переселенцев в пореформенные десятилетия по своим масштабам был сопоставим с украинской миграцией.

[1] Источник: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php.

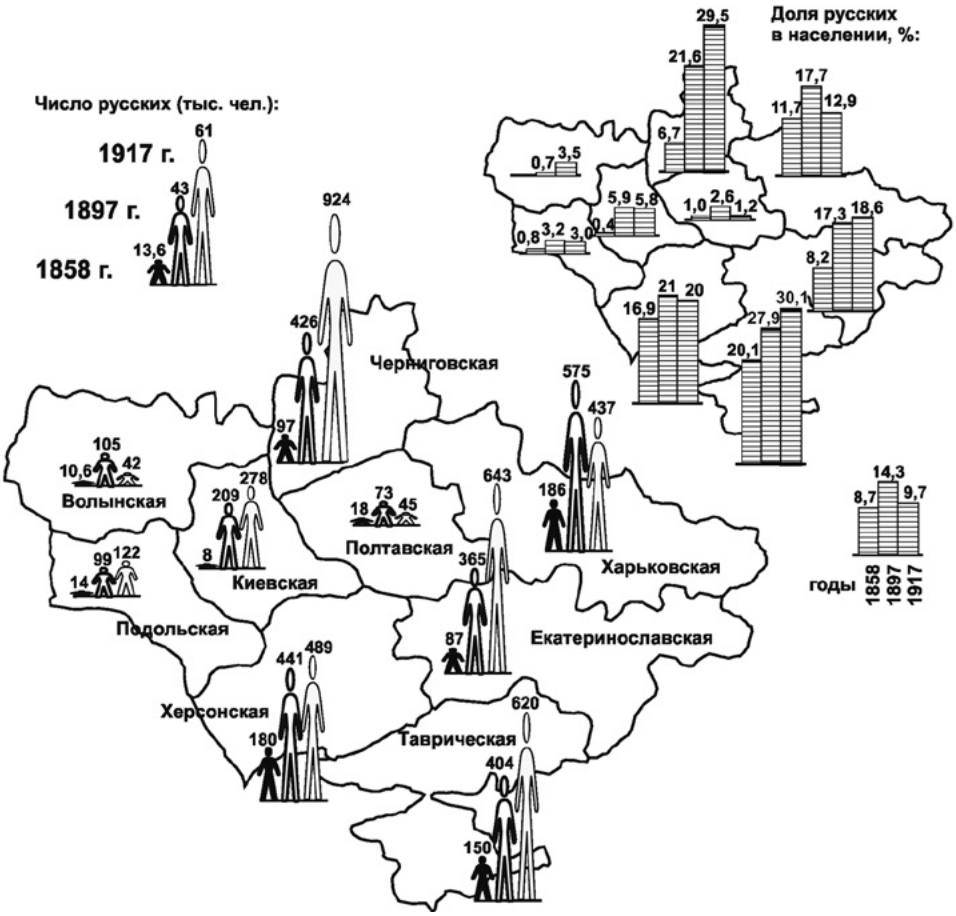

Рис. 1.6. Русское население в Малороссии и Новороссии, 1858–1917 гг.[1]

Первые полтора десятилетия XX в. в целом сохранили сложившиеся этнодемографические тренды, связанные с активным межрегиональным перемещением полиэтничного населения империи. Число русских в пределах Малороссии и Новороссии продолжало ускоренный рост. Но уже в первую очередь вследствие своей естественной динамики[2].

Согласно данным В.М. Кабузана, за последние два десятилетия имперского периода (1897–1917 гг.) количество русских в пространственных пределах советской Украины после 1954 г. выросло с 2,77 до 3,6 млн чел.[3] Учитывая харак-

[1] *Кабузан В.М.* Русские мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php (дата обращения: 03.06.2019).

[2] С другой стороны, продолжалась и активная миграция украинцев в азиатские регионы империи (на этот период приходится существенный рост их численности в Казахстане и на Дальнем Востоке).

[3] Обе цифры относятся к русскоязычному населению (см. : *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 279).

теристики демографического воспроизводства русского народа, этот 30 %-ный рост мог быть обеспечен исключительно одним естественным приростом[1].

Однако аналогичными в это время были и воспроизводственные показатели украинцев и представителей других национальных групп Малороссии и Новороссии. И потому доля русских в населении данных макрорегионов к началу Первой мировой войны практически не изменилась[2].

Военные годы, безусловно, отразились на количественной и пространственной динамике русского населения. Именно с войной было связано кратное сокращение численности русских в прифронтовой Волынской губернии (по сравнению с данными на конец XIX в. ее русское население уменьшилось в 2,5 раза). Впрочем, рассчитанные В.М. Кабузаном для 1917 г. размеры губернских массивов русского (русскоязычного) населения Малороссии и Новороссии должны использоваться с осторожностью. Геодемографическая динамика местных русских общин в первые полтора десятилетия XX в., очевидно, требует дополнительного изучения.

Слишком значительной представляется трансформация удельного соотношения русского населения ряда губерний. Требует объяснения, в частности, более чем двукратный демографический рост русских Черниговской губернии, численность которых к революции подскакивает почти до миллиона, при параллельном ощутимом сокращении количества русских в соседней Харьковской губернии и количественной стагнации русской общины Херсонской губернии.

Необходимо учесть и то, что численность русскоязычных и русских в губерниях Малороссии к этому времени начала всё заметнее расходиться. Значительные группы представителей различных этнических общин (особенно в городской среде) переходили на русский язык, сохраняя этническое самосознание. Как результат, русскоговорящее население во многих городах могло уже на треть (и больше) превосходить число русских. В сельской местности разница между данными множествами всё еще была мало ощутимой, хотя аналогичные процессы происходили и здесь.

Цифра 3,6 млн чел. (число русскоговорящих) больше завышала численность русских на Украине в 1917 г., чем цифра 2,77 млн делала это для 1897 г. (рис. 1.7). Но важней то, что обе цифры все еще могли служить иллюстрацией значительных масштабов русского этнического присутствия в пределах

[1] Среднегодовой коэффициент естественного прироста у русских в данное время составлял 1,6–1,7 %, а за весь 20-летний период – 35–36 %. Иными словами, мог иметь место даже небольшой отток русского населения.

[2] Точнее, даже потеряла доли процента. Снизившись с 9,6 до 9,3 %, она в дореволюционный период так и не дотянула до 10 %-ной отметки.

Малороссии и Новороссии и его стремительного демографического роста в последние десятилетия имперского периода.

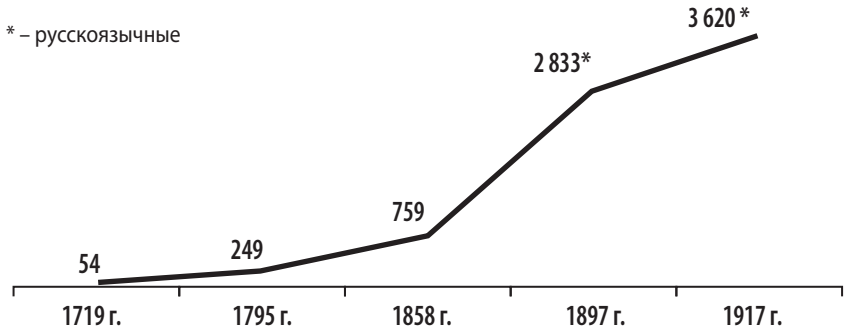

Рис. 1.7. Русское и русскоговорящее население на Украине в территориальных границах 1992 г. (тыс. чел.)

Итак, за два столетия численность русских в пределах территорий, ставших в дальнейшем советской Украиной, выросла в 60–65 раз, составив к концу имперского периода более 3 млн чел.

1.2

ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1917–1941 гг.)

В период Гражданской войны количество русских в пределах Украины должно было сократиться как минимум на 5–10 %. Но данная убыль была весьма неравномерна в пространстве, и некоторые территории утратили куда большую долю своего русского населения.

Максимальными в удельном отношении были демографические потери на землях Западной Украины, где русское население не успело укорениться и оставалось достаточно редким. Тем более что значительные территории (Подольская и Волынская губернии почти в полном составе) перешли в состав Польши, что не могло не повлечь масштабной реэмиграции местного русского населения[1].

[1] Из более чем 200 тыс. русских, проживавших здесь в начале XX в., в 1920-х гг. осталось не более нескольких десятков тысяч человек.

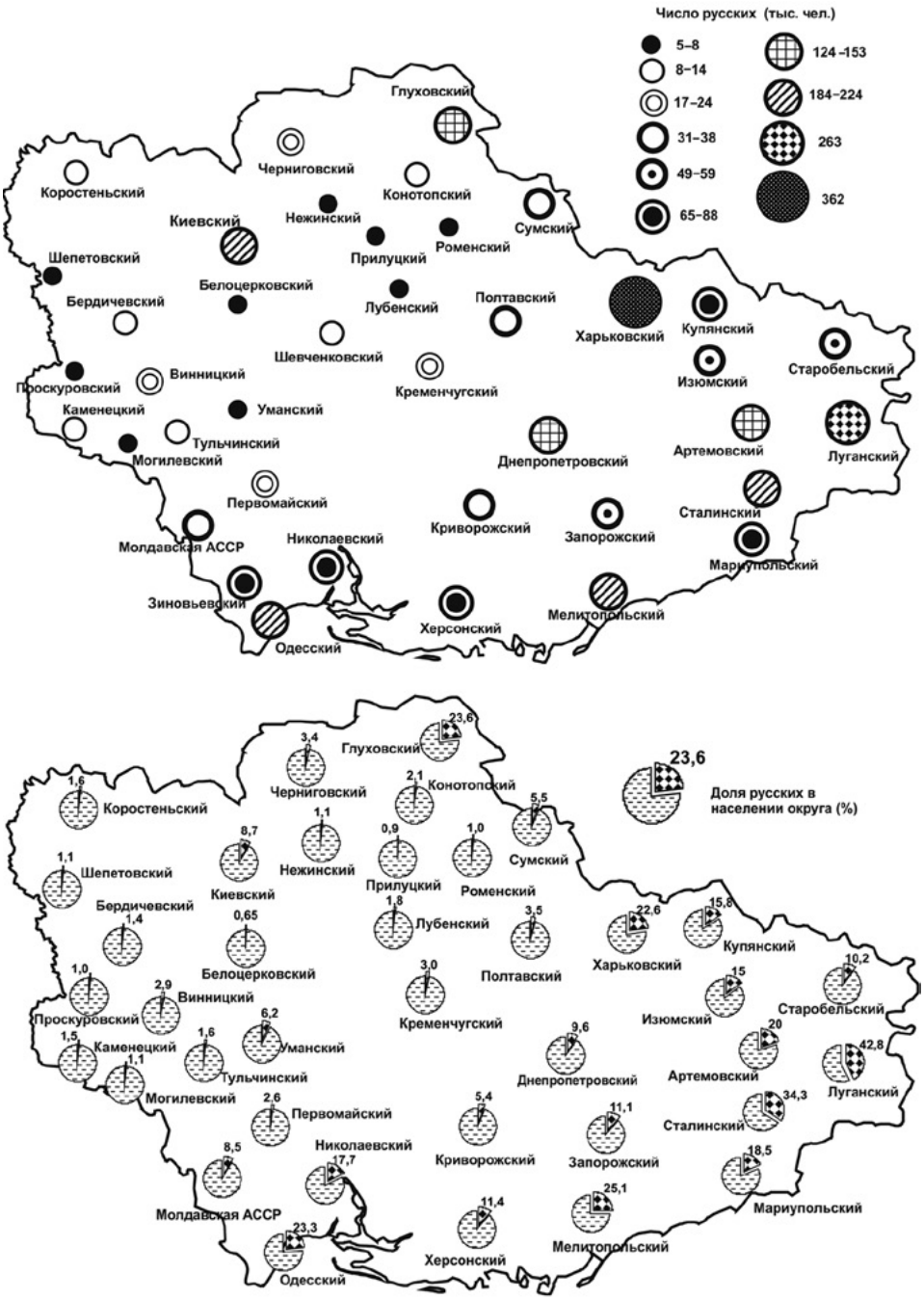

Рис. 1.8. Русские по округам Украинской ССР, 1926 г.

Очевидно, могла измениться концентрация русского населения и в других регионах Украины. Однако присутствие его оставалось практически повсеместным, что и зафиксировала перепись 1926 г. Максимальное число русских было сосредоточено на востоке и юге новообразованной Украинской ССР. Здесь во многих округах численность русских составляла 150–200 тыс. и более. Между тем в центре и на западе республики на один округ приходилось всего несколько тысяч русских жителей (за исключением Киевского) (рис. 1.8).

Показательно и то, что в ряде северо-восточных и восточных округов русские не только количественно доминировали в городах, но и составляли весомую долю сельского населения. Советская Украина включила в себя часть территорий, относившихся если не к русскому этнокультурному ареалу расселения, то к русско-украинскому лимитрофу (рис. 1.9[1]).

Впрочем, оценивая деятельность советской власти по реформе административно-территориального деления страны, необходимо учитывать, что далеко не всегда существовала возможность четкого разграничения территорий исходя из национальной структуры местного населения. Значимую роль в административной реформе по необходимости играли и социально-экономические факторы, не говоря уже о лоббистских усилиях различных этнических групп влияния (представленных в том числе и в партийных органах) и прочих привходящих обстоятельствах. Как результат, одни участки обширного русско-украинского этнокультурного лимитрофа были включены в состав советской Украины, другие оказались в пределах РСФСР (в частности, в составе Воронежской и Курской областей, где таким образом оказалось большое число украинцев). Некоторые территории переходили из одной союзной республики в другую неоднократно, как случилось с рядом западных районов Области Войска Донского, переданных Украине в 1920 г. и возвращенных в состав РСФСР спустя три года.

В любом случае пространственная система русского расселения, как и в дореволюционный период, имела вид развернутой на восток «подковы», на северо-востоке включавшей районы Украинской ССР, прилегающие к РСФСР, а на юге – приморские округа, вытянутые вдоль Азовского и Черного морей.

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php

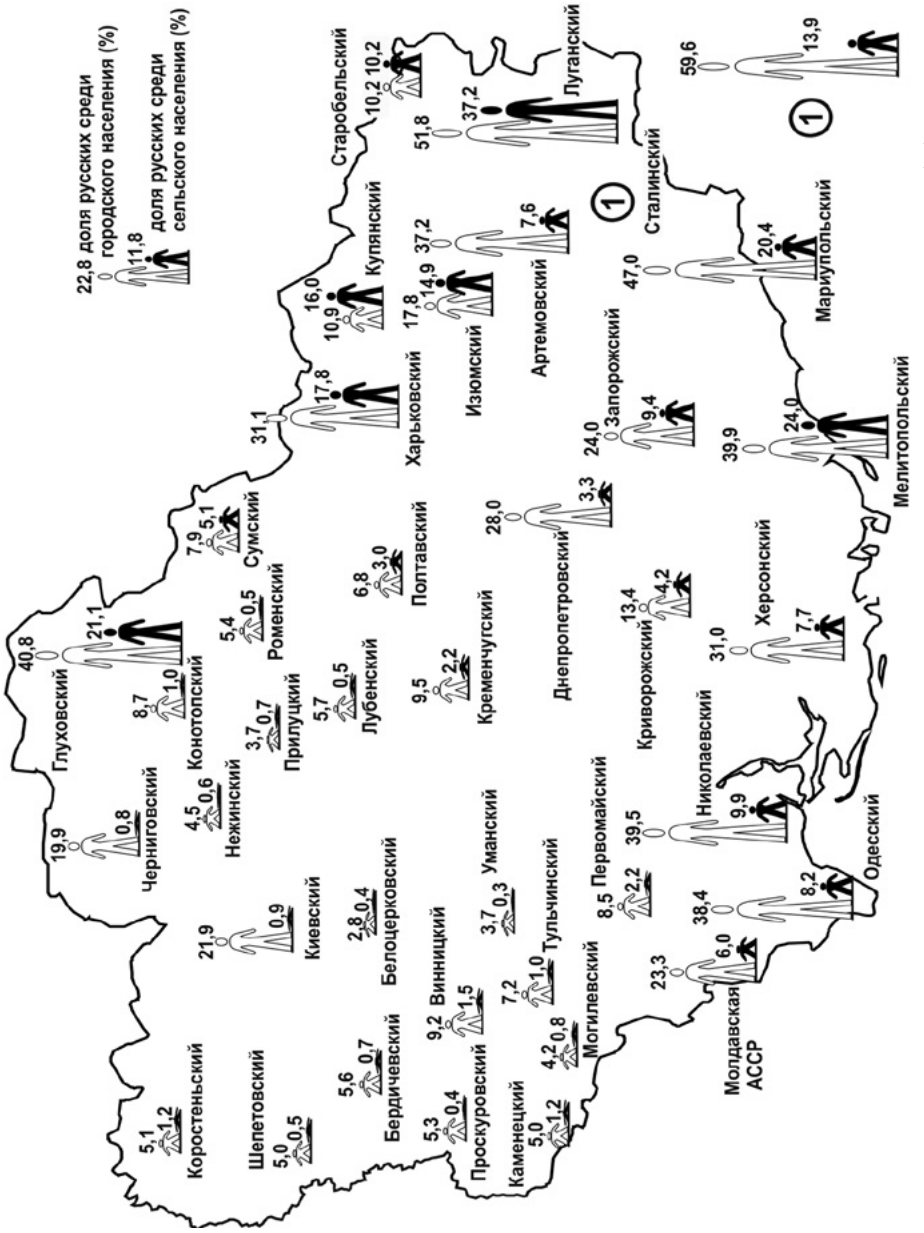

Рис. 1.9. Удельный вес городских и сельских русских по округам УССР, 1926 г. (%)

На этих территориях, в большинстве районов русские составляли 15–25 % жителей, тогда как в центральных округах УССР их доля снижалась до 3–6 %, а на западе составляла лишь 1–2 %. То есть за прошедшие после имперской переписи 30 лет удельный вес русского населения на значительной части западной и северной Украины не только не вырос, но даже сократился, причем как в городах, так и в сельской местности. Очевидно, свою роль в этом сыграли социальные потрясения предыдущего десятилетия, связанные с некоторым оттоком русского населения.

Как и в дореволюционный период, во всех частях Украины (за исключением Купянского и Старобельского округов) доля русских среди горожан в середине 1920-х гг. более или менее значительно превосходила их удельный вес среди местного сельского населения. В большинстве западных и центральных районов республики это превосходство оставалось многократным.

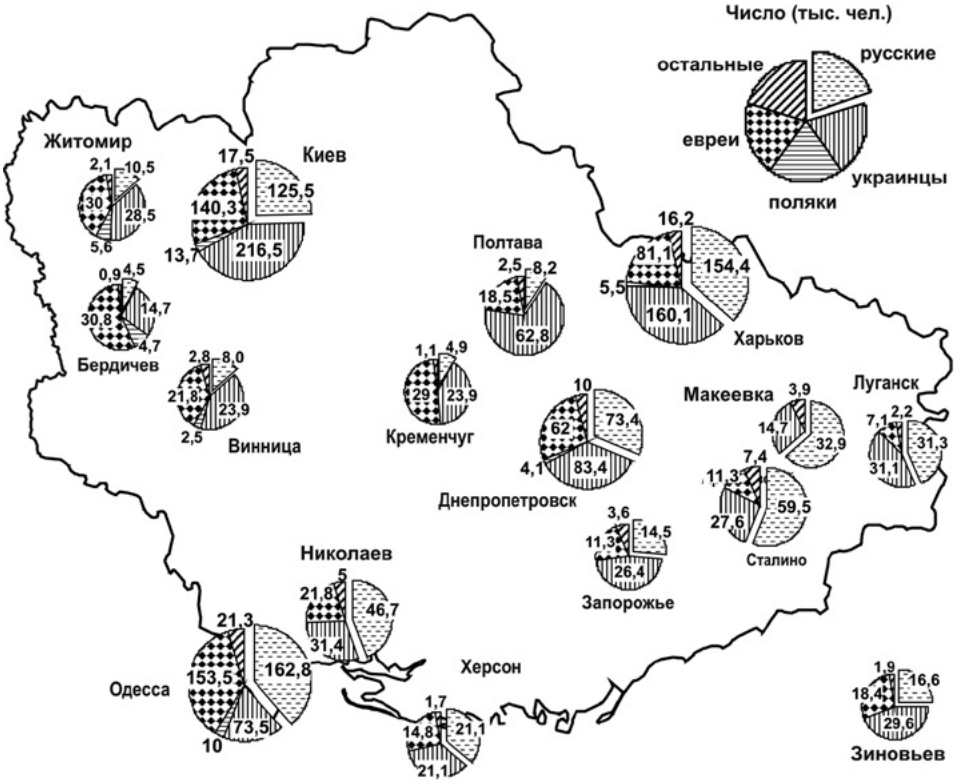

Рис. 1.10. Национальный состав населения крупных городов УССР, 1926 г. (тыс. чел.)

Однако первая четверть XX в. была связана с постепенным «разворотом» к городской системе и украинского населения (рис. 1.10). Долгое время избегавшее селиться в городских центрах, оно всё активней осваивает города республики. Приток украинцев по своим масштабам уже существенно превосходил русскую миграцию, постепенно меняя национальную структуру населения городской системы УССР. Свою роль играла и политика украинизации, реализуемая с начала 1920-х гг., вследствие которой часть смешанного и культурно обрусевшего титульного населения республики во время переписи самоопределилась украинцами.

Как результат, за период 1897–1926 гг. численность русских в большинстве крупнейших центров Украины (Киев, Харьков, Одесса, Николаев, Херсон) сократилась, притом что население городов за это время выросло в 1,5–2 раза. При этом удельные потери городских русских общин оказались куда более значительными. Если в конце XIX в. на русских приходилось 40–50 % жителей многих крупных городов Малороссии и Новороссии, то в середине 1920-х гг. уже только 25–30 %. Только в быстро растущих индустриальных центрах Донбасса – Сталино (Донецк), Макеевке, Луганске – этот показатель был значительно выше (43–56 %).

Более сложной была динамика еврейских горожан Украины. С одной стороны, число их сокращалось на западе республики, в тех городах, в которых они до революции количественно доминировали. Но снятие всех запретов на территориальное перемещение позволило им значительно нарастить свое присутствие в крупных центрах Восточной Украины (Харькове, Днепропетровске, Сталино), и соотношение трех «этнических» сегментов городской системы Украины определенным образом трансформировалось. Заметно выросла «украинская» составляющая, которая теперь плотно пересекалась с «еврейской» на западе республики и с «русской» в восточных районах УССР. Еврейский городской массив, потеряв в концентрации на западе, существенно вытянулся на восток, а русские горожане продолжали, хотя уже и не так отчетливо, численно преобладать в крупных центрах на востоке республики.

Конец 1920-х – 1930-е гг. – сложный по своим этнодемографическим трендам период развития Украины. Время масштабных советских строек и массовых трудовых десантов, направленных как в УССР, так и из нее в другие регионы страны; годы стремительной урбанизации республики и период массового голода 1932–1933 гг., охватившего значительную часть

ее областей[1]. Сопряженный характер данных процессов, их временно́е взаимоналожение до максимума усложняют расчет удельного вклада отдельных составляющих в общую этнодемографическую динамику всего населения Украины и ее отдельных национальных сообществ.

За 1926–1939 гг. количество русских в пределах Украинской ССР выросло более чем в 1,5 раза (с 2,67 млн до 4,17 млн чел.). При этом численность русских горожан увеличилась вдвое, тогда как число сельских жителей почти не изменилось. Как результат, русские на Украине превратились в преимущественно городской народ, хотя почти в половине областей республики к концу 1930-х гг. количественно русские поселяне всё еще преобладали (рис. 1.11).

Голод, унесший жизни нескольких миллионов человек разной национальности, в значительно большей степени коснулся сельского населения республики, основную массу которого составляли украинцы. И можно предположить, что опережающий количественный рост русских горожан был отчасти связан с меньшими удельными потерями русского населения Украины в начале 1930-х гг. Очевидно и то, что миграционный приток «внешних» русских в пределы Украинской ССР в первую очередь был направлен в города – основные средоточия крупной индустрии, привлекавшие дополнительные рабочие руки. Это также увеличивало показатель урбанизации русского населения.

Однако с 1930-ми гг. связана не только стремительная урбанизация русского населения Украины, но и другие значимые социодемографические трансформации, в частности масштабная «разбалансировка» гендерной структуры

[1] Демографические потери и этническая структура населения охваченной голодом Украины в 1932–1933 гг. по-прежнему в центре жесткой политизированной дискуссии. Хотя не вызывает сомнения, что счет идет на миллионы человеческих жизней (наиболее вероятной представляется цифра в 3–3,5 млн погибших). Между тем исследователи, подчеркивающие целенаправленно «этнический» (то есть, по сути, «антиукраинский» характер данного социального бедствия), говорят о 7–8 миллионах умерших голодной смертью. Что позволяет ставить вопрос о геноциде украинского народа в СССР. Показательно, что даже украинские ученые, избегающие крайних оценок, уверены в известной этнической направленности Голодомора. Так, по мнению С. Кульчинского, «отдавая должное пропаганде, вожди КПСС предоставляли национальным республикам большие конституционные права, но следили за тем, чтобы никому не пришло на ум ими воспользоваться. Угроза сепаратизма была особенно велика со стороны крупнейшей по экономическому и людскому потенциалу национальной республики. Посему масштабы превентивного террора на Украине оказались исключительно большими… Голод 1932–1933 гг., справедливо названный мором – по аналогии со средневековой чумой, наблюдался во многих регионах СССР, но только в УССР и на Кубани он стал голодомором. В украинских регионах под видом заготовок было конфисковано всё продовольствие, найденное во время обысков на крестьянском подворье. Кремль предупреждал вспышку украинского сепаратизма в ситуации социально-политического кризиса, охватившего СССР вследствие непосильных темпов индустриализации» (*Кульчинский С.* Демографические потери Украины в XX веке. URL: http://demoscope.ru/weekly/2004/0173/analit06.php).

Рис. 1.11. Форма расселения русских в областях Украинской ССР, 1939 г. (доля горожан и сельских жителей, %)[1]

русских поселян. В 1926 г. на 100 русских мужчин в сельской местности Украинской ССР приходилось 103,6 женщины, а в 1939 г. только 49,6. Причем в ряде областей гендерный дисбаланс достигал катастрофических размеров (в Черниговской он был 13-кратным, в Киевской и Полтавской областях – 9–10-кратным, в Каменец-Подольской более чем 7-кратным; в Винницкой и Житомирской областях – 5,5-кратным) (рис. 1.12). Максимальных размеров данная разбалансировка достигала на западе и в центре Украины. Но была достаточно значительной и на юге. Причем у русского населения этих же областей мужчин, как правило, было меньше, чем женщин (80–95 на 100). Причины столь значительного мужского перевеса у русских поселян, возникшего за весьма короткий период времени, требуют отдельного анализа.

Можно предположить, что данный гендерный перекос отчасти являлся результатом притока из РСФСР русских трудовых мигрантов (преимущественно мужчин) не только в города, но и в сельскую местность данных областей. Учитывая же небольшие размеры русского населения сельских территорий, такое пополнение могло существенно нарушить гендерный баланс. Однако количественная

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_39_gs.php

динамика и основные демографические показатели русских на Украине определялись не только естественным и механическим (миграционным) приростом, но и ассимиляцией, которая могла носить гендерно неравновесный характер, и процесс обрусения среди нерусского (прежде всего титульного) мужского населения республики в данный период получил большее распространение, чем среди женщин. Впрочем, данное предположение требует дополнительного изучения.

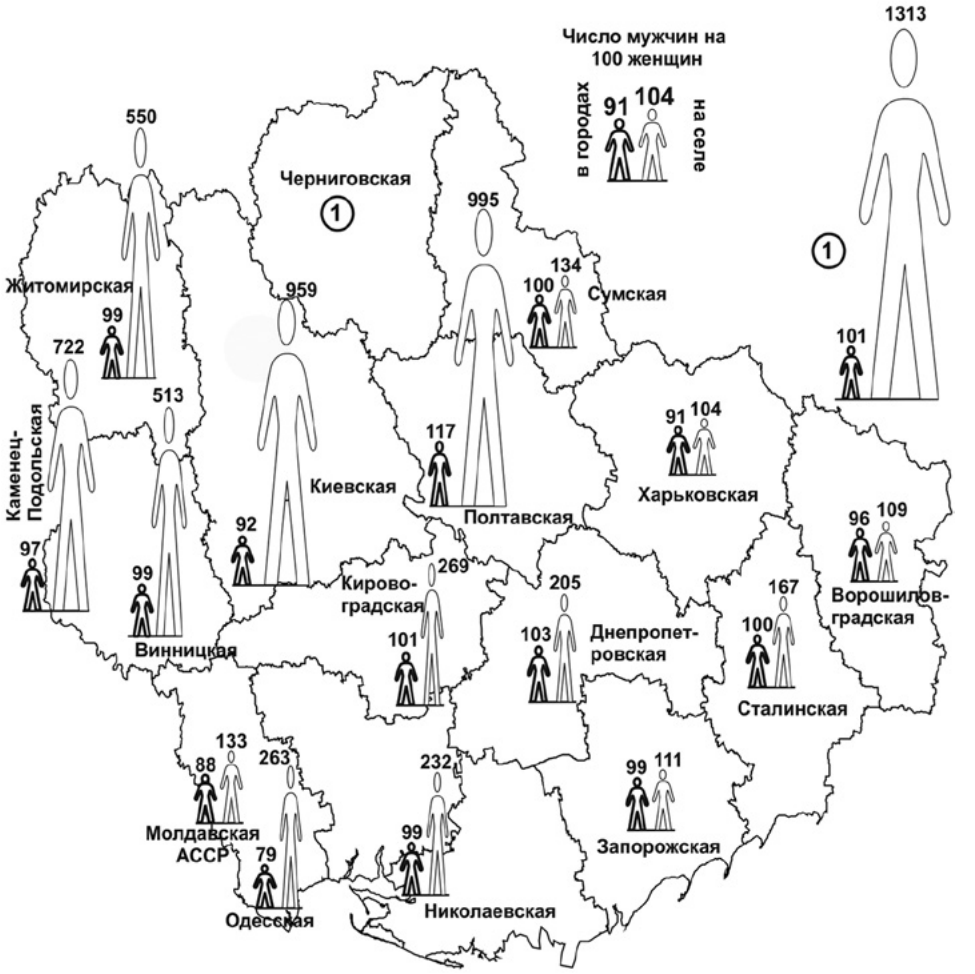

Рис. 1.12. Гендерный баланс русского населения УССР, 1939 г.[1]
(в 1939 г. Луганская область носила название Ворошиловградской, Донецкая – Сталинской)

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_39_gs.php

Рис. 1.13. Русские в УССР, 1939 г. (%)[1]

[1] Источник: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_39_gs.php

За время между переписями доля русских в населении республики выросла с 9,2 % до 13,5 %. И данный рост определялся не только миграцией, но и естественным приростом, который сохранялся в это время у русского народа на достаточно высоком уровне. Свою роль играло и обрусение, масштабы которого снова пошли в рост после того, как в конце 1920-х гг. изменился курс советской власти в области национальной политики. И комплексная поддержка национальных меньшинств, вкупе с борьбой с великодержавным русским шовинизмом, уступили место строительству наднационального (советского) народа, в котором центральные социокультурные позиции в силу количественного доминирования принадлежали русской национальности. И в городской среде Украинской ССР (как и в других союзных республиках) в 1930-е гг. вновь ускоряется ассимиляция русскоязычных этнических групп, включая титульных украинцев.

В общем виде сохраняется и география русского населения Украины. Максимальной концентрации оно достигает в пределах Донбасса (почти треть жителей региона), представляющего центральную часть русской пространственной «подковы». В пределах ее северной дуги (Харьковская и Черниговская области) русских 11–21 %. Южная дуга, заключающая территории бывшей Новороссии, более протяженная и демографически мощная: удельный вес русского населения в трех областях совокупно составлял 15–21 % (рис. 1.13).

В городах этого пространственного пояса русские составляли $^1/_3$–$^1/_4$ населения, а в трех областях (Ворошиловградской, Харьковской и Запорожской) на них приходилось и 17–21,6 % сельских жителей. Существенно меньше русских было в центральных и западных регионах Украины ((их удельный вес в населении, как и в середине 1920-х гг., составлял здесь 3,5–5 %).

На рубеже 1940-х гг. территория УССР была существенно расширена за счет включения в ее состав ряда населенных украинцами регионов Польши, поделенной Германией и СССР. Демографический потенциал республики разом увеличилось с 30,9 до 40,3 млн чел. (на 30 %). Более всего выросло титульное население (на 5,4 млн чел.). Пополнение русского массива УССР было куда более скромным. Численность русских в пределах Западной Украины составляла только 225 тысяч. С учетом этого населения и естественного прироста двух последних предвоенных лет число русских в республике накануне войны составляло чуть менее 4,5 млн чел.

1.3

ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1940–1950-е гг.)

Повышенная демографическая турбулентность первых советских пятилеток до максимума возросла в военные годы. Массовая мобилизация мужчин в советскую армию и фронтовые потери, масштабная эвакуация населения; репрессии оккупационного режима, в 1942–1943 гг. контролировавшего практически всю территорию Украинской ССР; массовый вывоз рабочей силы в Германию; сверхсмертность населения от голода и болезней – факторы депопуляции населения были множественны, и к началу 1945 г. жителей на Украине оставалось только ⅔ от довоенного уровня (26,4 млн из 40 млн чел.).

К середине 1946 г., после возвращения основной массы беженцев, переселенцев и насильно вывезенных на работу в Германию, численность населения УССР поднялась до 30,9 млн чел. Согласно экспертным оценкам, безвозвратные демографические потери республики в годы войны могли составлять порядка 8–9 млн чел. (без учета косвенных потерь, связанных с падением рождаемости).

Очевидно, что потери русского населения УССР в удельном плане не уступали общей убыли населения. Таким образом, в середине 1940-х гг. численность русских в республике могла составлять порядка 3,6 млн чел. (потеря 20 % от довоенного уровня). Но уже к 1950 г. размеры русской общины советской Украины рубежа 1930–1940-х гг. могли быть полностью восстановлены. На ее быстрый демографический рост в это время работали все три фактора количественной динамики – повышенный естественный прирост, масштабный миграционный приток и ассимиляция.

Существенно увеличила демографический потенциал русского населения республики передача в ее административный состав в 1954 г. Крымского полуострова. И первая послевоенная перепись населения зафиксировала в УССР почти 7,1 млн русских. Но даже в республиканских границах 1939 г. количество русских увеличилось с 4,17 до 5,69 млн чел. (на 36,5 %)[1]. И если предположить, что послевоенный восстановительный рост русского населения Украинской ССР был более или менее равномерным во времени, уже к 1950–1951 г. его численность в пределах республики должна была составлять около 4,5 млн чел. (уровень 1941 г.).

[1] Притом что рост всего населения республики без учета Крыма составил за этот период только 10,3 %.

Как и раньше, основные средоточия русских складывались в пространственную «дугу», захватывающую все восточные и южные области республики. Показательно и то, что именно данные территории в послевоенный период привлекли основную массу русских мигрантов, перебравшихся на Украину. Максимально выросло в 1940–1950-е гг. русское присутствие в Донбассе (две восточные области УССР) – с 1,57 млн в 1939 г. до 2,55 млн чел. в 1959 г. Мощный послевоенный рост местной индустрии притягивал в этот регион трудовых мигрантов как из областей Украины, так и сопредельных территорий РСФСР. К рубежу 1950–1960-х гг. доля русских здесь приблизилась к 40 %. Но и на юге республики удельный вес русского населения составлял по отдельным областям 15–25 % жителей, а в Крыму превышал 70 %.

В пределах русского пояса наибольшей интенсивности в послевоенный период, очевидно, достигал и процесс обрусения, в т.ч. и титульного населения. Победа над грозным врагом сама по себе являлась сильным консолидирующим фактором. Опасность, нависшая над всеми восточнославянскими народами в годы войны, заставила часть населения максимально остро почувствовать степень внутренней социоэтнокультурной близости, что и нашло отражение в «русском» самоопределении некоторых украинцев, в 1950-е гг. внутренне идентифицировавших себя с главным народом-победителем фашизма. Тем более что вековое совместное проживание русских и украинцев в пределах таких исторических областей, как Новороссия и Слободская Россия, существенным образом сблизило два народа. Не говоря уже о значительной массе смешанного биэтнического населения, сосредоточенного на этих территориях.

По сравнению с довоенным периодом заметно выросла численность русских и в республиканской столице (со 139 тыс. до 254 тыс. чел.). Это, впрочем, не совпадало с этнодемографической динамикой многих областей исторической Малороссии. Численность русских в некоторых из них увеличилась совсем незначительно, а в других (в том числе в Черниговской, Полтавской, Винницкой) за 1939–1959 гг. более или менее заметно сократилась. Естественный прирост русских общин в данных регионах так и не смог восполнить масштабные демографические потери военного времени. А приток русских трудовых мигрантов был направлен в другие области Украины. Минимальным оставался и процесс обрусения, почти не распространявшийся на местное титульное население, хорошо осознававшее свою этнокультурную специфику, в отличие от украинцев южных и восточных областей УССР.

Еще меньше русских было в западном макрорегионе республики. Появление в составе Украины семи западных областей на ее «русской географии» в первые послевоенные десятилетия сказалось незначительно, хотя в каждой из этих областей в конце 1950-х гг. проживало уже по несколько десятков тысяч русских жителей. А во Львовской области русская община к этому времени превысила 180 тыс. чел.

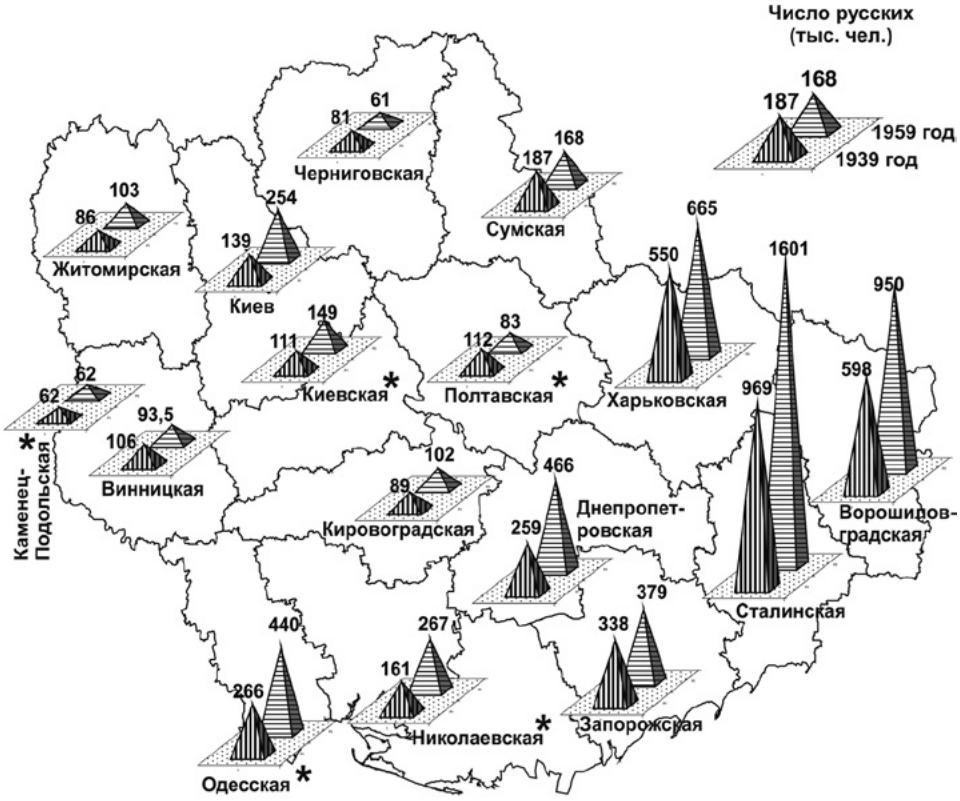

Рис. 1.14. Русские на Украине в 1939–1959 гг.
в территориальных пределах УССР на начало 1939 г. (тыс. чел.)[1];
(* – регионы, территориальные контуры которых
существенно изменились)

Всего в пределах западного макрорегиона УССР насчитывалось чуть более 410 тыс. русских (менее 5 % его жителей). В своей массе это были горожане, причем «столичные» – сосредоточенные в областных цен-

[1] Источник: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

трах, но даже в них они, как правило, составляли не более 10 % жителей. Впрочем, столь же незначительным (3–4 % местного населения) оставалось этническое присутствие русских в центральных и северных областях республики (Черниговской, Полтавской, Черкасской, Киевской).

Иными словами, в пределах Украины по-прежнему достаточно четко выделялось два пространственных этнокультурных ареала. Территории, представлявшие историческое ядро системы расселения украинцев (запад, центр и север УССР), сохраняли преимущественно однородный этнический состав. Более того, после уничтожения в годы войны значительной части еврейского населения и массовой этнической зачистки украинскими националистами поляков (Волынская трагедия) уровень титулизации местного населения приблизился к максимальной отметке.

С другой стороны, сохраняли свои этнодемографические и расселенческие характеристики области бывшей Новороссии (обширный юго-восточный пояс), включенные советской властью в состав Украинской ССР в 1920-е гг. Для данных территорий были по-прежнему характерны преимущественно русскоязычные города с высокой долей (20–45 %) непосредственно русского населения и украинская сельская местность, в которой доля «титульных» жителей достигала 60–85 %. Последовавшее в 1954 г. присоединение к Украинской ССР Крыма еще более увеличило русский этнический массив юго-востока республики (рис. 1.15).

Существенным образом отразилась война и на этнодемографической структуре городской системы республики. На Украине не осталось крупных и средних городов с количественным преобладанием еврейского населения, долевой показатель которого практически во всех центрах УССР сократился в 1940-е гг. в разы[1]. Позицию доминирующего этнического большинства в городах бывшего еврейского урбанистического ареала заняли украинцы. Они же весьма существенно в удельном отношении потеснили и русских горожан уже непосредственно в пределах городской системы юго-востока[2]. Как результат, постепенная украинизация республиканской городской среды, заметная уже в 1920-е гг., спустя три десятилетия стала абсолютно доминирующим этнодемографическим трендом.

[1] Впрочем, достаточно многочисленное еврейское население в городах Украины в это время еще сохранялось. Прежде всего оно было сосредоточено в крупнейших городах центра и юго-востока республики (в Киеве, Одессе, Харькове, Днепропетровске).

[2] Достаточно сказать, что к 1959 г. в пределах «континентальной» УССР остались только два крупных городских центра – Донецк и Макеевка, в которых русское население всё еще количественно превосходило число украинцев.

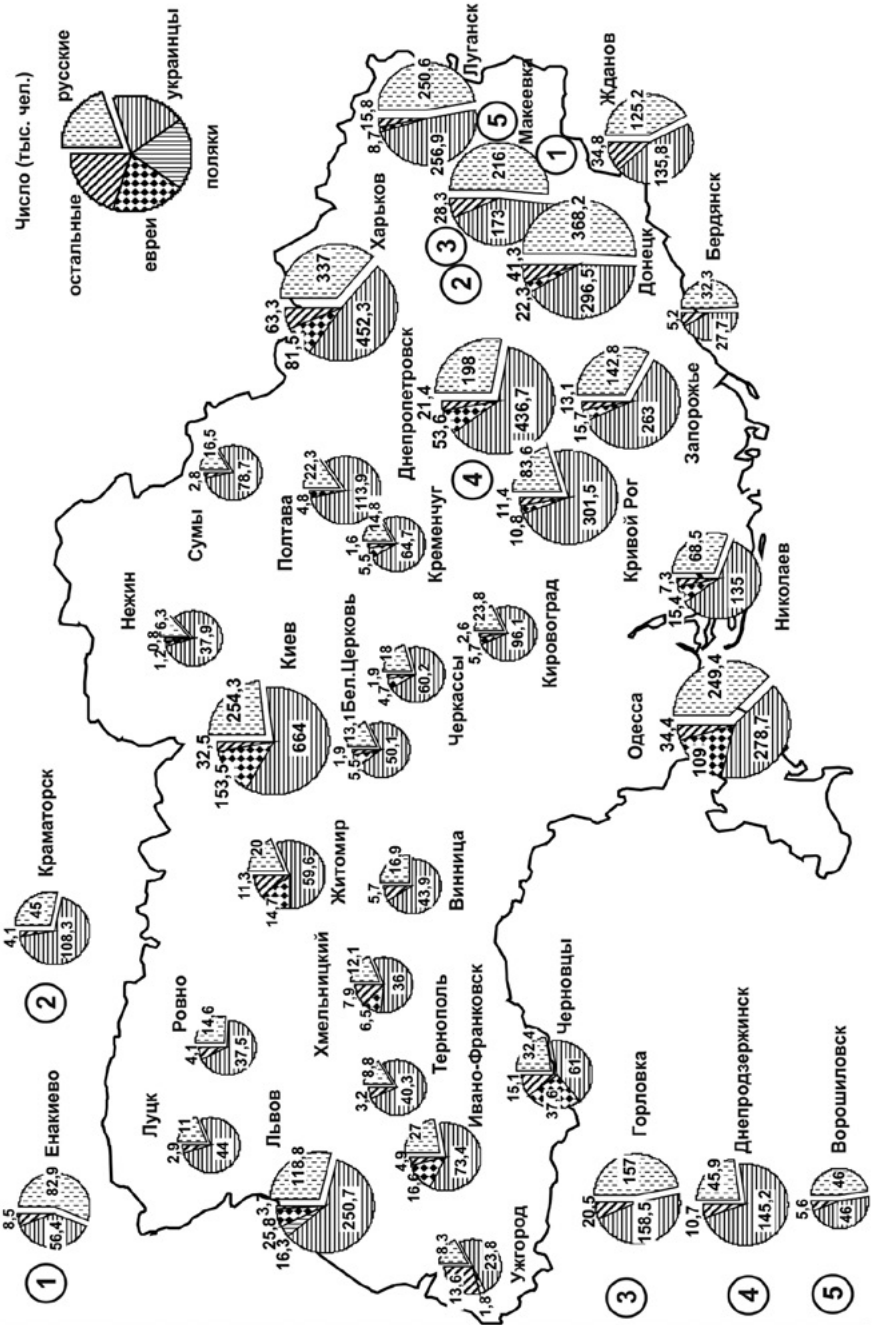

Рис. 1.15. Национальный состав населения городов УССР без учета Крыма, входившего в данный период в состав республики, 1959 г. (тыс. чел.)

1.4

ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1960–1980-е гг.)

Общая численность русских в республике продолжала устойчиво расти и в последующие десятилетия, до самого конца советского периода. Темпы этой восходящей демографической динамики постепенно сокращались, но всегда превосходили уровень естественного прироста. Иными словами, русское население Украины продолжало пополняться новыми переселенцами, но росло и за счет процесса обрусения некоторых республиканских диаспор, а в некоторой степени и самого титульного большинства.

В 1960-е гг. число русских в УССР выросло на 28,7 %, притом что их естественный прирост составил порядка 11–12 %. Таким образом, основной вклад в расширение русского этнического присутствия на Украине принадлежало миграции, дополненной ассимиляцией. Демографический рост русских в пределах республики был практически повсеместным, но при этом весьма неравномерным. Если во многих южных и центральных областях он достигал 40–50 %, на востоке республики составлял 20–30 %, то в Западной Украине чуть превысил 11 % (причем в пяти областях макрорегиона оказался меньше 10 %)[1].

Более впечатляюще выглядела разница этого русского демографического «довеска» в абсолютных размерах. Если в восточных областях Украины она измерялась в сотнях тысяч, то в западных составляла только не-

Таблица 1.2

Прирост русского населения в 1959–1970 гг.

Прирост, тыс. чел.	Области
385–410	Донецкая, Крым*
195–235	Луганская, Днепропетровская, Киевская*
125–165	Запорожская, Одесская, Харьковская
29–60	Николаевская, Полтавская, Херсонская
12–21	Житомирская, Кировоградская, Львовская, Черкасская, Черниговская
2–10	Винницкая, Волынская, Ивано-Франковская, Закарпатская, Ровенская, Сумская, Черновицкая, Хмельницкая

Примечание:
* – Киевская область дана вместе с Киевом, Крым – с Севастополем.

[1] Иными словами, уступал естественному приросту, что свидетельствовало о начавшемся миграционном оттоке русских, удельные масштабы которого были максимальными в Тернопольской области, численность русских в которой в 1960-х гг. вообще сократилась.

сколько тысяч человек. Как результат, численность русских на Западной Украине в 1960-е гг. выросла всего на 60 тыс. чел., в несколько раз меньше, чем в Крыму или в Донецкой области.

Итак, основной демографический рост русского населения в 1960-х гг. приходился на юго-восток и центр республики – регионы Украины, в которых оно уже было представлено широко. Именно эти территории притягивали новых мигрантов, здесь процесс ассимиляции протекал более интенсивно. А значит, в целом воспроизводила и наглядно демонстрировала себя уже сложившаяся «подковообразная» география русского расселения.

Эта русско-украинская этнокультурная зональность Украины сохранилась и в последние десятилетия Советского Союза. В 1970-е гг. численность русских в УССР выросла с 9,1 до 10,5 млн чел. (на 14,7 %). Учитывая, что естественный прирост русского населения всего СССР в этом десятилетии составил меньше 5 %, около ⅔ количественного роста русской общины республики было обеспечено миграцией и обрусением (рис. 1.16).

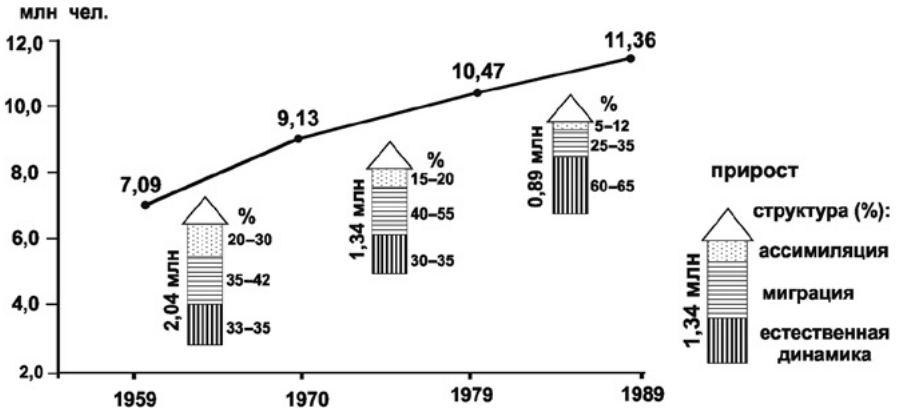

Рис. 1.16. Количественный рост русского населения Украины и его структура, 1959–1989 гг. (млн чел., %)[1]

Размеры миграционного пополнения регионов республики русскими переселенцами существенно различались. Но сальдо миграции почти всегда оставалось положительным для Украины. Только в трех областях в этом десятилетии был зафиксирован отток русских – в Сумской, Львовской и Тернопольской областях. В двух последних миграция оказалась столь значительной, что превысила естественный прирост, и число русских сократилось даже в абсолютных размерах[2].

[1] Расчеты автора.

[2] Отрицательное сальдо миграции русских для Львовской области в 1970-е гг. могло составить порядка 15–16 тыс. чел.

Впрочем, в масштабах всей Украинской ССР данный депопуляционный ареал был почти не заметен. Тем более что приток (пусть и достаточно ограниченный) русских возобновился во многие другие области Западной Украины, а доля русского населения выросла в 24 из 26 регионов республики. Иными словами, численность русских не только по-прежнему устойчиво возрастала, но и превосходила темпы роста большинства других народов УССР, в том числе самих украинцев.

Но если в 1960-е гг. в 7 областях республики численность русских выросла на 40–50 %, еще в шести на 20–36 %, то в 1970-е гг. только в Полтавской области русская община прибавила больше чем 30 %, на 20–27 % стало больше русских еще в четырех регионах УССР (рис. 1.17).

Сокращались все три компоненты демографического роста. Сократился естественный прирост, упали темпы миграционного притока[1]. Снизились темпы обрусения, при этом масштабы межнациональной брачности в республике заметно выросли. Но если в семьях русских с представителями национальных меньшинств значительная часть смешанного потомства самоопределялась как русские, то в русско-украинских семьях соотношение было близким к паритету. Хотя ситуация продолжала заметно различаться по регионам. Если в пределах Крыма или в восточных областях Украины русская самоидентичность у смешанного русско-титульного населения всё еще была приоритетной, то в большинстве других регионов, включая и некоторые области русского «пояса», например Днепропетровскую, предпочтение уже отдавалось украинской самоидентификации. В целом по республике ассимиляционный процесс всё еще продолжал работать на пополнение русского населения, но масштабы этого пополнения постепенно сокращались.

Показательно, что помимо упоминавшихся Львовской и Тернопольской областей, удельный вес русских сократился только в республиканской столице, при этом Киев являлся одним из лидеров в республике по темпам роста своего русского населения (26 % за 1970–1979 гг.). Но еще быстрей росла численность титульного большинства, притягиваемого к столице из всех уголков Украины. А параллельно, в Киеве, концентрируется многочисленная украинская интеллигенция, социальная прослойка с отчетливо выраженным национальным самосознанием, присутствие и деятельность которой существенно сокращает масштабы обрусения столичных украинцев.

[1] Если в 1960-е гг. положительное миграционное сальдо для Украины составило 517 тыс. чел., то в 1970-е гг. – только 350 тыс. чел.

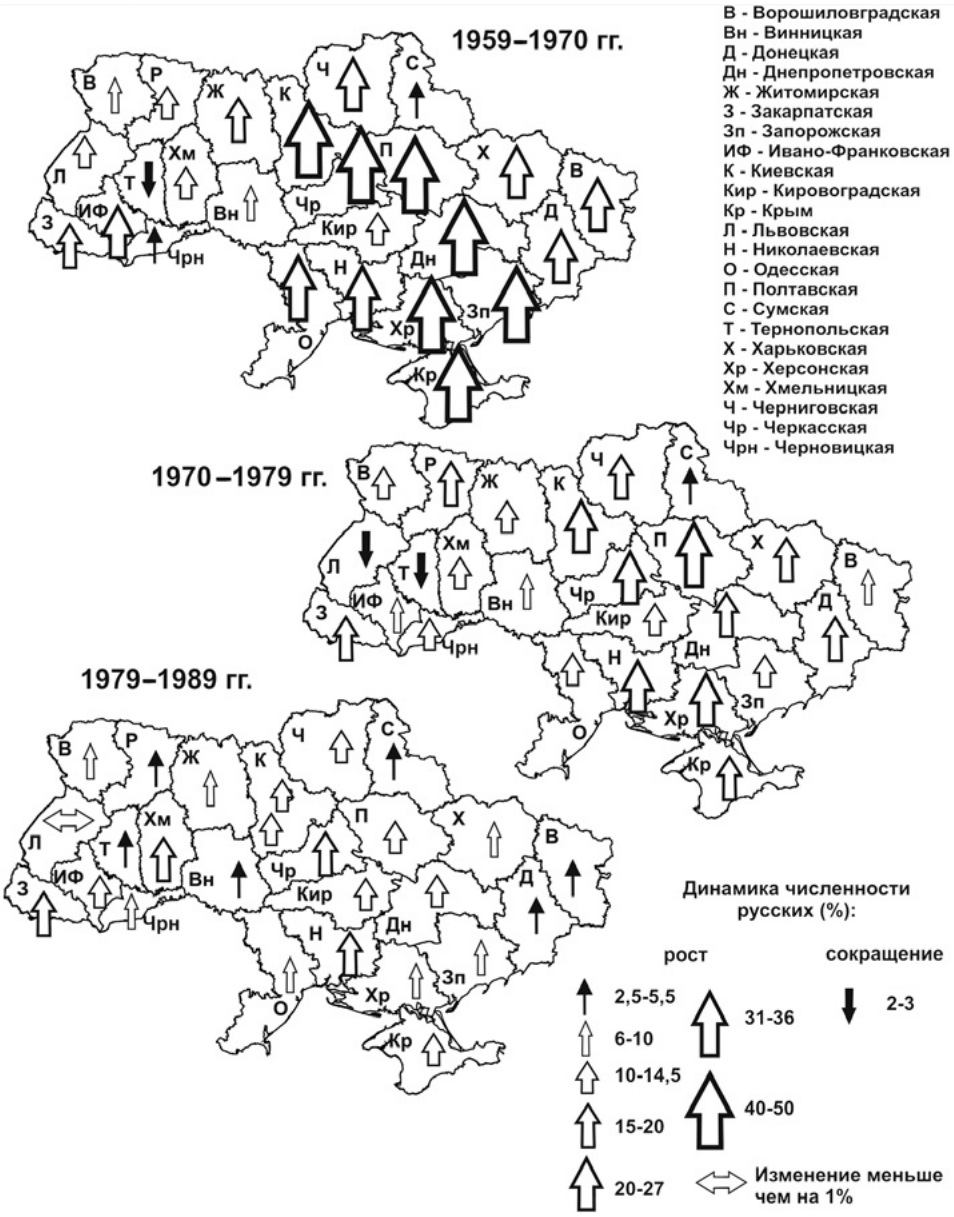

Рис. 1.17. Динамика числа русских по областям Украины, 1959–1989 гг. (%)[1]

Геодемографическая динамика русских Украины в 1980-е гг. представляет инерцию двух предыдущих десятилетий – сохранение сложившихся трендов, но в меньших масштабах. Русское население по-прежнему растёт, но этот рост снижается до 8,5 %. А это значит, что впервые за послевоенный период

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

именно естественная динамика выходит на первую позицию среди факторов расширения русского этнического присутствия на Украине.

Демографический рост русского населения оставался повсеместным, обнаруживаясь не только на юго-востоке или в центре республики, но даже в западных ее областях. В отличие от двух предыдущих десятилетий, в УССР не осталось регионов, в которых бы число русских сократилось, хотя во Львовской области их прирост был чисто номинальным – 0,4 %, а еще в трех оказался меньше 4 %. На 4,1–4,7 % увеличилось русское население двух областей Донбасса, что также несколько уступало естественному приросту, свидетельствуя о начавшемся миграционном оттоке русских. Однако удельные показатели продолжили двигаться вверх – доля русских в населении всё еще росла по всей Украине, за исключением Львовской области и Киева. Возрастало и общее число русских на Украине, достигшее к концу 1980-х гг. своего исторического максимума – 11,4 млн чел. (22 % жителей республики).

Из других этнодемографических тенденций этого времени назовем нарастающую урбанизацию местного русского населения. Речь шла о росте числа русских горожан на фоне количественной стабилизации русского сельского населения республики. Учитывая устойчивый демографический рост сельской Украины, происходила дальнейшая этническая украинизация сельской местности. В то же время во многих городах русское этническое присутствие продолжало расти за счет как естественного прироста, так и обрусения части городских украинцев.

Повторимся, процесс обрусения был напрямую связан с наличием в республике (прежде всего в пределах ее городской системы) достаточно обширной биэтнической группы населения, размеры которой росли на всем протяжении советского периода. К его концу смешанное русско-украинское население Украины составляло уже порядка 8–9 млн чел. Соответственно, фиксируемая переписями количественная динамика русского демографического множества в республике в значительной степени определялась национальной самоидентификацией представителей данной биэтнической группы. На середину 1980-х гг. в целом по Украине в этническом самоопределении русско-украинских биэтнофоров существовало определенное равновесие. Государствообразующий статус русских в Советском Союзе в пределах Украинской ССР уравновешивался титульным положением украинцев. И смешанное русско-украинское население в УССР могло распределяться между двумя этими национальностями примерно в равных долях.

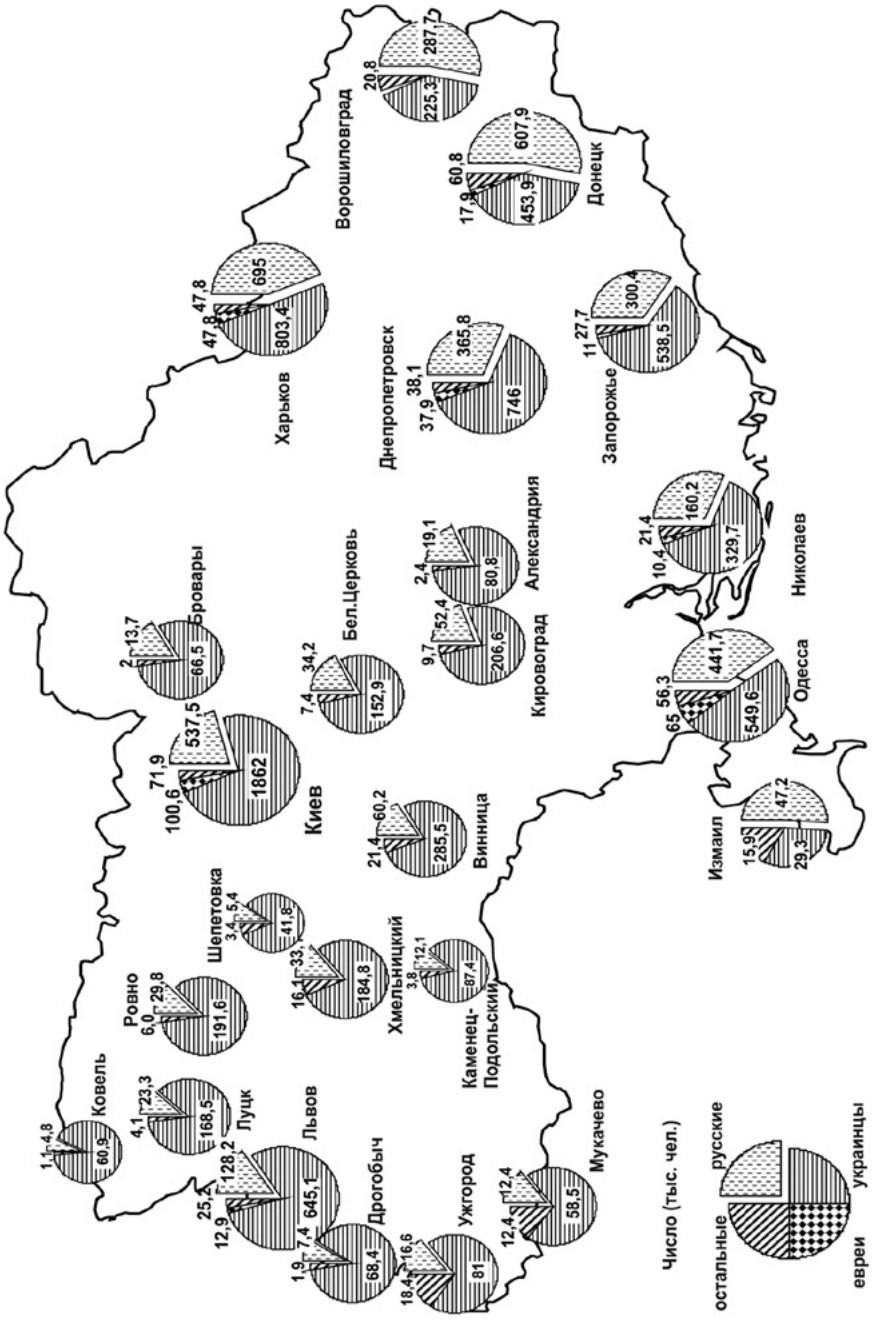

Рис. 1.18. Национальный состав населения городов УССР без учета Крыма, входившего в данный период в состав республики, 1989 г. (тыс. чел.)

Впрочем, устойчивый рост числа русских горожан не мешал постепенной титулизации большей части городской системы республики, особенно ощутимой на западе и в центре УССР. В южном и восточном макрорегионах страны удельный вес русских общин в населении городских центров оставался высоким, составляя 30–35 %. Во многих крупных городах он в 1960–1980-е гг. даже вырос на несколько пунктов. Но только в крупнейших центрах Донбасса (Донецк, Ворошиловград) русские в конце советского периода составляли более половины горожан. Крупнейшим средоточием по абсолютным размерамрусского населения на Украине со второй половины 1960-х гг. являлся Харьков. На рубеже 1980–1990-х гг. его русская община насчитывала около 700 тыс. чел. (рис. 1.18), являясь крупнейшей за пределами РСФСР, наряду с общиной Ташкента. В первую десятку «русских» центров союзных республик СССР также входили Донецк, Киев, Одесса, Днепропетровск, формируя половину численного состава.

Таблица 1.3. Доля русского населения по регионам Украины, 1959–1989 гг. (%)[1]

Регионы (области), центр	1959	1970	1979	1989	Динамика за 1959–1989 гг.
Крым	71,4	67,3	68,4	67,1	–4,3
Луганская	38,8	41,8	43,8	44,8	6,0
Донецкая	37,6	40,6	43,2	43,6	6,0
Харьковская	26,4	29,3	31,8	33,3	6,9
Запорожская	25,9	30,1	31,1	32,0	6,1
Одесская	21,7	24,2	26,0	27,2	5,5
Днепропетровская	17,2	20,8	22,9	24,2	7,0
Николаевская	13,7	16,1	18,0	19,4	5,7
Херсонская	15,6	18,1	19,6	20,1	4,5
Киев	23	22,9	22,3	20,9	–2,1
Сумская	11,1	11,7	12,4	13,6	2,5
Кировоградская	8,4	9,2	10,4	11,8	3,4
Полтавская	5,1	7,2	9,0	10,4	5,3
Киевская	4,8	6,1	7,6	8,7	3,9
Черкасская	4,4	5,7	6,8	8,0	3,6
Житомирская	5,4	6,2	7,0	7,9	2,5
Львовская	8,6	8,2	7,6	7,1	–1,5
Черниговская	3,9	4,7	5,8	6,8	2,9
Черновицкая	6,6	6,3	6,6	6,7	0,1
Винницкая	4,4	4,8	5,4	5,9	1,5
Хмельницкая	3,8	4,3	4,9	5,8	2,0
Ровенская	4,2	4,3	4,6	4,5	0,3
Закарпатская	3,2	3,3	3,6	4,0	0,8
Волынская	4,2	4,1	4,3	4,7	0,5
Ивано-Франковская	3,5	3,7	3,8	4,0	0,5
Тернопольская	2,5	2,3	2,2	2,3	–0,2
Вся Украина	***16,9***	***19,4***	***21,1***	***22,1***	***5,2***

[1] Источник: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

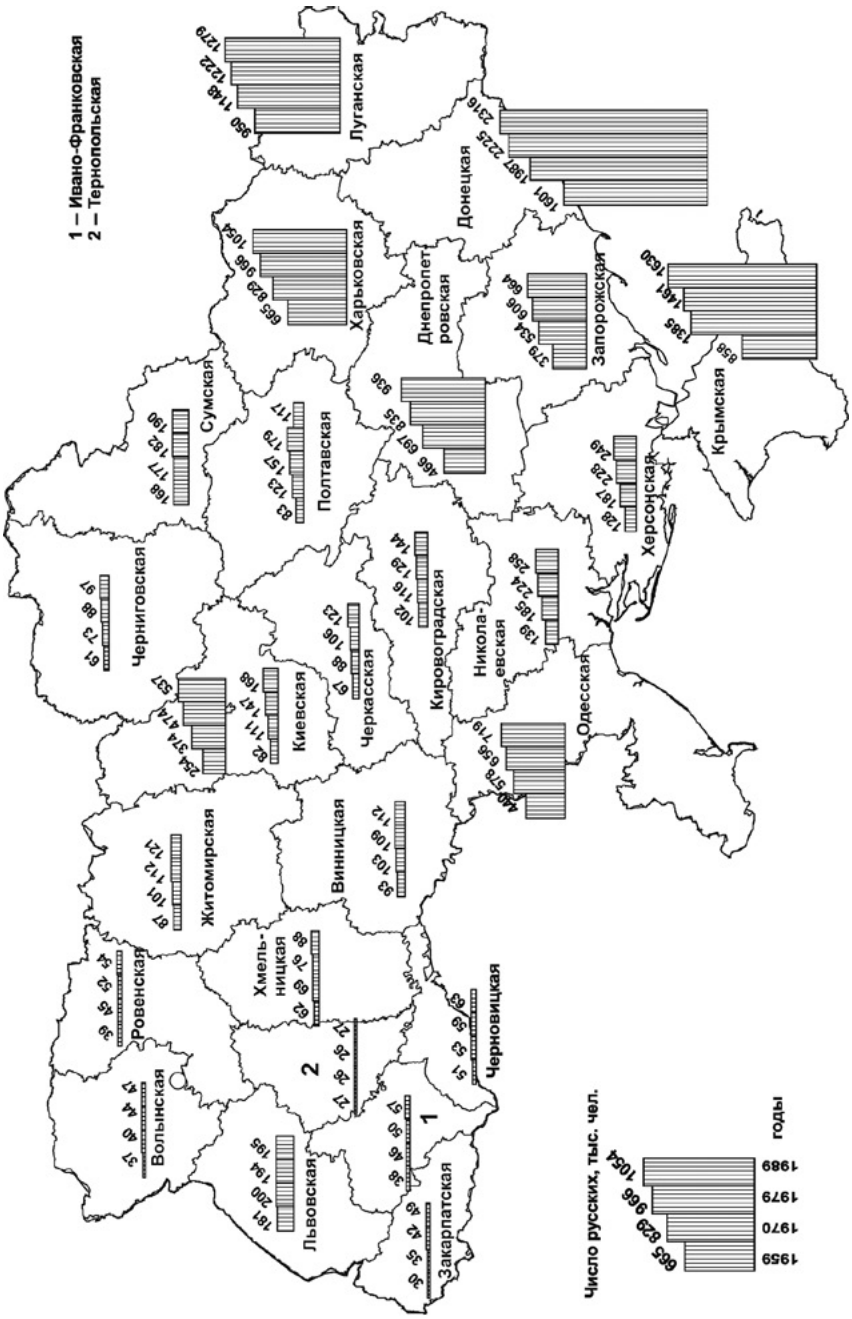

Рис. 1.19. Динамика русских по областям Украины, 1959–1989 (тыс. чел.)[1]

[1] Источник: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

***

Итак, в процессе трехвекового развития и взаимодействия в пределах одного государства оба народа создали множество разноформатных ареалов совместного расселения, крупнейший из которых пролегал широкой полосой между двумя исторически сложившимися этническими системами от русско-украинско-белорусского порубежья на юго-восток, в сторону Нижнего Подонья. С конца XVIII в. данный этнокультурный лимитроф постепенно пополняется территориями Северного Причерноморья и Приазовья (Новороссия). Значительная часть этого региона после революции вошла в состав советской Украины, сформировав устойчивый русскоязычный юго-восточный пояс республики.

К концу советского периода русские в УССР представляли демографически мощное множество, максимально плотно укоренное в городской системе, которая к данному времени в этническом разрезе приобрела черты отчетливой русско-украинской биэтничности (впрочем, при становящейся всё более заметной доминанте титульной составляющей). В сельской местности русское население было немногочисленным, и сколько-нибудь значительные его группы концентрировались в пределах всё того же юго-восточного пояса. По сути, только в Крыму и в Ворошиловградской (Луганской) области для русских была характерна развитая система сельского расселения.

1.5

РУССКИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ: ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

1990-е годы

Как мы видели, еще на рубеже 1980–1990-х гг. ничто не указывало на возможность этнодемографического отступления русских из Украины. Однако распад СССР и прибретение бывшей союзной республикой государственного суверенитета становится отправной точкой нового тренда, связанного с постепенно набирающей обороты украинизацией местного русского населения. Очевидно, что в новых социально-политических

условиях данная тенденция должна была проявиться в любом случае. Однако она была заметно усилена культурно-языковой политикой новых властей Украины, вне зависимости от смены политических команд жестко ориентированных на поступательную этнокультурную унификацию («титулизацию») страны.

Придерживаясь данного курса, украинская власть исходила из нескольких основных предпосылок:

– системной близости двух народов, существенно облегчающей этнические взаимопереходы;
– активной межнациональной русско-украинской брачности и, соответственно, наличия обширной биэтнической группы населения, которую последовательной реализацией украиноцентричной программы действий в основных сферах жизни можно было подталкивать к выбору «правильной» национальной идентичности;
– существенной и постоянно возраставшей доли смешанного населения в составе местного русского массива, который в течение ближайших двух (максимум трех) поколений должен был практически повсеместно в пределах Украины (за исключением Крыма) утратить свое этнически «чистое» ядро.

Таким образом, целенаправленно ускоряя процесс ассимиляции русского населения страны, украинское руководство брало за образец успешный исторический опыт обрусения крупных региональных массивов украинцев в РСФСР (Центральное Черноземье, степное Предкавказье, Дальний Восток) и Казахстане, представлявший затяжной процесс, начавшийся еще в имперский период, но прошедший через критическую стадию в 1930-е гг. (когда украинское население массово самоопределилось в качестве русского) и завершенный уже в 1950–1960-е гг.[1] Повторить данную этнокультурную метаморфозу, но уже в обратном направлении, представлялось украинской власти не просто заманчивой, но стратегически важной задачей, центральной в плане формирования консолидированной украинской гражданской нации.

Но, несмотря на наличие множества схожих черт, этнополитическая, социально-экономическая и социокультурная ситуация в постсоветской Украине имела существенные отличия от той, в которой в первой половине XX в. была осуществлена русификация украинцев РСФСР и Казахстана. Однако об этих обстоятельствах, осложняющих работу украинских властей, речь пойдет позже. Тем более что программа этнической украинизации,

[1] Как известно, именно обрусевшие потомки украинского населения Кубани в постсоветский период превратились в один из наиболее патриотически настроенных и активных региональных сообществ русского народа.

если судить по результатам первой (и пока единственной) в истории постсоветской Украины переписи населения 2001 г., в целом оказалась успешной. Перепись зафиксировала стремительное демографическое сжатие русского населения, численность которого за 1989–2001 гг. сократилась более чем на 3 млн чел. – с 11,4 млн до 8,3 млн (с 22,1 % до 17,3 % упала и его доля в населении страны).

Масштабы этого сжатия заметно превосходили естественную убыль или возможный отток русских за пределы Украины (преимущественно в Россию). По данным российского Госкомстата, эмиграция русских с территории Украины за период 1993–2001 г. составила только 393 тыс. чел. (рис. 1.20).

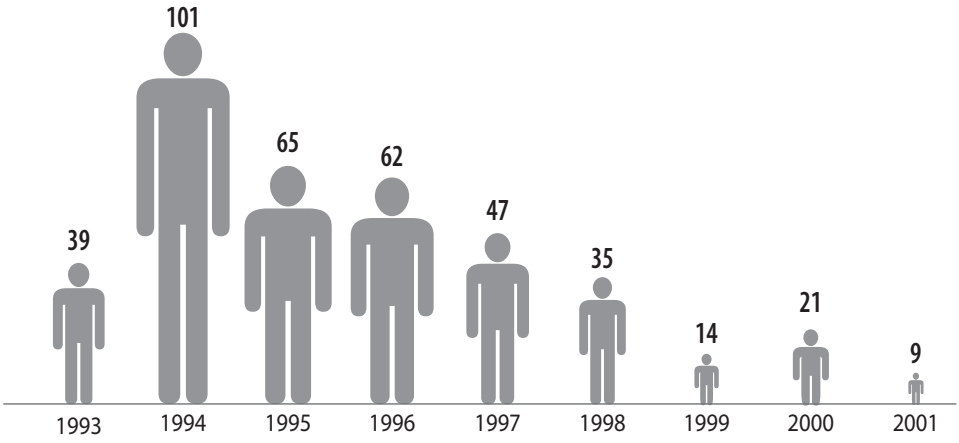

Рис. 1.20. Отток русских с Украины, 1993–2001 гг. (тыс. чел.)[1]

Безусловно, реальные размеры оттока могли быть заметно больше. Но в любом случае речь шла о нескольких сотнях тысяч человек. А показатели естественного воспроизводства позволяют определить естественную убыль русского массива Украины за межпереписной период в 400–500 тыс. чел. Итак, его совокупные потери находились в пределах 1 млн чел. Остальные два миллиона зафиксированной демографической убыли следует отнести на счет идентификационного перехода из русских в украинцы.

[1] Речь идет о миграционном сальдо – «чистом» оттоке русских из Украины, количественном перевесе выехавших над приехавшими в страну в данном году. Заметим, что еще в 1992 г. количество въехавших на Украину русских превышало число выехавших на 12 тыс. чел. Очевидно, по инерции продолжали работать сложившиеся миграционные тренды – население бывшего СССР еще до конца не поверило (не почувствовало), что единая страна действительно распалась.

Это могла быть чисто социальная мимикрия, полезная в новых этнополитических реалиях смена персональной этнической «вывески». Но нередко происходила и действительная идентификационная трансформация. Причем процесс украинизации охватил не только биэтнических «русско-украинцев» или некоторых русских. К титульной нации во время переписи причислили себя и биэтнофоры других диаспор и этнических групп. Демографическая динамика практически всех национальных сообществ Украины в 1990-е гг. была отчетливо нисходящей, в том числе вследствие ассимиляции части общин титульным этническим большинством.

Но в максимальной степени ассимиляционную убыль несли самые близкие к украинцам народы, то есть русские и белорусы. Причем потери белорусской диаспоры, очевидно, были более значительными. Их численность в 1989–2001 гг. на Украине сократилась на 37,3 % (против 26,4 % у русских). Едва ли эта разница была связана с повышенной миграцией белорусов на историческую родину; а по коэффициенту естественного воспроизводства оба восточнославянских народа имели сближенные показатели. Очевидно, что белорусы (прежде всего, смешанное белорусско-украинское население) менее русских держались своей этнической принадлежности, при необходимости выбирая «целесообразную» в условиях постсоветской Украины идентичность.

География этнодемографической динамики отдельных регионов Украины фиксирует в 1990-е гг. абсолютно повсеместную убыль русского населения. Причем количественно максимальные потери понесли регионы юго-востока. «Русские» потери Донецкой области достигли почти полумиллиона человек, Харьковской и Днепропетровской – превысили 300 тыс. чел., Луганской – приближались к этой отметке. По 200 тыс. русских потеряли Одесская область и Киев. Даже русское население Крыма сократилось почти на 180 тыс. чел. (рис. 1.21).

На западе страны, где русских было на порядок меньше, существенно меньше оказалась и демографическая убыль. Однако в удельном разрезе она была еще более весомой, чем на юге и востоке страны. Две западные области (Львовская и Ивано-Франковская) утратили более половины своего русского населения, другие области – 40–45 % (против 20–30 % в регионах юго-востока).

Итак, повторимся, государственный курс на поступательную титулизацию местных русских оказался вполне успешным. Причем главную роль в данном процессе в 1990-е гг. играла не украинизация «чистых» русских, а идентификационная трансформация представителей биэтнического множества.

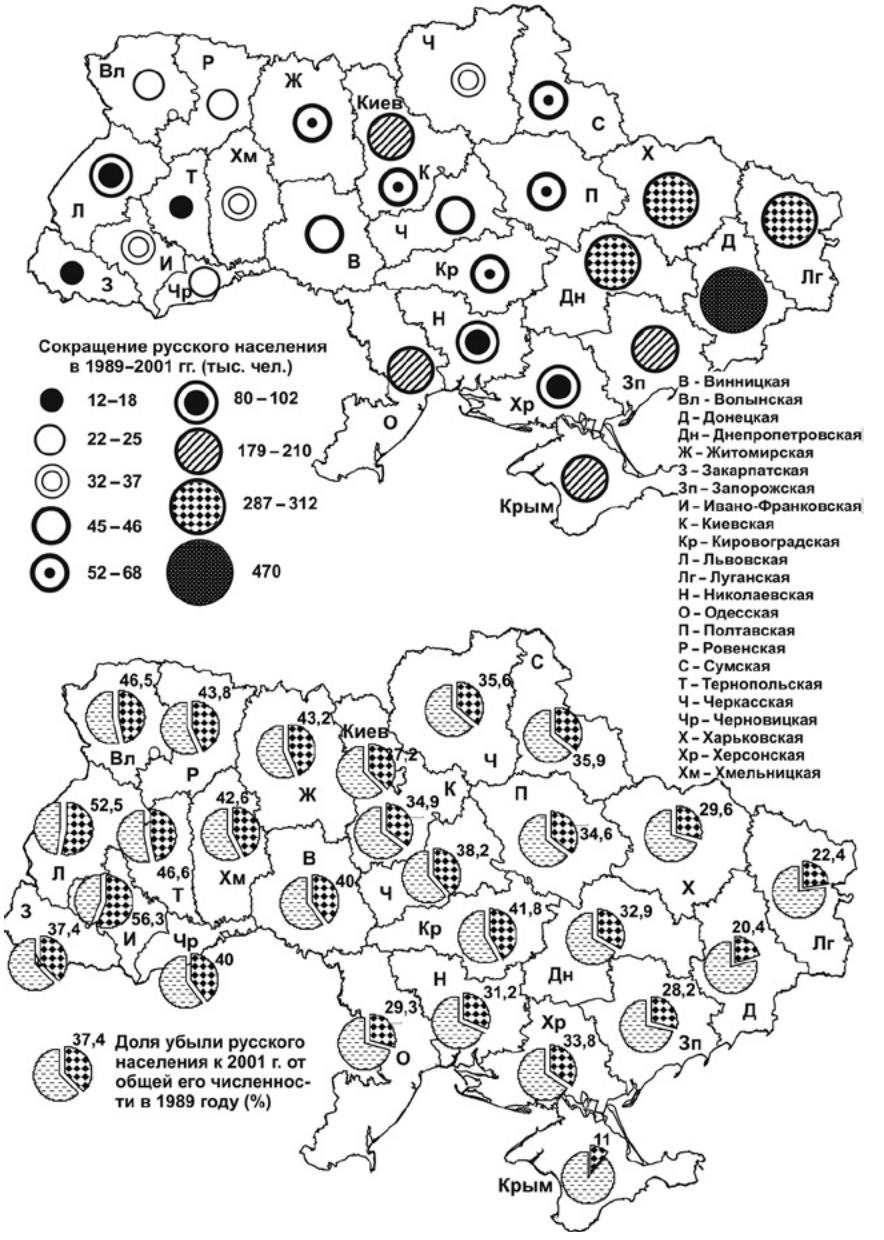

Рис. 1.21. Сокращение русского населения на Украине, 1989–2001 гг. (тыс. чел., %)

Согласно социологическому опросу 1996 г., 20 % русских Украины имели мать-украинку, 10 % украинца-отца[1]. То есть около 30 % русского

[1] *Савоскул С.С.* Русские нового зарубежья: выбор судьбы. С. 89.

населения страны уже в середине 1990-х гг. были этническими «полуукраинцами». С учетом тех, кто имел треть/четверть украинской «крови», доля смешанной группы была еще выше. Данная этногенетически сложная компонента русских Украины являлась первым и самым массовым кандидатом на смену своей национальной идентичности. Однако биэтническая группа имела и вторую компоненту – «украино-русскую», тех, кто во время советских переписей, определялся как украинец. Согласно С. Савоскулу, 6 % украинцев имели русского отца, 8 % – русскую мать (то есть этнически «полурусскими» на Украине было 14 % украинцев, не считая имевших меньшую толику русской «крови»)[1].

Именно перемещением части представителей этого обширного биэтнического множества из русской своей компоненты в украинскую (и в обратном направлении), удельными подвижками в их соотношении в значительной степени и определялась общая демографическая динамика русского населения в советской и постсоветской Украине (рис. 1.22).

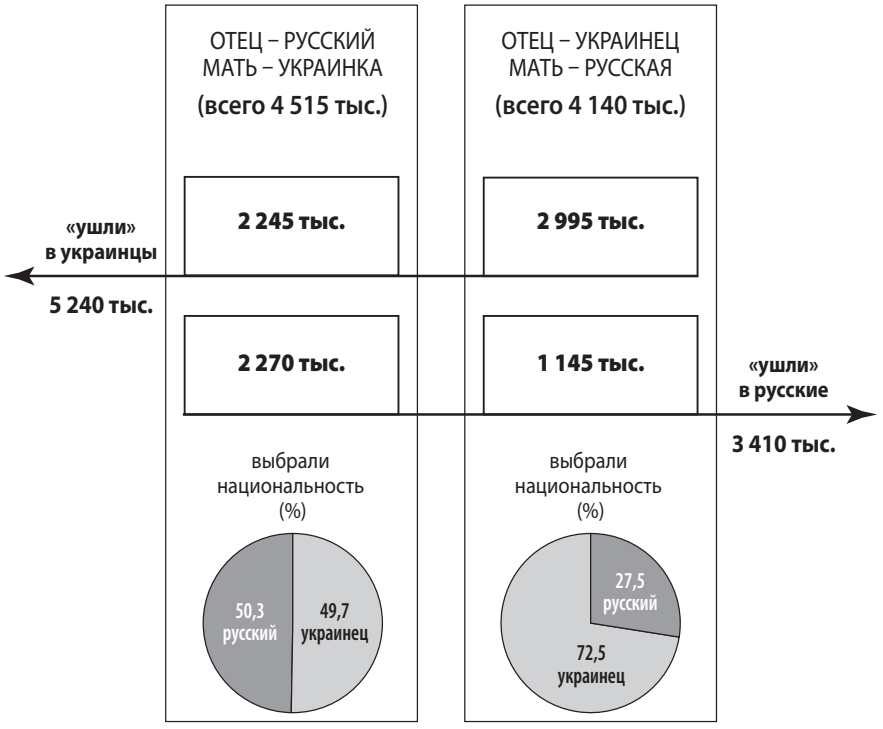

Рис. 1.22. Этническое самоопределение биэтнического (русско-украинского) населения Украины на начало 1990-х гг.

[1] *Савоскул С.С.* Русские нового зарубежья: выбор судьбы. С. 89.

Самая общая оценка, основанная на данных С.С. Савоскула и материалах украинских социологических структур (прежде всего Киевского международного института социологии), позволяет сделать вывод, что в конце 1980-х гг. общая биэтническая группа населения Украины делилась между русской и украинской идентификационными частями с определенным перевесом второй компоненты (соответственно 40 % на 60 %). К началу XXI в. русско-украинское население увеличилось на 2,5 млн чел. (с 8,6 до 11,1 млн). При этом его часть, идентифицирующая себя как украинцев, выросла до 70 % (соответственно, русская группа сократилась до 30 %). Эта внутренняя удельная перецентрировка, происшедшая в 1990-е гг. и обеспечила, с одной стороны, ускоренное сокращение русского массива, а с другой – позволила сохранить общую численность украинцев на Украине, терявшей население в результате естественной убыли и миграционного оттока.

Итак, к началу XXI в. русский массив Украины понес серьезные количественные потери. Но не менее существенными могли быть и потери другого рода. Как уже говорилось, отток русских с Украины в 1990-е гг. был достаточно ограниченным. Однако системное значение данного фактора для демографической перспективы местного русского массива было существенно выше его доли в общей убыли, поскольку миграционный отток в первую очередь формировался представителями ядерной группы русской общины – наиболее русскоцентричными ее представителями, не захотевшими оставаться на Украине в условиях нарастающего национализма. Если общая численность русских в стране сократилась более чем на четверть, то этнокультурное ядро русского населения могло потерять 30–40 % своей численности.

Начало XXI в. (2001–2013 гг.)

К сожалению, этнодемографическая динамика населения Украины последних 17–18 лет может быть представлена только в виде экспертной аналитики. Давно планируемая вторая перепись Украины переносилась несколько раз[1]. Очевидно и то, что за прошедшее после переписи 2001 г. время национальная структура населения страны должна была претерпеть

[1] Назначенная на 2011 г., она была отодвинута на 2013 г., затем перенесена еще на один год. Но не состоялась и в 2014 г. В качестве новой предполагаемой даты озвучивались 2015–2016 гг. Но и в данное время перепись не состоялась, зато появилось распоряжение правительства о проведении переписи в 2020 г.

существенные изменения. Некоторое представление о ее возможных трендах в 2000-е гг. можно составить по аналогии с этнодемографической динамикой русского населения постсоветской Беларуси, в которой прошло уже две переписи населения (в 1999 и 2009 гг.) (рис. 1.23). Притом что уровень титульного национализма в Беларуси, как и степень этноцентризма в политике белорусской государственной власти после прихода А. Лукашенко, был существенно ниже, чем на Украине. Но даже демографическое сжатие, аналогичное белорусскому сценарию, должно было сократить русское население Украины в первом десятилетии XXI в. с 8,3 млн до 5,7–5,8 млн чел. В этом случае доля русских в населении Украины могла снизиться уже к 2011–2012 гг. до 13–13,5 %.

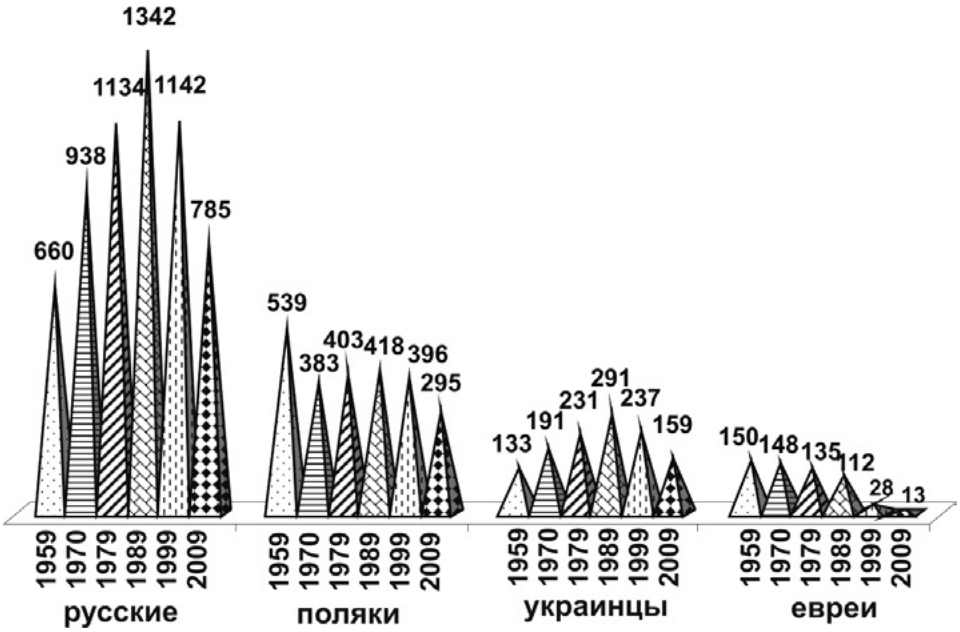

Рис. 1.23. Динамика крупнейших диаспор Беларуси, 1959–2009 (тыс. чел.)

Однако специалисты, отслеживающие этнодемографические процессы на Украине в начале XXI в., подтверждая вывод о заметной демографической убыли русских, называли существенно меньшие цифры. По мнению А. Позняка, заведующего отделом миграционных исследований киевского Института демографии и социальных исследований им. М.В. Птухи, за период 2001–2013 гг. «доля украинцев уменьшилась, но на очень незначительную величину. Существенно сократилась доля русских, которых в настоящее время в стране

порядка 16–16,5 %. Мы изучаем только большие, многочисленные этносы – от 30 тыс. чел. и больше… Чем меньше этнос, тем меньше вероятность адекватной оценки. Поэтому о русских и украинцах я могу говорить с высокой степенью вероятности, что это достаточно точная оценка»[1].

Если озвучиваемая украинским демографом цифра (она относилась к январю 2014 г.) соответствовала действительности, долевые потери русской общины Украины в населении страны за период 2001–2013 гг. составляли около одного процента. А размеры ее за этот период сократилась «всего» на 1–1,2 млн (до 7,2–7,4 млн чел.). Такой сценарий можно было бы считать для русских страны едва ли не самым оптимистическим из всех реально возможных[2].

Определенные основания для такого прогноза всё же были, учитывая, что миграционный отток русского населения на протяжении 2000-х гг. оставался весьма незначительным (в среднегодовом исчислении составляя порядка 10–15 тыс. чел.), а следом за социально-экономической стабилизацией Украины начала сокращаться и естественная убыль русских (прежде всего за счет некоторого повышения рождаемости). Следует принять во внимание и приход к власти политической команды В. Януковича, значительно более взвешенной в проводимой национальной политике, чем откровенно украиноцентричная деятельность предыдущего президента В. Ющенко.

Иными словами, вторая половина нулевых была связана с определенным сокращением этнонационалистического прессинга на русское и русскоязычное население Украины, что могло найти отражение и в сокращении темпов перетока части представителей биэтнического множества из русской идентификационной компоненты в украинскую. Практической необходимости прятаться за собственную титульную составляющую у русско-украинских биэтнофоров в этот период было немного. Другое дело, что и в такой ситуации значительная (и все возрастающая) часть смешанной молодежи при национальном самоопределении отдавала предпочтение собственному «украинству»[3].

---

[1] Миколюк О.К. 2065 году нас будет 35 миллионов? // Газета «День»: day.kyiv.ua/ . 2014. № 15. URL: http://day.kyiv.ua/ru/article/obshchestvo/k-2065-godu-nas-budet-35-millionov

[2] Более того, данный темп демографического сжатия (12–14 % за 13 лет) был бы одним из самых минимальных в пределах всего ближнего зарубежья России (медленней сокращалась только русская община Эстонии).

[3] Хотя едва ли приходится сомневаться, что если бы в соответствующей графе во время очередной переписи можно было ставить две национальности (аналогично тому, как можно иметь два гражданства), многие представители биэтнического множества на Украине в это время самоопределились бы одновременно как украинцы и русские.

Исходя из сказанного, общие демографические потери русских на Украине за период 2002–2013 гг. действительно могли ограничиться 1–1,2 млн чел. (естественная убыль – порядка 0,4–0,5 млн чел.[1], миграционный отток – в пределах 150–200 тыс. чел., ассимиляционные процессы – 0,4–0,5 млн).

Но есть и определенные основания предполагать, что расчеты численности и удельного веса наличного русского населения на начало второго десятилетия XXI в. украинскими демографами всё же были несколько завышены. И потому имеет смысл для оценки численности русских на Украине накануне ее социально-политического кризиса использовать не точную цифру, а количественный диапазон размером в 10 % от возможной величины русской общины, взяв за верхнюю границу данного диапазона озвученную украинскими специалистами цифры. Таким образом, численность русских на Украине в конце 2013 г. могла составлять порядка 6,5–7,3 млн чел.

События весны – лета 2014 г. самым существенным образом сказались не только на политическом ландшафте Украины и ее системной диспозиции между Западом и Россией, но и на этнодемографический структуре населения страны, как и на общей его численности. Включение в состав России Крыма и Севастополя «увело» из Украины 2,3 млн чел., в том числе 1,5 млн русских.

Здесь, конечно, необходимо принимать во внимание, что последняя цифра была получена в результате Крымской переписи населения 2015 г., проведенной, когда полуостров уже находился в составе РФ. Данное обстоятельство не могло не сказаться на самоидентификационном выборе русско-украинского населения полуострова. Число украинцев в Крыму (вместе с Севастополем) за период 2001–2015 гг. сократилось с 577 тыс. до 345 тыс. чел. (более чем на 40 %)[2]. Нет никаких сомнений, что если бы данная перепись была проведена во время нахождения Крыма в составе Украины, например в начале 2014 г., русских на полуострове оказалось бы на 200–250 тыс. чел. меньше, а украинцев – на соответствующую величину больше.

Еще более значительные демографические потери Украины были связаны с появлением двух пророссийских, политически независимых от Киева самопровозглашенных республик Донбасса – Донецкой и Луганской. Учитывая условия их появления, военные потери с обеих сторон конфликта

[1] Если исходить из среднегодового коэффициента естественной убыли в пределах 4–5 ‰.

[2] Конечно, нельзя полностью списывать со счетов и отток украинцев из Крыма после смены его государственной принадлежности. Однако масштабы данного оттока оказались незначительными и составили всего несколько десятков тысяч человек, из которых не все были украинцами.

и многочисленные жертвы среди мирного населения, но прежде всего огромные масштабы миграции, рассчитать наличное население ДНР и ЛНР представляется возможным лишь в первом приближении.

Несмотря на то что территория двух республик составляет всего 18 тыс. км² (порядка 30 % площади Донбасса), в их пределах в довоенный период было сосредоточено порядка 60 % всего населения Донецкой и Луганской областей, то есть около 4–4,2 млн чел.[1] Однако период активных военных действий (лето 2014 г. и последующие несколько месяцев) был связан с масштабным оттоком населения как в пределы России, так и на территорию других регионов Украины. На своем пике данная волна беженцев могла достигать 1,5–2 млн чел., которые примерно в равной степени распределились между РФ и Украиной. Но даже к середине 2015 г. число беженцев и вынужденных переселенцев, существенно сократившись, всё еще достигало 1,2–1,3 млн чел.

А наличное население двух республик в это время могло составлять порядка 2,5–2,8 млн чел. (в ДНР около 1,5–1,7 млн чел., в ЛНР – 1,0–1,1 млн)[2]. Определенная социально-экономическая и военно-политическая стабилизация на востоке Украины способствовала возвращению части беженцев, пополнявших как украинскую, так и повстанческую части Донбасса. Общая численность населения Донбасса в 2017–2018 г. могла составлять уже около 3 млн чел.

Таким образом, население Украины после потери Крыма и фактического выхода из состава страны Восточного Донбасса сократилось на 5,5–6 млн чел. и к середине 2016 г. составило порядка 39,5–40 млн чел. При этом убыль русских[3], по нашим расчетам, составила 2,6–2,9 млн чел., украинцев – около 2,5 млн чел. В пределах территорий, контролируемых Киевом, численность русских в 2015–2016 г. могла находиться в пределах 3,8–4,5 млн чел. Таким образом, доля русских в населении страны к этому времени упала до 9,7–11,3 %[4] (рис. 1.24; табл. 1.4).

---

[1] Поскольку речь идет преимущественно об урбанизированном поясе, протянувшемся на несколько десятков километров и включавшем четыре из пяти крупнейших городов Донбасса (Донецк, Макеевку, Горловку, Луганск), а также множество менее значительных центров.

[2] *Сущий С.Я.* Военный конфликт на востоке Украины: демографические потери и сдвиги в национальной структуре населения Донбасса // Наука Юга России. 2016. № 2. С. 90.

[3] Включая представителей биэтнического множества с русским национальным самоопределением.

[4] Заметим, что, оценивая среднесрочные перспективы русских в стране, А. Позняк предполагал, что к 2026 г. удельный вес русских снизится до 13,9 % (*Миколюк О.* К 2065 году нас будет 35 миллионов?) [Миколюк, 2014] (правда, речь шла об Украине с Крымом и Восточным Донбассом).

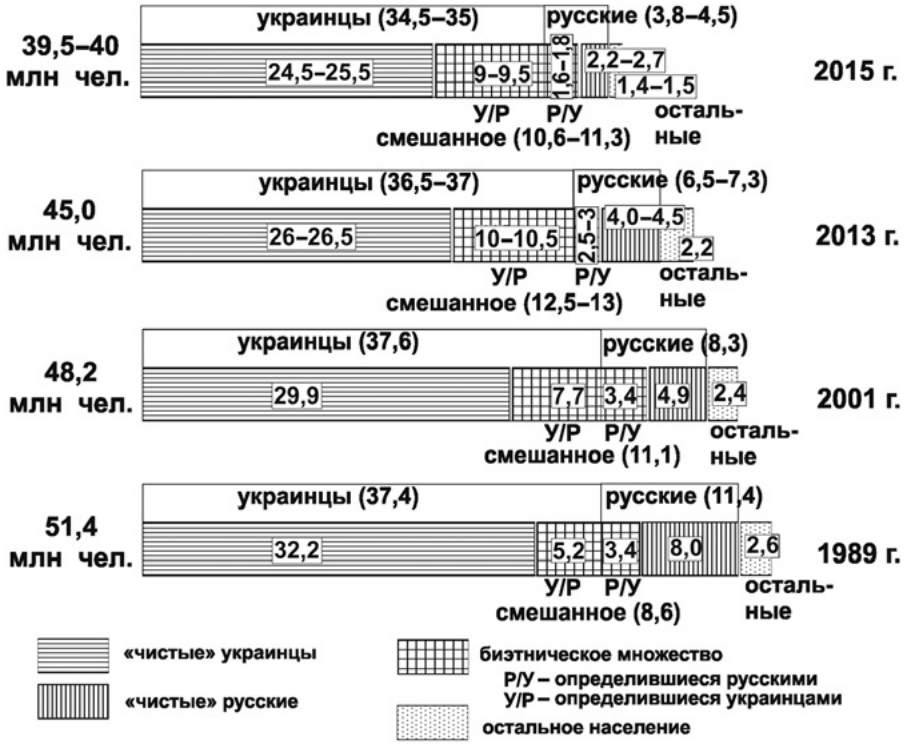

Рис. 1.24. Динамика крупнейших национальных сообществ Украины, 1989–2015 гг. (млн чел.)[1]

Таблица 1.4. Динамика удельного веса крупнейших национальных сообществ в населении Украины, 1989–2015 гг. (%)[2]

Годы	Доля в населении Украины				Доля в населении Украины с учетом представителей биэтнического множества	
	«чистые» украинцы	биэтническое множество	«чистые» русские	остальные	украинцы	русские
1989	62,7	16,7	15,6	5,0	72,8	22,2
2001	62	23	10,2	5,0	78	17,1
2013	58–59	28–29	9–10	4,9	78–80	15–17,3
2015	62–64	27–28	5,6–6,8	3,5–3,7	87–87,5	9,5–11,2

[1] Расчеты автора.
[2] Расчеты автора.

География русского населения Украины в последние годы, хотя и не претерпела внутренних сдвигов, заметно трансформировалась самим фактом изменения ее территории. На позицию основных средоточий русских выдвинулись несколько других юго-восточных областей страны – Харьковская и Днепропетровская, а также Запорожская и Одесская. Однако и Донбасс, несмотря на потерю своих восточных, наиболее «русских» районов, остается в этом ряду. Прежде всего речь идет о Донецкой области, в «украинской» части которой всё еще проживает до 550–600 тыс. чел. русского населения. Таким образом, регион по этому показателю уступает только Харьковской области.

На пять перечисленных выше областей в настоящее время приходится порядка 65–70 % всего русского населения Украины[1]. В их пределах доля русских остается достаточно высокой (в украинской части Донецкой области они могут составлять 30–33 %, в Харьковской и Запорожской – около четверти жителей, в Одесской – до 20 %, в Днепропетровской – в пределах 16,5–17 %). На остальной территории удельный вес русского населения, как правило, не достигает 10 %, а в 11 областях центра и запада Украины составляет отдельные проценты. Но, повторимся, наши расчеты численности и доли русских по регионам страны (рис. 1.25; табл. 1.6) с большой вероятностью фиксируют верхнюю (из реально возможных) планку данных показателей.

При получении расчетов мы исходили из нескольких предположений.

1. Доля русских в анализируемый период (2002–2013 гг.) сокращалась во всех без исключения регионах Украины. Иными словами, темпы депопуляции русских общин были более высокими, чем у всего населения территориальных сообществ.

2. Естественная убыль русских, несколько сократившись к началу 2010-х гг., до середины данного десятилетия оставалась на уровне ежегодных 3–4 ‰.

3. Миграционное сальдо русских для всех областей Украины было отрицательным. То есть русские теряли население за счет оттока.

4. В ассимиляционном обмене с украинцами русские повсеместно в пределах Украины теряли население.

5. Демографические потери русских отдельных областей Украины были как минимум на ⅓ выше, чем населения в целом. При этом они не могли за рассматриваемый период быть меньше 5–6 %. Таким образом,

[1] Если же к данной территориально-административной пятерке приплюсовать еще украинскую часть Луганской области и Киев, то на семь регионов придется уже около 80–85 % русского населения страны, притом что речь идет только о трети территории страны.

в украинских областях, потерявших за 2005–2013 гг. 7–10 % (и более) своих жителей, мы увеличивали данный показатель для местных русских на треть. Так же поступали и с регионами, в которых общая убыль населения составляла 4–6 %. Если же демографические потери регионов Украины составляли всего 2–3 % (как правило, такие территории располагались на западе страны), убыль местных русских определялась в 7–8 %. Это, конечно, условные цифры, поскольку ниже эти потери быть не могли, зато могли оказаться выше (и весьма значительно).

Речь идет о докризисной ситуации, и расчет не учитывал социально-политических и социопсихологических изменений, произошедших в украинском обществе после весны – лета 2014 г., которые должны были сократить численность русских минимум еще на несколько процентов (рис. 1.24) в результате «пиковой» консолидации общества на украноцентричной платформе. В целом, даже не располагая точной статистикой, мы можем с достаточной уверенностью констатировать, что в первом десятилетии XXI в. процесс дерусификации западной и отчасти центральной Украины не только продолжился, но и в значительной степени был завершен.

Таблица 1.5. Динамика русских по регионам Украины, 1989–2013 гг. (тыс. чел., %)

Регионы, центр	Тыс. чел.			Доля в населении, %		
	1989	2001	2013*	1989	2001	2013*
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Крым **	1629,5	1450,4	1350–1380	67,1	60,4	57,6–58,9
Луганская	1279	991,8	840–865	44,8	39,0	38–38,7
Донецкая	2316,1	1844,4	1630–1680	43,6	38,2	37,6–38,8
Харьковская	1054,2	742	660–680	33,3	25,6	24,3–25
Запорожская	664,1	476,8	420–435	32	24,7	23,7–24,5
Одесская	719	508,5	460–480	27,2	20,7	19,3–20,1
Днепропетровская	935,7	627,5	540–570	24,2	17,6	16,4–17,3
Николаевская	258	177,5	155–165	19,4	14,1	13,3–14,0
Херсонская	249,5	165,2	145–150	20,1	14,1	13,5–14
Киев	536,7	337,3	300–310	20,9	13,1	10,6–11
Сумская	190,1	121,7	100–105	13,6	9,4	8,8–9,3
Кировоградская	144,1	83,9	70–72	11,8	7,5	7,1–7,3
Полтавская	179	117,1	100–105	10,4	7,2	6,9–7,1
Киевская	167,9	109,3	95–105	8,7	6	5,5–6,1

Окончание табл. 1.5

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Черкасская	122,3	75,6	65–67	8	5,4	5,2–5,3
Житомирская	121,4	68,9	60–62	7,9	5	4,7–4,9
Черниговская	96,6	62,2	50–52	6,8	5	4,7–4,9
Черновицкая	63,1	37,9	33–36	6,7	4,1	3,6–4,0
Винницкая	112,5	67,5	55–60	5,9	3,8	3,5–3,7
Хмельницкая	88	50,7	45–47	5,8	3,6	3,4–3,5
Львовская	195,1	92,6	80–87	7,1	3,6	3,3–3,4
Ровенская	53,6	30,1	25–27	4,5	2,6	2,3–2,5
Закарпатская	49,5	31	27–29	4	2,5	2,1–2,3
Волынская	46,9	25,1	22–24	4,7	2,4	2,1–2,3
Ивано-Франковская	57	24,9	20–23	4	1,8	1,6–1,7
Тернопольская	26,6	14,2	11–12	2,3	1,2	1,0
Вся Украина				***22,1***	***17,3***	***16,3–16,8***

Примечание: * – оценка автора; ** – вместе с Севастополем.

Рис. 1.25. Примерная численность русского населения в регионах Украины, 2015–2016 гг. (тыс. чел.)[1]

[1] По оценке автора.

***

Итак, количество русских на Украине на всем протяжении постсоветского периода сокращалось. Максимальные темпы этот процесс демонстрировал в начале – середине 1990-х гг., когда в Россию вернулись сотни тысяч русских и уже значительных величин достигла естественная убыль. Существенную роль в депопуляции русского населения с этого времени начинает играть и ассимиляция. Однако в 2000-е гг. скорость данного нисходящего демографического тренда существенно замедлилась, и основные потери русских были связаны с отрицательной естественной динамикой. Очевидно, что продолжала свою работу и постепенная украинизация, но масштабы ее заметно сократились.

Только кризис 2014 г. и резкое ухудшение взаимоотношений двух стран вновь предельно актуализировали вопрос о перспективах (в том числе демографических) русских на Украине.

1.6

СЦЕНАРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РУССКИХ В БЛИЖАЙШЕЙ И СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Демографические перспективы в самой значительной степени зависят от структурной и количественной динамики русско-украинского биэтнического множества, национального самоопределения его представителей.

Как мы видели, смешанное население, в отличие от двух «чистых» национальных сообществ (русского и украинского), имеет тенденцию к росту. В течение 1990-х гг., когда доля «чистых» русских в населении Украины сократилась с 15,5 % до 10 %, а украинцев – с 62,5 % до 62 %, удельный вес русско-украинцев вырос с 16,7 до 23 %. Очевидно, что за прошедшие два десятилетия это множество увеличилось еще больше (табл. 1.6).

Впрочем, рост данного биэтнического множества вполне укладывается в государственную схему постепенной украинизации местного русского населения, поскольку в первую очередь размывается его «беспримесное»

этническое ядро. По данным С.С. Савоскула, уже в середине 1990-х гг. 45 % семейных русских имели супруга-украинца. Неизвестна разбивка этого множества по различным возрастным группам. Но не вызывает сомнения, что с течением времени данный показатель как минимум не сокращался. Скорее, доля смешанных браков возрастала. В возрастных генерациях русских Украины, находящихся в репродуктивном возрасте, данный показатель в 1990-х гг. был выше 50 %.

Таблица 1.6. Динамика удельного веса крупнейших этнических множеств в населении Украины, 1989–2015 гг. (%)

Годы	Доля в населении Украины				Доля в населении Украины с учетом представителей биэтнического множества	
	«чистые» украинцы	биэтническое множество	«чистые» русские	остальные	украинцы	русские
1989	62,7	16,7	15,6	5,0	72,8	22,2
2001	62	23	10,2	5,0	78	17,1
2013*	56,7–57,8	30,4–31,8	8,7–8,9	2,9–3,8	80–82,2	14,9–16,2
2015–2016*	62–62,5	27,8–29,0	5,6–6,2	3,0–3,8	84,8–86,3	10,6–11,5

Примечание: * – по оценкам автора.

Таким образом, следующая генерация местных русских уже заметно больше чем на половину должна была состоять из русско-украинских «полукровок». А с учетом всех имеющих украинскую этническую «примесь» речь может идти о 70–80 % всего русского массива Украины. Принимая во внимание прошедшие после исследования С. Савоскула 20 лет, можно констатировать: время этого «украиноэтничного» поколения русских уже наступает. Если в 1989 г. на Украине проживало порядка 8 млн русских, не имевших украинских этнических корней, то в 2001 г. только 4,8 млн чел. К настоящему времени и это число могло сократиться еще в два раза (до 2,2–2,7 млн).

Проведенные расчеты данный вывод, на первый взгляд, не подтверждают (табл. 1.7). Действительно, если в 1990-е гг. доля представителей биэтнического множества в составе русского населения Украины выросла с 30 % до 41 %, то в начале XXI в. она даже несколько сократилась и вновь пошла вверх только после 2014 г. Однако произошло это из-за опережающего количественного сокращения русской части сме-

шанного населения в связи с его поступательной идентификационной перецентрировкой и нарастающим доминированием украинской части.

Как видим, если на рубеже 1990-х гг. из сотни представителей биэтнического множества почти 40 человек национально самоопределялись как русские, то к рубежу XXI в. уже только 30, а к 2014 г. – порядка 20 человек. В современных территориальных контурах Украины этот показатель еще ниже. В настоящее время едва ли не подавляющая часть этнических русско-украинцев (порядка 80–90 %) при национальном самоопределении выбирает свою титульную составляющую.

Таблица 1.7. Структурная динамика представителей биэтнического множества Украины, 1989–2015 гг.

Годы	Распределение представителей биэтнического множества, %		Доля представителей биэтнического множества в составе, %	
	самоопределившиеся украинцами	самоопределившиеся русскими	украинцев Украины	русских Украины
1989	60,5	39,5	14	30
2001	69,4	30,6	20,5	41
2013*	77–81	19–23	28,5–29,0	37,0–38,5
2015*	80–90	10–20	27–28	40–42

Примечание: * – по оценкам автора.

Одно это обстоятельство позволяет сделать несколько общих предположений. Прежде всего, не вызывает сомнения, что следующая украинская перепись зафиксирует повсеместное и самое значительное сокращение русского этнического присутствия на Украине. А в пределах этого сильно «съежившегося» демографического массива самым существенным образом возрастет доля смешанного населения. Этой внутренней трансформации русского населения перепись, конечно, не отразит. Но очевидно, что этническое ядро общины понесет серьезные количественные потери, пострадает сильней, чем полупериферия и периферия русского мира Украины. Между тем процесс этнического смешения будет продолжаться и дальше, со всеми вытекающими последствиями.

Справедливости ради отметим и противоположную тенденцию: рост этнически смешанного населения среди тех, кто во время переписи определяется как украинец. В середине 1990-х гг. 21 % из них имели русского супруга (супругу). Таким образом, следующее поколение титульного народа Украины также оказывается более этнически смешанным, чем все предыдущие. В настоящее время примесь русской

«крови» имеет порядка 27–28 % украинцев[1], а среди представителей украинской молодежной генерации этот показатель еще выше (треть, если не более). Свою роль будет играть и продолжающийся переход в украинцы представителей всех других народов страны.

Итак, число «чистокровных» представителей у обоих крупнейших народов Украины будет устойчиво сокращаться. Но этот процесс, повторим, не мешает опережающему размыванию именно русской общины, поскольку основная часть этнически смешанного населения определяется как украинцы. Если ограничиться анализом чисто этнической динамики, современное положение русских на Украине едва ли не зеркально повторяет ситуацию, которая сложилась на Юге России в 1920-е гг., когда местный украинский массив, внешне сохраняя внушительные количественные масштабы, на деле в значительной степени уже состоял из смешанного, полуассимилированного населения. И оказалось достаточно определенных подвижек социально-политического плана, чтобы мощная украинская община количественно обрушилась, сократившись к концу 1930-х гг. сразу на математический порядок.

Вопрос не в том, повторится ли эта история снова. Динамика русских на постсоветской Украине 1990-х гг. указывает, что сценарий будет несколько иным: не стремительное обрушение, а более или менее интенсивное сжатие, идущее от десятилетия к десятилетию. Однако даже простая пролонгация существующих тенденций в будущее на 30–40 лет сводит русское этническое присутствие на Украине до размера крупной диаспоры, размером 1,2–1,5 млн чел.

Но насколько корректна такая прямолинейная проекция? Существует ли у этого устойчиво нисходящего демографического тренда некий количественный порог, по достижении которого русская община Украины может стабилизироваться или по крайней мере существенно замедлить дальнейшее сокращение? И на каком уровне (в каком количественном диапазоне) эта зона стабильности предположительно располагается? Какие факторы работают на активизацию демографического сжатия русского массива Украины, а какие ограничивают его?

Едва ли возможно дать точные ответы на перечисленные вопросы. Но можно сделать несколько предположений, которые должны опираться на динамические тенденции не только в этнодемографической, но и в социокультурной, языковой сфере, учитывать особенности статусной композиции украинского и русского народов как на Украине, так и за ее пределами.

[1] В конце 1980-х гг. данный показатель не дотягивал и до 14 %.

Социокультурные и «национально-статусные» аспекты этнодемографической динамики русских на Украине

Как уже отмечалось, системная близость русских и украинцев существенно облегчает процесс ассимиляции этнического меньшинства большинством, позволяя постепенно растворять даже мощные этнические массивы (будь то украинцы на Юге России или русские юго-восточного пояса Украины). Но самостоятельное значение имеет соотношение системных статусов каждого из двух народов, способное облегчить или, наоборот, осложнить и замедлить процесс этнокультурного «переваривания» их диаспор.

Неравенство государств, выстраивающих определенную иерархию, доходчиво проиллюстрировано В. Маяковским в стихотворении о советском паспорте («К одним паспортам – / улыбка у рта, / К другим отношение плевое…»). Но существует и условная «иерархия» народов, в которой русские на достаточно почетном месте, как одна из ведущих наций человечества, внесшая заметный вклад в науку, технику, культуру, спорт, другие важные сферы социальной деятельности, наконец, государствообразующая в мощной державе – одном из геополитических центров мира. По всем этим позициям титульная нация Украины существенно уступает русским. Иными словами, системный престиж русского народа (а значит, в определенной степени и принадлежность к нему) оказывается выше, чем у нации украинской.

Однако внутри Украины статусная диспозиция русских и украинцев в настоящее время является противоположной. Принадлежность к титульной национальности не только психологически более комфортно, но и дает определенные социальные преимущества. А после 2014 г. системное давление на местное русское население заметно возросло. Причем уже не только со стороны государства, но и гражданского общества, существенно нарастившего градус своей украиноцентричности. В такой ситуации даже у тех, кто не захочет отказываться от своей «русскости», вполне естественно будет наблюдаться рост маскировочных практик, помогающих в целях безопасности (комфорта, карьеры и т.п.) сливаться с окружающей украиноцентричной средой. Но хорошо известно, что социопсихологическая маскировка постепенно прорастает внутрь, способна становиться личностным содержанием.

Конечно, включение Крыма в состав РФ весной 2014 г. консолидировало не только сторонников украинской нации, но и «русскую» Украину. Восставший Донбасс, новая политика Москвы по «русскому» вопросу (в т.ч. множественные декларации о готовности жестко и последовательно защищать интересы русского и русскоязычного населения украинского Юго-Востока) работали на мобилизацию русскоцентричного сообщества Украины, пробуждая заглохшее за последние два десятилетия русское начало даже у части биэтнического населения.

Однако уже к середине – концу мая 2014 г. данное движение, получившее название «русской весны», на Юго-Востоке было практически задавлено. А трагические события в Одессе, повлекшие за собой гибель десятков пророссийских активистов, стали для русских Украины сильнейшим потрясением, «прививкой страха» на многие годы вперед. Между тем трагедия в одесском Доме профсоюзов 2 мая 2014 г. была только началом. С этого времени страхотерапия русского (и шире – русскоцентричного) населения становится на Украине одной из основных форм его «перевоспитания», если не сказать подавления и системной маргинализации[1].

Русские, не готовые смириться с нарастающей «украинизацией» социальной повседневности своих региональных сообществ, скорее всего, предпочтут отъезд в Россию, а среди оставшегося русского населения страны будут абсолютно доминировать адаптивные, приспособленческие стратегии, ускоряющие его титулизацию.

Но очевидно и то, что в пределах ассимилируемого русского массива, как и всего биэтнического множества Украины, всегда будет оставаться определенное число людей, учитывающих потенциальную целесообразность сохранения своей русской идентичности. Не говоря о тех, для кого принадлежность к одной из ведущих наций мира просто является неразменной ценностью. Наконец, следует учитывать тех, для кого переход в украинцы являлся вынужденной мимикрией – этническим «коллаборационизмом». При изменении социально-политической ситуации часть

[1] Своего рода воспитательной мерой можно считать и масштабную военную операцию, развернутую украинскими силовиками в Донбассе. Ее проведение полностью дискредитировало грозную риторику Москвы о защите «соотечествнников», окончательно отбив желание у пророссийски настроенного населения Юго-Востока выступать с открытым протестом. Тем более что весной – летом 2014 г. служба безопасности Украины (СБУ) зачистила всех «засветившихся» в таких протестах активистов. Счет задержанных и заключенных под стражу шел на многие тысячи (они проходили по статьям за терроризм, экстремизм, госизмену, сепаратизм, попытку подрыва территориальной целостности).

таких «новых украинцев» может вернуться в русские даже десятилетия спустя[1].

Иными словами, фиксируемое всеми будущими украинскими переписями число русских не будет отражать реального этнокультурного присутствия русского мира на Украине. Аналогично тому как доля украинцев в населении Кубани в настоящее время ничего не говорит об украинской «этнокультурной Атлантиде», ушедшей здесь на дно 60–80 лет назад. С той разницей, что последняя, судя по всему, уже не имеет шансов актуализироваться в социальной жизни, а формируемый в постсоветские десятилетия скрытый русский этнический материк Украины такой способностью по-прежнему обладает и будет сохранять ее еще достаточно долгое время.

Данное утверждение также основывается на существенных различиях ассимиляционного процесса в России первой трети XX в. и на современной Украине. Комплексная ассимиляция предполагает определенную этапизацию, последовательность и системность этнокультурной метаморфозы, постепенного выхода из состава одной национальной общности с поступательным врастанием в другую. Непосредственно идентификационную (ассимиляционную) стадию предваряет культурно-языковой (аккультурационный) этап.

> *Именно так происходило растянутое во времени «превращение» кубанских украинцев в русских. Процессы языковой русификации проявляются с пореформенного времени, заметно усиливаясь в начале XX в. Перепись 1926 г. фиксировала уже весьма значительные масштабы русскоязычия местных украинцев. Показательна ситуация в различных округах, составивших впоследствии Краснодарский край. В Армавирском округе при 33 % украинского населения украиноязычных жителей было только 8,0 % – ¾ местных украинцев, поменяв родной язык, демонстрировали высокую степень обрусения. В Майкопском округе таковых было ⅔, в Черноморском – более половины*[2].

Итак, массовой смене этнической самоидентификации южнороссийских украинцев предшествовала масштабная культурно-языковая русификация. Существенно иным в этом плане является украинизация русского населения

[1] Их количество зависит и от того, каким будет место России в мировом сообществе, насколько она окажется успешной в современном мире. Наконец, зависит от отношений РФ и Украины.

[2] Только в Кубанском округе, историческом средоточии краевого «украинства», основная масса украинского населения (около 80 %) всё еще сохраняла язык своей исторической родины. Но процессы аккультурации набирали силу и на этих территориях.

современной Украины. Число русских в стране неуклонно сокращается. Но процесс этот практически не поддержан языковой «украинизацией» населения. Причем не только русского, но и всего остального, включая представителей титульной нации (рис. 1.26).

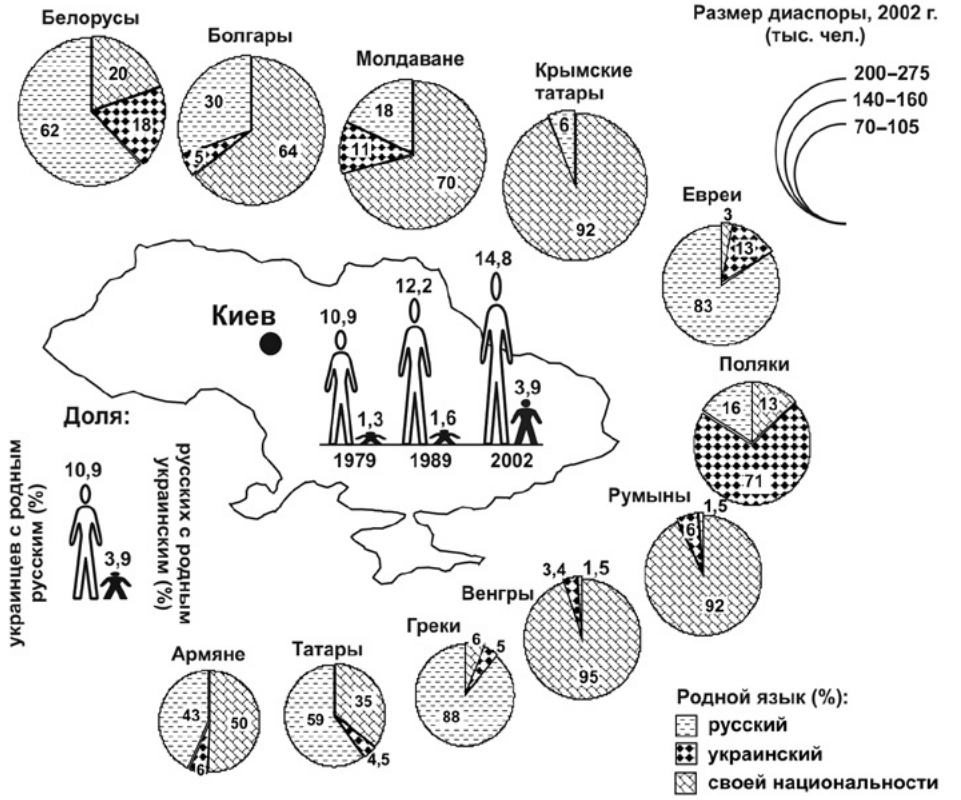

Рис. 1.26. Родной язык представителей крупнейших диаспор Украины; языковая аккультурация украинцев и русских, 2001 г. (%)

Согласно результатам социологического опроса, выполненного в 2008 г. в рамках комплексного исследования «Проект страны» Киевским институтом проблем управления им. Горшенина, 49,5 % украинцев разговаривает дома преимущественно на украинском, 46,5 % – на русском.

Более того, данные переписи 2001 г. указывали на то, что русский язык даже укреплял свои позиции у титульной нации Украины. Доля украинцев, для которых он являлся родным, за 1989–2001 гг. возросла. Впрочем, этот рост как раз мог быть связан с процессом украинизации русского массива. «Бывшие» русские, самоопределившись украинцами, остались верными

своему родному языку, «ассимилировались» без предварительной аккультурации. Но очевидно, что надежность такой ассимиляции невелика и в целом конъюнктурна. Устойчивое русскоязычие (и «русскокультурие» в широком смысле) сохраняет для его носителя возможность идентификационной инверсии.

Даже 100 %-ный этнический украинец (с родным русским) при определенных условиях может национально самоопределиться как русский. Что же говорить о русско-украинских «полукровках», причисливших себя к титульной нации? И власть прекрасно это понимает, усидчиво выдавливая русский язык из всех социальных институтов и структур повседневности украинского общества.

Повторимся, «популярность» русской идентичности и востребованность русского языка на современной Украине сильно разведены. Первая, очевидно, отступает, но русский как один из «региональных» мировых языков дает своим носителям широкие возможности для межнационального общения, образования, получения самой разнообразной информации, культурного потребления и создания нового знания. Во всех этих аспектах он оказывается предпочтительней украинского. И, как результат, не только абсолютно доминирует у местного русского населения, но и сохраняет устойчивые позиции в украинской среде.

В этом плане русский язык на Украине только частный случай планетарного тренда – стремительно нарастающей коммуникационной взаимоувязанности мира. А в данном процессе системные преимущества получают «центральные» языки мирового сообщества. Прежде всего английский, прочно занимающий позицию глобального языка. Но определенные преимущества оказываются и в распоряжении ряда международных языков, имеющих достаточно широкое хождение в отдельных регионах мира. К числу таких региональных мировых языков, наряду с французским, испанским или арабским, принадлежит и русский.

Уступая английскому, эти языки в силу многочисленности носителей, общей продуктивности и творческой мощи своих центральных народов широко используются представителями множества других национальных сообществ, втянутых в формируемые этими языками социокультурные «ойкумены». Культурные горизонты, креативные и познавательно-коммуникационные возможности данных социокультурных пространств оказываются куда шире, нежели у полей,

порождаемых национальными языками, не входящими в число мировых лидеров. У носителей «обычных» языков (культур) остается одна возможность подключиться к мировому социокультурному процессу – массово освоить английский или по крайней мере один из региональных языков мирового сообщества. Очевидно, что первый путь предпочтительней. Но если «под рукой» есть региональный язык, то выбор населения останавливается именно на нем.

Современные украинцы не исключение. Изучение английского (особенно до уровня свободного владения) требует от них значительных усилий и оказывается под силу далеко не каждому. Между тем практически без усилий в распоряжении оказывается отличное вербальное средство (полезный социальный ресурс, а параллельно инструмент познания мира), сознательно пренебрегать которым, полностью переходя на «мову», могут только крайние националисты. Особенно если принять в расчет мощный творческий потенциал и продуктивность русской культуры, уровень развития российского информационного поля и всей сферы электронных коммуникаций. И потому «победить» русский язык на Украине будет очень сложно, даже после кризиса 2014–2015 гг. и очевидного подъема украинского национального самосознания[1].

***

Итак, русская культурно-языковая принадлежность оказалась гораздо устойчивее идентификационной привязки. Проигрывая этнически, русский мир Украины на протяжении постсоветского периода достаточно уверенно сохранял свои социокультурные позиции, связанные с присутствием и широким распространением русского языка, а через него – русской культуры и еще шире – русской ментальности, отчасти и русского культурного кругозора («русскоцентричного» взгляда на мир)[2].

Это прекрасно понимает и современная украинская власть, предпринимающая все усилия для того, чтобы коренным образом изменить культурно-языковую ситуацию в стране. Показательно содержание аналитического

[1] Показательно, например, что русский является основным языком для интернет-пользователей даже на Западной Украине. Можно только представить, как должны сетовать последовательные украинские националисты на раздражающую близость русского и украинского языка и мощную традицию русскоязычия, максимально облегчающую для украинца включение в русское социокультурное пространство. Насколько более «выгодным» в этом плане оказывается положение венгра или румына, хорвата или поляка, не имеющих столь развитого и при этом столь этнокультурного близкого соседа, а потому вынужденных сразу обращаться к освоению английского языка.

[2] Учитывая, что человеческая реальность в значительной степени бессознательно отстраивается на базе языка.

доклада «О внутреннем и внешнем положении Украины в сфере национальной безопасности» (подготовлен Национальным институтом стратегических исследований), который был положен в основу принятой в 2015 г. и целенаправленно реализуемой современной украинской властью «Стратегии национальной безопасности». Согласно этому документу Россия не только основной источник военной опасности для Украины, но и центральная угроза в гуманитарной сфере.

Именно отсутствие в стране окончательно сформированного украиноцентризма создает «фундаментальные угрозы самому существованию Украины как независимого национального государства: языково-культурная, информационная, политика исторической памяти и конфессиональная… Они кажутся материально неосязаемыми, но по своей природе являются стратегической угрозой № 1 и миной замедленного действия под сооружением украинской государственности… Российский властный политикум решил, что способом создания "Украины без украинцев" должна стать не столько война и/или геноцидное уничтожение украинской нации, сколько гуманитарная агрессия…»[1].

Главной опасностью в языково-культурной сфере является русский язык, и прежде всего «требование предоставить ему статус второго государственного… Должны быть созданы эффективные средства противодействия культурной экспансии России, которую она методично осуществляет через своих многочисленных агентов (компании, издательства, сети распространения книг)…»

Россия является виновницей и того, что «в Украине до сих пор не сформировано устойчивое украинское культурное поле». В информационной сфере признаны «особо опасными» российские кинофильмы и интернет-сайты. Высказано особое огорчение тем, «что абсолютное большинство наших граждан свободно владеет русским языком» и что множатся жалобы на «недостаточную развитость» украинского сегмента Интернета[2].

Очевидно, что украинские власти будут продолжать делать всё возможное для реализации стратегического курса страны, системным центром которого является содержательная связка западоцентризм – антироссийскость. С 2014 г. антироссийский информационный прессинг усиливается

[1] *Дегтярь И.* Русофобия как новое измерение стратегии национальной безопасности Украины // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/dekabr/16/ (дата обращения: 27.03.2019).

[2] Там же.

многократно, практически не оставляя надежды проходящим сквозь него новым генерациям молодежи (начиная с дошкольного возраста) сохранить положительное отношение к России[1]. А значит, процесс поступательно нарастающего отчуждения украинского и российского общества пролонгирован на десятилетия вперед. В социальную жизнь страны одно за другим будут входить новые поколения националистически настроенной украинской молодежи, вытесняя путем естественной смены старшие возрастные группы носителей/хранителей памяти общего русско-украинского прошлого[2].

При этом надеяться на смену данного государственного курса Украины уже не приходится. События 2014 г. окончательно отформатировали всегда существовавшую россиебоязнь украинской национальной элиты (и значительной части всего политически активного класса) в полноценную мощную фобию. То есть усилили иррационально-эмоциальную компоненту данного психологического комплекса, а параллельно существенно нарастили его прикладную политтехнологичность.

Антироссийская карта на Украине окончательно приобретает способность актуализироваться по любому поводу, как реальному, так и надуманному, серьезно усиливая манипулятивный потенциал управления обществом со стороны его политической элиты. Генерации действующих политиков и управленческие команды в стране будут меняться, но указанная содержательная связка (западоцентризм – антироссийскость) теперь непременная черта проводимого ими государственного курса.

А значит, при любых возможных вариациях и «меандрах» будущей этнополитической динамики Украины основной ее тренд очевиден. Что представляла собой Украина до 2014 г.? Европоцентричное и определенно антироссийское государство (при всех политических генерациях власти, включая даже восточно-украинскую по своему территориальному генезису команду В. Януковича). Но при этом расколотое общество, цивилизационно устремленное одновременно на Запад и Восток, с некоторым

[1] Единицы, способные устоять перед таким сопряженным облучением системы образования, государственных СМИ и «улицы», могут не приниматься в расчет.

[2] Заметим, что данное комплексное идеологическое облучение включает и очевидную ценностно-идентификационную составляющую. Понимая, что не только для большинства русских, но и немалой части представителей биэтнического множества системная статусность русского народа (а значит, и принадлежности к нему) может котироваться выше статуса украинца, власть последовательно работает над принижением России и ее исторических достижений; параллельно настойчиво подчеркивая европейскую принадлежность украинского народа (таким образом компенсируя очевидную бедность собственных достижений в основных сферах социальной жизни системными успехами всей европейской цивилизации). И данная манипулятивная технология также может иметь успех – быть европейцем (пусть даже периферийным) для части идентификационно колеблющегося населения оказывается более престижно, чем принадлежать к более крупному и яркому, но «варварскому» русскому народу.

количественным перевесом западноцентричного населения. Из кризиса и военного «поражения» 2014 г. однозначно европоцентричным и антироссийским выходит не только Украина-государство, но и украинское общество. Произойдет это не одномоментно. Но еще 10–20 лет, и рядом с Россией с большой вероятностью сформируется достаточно консолидированный национальный социум, потерянный для любой формы добровольной социально-экономической и культурной интеграции с Россией.

Данное обстоятельство будет оказывать непосредственное (и однозначно отрицательное) влияние на количественную динамику русского населения Украины, и прежде всего его биэтнической группы, к которой в настоящее время может принадлежать ⅓–½ русских Украины. В условиях устойчивой враждебности двух стран необходимость этнической маскировки будет способствовать быстрой и самой значительной украинизации данной группы. А дальнейшее смешение непосредственно русского населения может значительно ускорить процесс этнической унификации населения всей Украины.

Оценка количественной динамики русских Украины в среднесрочной перспективе

Очевидно, что в современных обстоятельствах любой прогноз количественной динамики русского населения Украины является предельно сложной и весьма приблизительной аналитической процедурой, поскольку любые оценки его численности уже после 2001 г. являются экспертными расчетами. Мы не знаем, сколько русских было на Украине в 2010 г. или в 2013 г.; сколько их осталось в 2015 г. В такой ситуации прогноз на перспективу становится определением количественного диапазона с возможностью еще большей погрешности, чем расчетные оценки размера русской общины страны, выполненные для начала 2010-х гг. Но представляется, что и погрешность в 10–20 % не полностью аннулирует возможную эвристическую ценность такого прогнозного расчета, позволяя представить хотя бы самую общую демографическую перспективу всё еще самого крупного средоточия русского народа за пределами самой России.

В своих среднесрочных прогнозах мы исходили из уже выполненных для середины 2010-х гг. расчетов, т.е. из того, что в конце 2014 г. на Украине (без Крыма и Восточного Донбасса) проживало порядка 3,8–4,5 млн русских. В существующих обстоятельствах на дальнейшее сокращение этого

количества работали все три фактора – естественная убыль, отток и ассимиляция.

Естественная убыль и до кризиса составляла у местных русских порядка 3–4 ‰ в год. То есть находилась на уровне показателя убыли всего населения Украины, которая в начале 2010-х гг. колебалась в диапазоне 3–3,5 ‰. В середине – второй половине этого десятилетия размеры данного показателя у населения Украины непрерывно росли – в 2018 г. естественная убыль составила 6 ‰. Причем в большинстве областей русского пояса она была еще выше – более 10 ‰ на контролируемых Киевом территориях Донбасса: 8,5–8,8 ‰ в Днепропетровской, Запорожской и Харьковской областях; 6,8–7,1 ‰ – в Николаевской и Херсонской[1].

Есть все основания полагать, что при общей социопсихологической подавленности, снижающей репродуктивную активность и повышающей смертность, естественная убыль современных русских Украины была выражена более отчетливо, чем у остального населения южных и восточных областей страны, т.е. превосходила ее еще на 1–1,5 ‰, подскочив за несколько лет с 3–4 ‰ до 8–9 ‰. Таким образом, естественная убыль за 2014–2020 гг. может сократить число русских Украины на 3,5–4 % (на 130–180 тыс. чел.).

Должны были вырасти и масштабы миграционного оттока русского населения. Напомним, что в 1994–1997 гг. он составлял 50–100 тыс. чел. в год, сократившись в начале XXI в. до ежегодных нескольких тысяч. В условиях мощного антироссийского прессинга эта цифра в 2014 г. могла вырасти в разы. Если определить ее для 2014 г. в 30 тыс. чел. (для территорий, контролируемых Киевом), для 2015 г. – в 20–25 тыс., а для 2016–2020 гг. в ежегодные 10–12 тыс., мы получим для всего периода 2014–2020 гг. цифру в 100–120 тысяч. Что, скорее всего, будет меньше реальной величины оттока.

Можно также предположить, что в силу разных причин 10–20 % представителей биэтнического множества, еще в начале 2014 г. самоопределявшихся как русские, в дальнейшем изменили (или до 2020 г. изменят) свою самоидентификацию на украинскую или любую другую. Это может привести к потере еще порядка 160–350 тыс. русского населения на Украине.

Таким образом, общая численность последнего за 2014–2020 г. способна сократиться на 350–600 тыс. и составить 3,4–3,9 млн чел. (из которых 1,3–1,5 млн может приходиться на представителей биэтнического множества). Таковы могут быть в самом общем приближении краткосрочные перспективы русских на Украине.

Для положительного (оптимистического) сценария демографической динамики русского населения Украины в 2020-е гг. в качестве базовых параме-

[1] Государственная служба статистики Украины. 1998–2019. URL: http://ukrstat.gov.ua (дата обращения: 27.03.2019).

тров можно принять ежегодную естественную убыль в размере 3–4 ‰; отток порядка 8 тыс. чел. в год; идентификационные потери в размере 10–15 % от общей численности биэтнофоров, самоопределяющихся русскими. В этом случае за период 2021–2030 гг. численность русского населения на Украине сократится на 300–450 тыс. чел. и составит на рубеже четвертого десятилетия XXI в. порядка 3,0–3,45 млн чел. (рис. 1. 27).

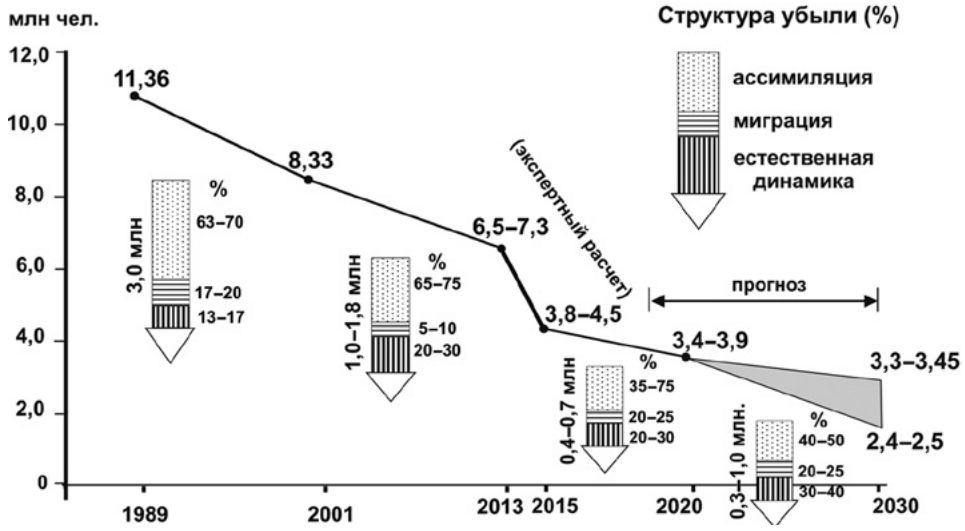

Рис. 1.27. Количественная убыль русского населения Украины и структура потерь, 1989–2030 гг.[1]

При негативном сценарии среднегодовые естественные потери русских могут составлять 9–10 ‰; отток – порядка 20–25 тыс. чел. в год; идентификационная убыль в размере 25–30 % биэтнофоров. При таких показателях численность русских на Украине 2020-е гг. сократится на 0,8–1 млн и составит 2,4–3,1 млн чел.

При этом средний возраст русского населения в может увеличиться на несколько лет, что в дальнейшем будет работать на ускорение естественной убыли, которая уже к середине века может привести к переходу от «ползучего» к обвальному по своим темпам сокращению численности русских в стране[2].

[1] Расчеты автора.

[2] Но и уже имеющиеся итоги демографической динамики неутешительны. За четверть века государственной самостоятельности Украина потеряла до ⅔ своего русского населения, и, хотя она по-прежнему остается крупнейшим средоточием русских за рубежами России, ее превосходство над Казахстаном сократилось самым значительным образом, несмотря на то, что русское население последнего также демонстрирует устойчивую и достаточно быструю депопуляцию. Быстрая депопуляция русских Украины сокращает и общую численность русского народа. Эти потери отчасти компенсировались обрусением российских

Очерченный демографический сценарий, конечно, не является единственно возможным. Но вероятность его в существующих на Украине социальных реалиях возрастает максимально, не исключены и варианты более стремительной депопуляции русского населения страны.

Государственный аспект этнодемографической динамики Украины (долгосрочные перспективы)

Как уже отмечалось, динамика численности русских на Украине в среднесрочной и более отдаленной перспективе в значительной степени будет зависеть от самоопределения русско-украинских биэтнофоров – обширной группы, доля которой в населении страны в настоящее время приближается к 30 %. Иными словами, на современной Украине почти треть населения имеет право во время переписи назваться как русскими, так и украинцами.

В настоящее время выбор представителей этого биэтнического множества в значительной степени становится проекцией их гражданской позиции. Патриоты Украины и сторонники украинской государственности в большинстве своем будут самоопределяться как украинцы, русскоцентричные биэтнофоры назовутся русскими.

Но, являясь проекцией гражданской позиции, этничность параллельно становится и заложницей успешности государственного проекта Украины, его комплексной политической, социально-экономической и социокультурной состоятельности. Если данный проект окажется движением в никуда, затяжной стагнацией и пробуксовкой на месте, определенное число биэтнофоров, разочаровавшись в государстве, может разочароваться и в титульной национальности.

В данном биэтническом множестве всегда будет оставаться немало тех, для кого внутренняя борьба двух самоидентичностей не закончена. Даже если эти люди во время одной или даже ряда следующих переписей назовутся украинцами, это мало что изменит, потому что внутренне они останутся дипольны, продолжая сопоставлять две своих этнокультурных составляющих, в т.ч. через проекции, отбрасываемые стоящими за данными идентичностями государствами.

украинцев. Причем данное, всё еще многочисленное сообщество в последние годы пополнилось еще на 2–2,3 млн чел. (украинцы Крыма и республик Донбасса). Таким образом, сальдо русско-украинского ассимиляционного обмена в постсоветский период оказывается более или менее сбалансированным.

А значит, для самоидентификации этой группы не меньшее значение имеет и эффективность/результативность России. Две страны, два национально-государственных проекта – российский и украинский, их комплексное соперничество на десятилетия вперед становятся (уже стали) внутренними факторами национального самоопределения сотен тысяч (а возможно, и большего числа) жителей Украины.

При наличии широкого спектра вариантов возможного соотношения в будущем двух государств и обществ, центральных сценариев всего несколько. В кратком виде они и основные их этнодемографические последствия могут быть представлены следующим образом[1].

1. Успешная в своем социально-экономическом развитии Украина – хронически депрессивная Россия.

Данное соотношение приведет к ускорению демографического сжатия русских общин, которое уже в среднесрочной перспективе (после 2035–2040 гг.) может перейти в вариант коллапса, аналогичного динамике немецких или еврейских общин на постсоветском пространстве, терявших каждое последующее десятилетие 40–50 % своей численности.

При таком сценарии численность русских на Украине, как уже указывалось, может сократиться до 2,4–3,1 млн чел., а к середине века количественно «схлопнуться» до 0,6–1,1 млн чел., что, впрочем, представляется едва ли не самым катастрофическим из возможных вариантов развития.

2. Динамичная Россия – буксующая застойная Украина.

При реализации такого сценария уже в среднесрочной перспективе (к 2030–2035 гг.), даже при сохранении антироссийского социально-политического курса, сокращение внутреннего витального потенциала русских общин может остановиться или упасть до минимума. Притом что у значительного числа биэтнофоров будет сохраняться внешняя этническая маскировка и во время переписи они будут называться украинцами. Однако внутренняя русскоцентричность таких людей будет сохраняться или даже усиливаться. Таким образом, данные будущих переписей, неизменно фиксирующие сокращение русской общины Украины, будут существенно занижать ее реальный социодемографический потенциал, причем наиболее ощутимо – при сохранении антироссийского социально-политического курса страны.

3. Россия и Украина – два застойных/социально экстенсивных государства.

Вариант, при котором обе страны в течение 2–3 десятилетий не сумеют существенно продвинуться в решении своих центральных проблем – лик-

[1] Сценарии даны для русских общин Украины, без учета народных республик Донбасса, этнодемографические тренды в которых во многих аспектах являются противоположными по своему направлению и должны быть рассмотрены отдельно.

видировать/существенно снизить коррупцию, победить массовую бедность и засилье бюрократии, выйти на динамичный экономический рост. В общем, останутся странами, представляющими разные инварианты полупериферийного капитализма, ставшими социально-экономическими и природоресурсными придатками более развитых соседей (Украина – Европы, Россия – Европы и Китая).

В этом варианте биэтнофорам Украины придется выбирать между двумя малопривлекательными идентичностями. И если на стороне русской будет мощный бэкграунд большого и яркого исторического прошлого, то на стороне украинской – административный ресурс, давление и все тот же гражданский патриотизм. Сокращение региональных русских общин будет в первую очередь определяться естественной убылью, оттоком и межнациональной брачностью, постепенно размывающей их этнокультурное ядро (и таким образом приближающей стадию ускоренного демографического угасания). При данном сценарии численность русских Украины может сокращаться на 15–20 % каждое десятилетие (до 1,8–2,5 млн чел. к середине XXI в.).

4. Россия и Украина – два успешных государства и динамичных общества.

Сценарий, при котором устойчивое развитие обеих стран позволит ощутимо повысить уровень жизни значительной части населения и будет определять высокую степень его социопсихологического оптимизма.

По своим этнодемографическим последствиям данный вариант может быть схож с предыдущим с той разницей, что биэтнофорам Украины придется выбирать между двумя привлекательными идентичностями. Но естественная убыль, некоторый отток и нарастающее межэтническое смешение представителей русской общины сохранятся в любом случае и будут работать на ее сокращение. Хотя темпы убыли могут быть несколько ниже в силу общего социодемографического благополучия украинского общества (меньших масштабов миграции, большей рождаемости и т.д.).

***

Исходя из долговременных тенденций социально-экономического развития обеих стран, наиболее вероятным представляется третий сценарий, который в последние 10–15 лет фактически реализуется как в России, так и на Украине. Обе страны развиваются медленно и «анклавно», демонстрируя серьезный рост в пределах ограниченной группы отраслей экономики, за пределами которых доминирующей тенденцией остается стагнация или экстенсивная динамика.

1.7
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДОНБАССА

Подъем на Донбассе весной 2014 г. пророссийского сепаратистского движения, последовавший вооруженный конфликт и запущенный процесс становления самопровозглашенных республик в качестве политически независимых от Украины социумов уже летом этого года обернулись масштабной миграционной волной, имевшей в том числе и этническую составляющую.

Определенная этнонациональная «сепарация» местного населения происходила с начала его интенсивного оттока из зоны конфликта. Украиноцентричные (в своей массе украинцы) жители Донбасса перемещались в пределы других регионов Украины, русскоцентричное население (с повышенной долей русских) выезжало в Россию.

Таким образом, к моменту стабилизации линии фронта и прекращения активных боевых действий (сентябрь 2014 г.) предварительное этнокультурное размежевание региональных социумов уже состоялось. Хотя пространственный анализ территориальных контуров повстанческого и украинского Донбасса обнаруживает очевидное несовпадение этнических и политических линий военного противостояния, а затем и начавшегося политического размежевания. Масса украинского населения осталась в пределах самопровозглашенных республик, а значительное число русских – на украинской территории региона. Но не вызывает сомнения и тот факт, что ощутимое большинство регионального русского населения приняло сторону ополченцев, а весомая доля местных украинцев хотела, чтобы Донбасс не выходил из состава Украины.

При этом необходимо учитывать и то, что данный регион является территорией с максимально высокой долей смешанного населения. Если даже в пределах остальной Украины биэтническое множество (потомство русско-украинских браков) составляет в настоящее время порядка 30 %, то в Донецкой и Луганской областях к нему может принадлежать до 50–60 % местных жителей. Выбор стороны конфликта таким населением определялся не только внутренними убеждениями, но и суммой конкретных жизненных обстоятельств каждого отдельного человека или отдельной семьи.

Очевидно и то, что социально-политическая судьба Донбасса будет в ощутимой степени определять направление дальнейшей этнодемографической динамики его населения. Значительную часть миграционного оттока из украинской части региона в пределы народных республик и России

с большой вероятностью будут составлять русские (включая смешанное население, этнически идентифицирующее себя как русское). Следовательно, количественный и долевой перевес украинцев среди населения территорий Донбасса, контролируемых Киевом, должен постепенно возрастать (тем более что оставшееся здесь русское и биэтническое население становится объектом комплексной программы украинизации).

Соответственно обратной по своему основному вектору будет эволюция этнической структуры населения народных республик, которые постепенно покидает украиноцентричное население, по крайней мере та его часть, которая осталась после 2014 г. в ожидании возвращения в регион киевской власти. По мере утраты такой надежды территорию ДНР и ЛНР могут покинуть многие десятки тысяч жителей Восточного Донбасса.

Таким образом, в случае закрепления республик в качестве устойчивых административно-территориальных и политических образований в их населении уже в среднесрочной перспективе (к 2025–2030 гг.) могут начать количественно преобладать русские (включая представителей биэтнического множества с русской этнической самоидентификацией).

В конце XX – начале XXI в. в территориальных пределах будущих народных республик Донбасса количественно доминировало украинское население. Согласно переписи 2001 г., на него приходилось 50–55 % всего местного населения, русские составляли около 40 %. К началу 2014 г. данные показатели и их общее соотношение изменились незначительно, и украинцев на данных территориях было по-прежнему больше на ¼–⅓. Учтем, однако, что еще в конце 1980-х гг. это соотношение было скорее обратным. В Донецке – крупнейшем центре Донбасса – русских было на 34 % больше (608 тыс. русских против 454 тыс. украинцев), в Луганске – на 27,7 % (288 и 225 тыс. чел. соответственно).

В целом в пределах урбанизированной зоны Восточного Донбасса, заключавшей подавляющую часть его населения (порядка 85–90 %), удельный вес русских в 1950–1980-е гг. несколько превосходил долю украинцев и сократился только в постсоветский период, в социально-политических условиях независимой, национально ориентированной Украины, после смещения части смешанного населения региона к своей титульной идентичности. Таким образом, в реальности можно говорить о примерном количественном и удельном равновесии двух национальных сообществ, существовавшем в Восточном Донбассе в последние десятилетия.

Доминировавший в 1990–2000-е гг. тренд этнокультурной украинизации местного населения был в значительной степени внешним, фиксирующим

в первую очередь сумму адаптацинно-маскировочных практик, а не реальное этнокультурное самоощущение местного населения, в значительной степени представленного биэтнофорами.

В этом отношении военный конфликт 2014 г. стал для жителей Восточного Донбасса более серьезным этнокультурным водоразделом, потребовавшим от массы людей ответственного и однозначного национального самоопределения, поскольку от последнего теперь в значительной степени зависел выбор судьбы и дальнейшей жизненной траектории.

Данный выбор зачастую и определял направление вынужденной миграции – в Россию или в другие регионы Украины. И то и другое направление выбрали многие сотни тысяч беженцев[1]. Порядка 200–300 тыс. выехавших на Украину не вернулись на территорию Восточного Донбасса к концу 2015 г. Очевидно, что основную часть данного множества составляли этнические украинцы и украиноцентричные биэтнофоры, решившие не возвращаться на восток и начавшие укореняться в принявших их региональных сообществах страны.

Таким образом, уже в 2015–1016 гг. соотношение русских и украинцев в пределах народных республик могло заметно «подравняться». Особенно после массового возвращения в ДНР и ЛНР беженцев из российских регионов, представленных в значительной степени русскоцентричным населением.

Наконец, необходимо учесть пошедшую вспять удельную динамику местного биэтнического множества. Мы отмечали, что в пределах всей Украины

[1] Цифры, озвучиваемые официальными лицами Украины и междугородными организациями, значительно выше. К весне 2015 г. число беженцев в пределах страны по данным ООН составляло почти 1,3 млн чел. Основная масса беженцев разместилась в контролируемых украинской армией районах Донецкой и Луганской областей (647 тыс. чел. – более 50 %), а также в прилегающих к Донбассу регионах Украины (в Харьковской, Запорожской, Днепропетровской областях, в которых в сумме было зарегистрировано 333 тыс. чел. – почти 26 % перемещенных лиц).

Таким образом, в непосредственной близости от народных республик находилось более ¾ всех беженцев. При этом самую значительную часть из них составляли пенсионеры. Из 470 тыс. беженцев в украинской части Донецкой области пенсионеров было более 70 %; из 176 тыс. перемещенных лиц, зарегистрированных в контролируемых ВСУ районах Луганской области, – более 75 %.

Подобная возрастная структура, как и сама география размещения этого контингента, дает все основания считать, что реальное число вынужденных переселенцев в пределах Украины было кратно ниже цифры, озвученной специалистами ООН. Как замечает В.В. Волк, «люди живут в Донецке, Новоазовске и Луганске, а по документам “числятся” в Мариуполе, Харькове или Артёмовске, где родственники получают пенсию в банкоматах и правдами-неправдами переправляют её в зону так называемой АТО. Украина неоднократно пыталась закрыть такую возможность выживания людей, но сотрудники пенсионного фонда и соцслужб в основном – люди “свои” – понимающие и сочувствующие своим попавшим в беду согражданам и стараются помочь им» (*Волк В.В.* Беженцы Донбасса: декларации и реализация // Центр Сулакшина (Центр политической мысли и идеологии). 03.06.2015. URL: http://rusrand.ru/analytics/bezhentsy-donbassa-deklaratsii-i-realizatsija (дата обращения: 27.03.2019)).

к 2014 г. до 80–90 % биэтнофоров уже самоопределялись как украинцы. В пределах Донбасса, в котором влияние России оставалось достаточно ощутимым на всем протяжении постсоветского периода, данное соотношение не было столь неравновесным, хотя после четверти века государственной независимости Украины порядка ⅔ местного смешанного населения могло выбирать титульную национальность. Появление пророссийских народных республик должно было остановить смещение представителей биэтнического множества к украинской самоидентификации. А наблюдаемая в последние годы политическая стабилизация ДНР и ЛНР неизбежно включила обратный этнодемографический тренд.

Учитывая, что в пределах республик не менее половины населения может относиться к данному биэтническому множеству, переход даже 10–15 % его представителей из украинской идентичности к русской может увеличить русское население ДНР на 80–130 тыс. чел., ЛНР – на 50–70 тыс. (и настолько же сократить число местных украинцев). Поэтому есть все основания полагать, что если бы перепись населения в народных республиках была проведена в настоящее время (2019 г.), она уже обнаружила бы некоторый количественный перевес русских (соотношение двух ведущих национальностей с большой вероятностью вернулось бы к композиции конца советского периода).

Учитывая, что реальная численность населения двух республик в 2017–2018 гг. может составлять порядка 2,6–2,9 млн чел. (1,5–1,8 млн – Донецкой и 1,0–1,1 млн – Луганской)[1], русское население Восточного Донбасса в настоящее время может составлять порядка 1,15–1,45 млн чел., украинское – 1–1,15 млн.

В дальнейшем, при сохранении народных республик, данное соотношение будет смещаться в сторону уже обозначившегося русского этнокультурного большинства. Притом что по другую сторону границы, на территориях Донбасса, контролируемых Киевом, этнодемографический тренд будет противоположным.

Таким образом, социально-политическая судьба двух частей региона будет в значительной степени определять дальнейшую этническую динамику их населения. Однако любой из возможных в современной ситуации сценариев демографической динамики Донбасса окажется сопряжен с масштабной убылью местного населения.

Каковы бы ни были итоги противостояния на Востоке Украины, кто бы в конце концов ни оказался победителем, демографические (естественные и миграционные) потери региона, стоившие ему уже порядка 1–1,5 млн жителей, в среднесрочной перспективе обойдутся ему в несколько сотен тысяч человек.

[1] *Сущий С.Я.* Этнодемографические аспекты русско-украинского взаимодействия (Украина и Юг России). Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. С. 255.

ГЛАВА 2

РУССКИЕ В БЕЛОРУССИИ И МОЛДАВИИ

2.1

РУССКИЕ БЕЛОРУССИИ

Имперский период

Как и в случае с русско-украинским взаимодействием, центральные ареалы расселения «проторусского» и «протобелорусского» населения были разнесены пространственно на несколько сотен километров. Однако ряд периферийных регионов двух формирующихся народов не просто соприкасался, но на некоторых территориях достаточно продолжительное время представлял собой почти единый демографический массив со слабо выраженной этнокультурной спецификой, совмещавшей черты обоих сообществ.

Аналогичным образом этот этнокультурный лимитроф совмещался в XVI–XVII вв. с государственным порубежьем Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского (после 1569 г. – Речи Посполитой). Государственная принадлежность таких периферийных территорий, как правило, и определяла этнокультурную эволюцию местного населения – становилось ли оно со временем великорусским или постепенно приобретало белорусские языковые, бытовые, психоментальные и социокультурные характеристики.

Причем, в отличие от русско-украинского лимитрофа, пространство русско-белорусского этнокультурного взаимодействия территориально оставалось достаточно устойчивым и не могло быть увеличено за счет территорий нового освоения. «Пустых» районов вокруг него просто не было.

А плотная система расселения со стороны обоих этнокультурных ареалов ограничивала миграционное взаимопроникновение представителей двух народов. Что, конечно, не мешало локальной взаимной инфильтрации, постоянной пограничной циркуляции населения и появления некоторого числа выходцев из Московского государства на белорусских землях, входящих в состав Речи Посполитой. Однако речь, как правило, шла об «одиночках» или небольших группах. Численность русских в пределах будущей Беларуси кратно выросла после церковного раскола. Во второй половине XVII в. на белорусских землях формируется два основных ареала расселения старообрядцев – в Полесье, недалеко от Гомеля (вокруг поселения Ветка), и около Браслава и Видзы (Подвинье, современная Витебская область).

Данные группы русского населения могли насчитывать многие тысячи человек. Имеются свидетельства, что во время карательной экспедиции, предпринятой в 1735 г. российскими властями против первого из этих ареалов раскольников, было захвачено и выселено в Россию около 14 тыс. чел. (Ветка находилась всего в 70–80 км от русско-польской границы.) Спустя три десятилетия (в 1764 г.) карательная акция была повторена, и старообрядцы, сумевшие укрыться от нее, ушли дальше на запад, расселившись по Минскому воеводству.

К концу XVIII в., когда белорусские земли после трех разделов Польского государства полностью оказались в составе Российской империи на территории будущей Беларуси, по расчетам В.М. Кабузана, проживало порядка 40 тыс. чел. русского населения[1]. Из них 27,6 тыс. приходилось на земли будущей Витебской губернии. В Могилёвской и Минской губерниях находилось соответственно 8 и 3,5 тыс. чел. русских.

Однако существуют и другие точки зрения. Особенно с учетом того обстоятельства, что с момента последнего присоединения Смоленска с окрестностями «новая русско-польская граница так и не оформилась окончательно и оставалась “неразведенной”, заставы и пограничные таможни во многих местах отсутствовали»[2]. Прозрачность границы являлась причиной массового бегства российских крепостных крестьян (в подавляющем большинстве русских) на польскую сторону. Согласно Ю.А. Борисенку, в начале 1760-х гг. численность беглых составляла примерно 120 тыс. душ мужского пола, что вело к серьезному опустошению пограничных уездов Смоленской губернии, Псковской и Великолуцкой провинций[3].

---

[1] *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 279.

[2] *Борисенок Ю.А.* Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 117.

[3] Там же.

Если порядок данных цифр соответствует действительности, то уже в середине XVIII в. русское население на белорусских землях могло приближаться к четверти миллиона человек. Причем самая значительная часть этого множества должна была концентрироваться на востоке белорусского этнокультурного ареала – едва ли беглецы стали бы далеко продвигаться на запад. Тем более что в этом направлении плотность системы крестьянского расселения только росла. Однако и в восточных провинциях она была весьма значительной, чтобы дать возможность разместиться на местных малоплодородных землях столь большому числу русских новоселов.

Не подтверждает столь масштабного русского демографического проникновения в пределы белорусских земель и последующая количественная динамика русского населения. Согласно 10-й ревизии (1858 г.), численность русских в четырех белорусских губерниях составляла 69 тыс. чел. (1,5 % от общего числа жителей). Таким образом, в первой половине – середине XIX в. либо наблюдался медленный рост русского этнического присутствия на белорусских землях, либо произошло кардинальное его сокращение. Первое представляется значительно более вероятным. При этом низкие темпы этого роста указывали на то, что он был связан в первую очередь с естественной динамикой местного русского населения. Не изменилась и его география – основная масса русских по-прежнему была сосредоточена в Витебской губернии. Миграционный приток русских из центральной и северо-западной России оставался незначительным. Болотистые земли, к тому же достаточно плотно населенные, едва ли могли привлечь к себе крестьян-колонистов, а городская сеть, состоящая из множества маленьких центров и местечек, оставалась совсем непривлекательной для трудовых мигрантов из других макрорегионов Российского государства.

Положение начинает меняться в пореформенные десятилетия. Ускорение социально-экономического развития и набирающая темпы урбанизация – основные катализаторы миграционной активности населения на всем пространстве империи. Народы, многие десятилетия (если не века) плотно сидевшие в своих этнических ареалах, всё активнее включаются в жизнедеятельные циклы огромной страны, переселяются в другие ее регионы, иногда удаленные на тысячи километров от родных мест.

В отдельных случаях весомую роль могли играть и политические события. Расширение русского присутствия в пределах белорусского этнического ареала относилось к их числу. Миграционный приток, помимо влияния экономических факторов, был связан с переселением на земли польского дворянства русских помещиков, начавшимся после подавления Польского восстания 1863–1864 гг.

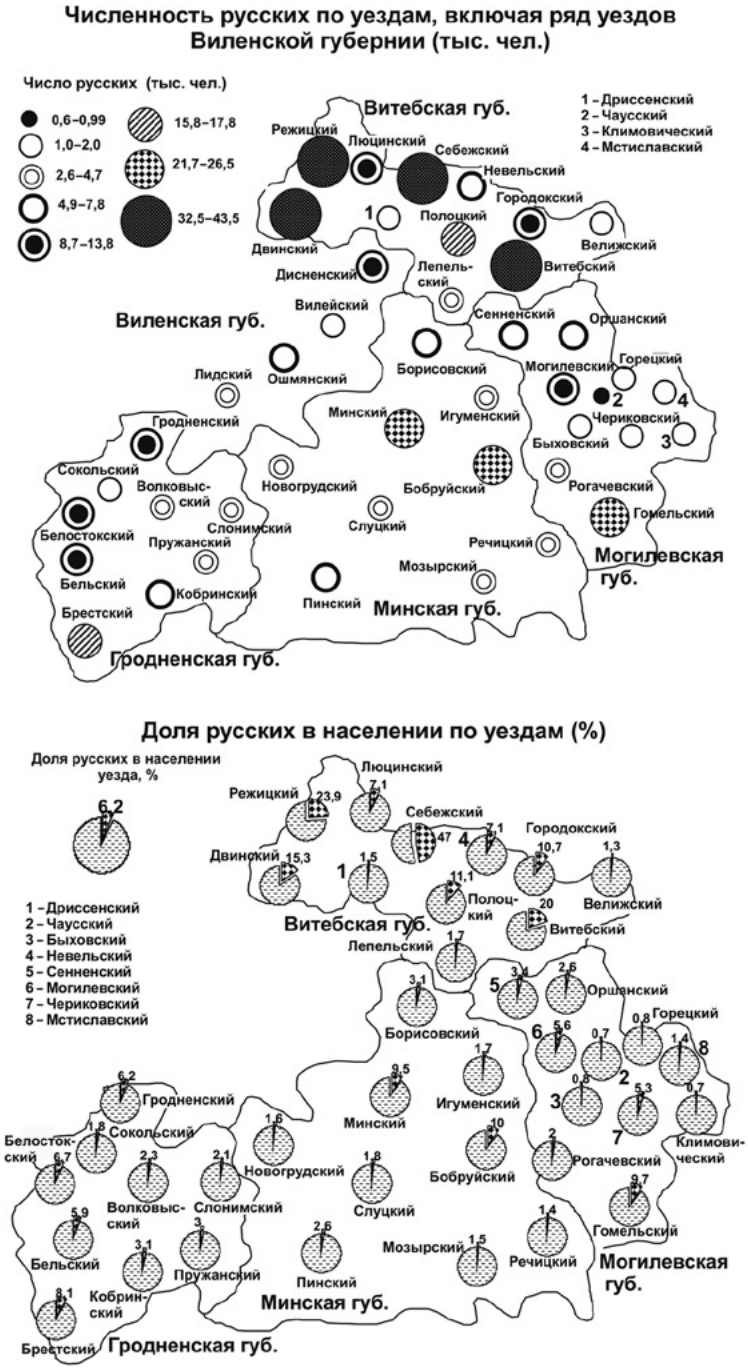

Рис. 2.1. Русские в белорусских губерниях, 1897 г.[1]

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan

За период 1858–1897 гг. число русских в четырех белорусских губерниях вырастает в 6 раз – с 69 до 414 тыс. чел. (6,2 % всего населения). При этом география их расселения изменилась незначительно. По-прежнему значительная часть русских проживала в Витебской губернии, в Себежском узде которой их доля составляла почти половину населения, в Режицком уезде – чуть менее четверти, в Полоцком – 20 % (рис. 2.1; табл. 2.1).

Таблица 2.1. Динамика русского населения в белорусских губерниях, 1795–1917 гг.[1]

Губернии	Численность русских, тыс. чел.				Доля русских в населении, %			
	1795	1858	1897	1917	1795	1858	1897	1917
Витебская	27,6	43,5	198,0	456	3,8	5,5	133	23,4
Гродненская	–	2,7	74,1	6,1	–	0,3	4,6	0,3
Минская	3,5	5,0	84,0	231	0,4	0,5	3,9	7,6
Могилёвская	8,2	17,5	58,1	809	1,0	2,0	3,4	32,9

В несколько раз за последнюю треть XIX в. выросло число русских и в Могилёвской губернии, а в двух других губерниях (Гродненской и Минской) их стало больше на порядок (табл. 2.1). Хотя в долевом соотношении они всё еще составляли несколько процентов. Показательно, однако, что гендерная структура русского населения была сбалансированной только в Витебской губернии (на 100 женщин здесь приходилось 108,6 мужчин). В Могилёвской губернии, также граничившей с великорусским центром, мужской перевес был несколько больше (114,5 мужчин на 100 женщин), в Минской поднимался до 135 чел., а в самой западной из губерний – Гродненской – на 100 русских женщин приходилось уже 240 мужчин, что являлось одним из признаков начальной стадии освоения этнической группой данной территории.

Система расселения русских в белорусских губерниях обнаруживала и другую особенность, характерную для русского населения в пределах всех национальных регионов империи. На территориях с плотной системой расселения коренных поселян русские максимально тяготели к городам и демонстрировали более высокий уровень урбанизации, чем в пределах собственно великорусского ареала. К рубежу XIX–XX вв. наиболее урбанизированным являлось русское население на западно-белорусских землях. Чем менее социоэтнокультурно близким оказывался район проживания русских, тем более они тяготели к его городским центрам. Если в Могилёвской губер-

[1] Составлено по: *Кабузан В.М.* Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan

нии в конце XIX в. в городах проживало менее четверти местных русских, то в Минской и Гродненской губерниях – уже больше половины (рис. 2.2).

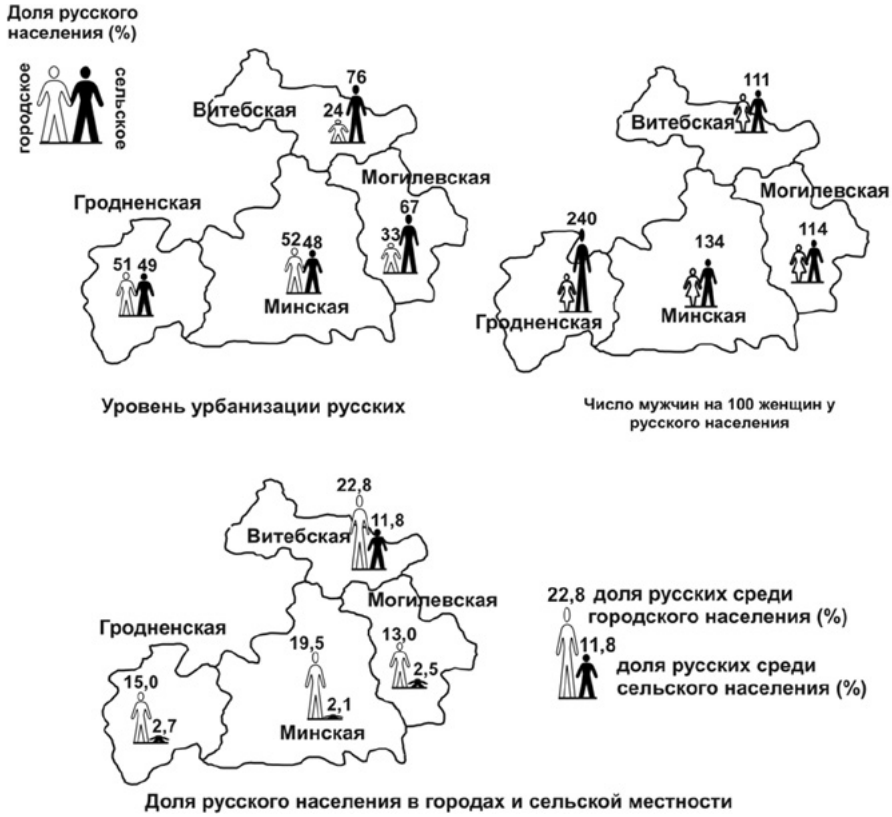

Рис. 2.2. Гендерная структура и расселенческие характеристики русских белорусских губерний, 1897 г.[1]

Начало XX в. продолжает этнодемографические тенденции предыдущих десятилетий. Число русских в пределах белорусского этнического ареала продолжает быстро расти. Согласно данным В.М. Кабузана, в 1917 г. в четырех белорусских губерниях проживало уже более 1460 тыс. русских [Кабузан, 1996, с. 279]. При этом выведенные им для этого года значения удельного веса русского населения на данных территориях при перерасчете в абсолютные цифры дают еще более значительную демографическую величину, превышающую 1,5 млн чел. В любом случае к концу имперского периода мог быть достигнут исторический максимум русского этнокультурного присутствия на белорусских землях, который не был превзойден даже в советский период.

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan

Однако вопрос в том, насколько ситуация 1917 г. соответствовала реалиям довоенного времени, то есть отражала устойчивые тренды этнодемографической динамики данного национального региона, а не конкретику военного времени, связанную с перемещениями огромных масс беженцев. В годы Первой мировой войны линия фронта проходила непосредственно через территорию белорусских губерний. А в таких условиях национальная структура населения (как и все другие его значимые характеристики) была подвержена непрерывным и весьма существенным трансформациям, связанным с военно-политической ситуацией и движением линии фронта.

На это в частности указывают и данные по отдельным территориям. Так, в Могилёвской губернии доля русских в структуре населения в 1917 г. достигала 32,9 % (против 3,4 % в 1897 г.), а в Гродненской составляла только 0,3 % (4,6 % в 1897 г.). Набравший темп процесс обрусения части белорусского населения Могилёвской губернии, на который указывает В.М. Кабузан, мог быть только одной из причин столь стремительного абсолютного и удельного роста русских, число которых за 20 лет (1897–1917) выросло в 14 раз и превысило 800 тыс. чел. Существенную роль, очевидно, играли и потоки беженцев, покидавших территорию Западной Белоруссии и временно оседавших в ее восточных районах. По крайней мере 15-кратное сокращение удельного веса русских в пределах Гродненской губернии определялось в первую очередь именно этой причиной.

Впрочем, общая численность русского населения, сконцентрированного в это время на белорусских землях (прежде всего в Витебской и Могилёвской губерниях), – прямое свидетельство значительного его демографического роста здесь в первые полтора десятилетия XX в.

Советский период

Первая мировая сменилась Гражданской войной, последовавшим разделом белорусского этнического ареала между Советской Россией и Польской Республикой. Самым существенным образом изменилось и административно-территориальное устройство бывших белорусских губерний, расформированных уже на рубеже 1920–1930-х гг. Согласно переписи 1920 г., в пределах двух новых областей – Витебской и Гомельской[1] – проживало около 1,7 млн русских (табл. 2.2).

[1] Вторая из них в основном занимала земли бывшей Могилёвской губернии.

Таблица 2.2. Ведущие национальные сообщества двух областей Советской России в 1920 г.[1]

Области	Русские		Белорусы	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Витебская	446	32,6	779	40,9
Гомельская	1269	53,4	792	32,1

В составе Белорусской ССР, созданной в 1922 г., находились округа, которые в конце данного десятилетия составили территории четырех областей – Минской, Могилёвской, Витебской и Гомельской. Земли имперской Гродненской и западные уезды Минской губерний вошли в состав Польши.

Перепись 1926 г. зафиксировала в пределах Белорусской ССР 384 тыс. русских (7,7 % населения республики), почти в четыре раза меньше, чем их проживало в четырех белорусских губерниях в самом конце имперского периода (1916–1917 гг.). Конечно, БССР в середине 1920-х гг. занимала меньшую территорию. Однако она включала все те районы, в которых была расселена основная масса русского населения. На западнобелорусских землях, отошедших к Польше в середине 1920-х гг., оставалось около 100 тыс. русских. Рассчитывая динамику численности русских в пространственном контуре современной Беларуси, В.М. Кабузан дает для 1917 г. цифру 1461 тыс. чел., а для 1926 г. – 485 тыс. чел.[2] – без объяснения причин этого трехкратного сокращения, которое в данном случае не может быть объяснено административным переделом (территория одна). Нельзя объяснить это сокращение и миграционным оттоком русского населения в период Первой мировой и Гражданской войн. Как уже отмечалось, еще в 1920 г. в двух областях, составивших территориальную основу БССР, русских насчитывалось 1,7 млн чел. Конечно, отток мог происходить и в последующие годы. По данным переписи 1926 г., отрицательное сальдо миграции составило для Белоруссии 469 тыс. чел.[3] Но покидали пределы республики не только русские.

Очевидно, что центральную роль в столь разительном демографическом сжатии русского населения на белорусских землях играла динамика самоопределения населения со сложной национальной идентичностью. Именно активное обрусение части белорусов являлось причиной масштабного роста русского этнического присутствия в пределах Витебской и Могилёвской губерний. Но это же самое население, считавшее себя русским в 1917

[1] Составлено по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. М., 1924. С. 30–31.
[2] *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 279.
[3] Русские. Этносоциальные очерки. М., 1992. С. 29.

и 1920 гг., во время переписи 1926 г. самоопределилось в качестве белорусов. Среди основных причин – появление «собственной» национальной республики и общая политика советской власти, до второй половины 1920-х гг. направленная на активную поддержку всех национальных меньшинств государства. Конечно, белорусизация общественной жизни БССР была не столь масштабной, как украинизация в соседней советской республике. И тем не менее она могла играть заметную роль в развороте вектора ассимиляционного процесса.

Показательно сравнение национального состава населения двух областей, составивших территориальную основу Белорусской ССР (1920 г.) и самой Белоруссии (1926 г.). За шесть лет соотношение русских и белорусов изменилось кардинально (табл. 2.3). В самом первом приближении в пределах БССР около 1,5 млн чел., ранее самоопределявшихся как русские, в 1926 г. назвались белорусами. Это сказалось и на их общей численности в стране: если в 1920 г. белорусов в СССР было 1,89 млн чел., то в 1926 г. уже 4,74 млн чел.

Заметим, что данная масштабная идентификационная инверсия осталась практически незамеченной (и потому неисследованной) научным сообществом, в отличие, например, от массового обрусения в 1930-е гг. южнороссийских или дальневосточных украинцев.

Таблица 2.3. Национальный состав населения двух «белорусских» областей Советской России (1920 г.) и БССР (1926 г.)[1]

Национальности	**Витебская и Гомельская области, 1920 г.**		**Белорусская ССР, 1926 г.**	
	тыс. чел.	**%**	**тыс. чел.**	**%**
Русские	1715	45,8	383,8	7,7
Украинцы	103,1	2,75	34,7	0,7
Белорусы	1571	42,0	4017	80,6
Поляки	33,4	0,9	97,5	2,0
Евреи	290,8	7,8	407,1	8,2
Остальные	30	0,8	43	0,9
Всего	**3743**	**100**	**4983**	**100**

Итак, активное обрусение белорусов в начале XX в. (в конце первой его четверти) остановилось и пошло вспять, как это произошло веком ранее, после включения белорусского этнокультурного ареала в состав Российской империи, с процессом полонизации белорусов, в свое время также

[1] Составлено по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 30–31; данные Всесоюзной переписи населения 1926 г.

имевшим значительные масштабы. Таким образом, белорусы демонстрировали высокую идентификационную пластичность и восприимчивость к реализуемому центральной властью социоэтнокультурному проекту. В разное время они в значительном числе самоопределялись как поляки, как русские, а когда советская власть в своей борьбе с великорусским шовинизмом начала всемерно поддерживать национальные меньшинства, белорусское население не столько вернулось к своей «базовой» социоэтнокультурной идентичности (до начала XX в. она оставалась весьма расплывчатой), сколько приступило к окончательному ее оформлению. Данный процесс всё более устойчивой идентификации себя как белорусов и представлял основное содержание становления самостоятельной белорусской нации.

Так или иначе, но численность русских в пределах республики в середине 1920-х гг. вернулась к уровню конца XIX в. Но с учетом того, что всё население за этот период заметно выросло, доля русских в большинстве округов БССР оказалась ниже, чем в соответствующих уездах белорусских губерний. Исключение составил только юго-запад республики – Гомельский и Речицкий округа, которые за 30-летний период (1897–1926 гг.) превратились в крупнейшее средоточие русского населения, широко расселенное как в местных городах, так и в сельской местности. Если во всей остальной Белоруссии удельный вес русских в сельских территориях составлял 0,5–5,8 %, то в Речицком уезде их доля была уже более четверти местных поселян, а в Гомельском – 38 % (рис. 2.3). Столь значительный вес в пределах сельской местности, как правило, был связан с высокой степенью территориальной укорененности. На это же указывала и сбалансированная гендерная структура местных русских. Тем более что на западе и в центре республики мужской перевес у русского населения оставался 2–3-кратным (рис. 2.4).

> *В целом же по БССР местными уроженцами, входившими в состав ее территориальных сообществ, в середине 1920-х гг. являлось 67 % русских. Причем для сельского населения данный показатель был еще выше – 81 %, тогда как среди русских горожан республики составлял только 39 %*[1].

Почти не изменилась в первой четверти XX в. и форма расселения русских. Уровень их урбанизации за 1897–1926 гг. на белорусских землях даже незначительно снизился (с 35,9 до 34,5 %). А Минск на время утратил зна-

[1] Русские. Этносоциальные очерки. С. 29.

чение ведущего «русского» центра, уступив это место Витебску и Гомелю, в каждом из которых русских в середине 1920-х гг. было в два раза больше, чем в республиканской столице.

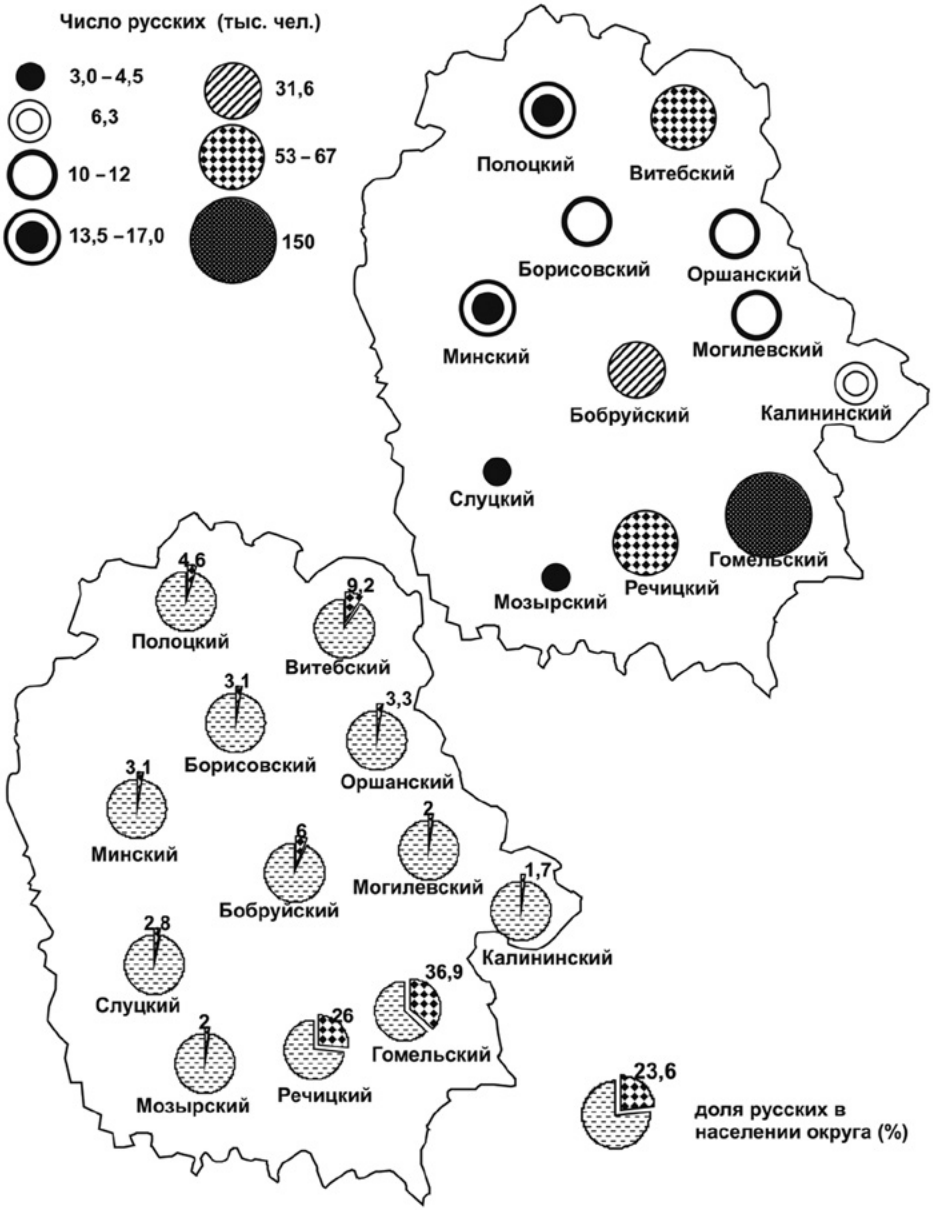

Рис. 2.3. Русские по округам Белорусской ССР, 1926 г. (тыс. чел., %)[1]

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php

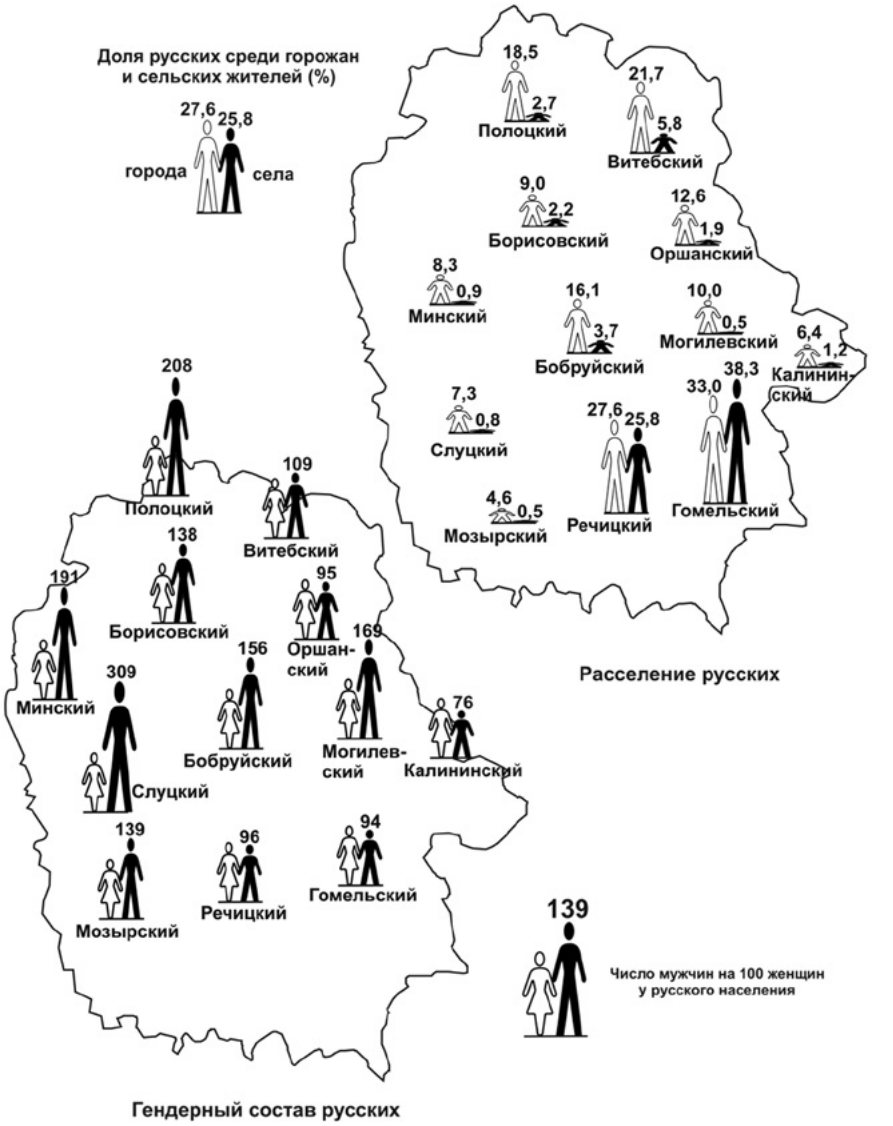

Рис. 2.4. Гендерные и расселенческие характеристики русских по округам Белорусской ССР, 1926 г.[1]

Итак, начало советского периода было связано с ускоренным становлением белорусской нации и окончательным этнокультурным самоопределением «протобелорусского» населения. Одним из следствий этого процесса стало кратное сокращение жителей республики, идентифицирующих себя как русских. Численность их в середине 1920-х гг. составляла менее 400 тыс. чел. Последующие

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php

полтора десятилетия, связанные с масштабной социально-экономической динамикой Советского Союза, на этой цифре отразились скорее негативно. По данным переписи 1939 г., численность русских в БССР даже несколько сократилась, составив 364,7 тыс. чел. Между тем с учетом существовавшего в этот период устойчивого естественного прироста русское население республики за 1926–1939 гг. должно было вырасти с 384 тыс. до 435–450 тыс. чел. Таким образом, общие демографические потери русских республики составляли порядка 70–85 тыс. чел. Они могли быть связаны как с миграцией (отъезд на учебу или на одну из всесоюзных строек), так и с завершением начатого в 1920-е гг. процесса активной этнокультурной титулизации белорусского населения.

В географии русских республики произошли заметные изменения, детальный анализ которых, однако, осложняет реформа административно-территориального устройства, появление на месте 12 округов пяти областей. Прежде всего, можно отметить существенное демографическое сжатие русского населения на юго-востоке Белоруссии. Если в Гомельском округе в 1926 г. русских было 150 тыс. чел. (39 % от общего числа в республике), то в значительно большей по территории Гомельской области в 1939 г. осталось только 71 тыс. чел. Соответственно, самым существенным образом сократился и удельный вес их в составе местного населения (табл. 2.4).

Таблица 2.4. Русское население Белорусской ССР в 1939 г.[1]

Области и республика в целом	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
Витебская	101,0	52,6	48,4	52,1	7,9	15,3	5,2	151	110	218
Гомельская	71,3	38,1	33,2	53,4	7,8	15,0	5,1	155	116	221
Минская	79,5	46,4	33,1	58,4	6,1	12,0	3,6	190	129	306
Могилёвская	86,6	40,2	46,4	46,5	6,2	12,7	4,3	194	131	285
Полесская	26,3	4,9	21,4	18,6	3,9	6,5	3,6	370	223	426
Вся БССР	**364,7**	**182,3**	**182,4**	**50,0**	**6,5**	**13,2**	**4,3**	**179**	**122**	**274**

Весьма ощутимым оказался у республиканских русских и гендерный дисбаланс. За период 1926–1939 гг. число русских мужчин в республике выросло на 15 % (с 202 до 234 тыс. чел.), а количество женщин сократилось на 29 % (с 182 до 131 тыс. чел.). Как результат, уже вполне сбалансированная

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac _39.php

гендерная структура русского населения вновь оказалась серьезно нарушенной. На 100 женщин в конце 1930-х гг. приходилось 179 мужчин (против 110 в 1926 г.). Причем мужской перевес обнаруживался у русских практически на всей территории республики, как в сельской местности, так и в городской среде (за исключением городских центров Витебской и Гомельской областей).

Причины данного явления требуют отдельного анализа. Заметим только, что едва ли данный дисбаланс мог быть результатом миграции, поскольку именно мужчины, более активно включенные в процессы индустриализации и урбанизации, составляли значительную часть учебной и трудовой миграции, направленной из республики в другие макрорегионы СССР.

А спустя год после переписи 1939 г. в состав республики были включены западно-белорусские земли, «ушедшие» из СССР в Польшу и Литву в начале 1920-х. Однако последняя к этому времени перепись населения Польши проводилась в 1931 г., Литвы – в 1923 г. Таким образом, определение численности русского населения данных территорий на рубеже 1940-х гг. требует специальных расчетов. Занимавшиеся данной проблемой специалисты ЦСУ СССР (конец 1950-х гг.) пришли к выводу, что в пределах Западной Белоруссии на момент возвращения в состав Советского Союза проживало 169,4 тыс. русских. Авторы коллективной монографии «Население России в XX веке» после перерасчета сократили данную цифру до 101 тыс. чел.[1] Но в научной литературе присутствуют и другие оценки. Согласно В.М. Кабузану, в 1926 г. в Белоруссии в ее послевоенном пространственном формате проживало 485 тыс. русских (5,9 % всего населения), а в 1939 г. – 536 тыс. чел. (6 %)[2]. На землях «зарубежной» Белоруссии в 1926 г. могло находиться 101 тыс., а в 1939 г. – 171 тыс. русских. Но анализ этнической структуры населения соответствующих польских территорий в 1920–1930-е гг. дает гораздо меньшие цифры.

По переписи 1931 г.[3], из 1052 тыс. жителей Новогрудненского воеводства Польши (по своей территории в целом соответствовавшего современной Гродненской области) основными группами населения были поляки (553,9 тыс.), белорусы (413,5 тыс.) и евреи (76 тыс.). На все остальные национальности, включая русских, приходилось в сумме только 13,2 тыс. чел. Система русского расселения, сложившаяся на данных территориях во второй половине XIX – начале XX в., в послереволюционный период прекратила свое существование.

[1] Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 10.

[2] *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 279.

[3] Во время данной переписи населения Польши, аналогично Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., задавался вопрос не о национальной принадлежности, но о родном языке и вероисповедании. Именно родной язык может быть взят за оценку этнической структуры населения, что при известной неточности позволяет получить в целом объективную картину изучаемого явления.

Аналогичным образом ушли русские с территории Полесского воеводства (современные Брестская область Беларуси и северные районы Волынской и Ровенской областей Украины). Из 1132 тыс. местных жителей 62,6 % составляли белорусы, 15 % – поляки, 10 % – евреи, 5 % – украинцы. На остальные национальности, включая достаточно многочисленных цыган, приходилось только 7,4 % населения (84 тыс. чел.). Таким образом, в пределах данных двух воеводств в начале 1930-х гг. могло проживать не более 20–40 тыс. русских[1]*. А к концу этого десятилетия число их могло еще больше сократиться.*

Но если всё же предположить, что ближе к действительности цифра, предложенная авторами указанной выше монографии, то численность русских в Белорусской ССР перед войной составляла около 465 тыс. чел. (4,4 % от общей численности населения).

В последующие несколько лет демографическая динамика республики была связана с самой кровопролитной в истории человечества войной, которая унесла жизни почти четверти населения Советской Белоруссии. Есть все основания полагать, что не меньшими оказались и удельные потери местного русского населения. Таким образом, в середине 1940-х гг., после возвращения из эвакуации основного массива беженцев, в республике могло насчитываться порядка 330–350 тыс. русских.

Однако вызванная войной мощная турбулентность, охватившая население большей части Советского Союза, способствовала притоку в республику новых переселенцев. Перепись 1959 г. зафиксировала в пределах Белоруссии уже 660 тыс. русских, которые по целому ряду социодемографических характеристик заметно отличались от довоенного русского населения республики. Самым существенным образом повысился уровень урбанизации (с 50 до 72,9 %). Кардинальным образом изменилась гендерная структура. Почти двойной мужской количественный перевес, обнаруживаемый у республиканских русских на протяжении всего межвоенного периода, сменился количественной доминантой женского населения. Центральную роль в этом сыграла Великая Отечественная война и огромные потери мужского населения. Но, очевидно, имелись и другие причины[2], в т. ч. постепенно возраставшая укорененность русского населения.

[1] И в целом Польша, на рубеже 1920-х гг. ставшая одним из демографических эпицентров всего русского зарубежья, буквально за несколько лет утратила данное качество. По переписи 1931 г., численность русских в Польше составляла порядка 120–130 тыс. чел. (0,4 %) – в разы меньше, чем в начале 1920-х гг.

[2] Напомним, что предыдущий военный период, включавший также две затяжные и кровопролитные военные кампании, связанные с масштабной сверхсмертностью мужского населения, не имел таких гендерных последствий для русского населения Белоруссии, сохранявшего и в начале 1920-х гг. значительный количественный перевес мужчин.

Его быстрый демографический рост продолжался еще несколько десятилетий, хотя темпы этого процесса постепенно сокращались. Если в конце 1940-х гг. и в 1950-е гг. они могли достигать 5–7 % в год, то в 1960-е гг. ежегодный рост сократился до 3 %, в 1970-е гг. составил 2,3 %, снизившись в последнее советское десятилетие до 1,8 %.

Охватывая все области республики, этот восходящий демографический тренд имел ярко выраженную расселенческую специфику – он был приурочен к городской системе. Набрав стремительный темп в послевоенный восстановительный период развития республики, процесс урбанизации русского населения Белоруссии продолжился и дальше. За период 1939–1989 гг. сельских русских в БССР стало меньше на 2,6 %, зато число русских горожан увеличилось более чем в 6 раз (со 182 до 1164 тыс. чел.) (табл. 2.5).

Таблица 2.5. Русское население Белоруссии, 1939–1989 гг.[1]

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
1939	364,7	182,3	182,4	50,0	6,5	13,2	4,3	179	122	274
1959	659,1	480,4	178,7	72,9	8,2	19,4	3,2	86	84	93
1970	938,2	768,6	169,6	81,9	10,4	19,7	3,3	96	95	100
1979	1134,1	978,1	156,0	86,2	11,9	18,7	3,6	94	93	99
1989	1342,1	1164,4	177,7	86,8	13,2	17,5	5,1	91	90	96

Активный процесс урбанизации был одним из основных факторов территориального перераспределения русского населения в пределах Белоруссии. Весь естественный прирост местных русских поселян за 1959–1989 гг. (а это 40–50 тыс. чел.) был «съеден» миграционным оттоком, основным направлением которого являлись города самой республики, и прежде всего крупнейший ее центр. Численность русских в Минске за 1959–1989 гг. увеличилась в 2,8 раза (со 116 до 325 тыс. чел.), тогда как в остальных городах – в 2,3 раза. Городская система БССР притягивала к себе русских переселенцев и из сопредельных регионов РСФСР.

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac _

В восточных областях Белоруссии в послевоенные десятилетия «активно развивались новые отрасли промышленности (химическая, нефтеперерабатывающая, электротехническая и некоторые другие), что требовало дополнительного привлечения квалифицированных специалистов, поэтому большинство русских мигрантов расселились в городских населенных пунктах»[1].

Сказанное о восточных регионах в действительности имело отношение ко всей территории республики. Русское этнокультурное присутствие в городах двух западных областей БССР в последние советские десятилетия росло в сопоставимых масштабах. И общий уровень урбанизации русского населения в республике за 1959–1989 гг. вырос с 72,8 до 86,8 %.

Однако многократный рост численности русских горожан не мог быть результатом только сопряженного естественного прироста и притока трудовых мигрантов. За последние 30 лет советского периода естественная динамика увеличила численность русских лишь на 24–27 %. Еще 10 % мог добавить приток русских из сельских районов республики. Достаточно ограниченным был и внешний переселенческий поток.

Более того, общее сальдо межреспубликанской миграции для Белоруссии в 1960–1970-е гг. оставалось отрицательным. В 1960-е гг. во взаимообмене населением с другими союзными республиками БССР потеряла 160 тыс. чел., в 1970-е гг. – 84 тыс. чел. Только в последнее советское десятилетие миграционное сальдо стало положительным, но ограничилось минимальным притоком (3 тыс. чел.)[2]. Конечно, этническая структура миграционной динамики могла иметь свою специфику, и в эти десятилетия русские чаще приезжали в республику, чем покидали ее. Но итоговые цифры едва ли могли составлять значимую демографическую величину.

Очевидно, что самую существенную роль в росте числа русских горожан в республике (а значит, и ее русского населения в целом) в 1950–1980-е гг. играли ассимиляционные процессы, наиболее активно протекавшие как раз в городской среде. Именно в городах максимальное распространение получили межнациональные браки, из которых самыми частыми были браки русских и белорусов.

При этом смешанное потомство таких семей в большинстве случаев выбирало русскую самоидентификацию. Этнокультурная и языковая близость двух восточнославянских народов, сходный уровень модернизации способствовали этому, как и общее воздействие советской официальной культуры,

[1] *Горбачев О.В., Лиин Д.Г.* Демографическое развитие российско-белорусского пограничья в условиях урбанизации (середина XX – начало XXI века). М., 2013. С. 29.

[2] Русские. Этносоциальные очерки. С. 35.

в которой отчетливо доминировала русская компонента. Максимальными масштабы аккультурации (русификации) городских национальных сообществ, включая не только титульное население, но и представителей наиболее крупных республиканских диаспор, были в послевоенные десятилетия.

В 1960-е гг. на ассимиляцию могло приходиться порядка 40–50 % всего демографического прироста русского населения республики (рис. 2.5). А в 1970–1980-е гг. этот показатель мог подняться до 60–70 %. Дополняя естественный прирост (который постепенно сокращался) ассимиляционным пополнением, русские в эти десятилетия являлись одним из наиболее динамично растущих национальных сообществ Белоруссии. Но другим следствием этого процесса стал быстрый рост в структуре местных русских доли биэтнофоров (детальней данный аспект демографической динамики будет рассмотрен ниже).

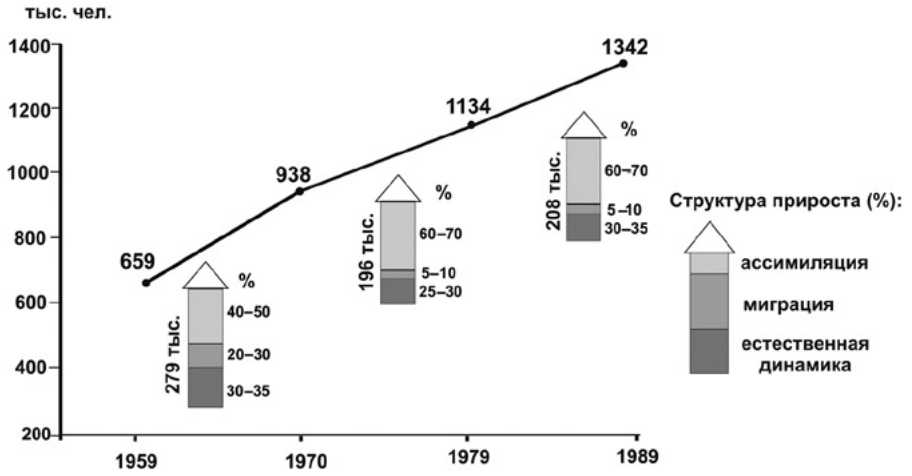

Рис. 2.5. Динамика и структура демографического роста русского населения Белоруссии, 1959–1989 гг.[1]

Итак, в результате естественного прироста и ассимиляции число русских в республике росло во всех регионах республики до самого конца советского периода. И этот рост шел опережающими темпами в сравнении с динамикой всего населения Белоруссии и ее титульного сообщества.

Соответственно повсеместно увеличивался и удельный вес русских. Исключение – республиканская столица. Своего максимума доля русских в населении Минска достигла в 1970 г. (23,4 %). И хотя в последующие два десятилетия русское население города выросло еще на 52 % (с 214 до 325 тыс.

[1] Расчеты автора.

чел.), удельный вес его уже пошел вниз – темпы общего демографического роста столицы оказались еще выше (рис. 2.6).

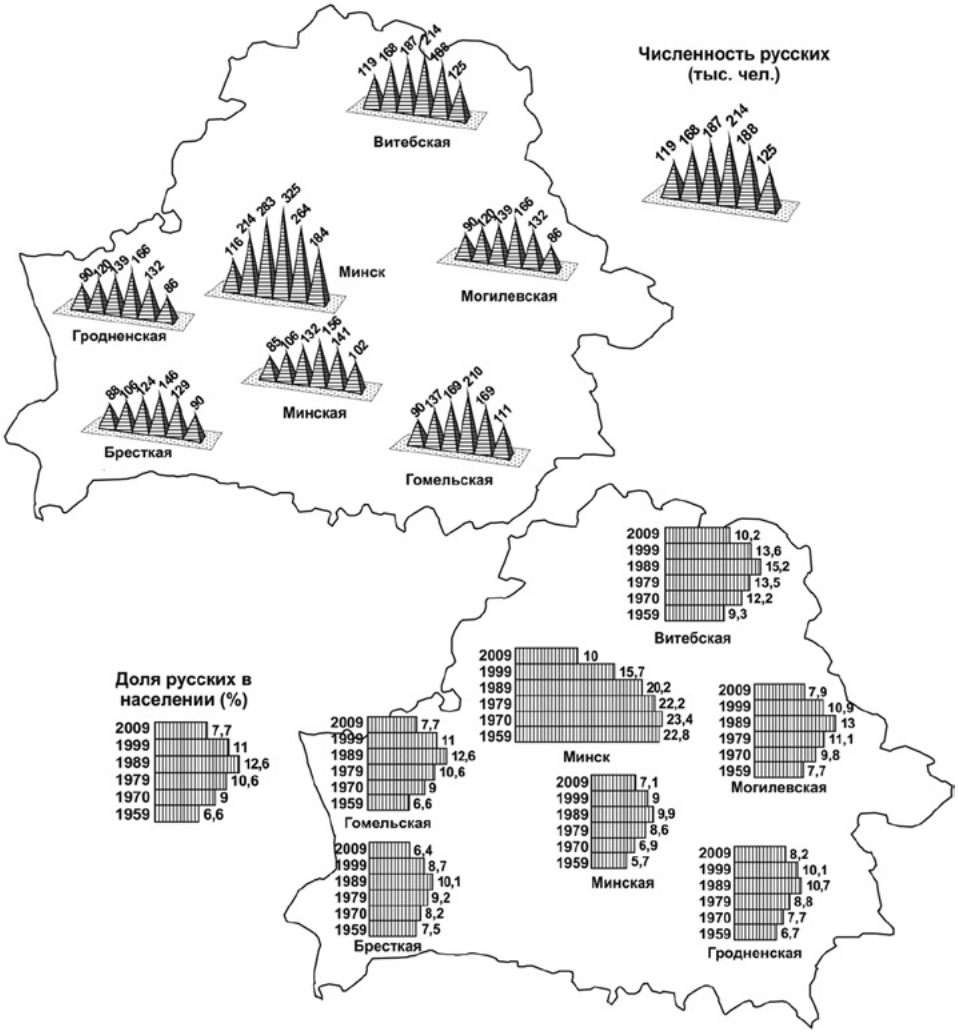

Рис. 2.6. Динамика русского населения по областям Белоруссии/Беларуси, 1959–2009 гг.[1]

По переписи 1989 г., в Белорусской ССР проживало более 1340 тыс. русских (13,2 % ее населения). Это население было в самой значительной степени сосредоточено в городах, достаточно равномерно размещаясь по всей территории республики. В западных ее областях удельный вес рус-

[1] Источник: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac __39–89.php; http://pop-stat.mashke.org/belarus-ethnic1999.htm; http://pop-stat.mashke.org/belarus-ethnic2009.htm

ских лишь немногим уступал ее восточным территориям. И еще на рубеже 1980–1990-х гг. ничто не указывало на возможную существенную коррекцию (тем более на кардинальную смену) восходящего демографического тренда, наблюдавшегося почти весь полувековой послевоенный период.

И тем не менее комплекс этнодемографических и миграционных процессов, связанных с распадом СССР, развернул данный динамический тренд в противоположную сторону.

Постсоветский период

В 1990-е гг. русское население Беларуси начинает сокращаться. Если обратиться к данным первой постсоветской переписи республики (1999 г.), эта убыль была быстрой и повсеместной. Число русских сокращалось в республиканской столице, в других городах, в сельской местности всех белорусских областей. Русские не были исключением. Аналогичную убывающую (если не «пикирующую») динамику демонстрировали и все другие крупные диаспоры республики (польская, украинская, еврейская). Причем темпы их демографического сжатия в начале XXI в. даже возросли по сравнению с первым постсоветским десятилетием.

Стремительное сокращение данных общин можно было бы объяснить высокой миграционной активностью национальных общин, недовольных авторитарными элементами политического режима, проявившими себя после прихода к власти в стране А.Г. Лукашенко. Но из перечисленных диаспор только представители польской и еврейской могли по указанной причине несколько увеличить активность оттока за пределы республики.

Между тем в течение «нулевых» заметно ускорилась количественная убыль и двух восточнославянских диаспор. Притом что местных русских и украинцев вполне устраивала социально-экономическая стабильность, обеспечиваемая политическим руководством страны. И миграция их из Беларуси была минимальной.

В расселенческом плане динамика русских была зеркально обратной той, что сложилась в советский период. Именно городские общины русских, демонстрировавшие максимальный рост, теперь убывали с опережающей скоростью (за 1989–2009 гг. число русских в Минске сократилось на 43,4 %, в остальных городах Беларуси – на 42,6 %, в сельской местности – на 33,1 %).

Речь, очевидно, идет о масштабной этнодемографической «титулизации» республиканского общества, «переходе» в белорусы значительного коли-

чества людей смешанного этнического происхождения (и соответственно сложной идентичности). Государственная политика Беларуси была куда менее этнизирована, нежели в сопредельной Украине. Тем не менее всё больше представителей биэтнического («белорусско-русского») населения предпочитало во время переписи самоопределиться белорусами.

> *В течение 1990-х Беларусь покинуло (чистый отток) порядка 17 тыс. русских. Естественная динамика населения республики стала отрицательной только в 1993 г., в целом за период 1989–1999 гг. естественная убыль составила 1,2 %. Учитывая сходство показателей естественного воспроизводства русского и титульного населения, потери первого из них в первое постсоветское десятилетие должны были составлять аналогичную величину, не превышая 16–17 тыс. чел. Между тем русский массив сократился в 1989–1999 гг. на 200 тыс. чел. Таким образом, ассимиляционные потери находились в пределах 110–120 тыс. чел. – до 60 % из 200-тысячной убыли русского населения. А в 2000-е гг. роль ассимиляции в демографическом сжатии русского массива стала уже абсолютно доминирующей. Миграционный отток в это время сократился до минимума и составил в 1999–2009 гг. несколько тысяч человек. Упали темпы естественной убыли русских, составившие в данный период порядка 40–50 тыс. чел. При этом численность русского населения в Беларуси сократилась на 357 тыс. чел. (порядка 300 тыс. чел., или 82–84 %, могло приходиться на ассимиляцию). Аналогичные процессы протекали и в двух других крупнейших диаспорах республики – украинской и польской. Причем темпы их этнокультурной «титулизации» были еще более высокими.*

Показательно, что этническая «белорусизация» республики совмещалась с ее дальнейшей языковой (то есть, по сути, социокультурной) русификацией, еще точней, культурно-языковым обрусением белорусов, представляющих абсолютное большинство жителей Беларуси. В последние десятилетия советского периода этот процесс был практически заморожен, а в 1990-е гг. даже повернул вспять – в период 1989–1999 гг. число белорусов, перешедших на русский язык в качестве родного, сократилось с 19,7 % до 14,3 %. Тем неожиданней был стремительный всплеск языковой русификации титульного народа в 2000-е гг. За период 2002–2009 гг. доля белорусов, считающих русский родным языком, выросла в Беларуси с 14 % до 37 %. Параллельно устремились вверх показатели языкового обрусения поляков и украинцев, не говоря о евреях, для подавляющего большинства которых русский был родным уже в 1970-е гг. (рис. 2.7).

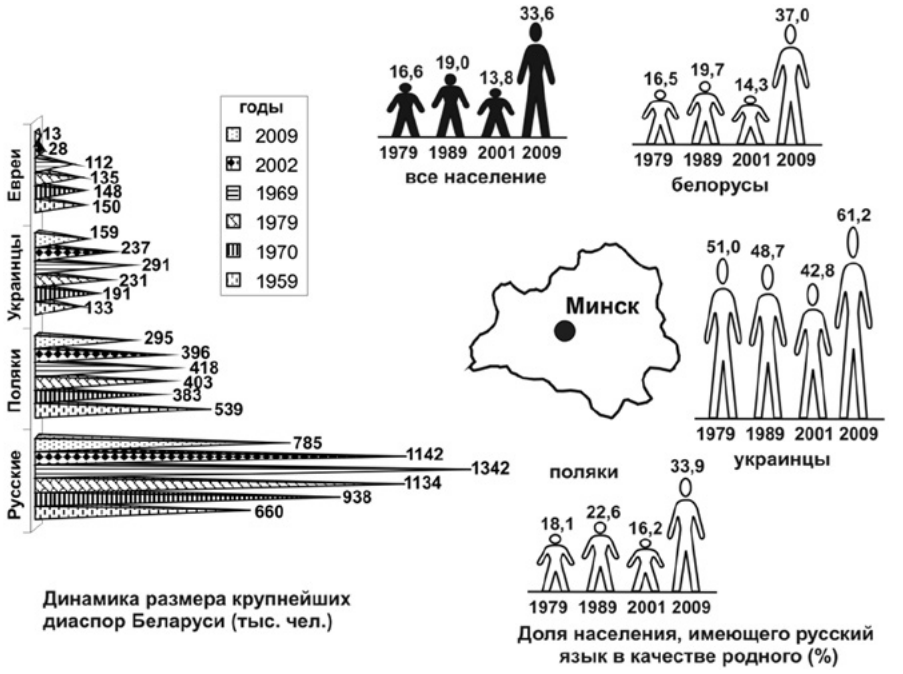

Рис. 2.7. Динамика крупнейших диаспор Беларуси (1959–2009 гг.) и уровень распространения русского языка (1979–2009 гг.)[1]

Демографические перспективы русских Беларуси

Итак, культурно-языковая политика белорусского руководства была максимально «пророссийской»: почти сразу после своего прихода к власти в 1994 г. А.Г. Лукашенко инициировал референдум о придании русскому языку статуса государственного, а в 1996 г. данный статус было закреплен в Конституции Республики Беларусь. Лояльной к русскому населению была и общая государственная политика белорусских властей. А социокультурная и психоментальная близость двух народов определяла низкие уровни межнациональной напряженности в их взаимодействии.

Возникает вопрос, почему даже в столь комфортных социокультурных условиях русское население республики за 1989–2009 гг. сократилось более чем на 40 % (с 1,34 до 0,78 млн чел.)? Оценка масштабов естественной убыли

[1] Источник: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac __39–89.php; http://pop-stat.mashke.org/belarus-ethnic1999.htm; http://pop-stat.mashke.org/belarus-ethnic2009.htm

русских и их миграционного оттока обнаруживает значительно меньшие цифры. Очевидно, что, как и в соседней Украине, основные демографические потери русской общины Беларуси в 1990–2000-е гг. пришлись на ассимиляционные процессы (рис. 2.8).

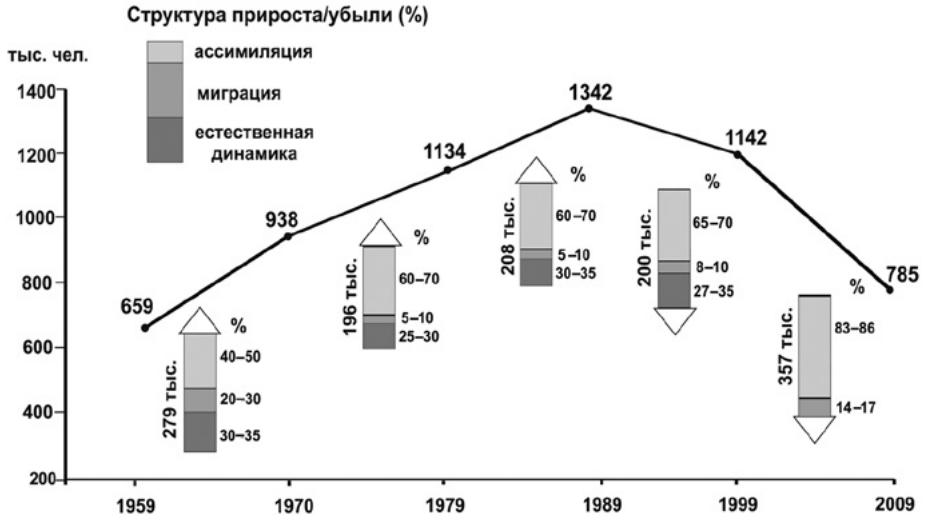

Рис. 2.8. Динамика и структура демографического роста русского населения Белоруссии, 1989–2009 гг.[1]

Фактор, работавший на ускоренный демографический рост в советское время, стал причиной столь же ускоренного этнокультурного отступления русской общины после приобретения Беларусью государственной независимости. Однако требуют более детального анализа сами темпы демографического сжатия, а также вопрос, почему они оказались заметно выше, чем на Украине, власти которой проводили куда более жесткую политику комплексной этнизации в отношении своего русского населения и русско-украинских биэтнофоров.

Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо хотя бы в общих чертах представить себе структуру современного русского населения Беларуси. Однако сделать это сложно, поскольку внимание исследователей русского ближнего зарубежья в последние 20–30 лет было сфокусировано на изучении русских общин в других постсоветских государствах[2]. Внешняя «беспроблемность» русских Беларуси обернулась их недоизученностью.

[1] Расчеты автора.

[2] Показательно, что в работе С. Савоскула «Русские нового зарубежья: выбор судьбы» (М., 2001) – одном из наиболее комплексных исследований этнокультурной динамики русского населения стран СНГ и Балтии в 1990-е гг. – вообще нет главы, посвященной русским Беларуси.

В частности, в отличие от русско-украинских биэтнофоров Украины, нет сколько-нибудь детальной информации о размерах и динамике аналогичной биэтнической группы Беларуси. Поэтому анализ данной темы должен в значительной степени представлять авторскую экспертную оценку.

Исходя из имеющейся информации о масштабах межнациональной брачности русских, а также системного сходства этнодемографических процессов, происходивших в постсоветский период в данных двух восточнославянских странах, можно сделать несколько общих предположений.

Как уже отмечалось, опережающий количественный рост русского населения Советской Белоруссии в середине – второй половине XX в. был в значительной степени обусловлен ассимиляционной составляющей, которая на деле представляла повышенную частотность русской идентичности, выбираемой смешанным потомством межнациональных (прежде всего русско-белорусских) семей.

Характерной чертой русского населения республики являлась очень высокая доля межнациональных браков как у мужчин, так и у женщин. В конце 1970-х гг. почти ¾ русских республики выбирали себе супруга другой национальности. Спустя 10 лет данный показатель вырос еще на несколько процентов (табл. 2.6).

Таблица 2.6. Доля супругов другой национальности у вступивших в брак жителей Белоруссии, 1979–1989 гг. (%)[1]

Территории	Русские		Белорусы		Украинцы	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1979 г.						
Вся республика	74,2	71,3	16,3	19,3	92,4	90,2
Город	71,5	68,1	21,9	24,7	92,9	91,1
Село	83,5	80,4	10,4	12,8	91,6	87,8
1989 г.						
Вся республика	74,5	73,4	20,1	21,7	93,1	89,8
Город	73,2	71,8	23,3	25,7	91,8	90,2
Село	80,2	81,0	14,0	13,7	88,8	88,3

Показательно, что в сельской местности республики доля мононациональных браков у русских была ниже, чем в городской среде. Это на первый взгляд противоречило известной социоэтнологической закономерности, согласно которой сельское население консервативней, чем городское, при выборе брачного партнера и в большей степени старается ориентироваться на представителей своей национальной группы.

[1] Рассчитано по: Население СССР. М., 1989. С. 230–231.

Но в условиях системы русского расселения в Белоруссии данная закономерность не работала. В сельской местности доля русских по отдельным областям составляла не более 2–3 %. Тем самым выбор супруга своей национальности был существенно ограничен. А с учетом этнической культурно-языковой близости белорусов, составлявших подавляющее большинство местного населения, именно они становились основными брачными партнерами сельских русских. То же самое происходило и в городской среде, с той разницей, что здесь удельный вес русского населения был в несколько раз выше. А значит, и чисто статистически процент мононациональных браков должен был быть больше.

Итак, низкая концентрация русского населения в Белоруссии при его повсеместном расселении в сочетании с фактором системной социоэтнокультурной близости к титульному народу становилась причиной предельно высокого уровня межнациональной брачности. Уже к началу 1970-х гг. более половины семейных русских могли состоять в межнациональных браках. А в дальнейшем этот показатель вырос до ¾.

Сказанное означает, что уже в 1970-е гг. у русского населения республики ⅔–¾ детей родились в смешанных семьях. Большая часть потомства этих семей в советский период самоопределялась русскими, обеспечивая ускоренный демографический рост всего русского населения республики и параллельно увеличивая в нем долю биэтнофоров.

Эта генерация «русских» биэтнофоров, войдя во взрослую жизнь и оказавшись перед выбором брачного партнера, вновь примерно в ¾ случаев выбирала себе супруга другой национальности (опять же в своей массе именно белоруса/белоруску). То есть спустя всего два поколения среди детской генерации республиканских русских чисто математически могло оказаться не более 1/16 этнически «чистых» представителей своего народа. Конечно, в действительности в силу многих социодемографических обстоятельств данный процент был выше. Но, тем не менее, сам тренд нарастающей скрытой этнической титулизации каждого нового поколения русских Белоруссии и быстрые темпы этого процесса были очевидны.

Учитывая достаточно длительный период данной русско-белорусской (и в целом межнациональной) брачной практики, насчитывавшей к концу советского периода минимум два поколения, можно предположить, что доля биэтнофоров к рубежу 1980–1990-х гг. могла достигать 50–60 % численности всех русских республики, т. е. была значительно выше, чем на Украине[1].

[1] В пределах УССР существовал целый ряд регионов с достаточно высокой долей русского населения, позволявшей сохранять повышенный уровень мононациональной брачности, а следовательно, ограничивавшей и темпы роста в детских генерациях доли биэтнофоров.

При этом удельное распределение их по разным возрастным группам было различным. Наиболее этнически «чистыми» были самые старшие возрастные группы русских, в которых доля биэтнофоров могла составлять ⅓–¼ от общей их численности. В средних возрастах удельный вес представителей биэтнической группы мог возрастать до половины, а в детско-юношеских генерациях составлять ⅔ и более (рис. 2.9).

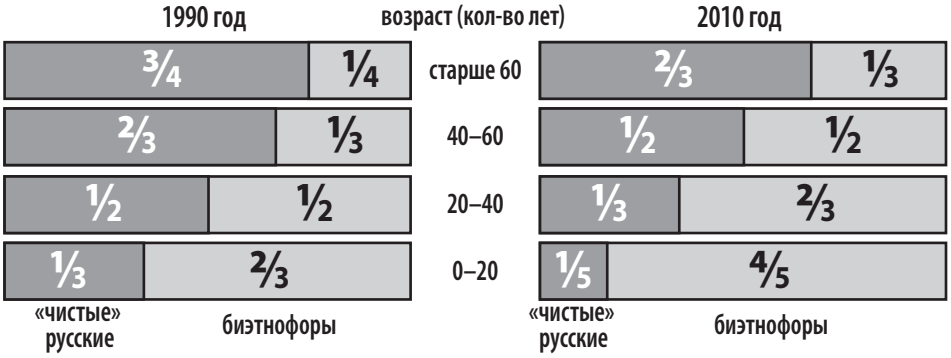

Рис. 2.9. Соотношение «чистых» русских и группы биэтнофоров в Беларуси, 1990–2010 гг.[1]

Всё сказанное относится к той части биэтнического множества, представители которой в советский период самоопределялись как русские. Но существовала и вторая часть биэтнофоров, выбиравших титульную национальность. Учитывая устойчиво пониженные темпы демографического роста белорусов в республике в 1959–1989 гг.[2], есть все основания полагать, что одной из причин этого являлась ориентация большей части биэтнофоров на русскую самоидентичность.

И если на Украине к концу советского периода около 60 % биэтнического множества выбирало титульную национальность, то в Белоруссии данное соотношение было обратным и порядка 60 % биэтнофоров самоопределялись русскими. Если сделанные предположения в целом соответствуют действительности, то размеры биэтнической группы Белоруссии в конце 1980-х гг. могли составлять около 1,1 млн чел., из которых 650–700 тыс. имели русскую идентификацию, а 400–450 тыс. считали себя белорусами.

Распад СССР и превращение союзной республики в самостоятельное государство, как уже отмечалось, способствовало существенной удельной идентификационной перецентрировке смешанного белорусско-русского населения.

[1] Оценка автора (приведенные величины рассчитаны в самом первом приближении).

[2] За данный 30-летний период титульное население в республике выросло только на 21 %, тогда как численность увеличилась более чем в два раза.

Часть биэтнофоров, ранее выбиравших русскую идентичность, в новых социально-политических условиях стала самоопределяться белорусами. Однако невысокая степень политизации «национального» вопроса в Беларуси определяла достаточно ограниченные масштабы таких идентификационных переходов из русских в белорусы у населения среднего и старшего возраста. И общая удельная перецентровка двух групп биэтнического множества республики происходила прежде всего в результате белорусского национального самоопределения молодежи смешанного (русско-белорусского) происхождения.

Напомним, что уже в конце советского периода в младших возрастных группах русского населения биэтнофоры могли составлять до 70 % и более. Через поколение (рубеж 2010-х гг.) данный показатель мог подняться уже до 80–90 %. При этом, в отличие от советского времени, значительное большинство младших биэтнофоров «уходило» теперь в белорусскую идентичность. В результате данного процесса происходит существенная деформация возрастной структуры русского населения, быстрый рост доли пожилых и старых людей. Возрастные группы младше трудоспособного населения в конце 2000-х гг. составляли у русских только 7,3 % от общей их численности, тогда как доля людей старших возрастов приближалась к трети (табл. 2.7).

Таблица 2.7. Динамика возрастной структуры трех ведущих национальных групп населения Беларуси, 1989–2009 гг. (%)

Возраст	Русские		Белорусы		Украинцы	
	1989 г.	2009 г.	1989 г.	2009 г.	1989 г.	2009 г.
Моложе трудоспособного	15,2	7,4	22,7	17,2	9,7	3,8
Трудоспособный	63,4	59,8	56,2	61,8	66,0	60,9
Старше трудоспособного	21,4	32,8	21,1	21,0	24,3	35,4

Расчеты показывают, что из 785 тыс. русских, зафиксированных переписью 2009 г., до 500 тыс. могло приходиться на этнически «чистую» группу, порядка 300 тыс. – на смешанное население, представленное прежде всего русско-белорусскими биэтнофорами. При этом общая численность русско-белорусского биэтнического множества, включающая самоопределившихся белорусами, могла к этому времени вырасти в Беларуси до 1,3–1,35 млн чел. (т.е. титульную идентичность имело уже порядка 80 % этого множества).

Существует ли некий порог, по достижению которого русская община перестанет демографически сжиматься? И на каком количественном уровне этот порог может располагаться? Какие факторы ускоряют сокращение русского населения Беларуси, а какие тормозят его? Как и в случае с Украиной,

едва ли на эти вопросы можно дать точные ответы. Однако композиция основных факторов, влияющих на количественную динамику русских, просматривается вполне отчетливо.

Вся совокупность этнодемографических и миграционных процессов в настоящее время направлена на дальнейшее сокращение русского населения страны. Естественная убыль, темпы которой снизились в 2000-е гг., в середине 2010-х гг. вновь увеличилась после входа в активный репродуктивный возраст малочисленной генерации первого постсоветского десятилетия. В последние годы убыль могла составлять уже 5–6 ‰ и, безусловно, продолжит расти в будущем. В текущем десятилетии естественные потери русского населения страны могут составить 3,5–5 % (порядка 27–40 тыс. чел.). Миграционный отток, скорее всего, ограничится минимальными показателями и едва ли в 2010-е гг. превысит несколько тысяч человек. Основные демографические потери русского населения Беларуси, как и раньше, будут связаны с поступательно нарастающей его титулизацией.

Конечно, имеются и факторы, работающие на устойчивое сохранение русской идентификации частью биэтнофоров. В отличие от Украины, быть русским в современной Беларуси вполне комфортно, не сопряжено с какими-либо социально-статусными, профессиональными, этнокультурными и культурно-языковыми рисками. Поэтому отсутствует (или сведена к минимуму) необходимость в этнической маскировке. И хотя непосредственно в пределах самой Беларуси условный системный статус титульной нации может быть несколько выше, нежели русских, в идентификации последних может играть заметную роль фактор принадлежности к одному из крупнейших народов человечества, весомо представленному не только в мировой политике, но и в науке, культуре, спорте.

Наконец, серьезным фактором поддержки русского этнокультурного присутствия в стране является высокий уровень культурно-языкового обрусения значительной части ее населения. Доля населения, считающего русский язык родным, превышает 40 % и почти в 5 раз превосходит удельный вес населения, самоопределившегося русскими. Таким образом, перешло на русский язык не только биэтническое множество или представители украинской, еврейской и ряда других крупных диаспор, но и более четверти самих белорусов. Однако данные по распространению русского языка в семейном обиходе указывают на то, что фактически родным он является уже более чем для 60 % представителей титульной национальности и 70 % всего населения страны (рис. 2.10), причем без серьезных территориальных различий как в восточных, так и в западных регионах. Это дает основания полагать, что в социокультурном плане вся Беларусь в настоящее время является органической частью русского цивилизационного ареала.

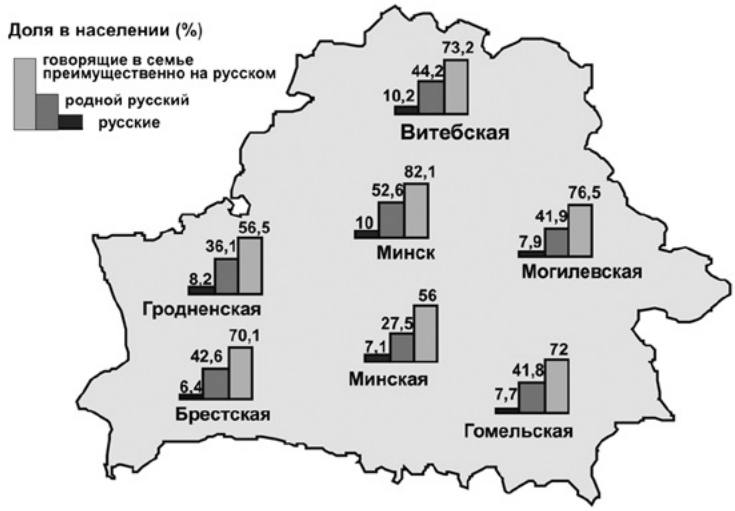

Рис. 2.10. Уровень языкового обрусения населения современной Беларуси

Резкое осложнение российско-украинских отношений в середине 2010-х гг., затяжной военный конфликт на востоке Украины, имеющий в том числе и достаточно отчетливую социоэтнокультурную составляющую, сыграл свою роль в деятельности белорусских властей, в последние годы начавших корректировать свой курс в области культурно-языковой (и в целом национальной) политики. Обобщая, можно говорить о наметившемся политическом сдерживании русской социокультурной «экспансии». Данный курс, очевидно, будет продолжен, что может иметь определенные этнокультурные последствия. Но несомненно и то, что процесс аккультурации (культурно-языкового обрусения) населения Беларуси зашел так далеко, что остановить его, тем более повернуть вспять, будет крайне сложно.

Однако социальная динамика, представляющая собой сочетание множества сопряженных процессов, может иметь почти парадоксальную результирующую. Системная близость русских и белорусов, существенно облегчающая процесс этнической ассимиляции меньшинства титульным большинством, в перспективе ряда десятилетий представляется куда более сильным фактором, чем культурно-языковая общность двух народов.

С этой стороны ничто не мешает поступательно нарастающей, почти полной белорусизации местных русских. Тем более что речь идет не о «прямолинейной» смене идентификации, но о непрерывном количественном росте смешанного населения. К 2030 г. в возрастной группе до 20 лет «чистых» русских может быть в 9–10 раз меньше, чем представителей биэтнического множества, самая значительная (если не подавляющая) часть которого бу-

дет этнически самоопределяться белорусами. И не только в силу системной предпочтительности титульной национальности, но и вследствие всё более внушительной доли белорусской этнической составляющей у большинства биэтнофоров. На смену имеющим по ½ от каждой из двух национальностей приходят русские «на четверть», которым уже гораздо легче определиться с выбором своей идентичности. Не говоря о тех, в ком русская составляющая еще меньше. Учитывая короткую генеалогическую память восточных славян, на уровне третьего поколения о наличии ⅛ другой «крови», как правило, забывается (особенно если речь идет о столь родственных национальностях).

Между тем к середине XXI в. доля русской молодежи, не имеющей белорусской этнической составляющей, может стать в Беларуси уже исчезающе малой (рис. 2.11).

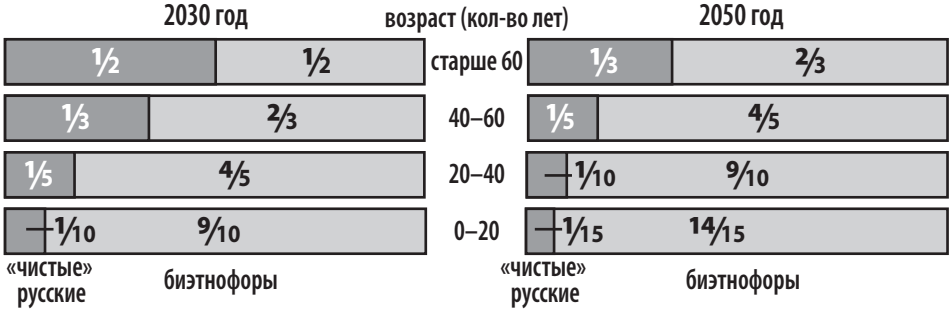

Рис. 2.11. Соотношение «чистых» русских и группы биэтнофоров в Беларуси, 2030–2050 гг.[1]

Демографическое сжатие русских будет ускоряться за счет нарастающей деформации возрастной структуры и ухудшения воспроизводственных характеристик общины, до половины которой уже в среднесрочной перспективе (в 2030–2035 гг.) может быть представлена пожилыми и старыми людьми. Это самым существенным образом увеличит масштабы естественной убыли русских. Следует учесть и то, что именно старшие возрастные группы концентрируют максимальную долю этнически чистого русского населения. Уход их из жизни в течение ближайших десятилетий существенно сократит этнокультурное ядро русской общины и повысит долю биэтнофоров, даже с учетом того обстоятельства, что русскую идентичность будет выбирать всё меньший процент биэтнического населения страны.

Всё указывает на возможность сохранения алгоритма демографического сжатия русского населения Беларуси в пределах 20–25 % в течение каждого следующего десятилетия (причем данный количественный уровень скорее является нижней планкой возможных потерь). Если данное предположение

[1] Оценка автора (приведенные величины рассчитаны в самом первом приближении).

верно, белорусская перепись 2019 г. может зафиксировать в стране порядка 590–630 тыс. русских, а в конце 2020-х гг. – в пределах 440–500 тысяч. К середине XXI в. численность русских в Беларуси может опуститься до 250–300 тыс. чел. (рис. 2.12).

Однако не исключен сценарий и куда более стремительного демографического сжатия. Даже самый простой прогноз, не учитывающий дальнейшую работу ассимиляции и других факторов, рисует весьма пессимистическую демографическую перспективу русских к середине столетия. Спустя 40–45 лет, когда в разряд пенсионеров начнут переходить «ювенальные» генерации русских Беларуси конца 2000-х гг., их число будет в разы меньше, чем количество нынешних русских пенсионеров.

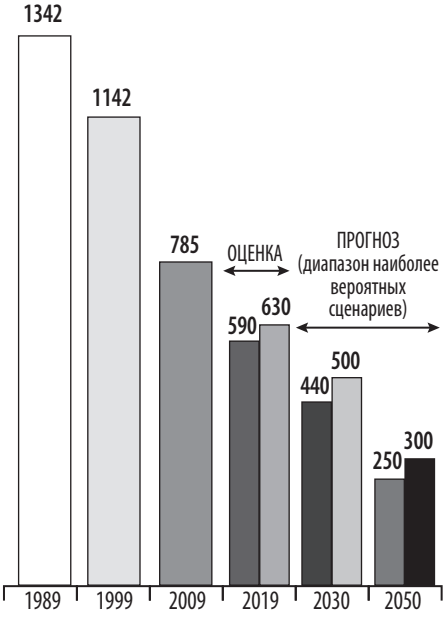

Рис. 2.12. Динамика численности русских в Беларуси, 1989–2050 гг. (тыс. чел.)[1]

Действительно, в 2009 г. в стране было 58 тыс. русских моложе трудоспособного возраста (0–15 лет) и более 257 тыс. уже вышедших из этого возраста (т.е. мужчин старше 59 лет и женщин старше 54 лет). Средняя продолжительность жизни населения Беларуси в это время составляла для мужчин 64,6, для женщин – 76,5 года. Иными словами, после выхода на пенсию женщины в 2010 г. в среднем жили 22,5, мужчины – 5,6 года. Усредненное значение по обоим полам равнялось 14 годам, т.е. было только на два года короче продолжительности отрезка жизни от рождения до вступления в трудоспособный возраст. С поправкой на эти два года генерация русских пенсионеров в стране была в 3,9 раза больше детско-юношеского поколения.

С учетом того, что и все будущие младшие генерации русских, которые появятся в стране до середины XXI в., будут количественно сопоставимы с нынешней (если не меньше ее), общая численность русских может сократиться за 2009–2050 гг. почти в четыре раза. Из этого, повторимся, весьма огрубленного расчета выходит, что в 2050 г. число русских в Беларуси может составить порядка 190–200 тыс. чел.

[1] Оценка и прогноз автора.

Не менее существенно то, что речь будет идти о демографическом множестве, медианный возраст представителей которого может составлять 55–60 лет. Следовательно, почти полное демографическое угасание русской общины станет неизбежной перспективой небольшого ряда десятилетий.

Трудно представить себе Беларусь полностью лишенной русского населения. При существовании хотя бы формальных элементов союзного государства и общей системной дружественности двух народов этнокультурный обмен между двумя странами будет продолжен, и некоторый приток русских в Беларусь позволит даже в самой долгосрочной перспективе сохранить некий минимум русского этнического присутствия в стране. Однако предсказать, на каком демографическом уровне он будет располагаться, в настоящее время невозможно (можно только предположить, что едва ли он будет превышать несколько десятков тысяч человек).

2.2
РУССКИЕ МОЛДАВИИ

Имперский период

В состав Российской империи Бессарабия вошла в начале XIX в. Но небольшие группы русских старообрядцев начали селиться в ее пределах на столетие раньше. Однако десятки, максимум сотни человек оставались небольшими сообществами, незаметными в жизни местного населения[1]. Далеко не сразу отразилось на масштабах русского присутствия в регионе включение его после войны 1812 г. в государственные пределы России. На протяжении довольно долгого времени русские в Бессарабии по-прежнему весьма малочисленны, если не считать армейских контингентов. Новая имперская провинция граничила сразу с двумя крупными державами – Османской империей и Австро-Венгрией, первая из которых уже более века была одним из наиболее серьезных геополитических соперников России. Не удивительно, что в пределах Бессарабии были сосредоточены

[1] В частности, в с. Кунич на берегу Днестра, куда старообрядцы перебрались из России еще во времена Петра I. См.: URL: https://www.1tv.ru/news/2008/05/03/188626-obitateli_sela_staroverov_v_moldavii_zhivut_tochno_tak_zhe_kak_ih_predki_v_xviii_veke

крупные воинские подразделения. Немалая часть офицеров размещалась в Кишиневе, который, как известно, являлся центром одного из тайных обществ, существовавшего на протяжении многих лет (1818–1825 гг.) вплоть до самого выступления декабристов.

В столице региона была в основном сосредоточена и имперская бюрократия – вторая по численности после военных социальная группа населения, включавшая значительную долю русских. Но в целом, повторимся, русские в Бессарабии редкость не только в первых десятилетиях, но и в середине XIX в. Даже в 1858 г. их, согласно В.М. Кабузану, всего 12 тыс. чел. (1,5 % местного населения). Однако надо учесть, что данная цифра относится только к территориям, впоследствии составлявшим советскую послевоенную Молдавию. Иными словами, в это число не вошло более многочисленное русское население, сосредоточенное в причерноморских уездах Бессарабии, в советский период оказавшихся в составе Одесской области УССР.

Быстрый рост русских начинается только в пореформенные десятилетия. К концу века их численность в Бессарабской губернии увеличивается в несколько раз и превышает 155 тыс. чел.[1] Естественный прирост за это время мог составить не более 20–30 тыс. чел., и центральную роль в столь стремительном расширении русского этнического присутствия играла миграция. Как и в других национальных регионах империи, она была преимущественно ориентирована на города. Уже в середине XIX в. более 28 % русских Бессарабии проживало в Кишиневе. В конце века на административный центр губернии приходится почти ⅕ русских, а общий уровень их урбанизации составляет 46 %, почти в три раза выше, чем во всей империи.

Впрочем, данный показатель колебался в весьма широких границах и в пределах самой Бессарабской губернии. Если в столичном Кишиневском уезде горожанами являлось 88 % местных русских, то в большинстве других уездов уровень урбанизации русского населения не превышал 20–23 % (рис. 2.13).

Гендерное соотношение в среде местных русских в конце века было достаточно сбалансированным в целом по губернии (115 мужчин на 100 женщин), и по всем ее уездам, указывая на достаточно высокий уровень укорененности. И хотя основными средоточиями русского населения являлись только три городских центра – Кишинёв, Измаил и Бендеры (на них приходилось в сумме 38,5 % русских региона), русские были уже расселены по всей губернии, хотя только в двух из восьми уездов их доля в населении превышала 10 %.

[1] В пределах будущей Молдавской ССР их в 1897 г. несколько меньше – 91 тыс. чел.

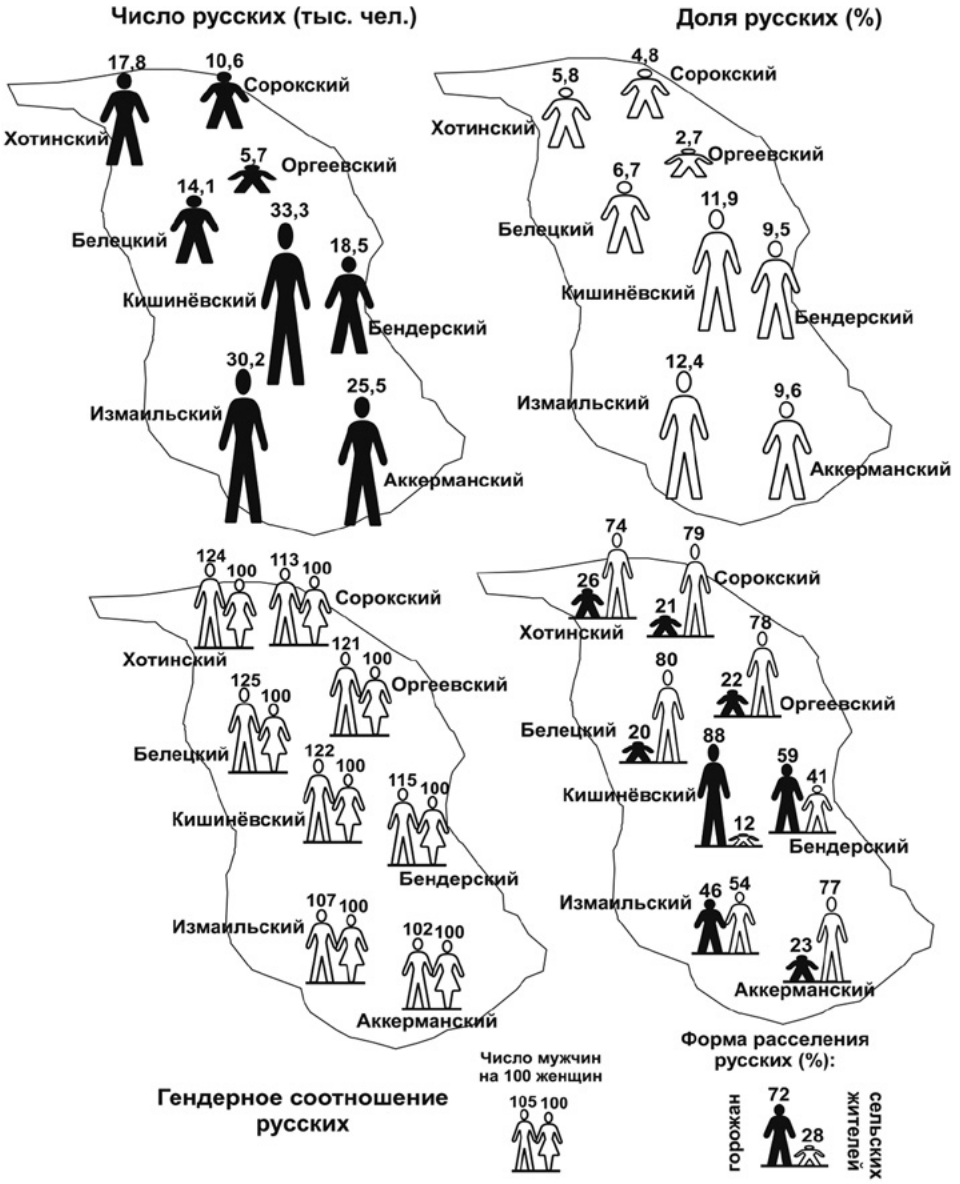

Рис. 2.13. Социодемографические и расселенческие характеристики русского населения по уездам Бессарабской губернии, 1897 г.[1]

Быстрый рост русского населения продолжился в начале XX в., но уже преимущественно за счет естественной динамики. Среднегодовой показа-

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=56

тель естественного прироста у русского народа в это время в среднегодовом исчислении составлял 1,6–1,7 %. При таком показателе не стоит удивляться стремительному расширению русского этнического присутствия во многих национальных регионах империи, даже если масштабы миграционного притока в них существенно сокращались. Бессарабия была в их числе – за 1897–1916 гг. ее русское население выросло почти в 1,5 раза.

1920–1980-е гг.

После революции 1917 г. самая значительная часть Бессарабской губернии отошла к Румынии. Однако число русских на данных территориях не только не сократилось, но даже несколько возросло. Сохраняла свою устойчивость местная русская община и в дальнейшем. По румынской переписи 1930 г., только в пределах днестровского правобережья русских проживало более 180 тыс. чел. К 1940 г., когда данные территории были возвращены в состав СССР, их численность возросла до 197 тыс. чел. – свидетельство устойчивого естественного прироста общины, составлявшего на протяжении 1930-х гг. около 1 % в год.

Порядка 36 тыс. русских в середине – второй половине 1920-х гг. было расселено в районах днестровского левобережья, оставшегося в составе СССР (эти территории в 1920–1930-е гг. в качестве Молдавской АССР входили в состав Советской Украины).

Основным центром русского присутствия в румынской части молдавского этнокультурного ареала оставался Кишинёв, русская община которого в 1930 г. насчитывала 25 тыс. чел. (более 22 % жителей города). В днестровском (советском) левобережье выделялся Тирасполь (14,7 тыс. русских по переписи 1939 г.). К этому времени общая численность русских в Молдавской АССР выросла до 61,3 тыс. чел.

В 1940 г. возвращенные в Советский Союз районы днестровского правобережья и МАССР объединяются в составе самостоятельной Молдавской ССР. Численность русских в новой республике накануне войны составляла порядка 258 тыс. чел.

Военный период обошелся населению Молдавии в несколько сотен тысяч человеческих жизней. Только от голода и болезней за первые два года оккупации в республике погибло около 200 тыс. чел.[1] Самыми значительными

[1] История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002. С. 234–238.

были потери на фронтах. Высокая сверхсмертность была характерна и для населения, эвакуированного в восточные регионы СССР, не говоря уже о репрессированных советской властью и угнанных на работу в Германию. Численность русских в республике могла сократиться к середине 1940-х гг. минимум на 15–20 %.

Но уже с первых послевоенных лет начался период устойчивого количественного роста русской общины, растянувшийся почти на полвека. В 1959 г. в Молдавии проживало более 290 тыс. русских, почти четверть которых приходилась на Кишинёв, столичная русская община которого по своему размеру сравнялась с титульным населением.

Все три фактора демографической динамики в послевоенные десятилетия работают на количественный рост русского населения в республике. К значительному (более 1 % в год) естественному приросту в 1950–1960-е гг. присоединяется масштабная трудовая миграция и ассимиляционный процесс (обрусение), масштабы которого, впрочем, были невелики. И ведущая роль в росте этнического присутствия в Молдавии долгое время принадлежала миграционному притоку, благодаря которому русская община на протяжении ряда десятилетий являлась самым быстрорастущим национальным сообществом республики. В 1960-х гг. ее размеры выросли более чем на 40 %, при том что естественный прирост в этот период не превышал 11–12 %[1] (табл. 2.8).

Таблица 2.8. Демографическая динамика крупнейших (более 50 тыс. чел.) национальных сообществ Молдавии, 1959–1989 гг.[2]

Рост/убыль, %	1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.
40–45	русские		
35–40			
30–35	гагаузы		
25–30			
20–25	молдаване украинцы	русские	
15–20	болгары		
10–15		гагаузы украинцы	гагаузы, русские молдаване
5–10		молдаване болгары	болгары украинцы
0–5	евреи		
–(15–20)		евреи	евреи

Поток трудовых мигрантов в первую очередь ориентировался на быстро растущие индустриальные центры республики. И если

[1] В пределах всего СССР данный показатель у русских составил в этом десятилетии около 9,3–9,5 %. Но в Молдавии, учитывая возрастную структуру местных русских, он был несколько выше.

[2] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php?reg=9; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_70.php?reg=9; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_79.php?reg=9; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=9

в Кишиневе число русских в 1960-е гг. выросло на 55,7 %[1], то русские общины остальных городских центров увеличились на 68 %, прежде всего за счет Рыбницы, Тирасполя и других промышленных городов.

В целом численность русских горожан в Молдавии за 1959–1970 гг. увеличивается со 195 тыс. до 319 тыс. чел. Совсем иной была количественная динамика русских поселян, число которых начинает сокращаться. И хотя прямые демографические потери были незначительны (всего 3 тыс. чел.), можно говорить о весьма существенном миграционном оттоке русских из сельской местности (порядка 14–15 тыс. чел.), который «съел» весь их естественный прирост (рис. 2.14).

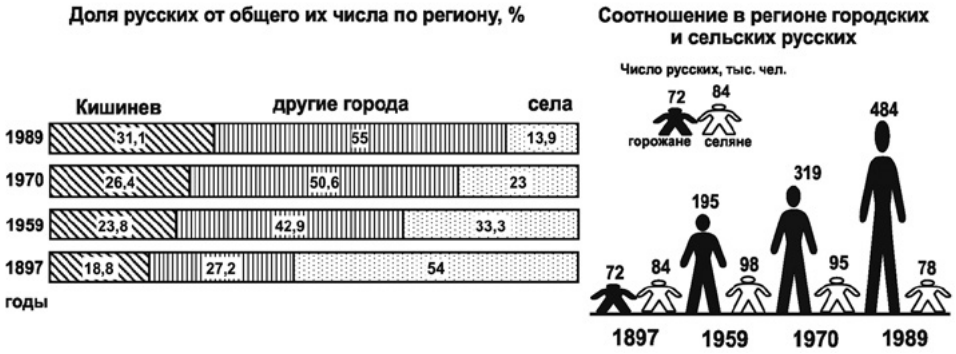

Рис. 2.14. Пространственно-расселенческая структура русских Молдавии, 1897–1989 гг.[2]

Значительная часть этой миграции также направлялась в республиканские города, на новые стройки и уже существующие предприятия. Но очевидно и то, что данное количественное сокращение русских в сельской местности республики являлось не только следствием процесса урбанизации, в которую постепенно втянулись местные поселяне всех национальностей. Таким образом проявлял себя и новый геодемографический тренд, связанный с постепенным этнокультурном отступлением русских, начавшимся с сельских территорий республики.

[1] Но характерно, что даже столь значительный рост не позволил им сохранить количественный паритет с молдаванами, приступившими в этот период к активному социально-экономическому (а значит, и демографическому) освоению собственной городской системы, и прежде всего столичного центра.

[2] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=56; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php?reg=9; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=

В 1970-е гг. русское население Молдавии всё еще количественно растет быстрее других крупных национальных групп республик. Но этот рост уже не столь значителен, как раньше. Он по-прежнему в первую очередь обеспечивается миграцией, которая всё также ориентирована на городскую систему – как на столицу, так и другие крупные города. За период 1970–1979 гг. численность русских в Кишиневе вырастает на 37,6 % и к рубежу 1970–1980-х гг. превышает 150 тыс. чел. Русские общины других республиканских городов прибавляют в размерах только на 28 %. Период быстрого промышленного роста подходит к концу (не только в Молдавии, но и во всем СССР). Лидерами урбанизации становятся крупные социокультурные центры, притягивающие новых переселенцев активнее, чем новые индустриальные города.

Еще отчетливей обозначается и депопуляция русских поселян республики, связанная, как и в предыдущем десятилетии, с миграционным оттоком. Их численность сокращается на 8 тыс. чел., а с учетом естественного прироста миграционные потери составили за десятилетия около 13–15 тыс. чел. (⅙ от общей их численности).

Как и в 1960-е гг., демографический рост русского населения республики обеспечивается не только естественным и механическим факторами, но и ассимиляцией, роль которой в количественной динамике русской общины растет в силу высокой межнациональной брачности ее представителей (рис. 2.15).

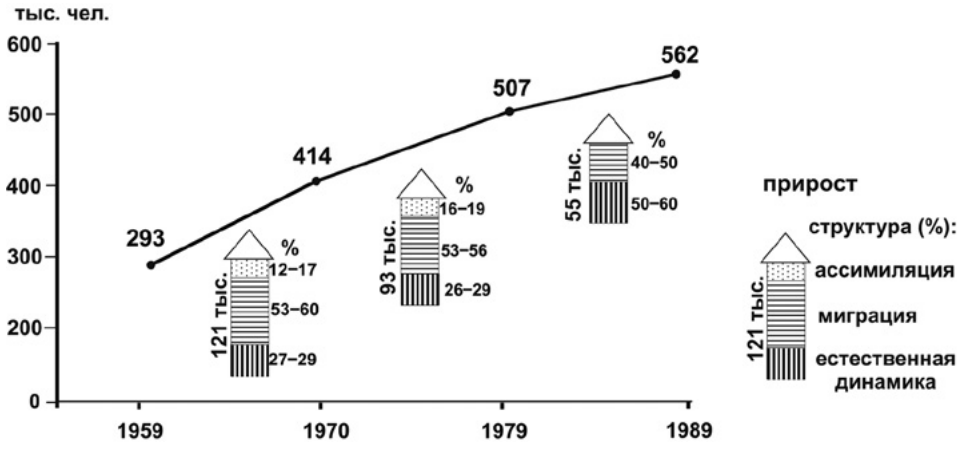

Рис. 2.15. Количественный рост русского населения Молдавии и его структура, 1959–1989 гг.[1]

[1] Расчеты автора.

Уже в начале 1970-х гг. половина браков, заключаемых русскими Молдавии, были национально смешанными, а к концу советского периода этот показатель превысил 60 %. В сельской местности, в которой русские составляли всего несколько процентов населения и выбор брачных партнеров своей национальности был существенно ограничен, доля межнациональных браков и у мужчин, и у женщин приближалась уже к ¾ (табл. 2.9).

Таблица 2.9. Доля русских Молдавии, вступивших в межнациональный брак в 1978 и 1988 гг. (%)[1]

Годы	Всего		Город		Сельская местность	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1979	60	57,2	56,4	52,8	74,1	73,5
1989	62	60	59,6	57	76	76,3

Но почти ⅔ смешанного потомства таких браков самоопределялось русскими. Даже в семьях, созданных русскими с титульными молдаванами, русская самоидентичность детей количественно перевешивала (что было совсем нехарактерно для союзных республик, в подавляющем большинстве которых у общего потомства русско-белорусских семей доминировала вторая идентификационная составляющая)[2] (табл. 2.10). Таким образом, русское население республики обеспечивало свой количественный рост в том числе за счет расширения в своем составе доли биэтнофоров, людей смешанного происхождения с русской идентичностью. И доля этой группы в структуре республиканской русской общины в последние десятилетия советского периода должна была расти опережающими темпами (по аналогии с русским населением Белоруссии).

Таблица 2.10. Выбор национальности детьми в национально смешанных семьях русского населения Молдавии[3]

Все смешанные семьи			Русско-белорусские семьи		
Русские	Другая	Разная (в случае 2 и более детей)	Русские	Титульная	Разная (в случае 2 и более детей)
64,1	32,0	3,3	54,0	42,3	3,7

[1] Население СССР. С. 282–283.
[2] Русские. Этносоциологические очерки. М., 2011. С. 213.
[3] Составлено по: Русские. Этносоциологические очерки. С. 214.

Комплекс описанных выше геодемографических процессов почти в полном составе перешел из 1970-х гг. в последнее советское десятилетие. Еще более сокращается миграционный приток русских в республику. Общая их численность в 1980-е гг. выросла в Молдавии на 11 %, из которых 5,5–6,5 % пришлось на естественный прирост, который мог сравняться или даже несколько превзойти миграцию[1]. Как и ранее, русские мигранты из других регионов СССР в своем большинстве селились в Кишинёве и в других крупных городах республики. В города перебиралось и сельское русское население самой Молдавии, третье десятилетие подряд имея отрицательное миграционное сальдо в размере 13–15 тыс. чел. и сократившись в абсолютных размерах на 9 тыс. чел.

Таким образом, продолжился неуклонный рост уровня урбанизации русской общины республики, прибавивший за 1959–1989 гг. около 20 пунктов (рост с 66,5 до 86 %) (табл. 2.11).

Таблица 2.11. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Молдавии, 1959–1989 гг. (тыс. чел, %)[2]

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских (%)			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	город	село
1959	292,3	195,2	97,8	66,5	10,2	30,4	4,4	79	77	84
1970	414,4	319,2	95,2	77,0	11,6	28,2	3,9	82	82	82
1979	505,7	418,7	87,8	81,2	12,8	27,3	3,6	83	83	84
1989	562,1	483,7	78,3	86,1	13,0	23,9	3,4	86	85	83

[1] Как результат столь существенного сокращения темпов демографического роста – русские уступили позицию наиболее динамично растущего народа республики гагаузам. Впрочем, у четырех ведущих национальных сообществ Молдавии (молдаване, гагаузы, русские, болгары) данный показатель в 1980-е гг. оказался очень сближенным, уложившись в диапазон 9,5–11 %; чуть меньшим (7,5 %) он был у республиканских украинцев.

[2] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=56

В конце 1980-х гг. русские составляли 13 % населения Молдавии и почти четверть ее горожан. Всё указывало на завершение полувекового периода опережающего демографического роста русского этнического присутствия. Поступательный характер данного процесса предполагал постепенный переход его к стадии динамического равновесия, способного занять минимум 10–15 лет, на протяжении которых численность русских в республике могла стабилизироваться на достигнутом количественном уровне. Но этнодемографическая динамика многосоставного общества самым непосредственным образом зависит от социально-политических процессов, тем более глубоких трансформаций. Рубеж 1980–1990-х гг. стал переломным для русской общины Молдавии.

Постсоветский период

Постсоветский период начался с серьезного этнополитического кризиса независимой Молдовы, политический курс которой, как и многих других стран ближнего зарубежья, изначально содержал существенные элементы этноцентризма. В случае многосоставных обществ такая политика была гибельной по отношению к самим «начинающим» государствам, поскольку центробежный алгоритм разделения переносился с внешнего союзного уровня во внутреннюю общественно-политическую жизнь.

В отличие от Грузии или Азербайджана, Молдавская ССР не имела в своем составе административно выделенных национальных автономий, но в полной мере являлась сложноструктурированным образованием с наличием регионов, обладающих отчетливой этнодемографической и социокультурной спецификой. В первую очередь речь идет о днестровском левобережье – узкой полосе протяженностью почти в 500 км, отделенной Днестром от основной территории Молдавии. В межвоенный период левобережье, как уже отмечалось, относилось к Молдавской АССР в составе союзной Украины и получило определенный опыт существования в качестве самостоятельного территориального образования. Но более значимым фактором являлся национальный состав данного сообщества, в пределах которого представители титульной национальности находились в количественном меньшинстве (порядка 34–35 % населения) и была высока концентрация русских, сосредоточенных в ряде городских центров.

Существенную роль сыграло и наличие крупной водной артерии, серьезно затруднившей действия правительственных войск против сепаратистов и ставшей естественной границей «государственного» размежевания Молдовы и левобережных районов. Наконец, значимым был и военно-стратегический фактор: дислокация на левобережье частей российской 14-й Гвардейской общевойсковой армии, сумевшей остановить вооруженный конфликт между центральной властью и повстанцами (по сути, позволив последним выстоять в неравной борьбе с правительственными воинскими подразделениями).

Как результат, левобережные районы оказались в состоянии после периода военного противостояния создать независимый социум – непризнанную, пророссийски ориентированную Приднестровскую Молдавскую Республику. Этнодемографическая эволюция Молдовы и Приднестровья имела существенную специфику, которая иллюстрируется в том числе и количественной динамикой русского населения. Этнизация органов государственного управления Молдовы, а также всех значимых социальных иерархий; деиндустриализация, оставившая без работы значительную часть русских, сосредоточенных в сфере промышленного производства; статусный переход из положения «государственного» народа в диаспору стали причинами интенсивного миграционного русского оттока, пик которого пришелся на первую половину – середину 1990-х гг. Только по официальным (далеко не полным) данным Госкомстата РФ, в 1992–2001 гг. Молдову покинуло 52 тыс. чел. русских.

К этим потерям присоединилась естественная убыль, возникшая в начале 1990-х и уже ко второй половине этого десятилетия достигшая значительного уровня (порядка 5–7 ‰ в среднегодовом исчислении). Фактором депопуляции становится и третий элемент демографической динамики – ассимиляционный процесс, долгое время работавший на увеличение численности русских в республике.

В новых социально-политических условиях он начинает работать в обратном направлении. И сразу же становится основным фактором демографического сжатия русской общины. Уже в первое постсоветское десятилетие на него приходится более половины всех количественных потерь русских Молдовы (без учета Приднестровской Республики). Что не удивительно, учитывая самую значительную долю биэтнофоров в составе русского населения страны.

Напомним, что на протяжении последних десятилетий советского периода доля межнациональных браков у русского населения Молдавии составляла 50–60 %. К началу 1990-х гг. все молодые генерации русского населения страны могли на ½–⅔ (и более) состоять из людей смешанного национального

происхождения. В постсоветский период их доля продолжала возрастать, как и доля межнациональных браков у представителей русской общины (к 2009 г. она выросла до ¾). Уже во второй половине 1990-х гг. у русских женщин в Молдавии 7 из 10 детей рождались от отца другой национальности[1].

Л.В. Остапенко и И.А. Субботина объясняют данную ситуацию масштабным оттоком русских (причем как раз молодого и среднего возраста), резко сузившим возможности выбора брачного партнера из представителей своей национальности уже не только в сельской местности, но и в городах[2]. Однако число русских в Молдавии, несмотря на миграцию, остается в разы (если не на порядок) больше, чем у ряда национальных общин, демонстрировавших куда более высокий уровень эндогамии. Очевидно, помимо фактора миграции существенную роль играла брачная «открытость» русского населения, связанная в том числе и с высоким уровнем его социокультурной модернизации.

Основное число межнациональных браков заключалось русскими с молдаванами и украинцами, первым и вторым по численности народами Молдавии. И если в советское время смешанное потомство русско-молдавских семей распределялось между национальностями родителей примерно в равной степени (с некоторым удельным перевесом русской), а в русско-украинских семьях чаще выбирало русскую национальность, то в постсоветский период в браках с представителями титульного народа молдавская этническая идентичность детьми выбиралась в 1,5–2 раза чаще, чем русская[3]. А исходя из количественной динамики русских и украинцев Молдовы в постсоветский период можно предположить, что в их брачном взаимодействии потомство распределялось по национальностям родителей на паритетной основе.

Общей результирующей перечисленных процессов стало сокращение численности русских на территории Молдовы (без учета Приднестровья) за период 1989–2004 гг. с 351 до 201 тыс. чел., то есть почти на 43 %, из которых естественная убыль составляла не более 6–8 %. Таким образом, основная масса потерь пришлась на миграционный отток и ассимиляцию представителей многочисленного русско-молдавского биэтнического множества, которые в постсоветской Молдове изменили свою самоидентификацию с русской на титульную.

[1] Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдове: демографические и социальные трансформации. С. 131.

[2] Там же.

[3] Там же.

Отсутствие полных данных о масштабах оттока не позволяет вычленить из общих демографических потерь ассимиляционную составляющую. Однако ее общую величину можно установить, сравнив количественную динамику русского населения Молдовы и Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Поскольку показатели естественной убыли в обоих социумах были сопоставимы, в целом могли быть сближены и удельные показатели оттока.

Конечно, этнизация социальной жизни Молдовы активизировала миграцию русских в большей мере, чем из пророссийской ПМР. Однако социально-экономическое положение непризнанной республики оставалось значительно более тяжелым, чем в Молдове. А неопределенный политический статус Приднестровья на протяжении всего постсоветского периода существенным образом осложнял доступ местного населения ко многим значимым социальным возможностям, дополнительно стимулируя его отток. Есть все основания полагать, что миграция русских из ПМР в процентном отношении была как минимум никак не меньше, чем из Молдовы. При этом, однако, в Приднестровье практически отсутствовала ассимиляция местного русского населения и его смешанной части, поскольку переходить в молдаван никаких практических резонов не было.

Тем показательней, что за период 1989–2004 гг. количество русских в ПМР сократилось только на 20 % (с 211 до 169 тыс. чел.), то есть их удельные демографические потери оказались в два раза меньше, чем в Молдове. И в самом первом приближении данную разницу в темпах убыли можно отнести на счет фактора ассимиляции русского населения в последней.

Крупнейшим средоточием русских в Молдове оставался Кишинёв – около 100 тыс. чел. Несмотря на существенное абсолютное и удельное сокращение, русская община оставались одним из крупнейших национальных сообществ молдавской столицы, сохраняя уже почти двухвековую традицию.

Кишинёв ощутимо русифицировался уже в первой половине XIX в. А в последние полвека имперского периода русские составляли более четверти его жителей. Данный показатель несколько снизился в румынский период развития Молдавии (в 1930 г. русских в Кишиневе чуть более $^1/_5$ от общей численности горожан). К концу 1950-х гг. он вырастает почти до трети, чтобы к концу советского периода постепенно снизиться до четверти (рис. 2.16).

Рис. 2.16. Динамика русского населения Кишинева (тыс. чел., %)[1]

[1] Рассчитано по: *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 291; URL: http://pop-stat.mashke.org/moldova-ethnic2004.htm; http://pop-stat.mashke.org/moldova-ethnic2014.htm

В начале XXI в. социально-экономическая и социокультурная ситуация в молдавском обществе определенным образом меняется. Ведущие позиции во всех значимых социальных сферах и иерархиях устойчиво перешли к представителям титульного большинства, и масштабы этнизации социальной повседневности несколько сократились, поскольку на системную доминанту молдаван русские (не говоря о представителях других крупных национальных групп) уже не претендовали.

Оставшееся в Молдове русское население со своей стороны приспособилось к новому статусу, социально-экономическим и социокультурным возможностям, как и к системным ограничениям. Возросший уровень адаптации хорошо иллюстрируется языковым показателем: если в конце советского периода молдавским языком владело только 11,5 % местных русских, то к 2007 г. этот показатель вырос до 27,4 %. Но максимальный уровень адаптации демонстрировала русская молодежь – поколение, родившееся и выросшее уже в независимой Молдове, для которого постсоветские реалии были изначальной данностью. Среди молодых русских страны уровень знания «государственного» языка во второй половине 2000-х гг. превышал 50 % и продолжал увеличиваться (есть все основания полагать, что к концу 2010-х гг. этот показатель может составлять уже 75–80 %).

Все факторы демографической убыли, характерные для первых 15 лет постсоветского периода, сохранились и во второй половине 2000-х, перейдя затем и во второе десятилетие XXI в. Хронически сложная социально-экономическая ситуация в республике определяла отток русских из республики, который не был значительным, но носил очень устойчивый характер и составлял как минимум 1–2 тыс. чел. в год[1].

Естественная убыль к концу «нулевых» могла несколько сократиться в сравнении с показателями начала десятилетия, но едва ли была меньше ежегодных 4–5 ‰[2], поскольку и устойчивый отток, и ассимиляция были причиной всё более ощутимого старения русского населения. В первую очередь из республики уезжали люди молодого и среднего (трудоспособного) возраста. А «молдавизация» в начале XXI в. происходила уже в основном не через смену русской идентификации на титульную, а путем изначального выбора молдавской национальности молодым потомством смешанных семей. В результате если в 1989 г. доля детей до 9 лет русского населения Молдавии составляла 19,8 %, то в 2004 г. только 7,6 %[3].

[1] В действительности его размеры в отдельные годы могли превосходить эти цифры в несколько раз.

[2] Причем с середины второго десятилетия XXI в. начался новый ее рост, способный в считанные годы довести коэффициент естественной убыли до 9–10 промилле и более.

[3] При этом удельный вес старших возрастных групп (людей старше 50 лет) превышал треть от общей численности местных русских. Впрочем, больше трети русских были старше 50 лет и в самой РФ, хотя доля русских детей в России была несколько выше (10,4 %).

Продолжала расти межнациональная брачность, смешанное потомство которой в своем большинстве выбирало титульную идентичность. Социологические исследования начала XXI в. фиксировали отчетливый рост ассимиляционных настроений у представителей русской общины страны.

> *«Среди опрошенных в конце 1990-х гг. в Молдавии русских людей лишь 4 % ответили, что хотели бы видеть своих детей русскими; только 17 % хотели бы, чтобы их дети выросли людьми, знающими русский язык и культуру. В исследовании 2007 г., проведенном среди городского населения республики, лишь 8 % опрошенных русских хотели бы видеть своих детей русскими, 12 % высказали желание видеть своих детей знающими русский язык и культуру… У русской молодежи, состоящей в смешанных браках, наблюдается стремление к выбору для своих детей нерусской национальности, что свидетельствует о наличии установки на естественную ассимиляцию у значительной части русских, состоящих в подобных браках»*[1].

Иными словами, результаты опросов уже в 2000-е гг. фиксировали высокую вероятность сценария стремительного демографического сжатия русской общины Молдовы даже не в отдаленном будущем, но в среднесрочной перспективе. Действительно, как минимум уже два поколения значительная часть местных русских имела супруга другой национальности и в последние 10–15 лет была ориентирована на смену национальности их общим потомством (по крайней мере не возражала против этого). И все младшие возрастные группы русской общины – по сути, молодежная генерация почти в полном составе, вплоть до людей 30–35 лет, – была социокультурно дерусифицирована в самой значительной степени. В такой ситуации, как показывают расчеты, достаточно было 10–15 лет, чтобы медианный возраст русских Молдовы поднялся до 45–50 лет, что свидетельствовало бы уже о почти неизбежном демографическом коллапсе русской общины страны в течение двух-трех десятилетий.

Перепись 2014 г. в самой значительной степени подтвердила реальность данных опасений. За 10 лет (2004–2014 гг.) численность русских в Молдове сократилась почти вдвое – с 201 до 112 тыс. чел. И в демографическом рейтинге народов они переместились с третьей позиции на пятую, пропустив вперед румын и гагаузов. Средний возраст русского населения поднялся до 43,5 года. Из числа ведущих национальных сообществ страны более возрастной была только украинская община (47 лет). Однако ее демографическое

[1] Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдове: демографические и социальные трансформации. С. 131–132.

сжатие (–36 %) в межпереписной период оказалось менее значительным, чем у русских Молдовы.

Гендерная структура русского населения, в которой на протяжении всего советского периода обнаруживался ощутимый перевес женщин (последствия войны), в последние десятилетия деформировалась еще больше. В середине 2010-х гг. на 100 женщин в Молдове приходилось только 77 мужчин.

Убыль русских была повсеместной и ощутимой на всех уровнях системы расселения. Но быстрее сокращались городские общины. В 2004–2014 гг. число русских горожан в стране сократилось в 2 раза, поселян – только на 18 %. Сравнение динамики самих городских общин обнаруживает опережающее демографическое сжатие столичной, размеры которой в период между переписями сократились в 2,4 раза, тогда как остальных горожан стало меньше в 1,64 раза. Таким образом, именно наиболее модернизированное русское население страны несло максимальные потери, что могло быть связано как с ускоренной «титулизацией», так и с более активной его эмиграцией за пределы Молдовы в страны Евросоюза.

Несмотря на то, что уровень межнациональной брачности русских в сельской местности был выше, темпы их ассимиляции были не столь велики, как в городской среде. Как результат, уровень урбанизации русских, возраставший на протяжении всего послевоенного периода, в постсоветские десятилетия начал сокращаться (табл. 2.12).

Таблица 2.12. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Молдавии/Молдовы, 1989–2014 гг. (тыс. чел, %)[1]

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских (%)			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	город	село
1989	562,1	483,7	78,3	86,1	13,0	23,9	3,4	86	85	83
2004	201,2	166,4	34,8	82,7	5,9	12,8	1,68	82	–	–
2014	111,7	83,2	28,5	74,5	4,0	8,7	1,53	77	–	–

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=9; http://pop-stat.mashke.org/moldova-ethnic2004.htm; Перепись населения Республики Молдова, 2014. URL: http://recensamant.statistica.md. Для 1989 г. данные по всей Молдавской ССР, для 2004–2014 гг. – по Республике Молдова без учета Приднестровской Молдавской Республики.

Вклад отдельных факторов в демографическую убыль русских Молдовы рассчитывается только в первом приближении, поскольку неизвестной остается реальная величина миграционного оттока. Тем более что трудовая миграция шла не только в Россию, но и страны Евросоюза. Если исходить из среднегодовой величины в 2–2,5 тыс. чел., отток русских за период 2004–2014 гг. мог составить порядка 20–25 тыс. чел. Размеры естественной убыли за этот период находились в диапазоне 6–10 тыс. чел. На ассимиляцию могло приходиться почти ⅔ всех демографических потерь русской общины (54–63 тыс. чел.) (рис. 2.17).

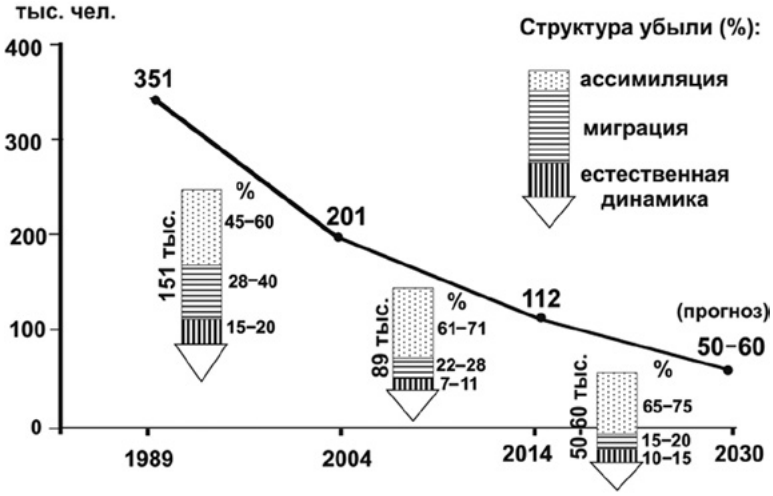

Рис. 2.17. Количественная убыль русского населения Молдовы (без Приднестровья) и его структура, 1989–2030 гг. (тыс. чел, %)[1]

Структура потерь и сами масштабы депопуляции указывают, что прогнозируемый по результатам социологических опросов 2000-х гг. сценарий быстрого демографического «заката» русской общины Молдовы уже начал реализовываться. Это будет означать сохранение уже зафиксированного темпа количественного сжатия и в последующие десятилетия. Иными словами, численность русских в стране каждое следующее десятилетие с большой вероятностью будет сокращаться на 35–45 %.

Исходя из этого количественного алгоритма, русское население Молдовы в начале 2019 г. (через пять лет после переписи 2014 г.) могло составлять 90–95 тыс. чел. К 2030 г. русская община сократится до 50–60 тыс. чел., а к середине века в стране останется 25–40 тыс. русских.

[1] Расчеты автора.

Заметим, однако, что прогноз естественной динамики русской общины, выполненный с помощью метода передвижки возрастов, рисует куда более положительный сценарий, согласно которому численность русских к 2030 г. может сократиться на 10–12 % от уровня 2014 г., а к середине века – на 25–30 %. Иными словами, без учета миграции и ассимиляционного процесса в 2030 г. в Молдове может оставаться 98–100 тыс. русских, а к 2050 г. – порядка 78–84 тыс. чел. Данный расчет подтверждает, что основными причинами депопуляции местного русского населения являются отток и ассимиляция, способные в разы увеличить темпы его демографического сжатия.

Таблица 2.13. Возрастная структура ведущих национальных сообществ Молдовы[1]

Национальность	Возраст, полных лет					
	0–14	15–29	30–49	50–64	65–84	85 и более
Русские	12,8	18,3	26,2	24,3	16,8	1,6
Украинцы	10,8	17,0	25,8	26,0	18,8	1,7
Молдаване	18,1	24,4	27,1	20,5	9,3	0,7
Гагаузы	17,8	23,9	25,5	23,7	8,4	0,7
Румыны	16,6	27,2	27,0	20,1	8,5	0,6

Приднестровская Молдавская Республика (ПРМ)

Динамика русского населения Приднестровья в постсоветский период протекала по существенно иному сценарию. Тем больший интерес она представляет, поскольку сравнение с молдавским вариантом позволяет выявить, насколько социально-политическая и этнополитическая компоненты общественной жизни социума влияют на его этнодемографическую динамику.

Русское население в пределах левобережья Днестра было достаточно многочисленным уже в начале XX в. По переписи 1926 г. оно насчитывало около 36 тыс. чел., увеличившись к рубежу 1950–1960-х гг. до 63 тысяч.

[1] Рассчитано по: Перепись населения Республики Молдова, 2014. URL: http://recensamant.statistica.md

К этому времени русская община составляла уже почти пятую часть местного населения. Но особенно быстрый ее рост приходится на последующие десятилетия[1]. К концу советского периода в пределах Приднестровья проживало уже 211 тыс. русских. И по численности они являлись вторым национальным сообществом, уступая только молдаванам.

Не вызывает сомнения и то, что сохранение левобережья в составе независимой Молдовы запустило бы процесс быстрого сокращения русской общины по аналогии со всеми другими районами страны. Однако создание политически независимого от Кишинёва пророссийского государственного образования способствовало сохранению высокого социального статуса русской национальности. Депопуляция русских определялась только двумя факторами – естественной убылью и миграционным оттоком. Причем показатели как первой, так и второго могли быть заметно выше, чем в Молдове, вследствие более тяжелого социально-экономического положения непризнанной республики.

За период 1989–2004 гг. население Молдовы, также испытывавшей серьезные экономические сложности, согласно официальным данным, сократилось на 5,7 % (с 3,59 до 3,38 млн чел.), а Приднестровье утратило 26 % своих жителей (сокращение с 750 тыс. до 555 тыс. чел.). Ускоренное демографическое сжатие ПМР продолжилось и в дальнейшем. За 2004–2017 гг. население республики, сократившись до 469 тыс. чел., потеряло еще 15,5 % своего демографического потенциала. Впрочем, общие потери населения Молдовы между двумя переписями (2004–2014 гг.) также оказались самыми значительными – 13,9 %.

Если в конце советского периода рождаемость в левобережных районах составляла 16 ‰, то в 1990-е гг. она сократилась почти вдвое и на уровне 9–9,5 % сохранялась все два первых десятилетия XXI в. (при смертности в 14–15 ‰). В Молдове оба показателя находились на примерно одинаковом уровне 10,5–11 ‰, обеспечивая простое воспроизводство населения, в отличие от ПМР, среднегодовые естественные потери населения которой составляли 4–5 ‰.

Показательно, что удельное соотношение трех основных национальных групп непризнанной республики – молдаван, русских и украинцев – на всем протяжении постсоветского периода почти не менялось. Если пророссийская ориентация ПМР обеспечивала устойчивое воспроизводство местного населения (в том числе и смешанного) русской идентичности, то системная

[1] Это в первую очередь было связано с трудовыми мигрантами, прибывшими на металлургический завод в Рыбницу и в другие промышленные центры левобережья.

неопределенность положения республики, непредсказуемость ее дальнейших социально-политических перспектив определяли достаточную устойчивость и двух других национальных групп. Как результат, демографическая динамика всех трех ведущих народов долгое время находилась в прямой корреляции с изменением общей численности населения Приднестровья – то есть все они убывали примерно с одинаковой скоростью.

Только в межпереписной период 2004–2015 гг. обнаружилась ускоренная количественная убыль украинской общины, которая может указывать на работу ассимиляционного фактора, причем как в сторону обрусения, так и молдавизации. Именно русские и молдаване несколько увеличили свой удельный вес в населении республики. Причем в первую очередь демографически выигрывала русская община: перепись 2015 г. обнаружила в республике примерно на 10 тыс. русских больше, чем их насчитывала текущая статистика населения (очевидное свидетельство работы ассимиляционного процесса) (табл. 2.14).

Таблица 2.14. Демографическая динамика основных национальных сообществ левобережных районов Днестра (тыс. чел., %)[1]

Показатели	1926	1959	1989	1993	1995	2004	2012	2014	2015
Численность, тыс. чел.									
Всё население	262,0	327,9	750	712,5	696,1	555,3	509,4	500,7	474,5
молдаване	115,5	136,8	–	243	233,5	177	162,5	159,7	156,6
русские	35,9	63,3	211	214,3	200,8	168	154,9	152,2	161,3
украинцы	71,2	103,3	–	199,3	–	160	146,7	144,2	126,7
остальные	39,4	24,5	539	55,9	261,8	50,3	45,3	44,6	29,9
Удельный вес, %									
Всё население	100	100	100	100	100	100	100	100	100
молдаване	44,1	41,7	–	34,1	33,5	31,9	31,9	31,8	33,0
русские	13,7	19,3	28,1	30,1	28,8	30,4	30,4	30,3	34,0
украинцы	27,2	31,3	–	28,0	–	28,0	28,8	28,7	26,7
остальные	15,0	7,7	–	7,8	–	9,7	8,9	9,2	6,3

Если в 1993–2004 гг. численность русских в Приднестровье сократилась на 54 тыс. чел., то в следующие 11 лет (2004–2015 гг.) потери оказались менее

[1] *Кабузан В.М.* Русские в мире; Перепись населения Республики Молдова, 2014. URL: http://recensamant.statistica.md; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

7 тыс. чел. (–4 %). Между тем украинцев в последний межпереписной период в республике стало меньше на 33 тыс. чел. (–21 %).

Конечно, не стоит быть заложником голой статистики. Тем более что помимо возможных неточностей и натяжек, связанных непосредственно с самой переписью и ее результатами, следует учитывать конъюнктурный характер идентичной самоидентификации значительной части би(поли) этнического населения Приднестровья. Как свидетельствует опыт той же Молдовы, достаточно сместиться социально-политическому вектору, чтобы соотношение различных национальных групп социума в считанные годы изменилось, и весьма существенно.

Именно различие системной ориентации двух молдавских государственных образований и определило динамику их русских общин, количественное соотношение которых в постсоветский период поменялось кардинальным образом. Если в 1989 г. (еще в составе Советской Молдавии) русских Приднестровья было только 60 % от их численности в остальной МССР, то к 2004 г. данные два русских демографических множества почти сравнялись в размерах, а в середине 2010-х гг. уже в ПМР русских было больше на 43 %.

В 2020 г. число русских Приднестровья может уже количественно превосходить русскую общину Молдовы в 2 раза. В дальнейшем (при сохранении социально-политических векторов обоих социумов) эта разница будет только увеличиваться. К 2030 г. она способна стать 2,5–3-кратной, а к середине века – 3,5–5-кратной.

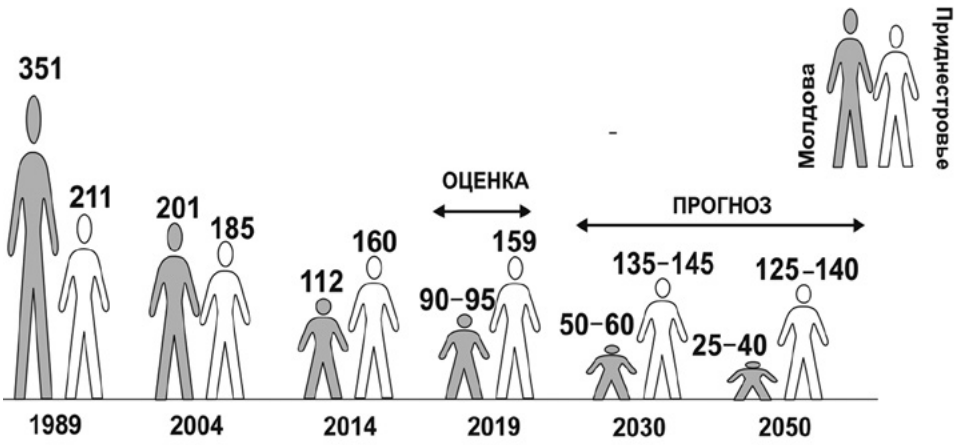

Рис. 2.18. Динамика русского населения Молдовы и Приднестровья, 1989–2050 гг. (тыс. чел.)[1]

[1] Оценка и прогноз автора. Для 1989 г. – данные по левобережным районам Днестра и остальной территории Молдавской ССР.

Впрочем, данный прогноз исходит из официальной статистики ПРМ, согласно которой население республики в 2016–2017 гг. составляло около 470 тыс. чел. Однако многие специалисты уверены в том, что реальный размер населения современного Приднестровья существенно ниже и может составлять порядка 300–350 тыс. чел.[1] *Очевидно, что две указанные цифры являются своего рода расчетными полюсами, заключающими количественный диапазон, в пределах которого и может располагаться анализируемый демографический показатель. Но, учитывая сложнейшее положение, в котором уже на протяжении почти трех десятилетий находится Приднестровье, зажатое между двумя враждебными государствами, можно предположить, что нижняя оценка ближе к действительности. И в настоящее время население, фактически проживающее в республике, составляет порядка 350–400 тысяч.*

Учитывая, что, в отличие от общей численности, удельный вес и соотношение отдельных национальных сообществ последняя перепись ПМР (2015 г.) может фиксировать достаточно точно, русское население Приднестровья в настоящее время составляет не 160 тыс. чел., а порядка 120–130 тыс. чел.

Конечно, русская община непризнанной республики в любом случае сохранилась значительно лучше русского населения Молдовы, но данное обстоятельство не отменяло ее ощутимого сокращения, связанного с общей ускоренной депопуляцией Приднестровья. Даже по официальным данным среднегодовые демографические потери ПМР составляли 1,3–1,4 %.

Между тем сохранение еще на 2–3 десятилетия столь устойчивого и одновременно интенсивного нисходящего тренда – почти стопроцентная гарантия комплексной социально-экономической деградации Приднестровья к середине XXI в., не говоря уже о глубоком демографическом опустынивании большей части территории республики. Иными словами, русло реальных сценариев развития для ПМР как независимого от Кишинева политического образования постепенно сужается, сохраняя только негативную часть спектра.

Но и возвращение Приднестровья в состав Молдовы, способное решить часть вопросов социально-экономического развития непризнанной республики, для местной русской общины будет означать неизбежное включение сценария дерусификации, причем, возможно, еще более быстрой и жесткой, чем та, что наблюдается в Молдове.

[1] *Матишов Г.Г.* Опасные тенденции и риски на южном фланге России. Ростов н/Д, 2016. С. 116.

ГЛАВА 3
РУССКИЕ В ПРИБАЛТИКЕ

Территориальная сопредельность Прибалтики и русского северо-запада – причина множественных и разнообразных контактов, известных со времени Древней Руси. Сохранялись эти взаимосвязи и в XIV–XV вв., в период постепенного складывания централизованного Русского государства. Купцы и дипломаты, путешественники, просто люди с причудливой судьбой – выходцы из русских земель по самым разным причинам оказывались на территории прибалтийских государств[1].

3.1
XVI – НАЧАЛО XX в.

На землях Прибалтики, в XVI–XVII вв. не раз выступавших ареной военных кампаний между Московским царством и его соседями, иногда подолгу находились крупные русские армии (войска, участвовавшие в затяжной Ливонской войне, насчитывали десятки тысяч человек, большинство из которых являлись русскими). Однако сколько-нибудь заметным присутствие русских в качестве постоянного населения становится только во второй половине XVII в., после появления на территории Курляндского

[1] Русское торговое подворье в Риге известно уже с XIII века. В XV в. в городе существовало русское кладбище, рядом с которым находился храм св. Николая. В XIV–XV вв. целый ряд городов Ливонского ордена и Рига как крупнейший из них вели активную торговлю с Новгородом, Псковом, Смоленском. Оказывались в пределах Прибалтики и беглецы, покинувшие Русь по религиозным причинам. В XVI – начале XVII в. это стригольники и «жидовствующие» (ариане).

герцогства и в Латгалии[1] (входившей в описываемое время в состав Речи Посполитой) старообрядцев. Первые их поселения начинают появляться здесь с 1660 года.

Польские власти предоставляли религиозным беглецам из России определенные льготы, и численность их продолжала расти за счет новых переселенцев из России. Расширялась и география – старообрядцы осваивают Двинский, Режицкий, Люценский и Илукстский уезды[2], расселяясь, прежде всего, в сельской местности. Этот геодемографический рост продолжается в петровское время.

«Массовые побеги старообрядцев в период правления Петра I и несколько позже привели к увеличению их численности в Латгалии, Видземе, герцогстве Курляндском. Постепенно значительным центром старообрядчества становятся Динабург, Режица, Якобштадт и особенно Рига. Точной даты появления старообрядцев в Риге не установлено. Но известно, что уже в начале XVIII века здесь их проживало достаточно много. Во всяком случае, в августе 1723 года обер-иеромонах Маркел Радишевский доносил синоду об итогах переписи старообрядцев в Риге. Он сообщил о том, что многие в "святую четыредесятницу" (Великий пост) из Риги поуходили и укрылись поблизости в Курляндии, и только не успевших укрыться было "записано душ более пятисот". Понятно, что такая масса людей появиться сразу не могла. А если учесть, что для обложения налогом записывали только мужчин (а многие из них укрылись в Курляндии – благо граница была рядом), то названное количество впечатляет»[3]. Безусловно, впечатляет, поскольку речь может идти минимум о 1,5–2 тыс. человек, что должно было составлять различимую часть всего населения Риги этого времени.

Появлялись поселения старообрядцев и к западу от Чудского озера (земли современной Эстонии), а также в восточных литовских районах Речи Посполитой. Таким образом, едва ли можно согласиться с В.М. Кабузаном, согласно которому в пределах всей Прибалтики (в ее современных границах) общая численность русских к концу Северной войны (1719 г.) составляла порядка 300 человек[4]. Хотя за вычетом старообрядцев русское

[1] Историческая область Латвии.

[2] *Поммер А.А.* Русские в Латвии. Исторический очерк. XIII–XIX вв. URL: http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-a-pommer.html

[3] Цит. по: *Веретенников В.* Прошлое и настоящее латвийского старообрядчества. URL: https://regnum.ru/news/cultura/1550530.html

[4] *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 279.

гражданское население в пределах присоединенных к России прибалтийских земель в начале – середине XVIII в. действительно могло быть минимальным. Но оценивая масштабы русского этнического присутствия на данных землях, едва ли корректно не учитывать русских военных, составлявших большинство в размещенных по всему региону армейских частях.

В начале 1760-х гг. (III ревизия), по расчетам Кабузана, русское население в пределах Прибалтики выросло до 2,8 тыс. чел.[1] Очевидно, что и эта цифра далеко не полностью учитывает местное старообрядческое население, по-прежнему сосредоточенное преимущественно в пределах Латгалии и Курляндии. Согласно другому источнику, в 1772 г. численность староверов только в пределах будущей Латвии достигало 12 тыс. чел.[2] Самым «русским» городом региона в рассматриваемое время, как и раньше, являлась Рига, где во второй половине 1760-х гг. русские составляли более 15 % от всех горожан[3].

В последней трети XVIII в., после трех разделов Речи Посполитой, территория Прибалтики полностью входит в состав Российской империи. Несколько увеличивается к концу столетия и местное русское население, составлявшее уже порядка 30 тыс. чел.[4], основная масса которого по-прежнему была расселена в пределах Лифляндии (16,3 тыс.) и прежде всего в ее административном центре – Риге (8,6 тыс.)[5]. В большинстве это были рабочие, ремесленники и мелкие торговцы[6].

Столь же поступательно небыстрым оставался рост местных русских общин и в первой половине XIX века. Основной поток русских переселенцев направлялся в другие регионы империи. Прибалтийские земли не отличались большой привлекательностью для крестьян, а время для активной трудовой миграции в города еще не пришло. Тем не менее к началу реформенного периода (рубеж 1860-х гг.) русское население Прибалтики выросло до 127 тыс. человек. Более 70 тысяч из них приходилось на Курляндию и Лифляндию – территории будущей Латвии.

---

[1] *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 229.

[2] *Apine I., Volkovs V.* Latvijas krievu identitāte: vēsturisks un socioloģisks apcerējums. (Идентичность латвийских русских. Исторический и социологический очерк). Rīga, 2007. P. 21.

[3] *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 290.

[4] Без учета военных, численность которых могла не уступать русскому гражданскому населению.

[5] Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. I. Рига, 1893. С. 187.

[6] В регионе по различным обстоятельствам могли оказываться представители самых разных групп русского населения. В частности, в последней четверти XVIII в. на поселение в Лифляндскую губернию было сослано некоторое число пугачевцев (Поммер А.А. Русские в Латвии).

Социально-экономические реформы и урбанизационный бум последней трети XIX в. многократно увеличили приток русских переселенцев в пределы региона, в первую очередь, в его города. По данным переписи 1897 г., численность русских в границах современной Прибалтики превышала 330 тыс. чел. Опережающим темпом в эти десятилетия росло присутствие русских в самых западных районах региона – на территории современной Литвы, в пределах которой численность русских за 1858–1897 гг. выросла почти в четыре раза (с 36 до 139 тыс. чел.). Вдвое больше русских стало в Латвии и Эстонии (рис. 3.1).

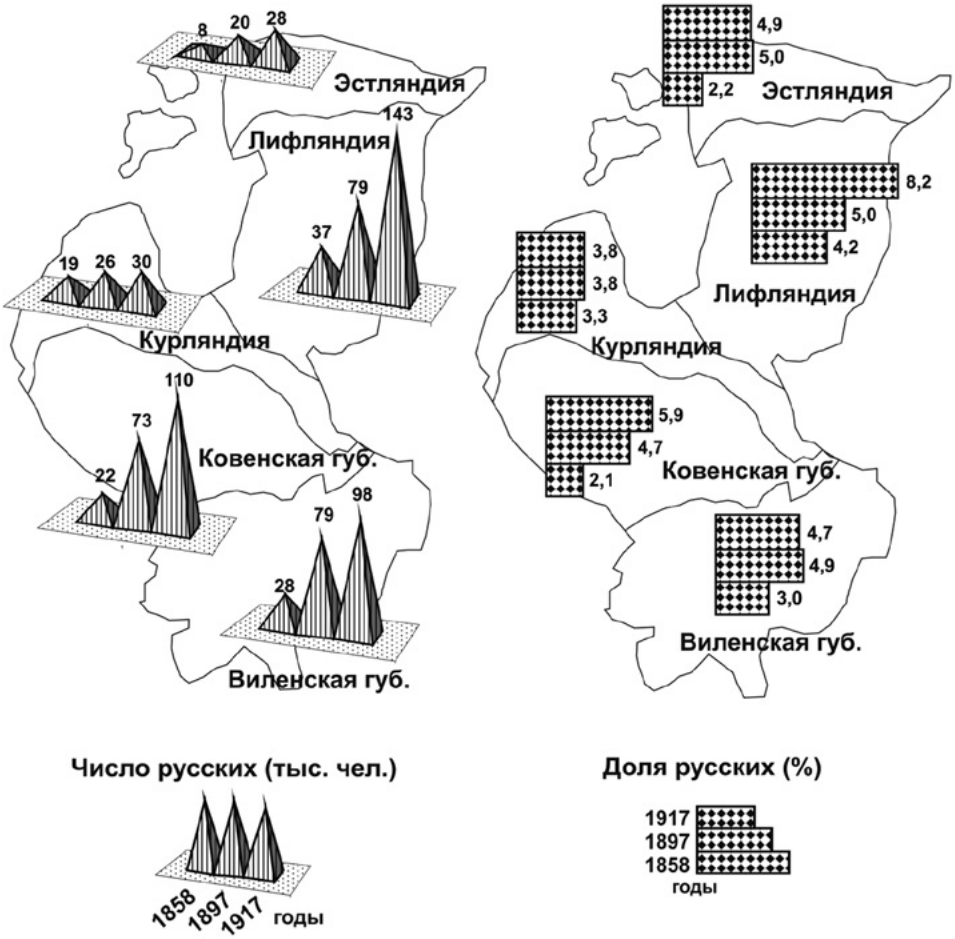

Рис. 3.1. Русские в прибалтийских губерниях, 1897 г.[1]

[1] Рассчитано по: *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX в. М., 1992; *Его же.* Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

Крупнейшими средоточиями русского населения в регионе являлись губернские центры: Рига, Вильно (Вильнюс), Ковно (Каунас), Ревель (Таллинн). Но заметно выросли русские общины и других городов. В целом более половины русских Прибалтики этого времени – горожане.

Русское сельское население в основном было сосредоточено в Латгалии (Двинский и Режицкий уезды Витебской губернии) и восточных районах Эстляндии, прилегавших к русским губерниям[1]. Впрочем, небольшие группы русских поселян (2–4 % от общего числа местных жителей) встречались уже в большинстве уездов прибалтийских губерний. Как правило, это было гендерно сбалансированное, а значит и хорошо укорененное население. Присутствие русских в городской среде было куда более весомым (10–20 %). Но гендерная структура русских горожан обнаруживала существенный (зачастую 2–3-кратный) перевес мужчин – свидетельство значительной доли трудовых мигрантов (табл. 3.1).

Таблица 3.1. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение у русских прибалтийских губерний, 1897 г.[2]

Губернии	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
Виленская	78,6	36,2	42,4	46,1	4,9	18,3	3,0	143	195	112
Ковенская	72,9	26,1	46,8	35,8	4,7	18,3	3,3	162	353	112
Курляндская	25,6	14,0	11,6	54,7	3,8	9,0	2,2	175	239	125
Лифляндская	68,1	51,9	16,2	76,2	5,2	13,6	1,8	133	142	107
Эстляндская	20,4	10,7	9,7	52,5	4,9	13,9	2,9	155	218	110

Продолжился быстрый демографический рост русского населения региона и в начале XX в. Согласно В.М. Кабузану, за 20-летний период после

[1] В самом восточном Везенбергском уезде доля русских составляла 7,3 %.

[2] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

Первой всеобщей переписи (1897–1916 гг.) численность русских выросла в Прибалтике более чем на треть (с 332 до 450 тыс. человек).

Но, как уже говорилось, это время отличалось очень высоким естественным приростом русского народа (16–19 ‰ в год), позволившим ему увеличить свою численность более чем на 30 %. Практически весь демографический рост местных русских общин мог быть результатом их естественной динамики. В действительности приток русских в Прибалтику сохранялся, но уже не в таких масштабах. По-прежнему он ориентировался в первую очередь на крупные города. Русское население Риги, крупнейшего центра региона, за 1897–1914 гг. выросло с 44 тыс. чел. до 100 тыс. (43,8 % жителей города). С 31 до 43 тысяч увеличилась русская община Вильно.

Социальные катаклизмы второго десятилетия XX в. и распад империи оборвали этот восходящий этнодемографический тренд. Массовый отток русских из западных губерний Прибалтики в годы Первой мировой войны был вызван неудачами русской армии, вынужденной оставить значительные территории. Достаточно сказать, что в период оккупации немцами Вильно (1916 г.) в городе осталось только 2 тыс. русских (менее 5 % от довоенного уровня).

3.2
МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920–1930-е гг.)

Революция и последующее создание независимых прибалтийских государств стали другой причиной миграционного оттока русских из региона. Однако первые послереволюционные годы были связаны и с обратным миграционным движением – часть населения Советской России, не принявшая новую власть, уходила в соседние страны. Одним из эпицентров белой эмиграции стала и Прибалтика. Для значительной части таких беженцев прибалтийские государства являлись временным пристанищем, и через несколько лет они перебрались в страны Центральной и Западной Европы.

Тем не менее в 1926 г. русских в Прибалтике оставалось порядка 350 тысяч. В Латвии и Эстонии они были крупнейшими национальными меньшинствами, в Литве – по численности уступали только полякам.

Латвия

Как и на протяжении всей предыдущей истории, самой большой являлась русская община Латвии (почти 200 тыс. человек). Но в отличие от имперского периода, основная масса местных русских теперь была сосредоточена в сельской местности. Главная причина этой расселенческой «метаморфозы» заключалась в том, что русские городские общины, выросшие в конце XIX – начале XX в. и состоявшие преимущественно из мигрантов первого поколения, в период Мировой и Гражданской войны потеряли значительную часть своих представителей (достаточно сказать, что 100-тысячное русское население Риги сократилось к 1920 г. до 12 тысяч).

А сельские общины с большой долей старожилов преимущественно из числа старообрядцев сохранились почти в полном составе. К тому же, согласно мирному договору между Латвией и Советской Россией, к первой отошел ряд районов Псковской губернии с многочисленным сельским русским населением. Его отличал традиционный тип демографического воспроизводства. Как результат русская община Латвии с середины 1920-х гг. демонстрировала количественный рост, основной причиной которого являлась высокая рождаемость.

> *«Например, в 1929 году прирост русского населения Латвии составил 2,8 тысяч человек, в то время как количество латышей, общее число которых в то время было в девять раз больше, возросло всего на 3,7 тысяч. Русские семьи были более многодетны… и отличались большой стабильностью. Среднее количество разводов в русских семьях было в два раза меньше, чем в латышских, и в пять раз меньше, чем в немецких семьях»*[1].

В целом за период 1925–1935 гг. демографический рост в Латвии продемонстрировали только титульные латыши и русские. Число последних выросло на 6,6 % (со 193,6 тыс. до 206,5 тысяч)[2]. И они составляли более 10 % населения страны. Приход к власти националистов во главе с К. Улманисом (1934 г.) и новый политический курс («Латвия для латышей») могли усилить отток русских из страны (прежде всего из городов). По расчетам специалистов ЦСУ СССР, на момент присоединения Прибалтики к Совет-

[1] *Волков В.* Русские в Латвии. URL: https://web.archive.org/web/20111011213452/http://www.li.lv/index.php?option=content&task=view&id=101

[2] *Федотов А.Н.* Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики. URL: http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-fedotov.html

скому Союзу (1940 г.) в пределах Латвии проживало 186,5 тыс. русских (на эту же цифру ориентируется в своих расчетах и В.М. Кабузан)[1].

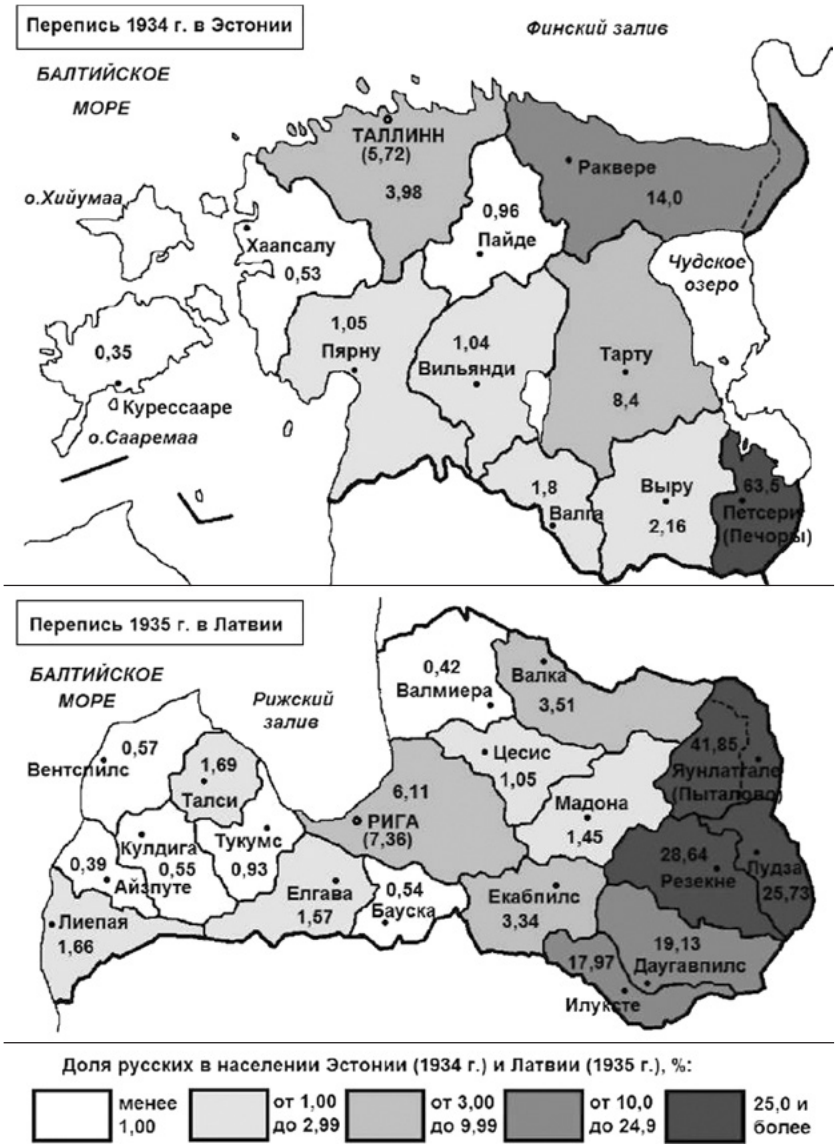

Рис. 3.2. Доля русских в населении Эстонии (по итогам переписи 1934 г.) и Латвии (по итогам переписи 1935 г.)[2]

[1] *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 277.

[2] Источник: *Манаков А.Г.* Динамика национального состава населения Эстонии и Латвии в 1920–1330-е гг. // Псковский регионологический журнал. 2017. № 2 (30). С. 83.

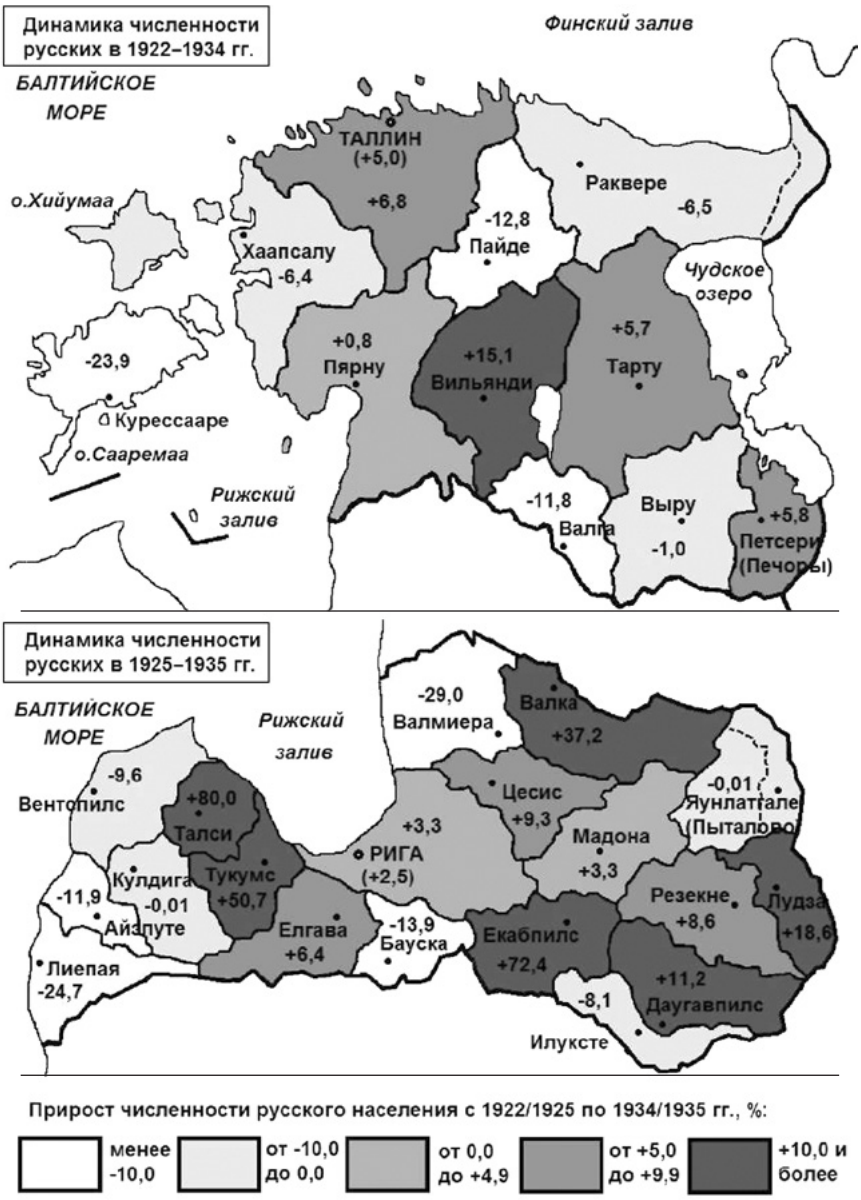

Рис. 3.3. Изменение численности русского населения в 1922–1934 гг. в Эстонии и в 1925–1935 гг. в Латвии[1]

Однако дополнительное исследование, проведенное российскими демографами в начале XXI в., позволило скорректировать данный показатель,

[1] Источник: *Манаков А.Г.* Динамика национального состава ... С. 86.

увеличив его до 206,5 тысяч[1]. Если этот расчет верен, во второй половине 1930-х гг. численность русских в Латвии стабилизировалась. Наметившийся отток и естественный прирост компенсировали друг друга.

Основная масса русского населения была сосредоточена в Риге (28,4 тыс. чел.) и располагалась в четырех уездах Латгалии (с центрами в Даугавпилсе, Резекне, Лудзы, Яунлатгале) – 154 тыс. человек (27,1 % жителей). Причем в северо-восточном Яунлатгальском уезде русские в середине 1920-х гг. составляли 45,5 %, поскольку в 1920 г. к нему отошла территория Пыталовского края, уступленного Латвии Советской Россией. Межвоенный период был связан с ускоренной «латышизацией» этого уезда (численность представителей титульного народа выросла с 52 до 60 тыс. чел.). Но и в середине 1930-х гг. доля русских среди местного населения продолжала составлять почти 42 %, а в большинстве волостей (пагастов) данного района превышала 70 % (в некоторых – даже 90 %)[2]. За пределами восточных районов русские Латвии были малочисленны, как правило, составляя не более 1–3 % населения (рис. 3.2).

Эстония

Численность русских в Эстонии в межвоенный период также в существенной степени зависела от направления и масштабов миграции, достигшей максимальной интенсивности в первой половине 1920-х гг. Приток белоэмигрантов и последующее их перемещение в другие страны Европы должны были самым существенным образом менять численность русской общины Таллинна и других эстонских городов. Заметно увеличило колличество русских в Эстонии включение в ее состав (по Тартускому договору 1920 г.) Печорского района (к русскому народу относилось почти ⅔ его жителей). Как результат перепись 1923 г. обнаружила в стране более 91 тысячи русских (8,2 % населения)[3].

В силу значительной доли «поселян» (крестьянского населения, сохранявшего традицию многодетности), естественный прирост русской диаспоры

[1] Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 10.

[2] *Манаков А.Г.* Динамика национального состава ... С. 86.

[3] Согласно данным В.М. Кабузана, русских в Эстонии в 1926 г. было только 38 тыс. чел. Однако его расчет проводился для территориального контура, современного Эстонии, и, следовательно, не включал Печорского района, находящегося в настоящее время в составе РФ.

существенно превосходил показатель всего населения страны (6,5 ‰ против 1 ‰)[1]. Однако следующая перепись (1935 г.) зафиксировала в Эстонии практически то же самое количество русских (92,6 тыс. чел.), весь прирост был «съеден» миграцией[2].

Несмотря на миграционную активность русских, в межвоенный период география русской общины почти не изменилась (рис. 3.3). В середине 1930-х гг. более 41 тыс. чел. проживало в Печорском районе, более 20 тыс. в Виру – другом восточном районе Эстонии, прилегающем к территории России (в т.ч. 8 тыс. русских насчитывалось в Нарве, крупнейшем центре Виру). Русская община Таллинна также составляла почти 8 тыс. чел. И, наконец, порядка 15 тыс. русских являлось жителями Тарту и окрестных сельских территорий, составлявших его административный район.

Данная система расселения полностью сохранилась и во второй половине 1930-х гг. – на момент включения Эстонии в состав СССР численность ее русских составляла 93,7 тыс. человек[3].

Литва

Стремительное сокращение местной русской общины, как уже отмечалось выше, началось еще в период Первой мировой войны. Не желая оставаться в Литве в период немецкой оккупации, значительная часть русского населения эвакуировалась в более восточные регионы империи. В начале 1930-х гг. известный русский общественный деятель Литвы А. Тыминский с горечью констатировал: «Русское чиновничество, домовладельцы, помещики, ремесленники, лица свободных профессий, всё то, что составляло интеллигенцию, отхлынуло из Литвы, и многие уже не вернулись обратно, будучи задержанными революцией и новой политической обстановкой»[4].

Если перед революцией в пределах современной Литвы проживало порядка 175 тыс. русских, то перепись 1923 г. обнаружила в стране только 51 тысячу.

Однако данная цифра не учитывала русского населения Виленского и Клайпедского краев, в это время не входивших в состав Литвы. В первом из них русских было 5,9 тыс., а во втором порядка 2–3 тыс. человек. Следует

[1] *Пуллат Р.Н.* Городское население Эстонии с конца XVIII в. до 1940 г. Таллинн, 1976. С. 119.

[2] Впрочем, речь идет о достаточно скромных демографических величинах. За 12 лет естественный прирост мог составить порядка 6–7 тыс. чел.

[3] Население России в XX веке … С. 10.

[4] *Тыминский А.* Русская общественная жизнь в Литве // Русский календарь на 1932 г. Ковно, 1931. С. 1.

учесть и то, что перепись Литвы 1923 г. фиксировала национальность только у населения, имевшего литовское гражданство. Национальная принадлежность неграждан («иностранцев») вообще не указывалась[1]. Размеры такого невидимого демографического «довеска» у русских могли составлять минимум несколько тысяч человек.

Впрочем, даже полный учет всех перечисленных групп русского населения не отменял факта резкого его сокращения, что отличало самую западную из стран Прибалтики от двух других. Но даже в таком усеченном формате русские на момент проведения переписи оставались третьим национальным меньшинством Литовской республики (2,5 % населения), уступая только полякам и евреям[2].

Основу русской общины страны составляло старообрядческое население (31,8 тыс. чел.), на которое приходилось 63 % всех русских, имевших литовское гражданство. Самая значительная часть данного старожильческого сегмента русской общины была расселена в сельской местности. Немало поселян было и среди русских, переехавших в пределы будущей независимой Литвы в конце XIX – начале XX в. Третья группа русского населения, сформированная преимущественно белоэмигрантами (представителями привилегированных групп российского общества и бывшими горожанами), была ориентирована на городские центры, и прежде всего Каунас – столицу межвоенной Литвы.

В общей сложности в пределах современной Литвы в первой половине 1920-х гг. могло проживать 65–70 тыс. русских (В.М. Кабузан определяет их численность в 67 тысяч)[3]. На протяжении последующих 15–17 лет эта цифра практически не изменилась. И в Советский Союз на рубеже 1940-х гг. вместе с Литвой вернулось 71,6 тыс. русского населения[4].

Заметим, что В.М. Кабузан дает заметно большую цифру – 101 тыс., очевидно, ориентируясь на расчеты специалистов ЦСУ СССР конца 1950-х гг., которые, как мы уже говорили, были скорректированы современными российскими демографами. Учитывая векторы и темпы этнодемографических процессов в Литве межвоенных десятилетий, количественная стабилизация русской общины страны представляется значительно более вероятным сценарием, нежели ее существенное увеличение, для которого практически невозможно найти серьезных причин.

---

[1] *Марцинкявичус А.* Социальная адаптация русских в межвоенной Литве // Диаспоры. 2011. № 1. С. 125.

[2] После присоединения к Литве Клайпедского края (1923 г.) с крупной немецкой общиной русские отодвинулись на четвертую позицию среди диаспор страны.

[3] *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 277.

[4] Население России в XX веке … С. 10.

***

Итак, 20-летний период независимости Прибалтики незначительно отразился на численности и географии русских в регионе. В отличие, например, от Центральной и Западной Европы, в странах которой крупные средоточия русских эмигрантов, возникшие в начале 1920-х гг., к концу 1930-х гг. самым существенным образом сократили свои размеры, прежде всего, в результате аккультурации и стремительно набиравшей темпы ассимиляции молодежи новых русских диаспор.

Очевидно, что именно историческая укорененность русских общин в странах Балтии играла центральную роль в их демографической устойчивости. Старожильческое ядро, представленное старообрядцами, а также участки русского этнического ареала, оказавшиеся в пределах прибалтийских стран (Петсеримаа/Печорский район в Эстонии, Яунлатгале/Пыталово в Латвии), являлись своего рода ребрами прочности русской геодемографии в регионе, отвечая не только за сохранность системы расселения, но и естественное воспроизводство. И в СССР вместе с Прибалтикой вернулось такое же (даже несколько выросшее) число русских, какое покинуло Советскую Россию в начале 1920-х гг.

3.3

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (середина – вторая половина XX в.)

Включение Прибалтики в состав СССР и последующая Великая Отечественная война существенным образом сказались на размерах и национальной структуре населения всех трех стран, ставших союзными республиками Советского Союза. Во время войны регион утратил самую значительную часть своего многочисленного еврейского (а в первые послевоенные годы – и немецкого населения). Не принявшие советскую власть социальные группы эмигрировали на запад, а в 1943–1944 гг. вместе с отступающими немецкими войсками ушли коллаборационисты (в общей сложности порядка 165 тыс. человек)[1]. Значительным оказалось и число репрессированных советской властью[2].

[1] С учетом выехавших в 1943–1944 гг. в другие страны Европы Прибалтика потеряла около 240 тыс. жителей (см.: *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 260).

[2] Только из Эстонии в 1941 г. была выселена в восточные районы СССР 61 тыс. чел. (порядка 6 % всего населения).

Таким образом, этнодемографическая структура прибалтийских обществ во второй половине 1940-х гг. существенным образом отличалась от довоенной.

Одним из центральных трендов послевоенного периода становится быстрый приток мигрантов из других регионов СССР. Значительную часть этого переселенческого потока составляли русские. К концу 1950-х гг. их численность в Прибалтике превышает миллион человек, увеличившись за 15–20 лет почти втрое. При наличии общего этнодемографического тренда, связанного с быстрым ростом русского населения, динамика данного процесса в каждой из республик имела свои отличительные черты.

Латвия

В период немецкой оккупации в Латвии была проведена перепись населения. Учитывая, что проводилась она только один день (24 февраля 1943 г.), возникают сомнения в полноте полученных результатов. Но и они зафиксировали 207,0 тыс. русских, число которых таким образом осталось на довоенном уровне.

Очевидно, что и к концу войны данная цифра едва ли могла претерпеть значительные изменения. Между тем первая послевоенная перепись населения 1959 г. обнаружила в Латвии 556 тыс. русских (на 350 тыс. больше). Естественный прирост, даже если предположить, что его послевоенный восстановительный уровень достигал 15–20 ‰ в год, смог бы увеличить русское население республики к 1959 г. только на 20–30 % (несколько десятков тысяч человек). С учетом рождаемости у новых переселенцев эта цифра может быть увеличена вдвое.

Таким образом, общий естественный прирост русских за 1945–1959 гг. мог достигать порядка 100 тыс. человек, миграционный приток – около 250 тыс. человек. Самая значительная часть переселенцев (более 200 тыс.) пополнила население республиканской столицы (к рубежу 1960-х гг. русская община Риги насчитывала почти 240 тыс. человек). Большая часть остальных мигрантов осела в других городах Латвии, уровень урбанизации русского населения существенно вырос, достигнув 72,7 % (у латышей она составляла только 46,7 %).

В отличие от массовой трудовой миграции конца XIX – начала XX в., послевоенный приток в значительной степени состоял из женщин. На рубеже 1960-х гг. в русской общине республики на 100 женщин приходилось только 78 мужчин. Сказывались демографические итоги войны – огромные

потери мужчин определили ощутимый перевес женщин и в послевоенной миграционной волне. Показательно в этом плане более равновесное гендерное соотношение у сельских русских (более 84 мужчин на 100 женщин), включавших в свой состав значительную долю старожильческого населения (табл. 3.2).

Таблица 3.2. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение у русских Латвии, 1959–1989 гг. (тыс. чел., %)[1]

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	город	село
1959	556,4	404,5	151,9	72,7	26,6	34,5	16,5	77,8	75,4	84,4
1970	704,6	561,6	143,0	79,7	29,8	38,3	16,1	85,9	85,6	86,8
1979	821,5	682,1	139,3	83	32,8	40,2	17,3	87,2	86,5	90,5
1989	905,5	769,5	136,0	85	34	40,7	17,5	88,0	86,6	96,2

Итак, за первые полтора послевоенных десятилетия русская община Латвии увеличилась в 2,7 раза. Среди причин столь масштабного роста высокая привлекательность всей Прибалтики и самой Латвии как некого внутрисоветского аналога Европы – экономически и социокультурно развитого региона. Но существенную роль играла и реальная необходимость в большом количестве новых рабочих рук, связанная с активным индустриальным строительством, развернутым в прибалтийских республиках в послевоенный период. А здесь одним из центральных факторов, определявших миграционную «емкость» каждой из республик региона, становился существующий демографический потенциал. Потери населения Латвии в период войны по целому ряду причин оказались заметно выше, чем в двух других республиках, что и предопределило большие масштабы притока трудовых мигрантов, чем в соседнюю Литву[2]. Впрочем, данное обстоятельство не отменяет и других факторов, в т.ч. более жесткой политики литовского партийного руководства во главе со А. Снечкусом, сумевшим отстоять республику от притока слишком большого числа трудовых мигрантов. Но свою роль играла и сама длительная история весомого русского присутствия в Латвии, наличие мощной столичной общины и многочисленного старожильческого сельского населения.

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

[2] *Иванов Е.* Послевоенная русификация Латвии. И почему она не случилась в Литве? URL: https://maksim-kot.livejournal.com/106111.html

Ускоренный рост русской общины продолжился в 1960-е годы. И всё же темпы его снизились существенным образом – сказалось сокращение масштабов миграции, которая, впрочем, и в это десятилетие обеспечила порядка 55–60 % демографического прироста русского населения республики[1].

Чистый приток мигрантов в республику в данном десятилетии приближался к 150 тыс. человек[2]. Помимо 85–90 тыс. русских, в Латвию переехало 25–28 тыс. белорусов, около 20 тыс. украинцев. Так, в национальном разрезе трудовой десант носил черты общего «восточнославянского» переселенческого проекта, хотя русские в нем количественно доминировали.

К 1970 г. их численность в Латвии превысила 700 тыс. человек. Как и раньше, русские в первую очередь приезжали в города – уровень урбанизации их в республике увеличился почти до 80 %. Но показательно, что доля «столичных» русских (жителей Риги) в 1960-е гг. несколько сократилась – привлекательными для новых переселенцев становятся и другие центры. Городская сеть республики в этнокультурном разрезе приобретает все более русский облик (более 38 % горожан Латвии в 1970 году – русские).

Города теперь привлекали и местное сельское русское население. За десятилетие его численность в республике сократилась на 9 тыс. человек (со 152 до 143 тысяч). С учетом естественного прироста чистый отток русских из сельской местности мог составить порядка 25–27 тыс. чел. Впрочем, данный внутренний «переток» из сел в города не был специфической чертой русских поселян – в 1960-е гг. в Латвии начало сокращаться и общее число сельских жителей (с 509 до 482 тыс. чел.). Сельские латыши включились в процесс урбанизации почти так же активно, как и русские.

Продолжился демографический рост русской общины Латвии и в следующем десятилетии. Естественная динамика, миграция и ассимиляция работали на него, позволив к 1979 г. увеличить численность русских в республике до 821 тыс. чел. Центральную роль в количественном росте русских республики по-прежнему играла миграция, хотя удельный вес ее в полученном демографическом «довеске» ощутимо сократился.

Естественный прирост, опустившийся до ежегодных 6–7 ‰, за 1970–1979 гг. был способен увеличить русскую общину на 40–45 тыс. чел. Небольшой вклад (5–10 тыс.) в демографический рост могла вне-

[1] Ежегодный естественный прирост у русских СССР в 1960-е гг. составлял порядка 9 ‰. Но у русского населения Латвии данный показатель в силу более молодой возрастной структуры мог быть несколько выше (10–11 ‰) и составить за 1959–1970 гг. порядка 60–65 тыс. чел. Еще несколько тысяч могла дать ассимиляция – обрусение части представителей украинской и белорусской общин. Таким образом, миграционный приток мог составить около 85–90 тысяч.

[2] *Переведенцев В.* Рынок труда и миграция населения // Вопросы экономики. М., 1991. № 9. С. 47.

сти ассимиляция, связанная с межнациональными браками русских с украинцами, белорусами, евреями и представителями других русскоязычных диаспор Латвии. Значительная часть смешанного потомства таких семей самоопределялась русскими. И только в русско-латышских браках существовало равновесие или небольшой перевес «латышизации». Однако удельный вес таких семей в общей массе межнациональных браков у русских был невелик. Учитывая вклад естественной динамики и обрусения, положительное миграционное сальдо русских в республике в 1970-е гг. должно было составлять порядка 60–70 тыс. человек.

Сохранились и другие особенности геодемографической динамики. Русская миграция по-прежнему ориентировалась на города. И это были не только внешние переселенцы, но и республиканские русские поселяне. Их общее число в Латвии опять сократилось, хотя не столь значительно, как в 1960-е годы. К рубежу 1980-х гг. более 40 % горожан республики – русские. Но и среди сельского населения их доля превышала 17 %. Гендерное соотношение в русской общине, имевшее в послевоенный период значительный женский перевес, выправилось уже к началу 1970-х гг., хотя русских женщин в республике по-прежнему было больше.

Последнее советское десятилетие воспроизвело все перечисленные тренды, сохранив и тенденцию к сокращению общих масштабов демографического роста русской общины. В 1980-е гг. она выросла на 84 тыс. чел., из которых 40–45 тыс. пришлось на естественный прирост[1]. Примерно столько же дала миграция[2]. Таким образом, впервые за послевоенный период данные две компоненты демографического роста сравнялись по своим размерам.

К началу 1990-х гг. численность русских в Латвии превысила 900 тысяч. Почти половина этого населения (430 тыс.) проживала в Риге, в которой русские являлись доминирующей национальной группой (47 % против 36 % у латышей) (рис. 3.4). Значительной была прослойка русских и в других городах республики, хотя здесь ее соотношение с титульным населением оказывалось обратным (латышей – 51 %, русских – 34 %). Еще меньше русских в сельской местности. Но всё равно каждый шестой сельский житель республики в конце советского периода был русским.

[1] В этом десятилетии он составлял у русских республики 5–5,5 ‰ в год.

[2] Значение ассимиляции – третьего фактора количественной динамики – у русской общины Латвии в 1980-е гг. было минимальным. Процесс обрусения местных русскоязычных общин к концу советского периода почти прекратился, поскольку доминирующей тенденцией с начала перестройки становится обращение к своим этническим корням и повсеместный рост разнообразных национализмов. «Становиться» русским в Прибалтике теряло практический смысл.

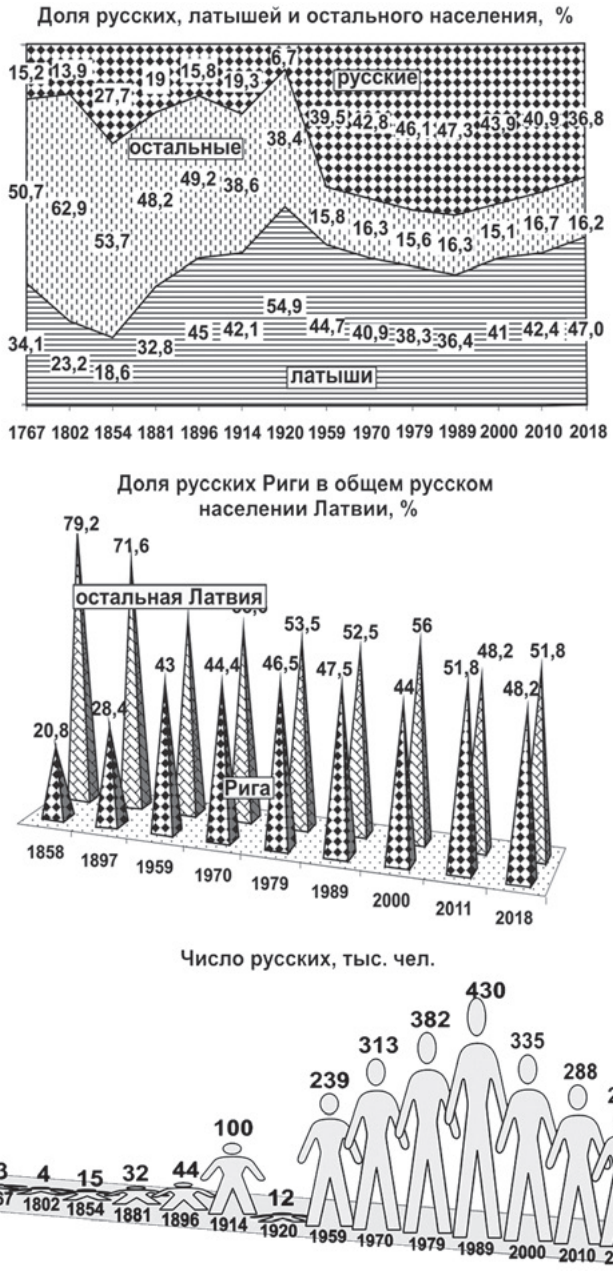

Рис. 3.4. Динамика русского населения Риги, 1767–2018 гг.[1]

[1] Рассчитано по: *Кабузан В.М.* Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

Эстония

Численность русского населения республики на конец войны неизвестна. Но помимо разнообразных потерь, связанных с военными действиями, существенную роль играло возвращение в состав РСФСР Печорского района. Можно предположить, что в середине 1940-х гг. в Эстонии оставалось не более 25–35 тыс. русского населения. А к рубежу 1960-х гг. его численность достигала уже 240 тыс. человек. Тем самым переселенческий поток в первые послевоенные 15 лет мог составить порядка 200 тыс. чел. Как и в Латвии, русские мигранты в своей массе оседали в эстонских городах и прежде всего в столичном Таллинне, русская община которого в 1959 г. уже превышала 90 тыс. чел. (треть населения города). А общий уровень урбанизации русских республики составил 86,5 %. В гендерном отношении русское население Эстонии соответствовало общему показателю русских СССР – на 100 женщин в республике приходилось только 77 мужчин (в СССР – 78,5). Таким образом, среди послевоенных переселенцев в республику женщины явно доминировали.

Основные геодемографические тенденции последующих десятилетий, свойственные русской общине Латвии, были характерны и для русских Эстонии. Численность их постоянно росла, как и уровень урбанизации (в 1989 г. в городах проживало уже 92 % республиканских русских). При этом центральным средоточием оставалась столица – на Таллинн приходилось более 40 % русского населения республики (рис. 3.5). Но с каждым десятилетием количественный рост русской общины ссокращался, а в его структуре постепенно снижалась доля миграции. Так что в 1980-е гг. приток новых переселенцев и естественный прирост количественно практически сравнялись (табл. 3.3).

Таблица 3.3. Структура демографического прироста русских Эстонии, 1959–1989 гг.

Годы	Прирост	Компоненты, тыс. чел.			Доля в общей убыли, %		
		миграция	естественный прирост	ассимиляция	миграция	естественный прирост	ассимиляция
1959–1970	94,4	50–55	37–42	2–3	53–58	39–44,5	2,1–3,2
1970–1979	74,2	36–40	32–35	2–3	48,5–54	43–47	2,7–4,0
1979–1989	68,0	34–36	32–34	–	5–53	47–50	–

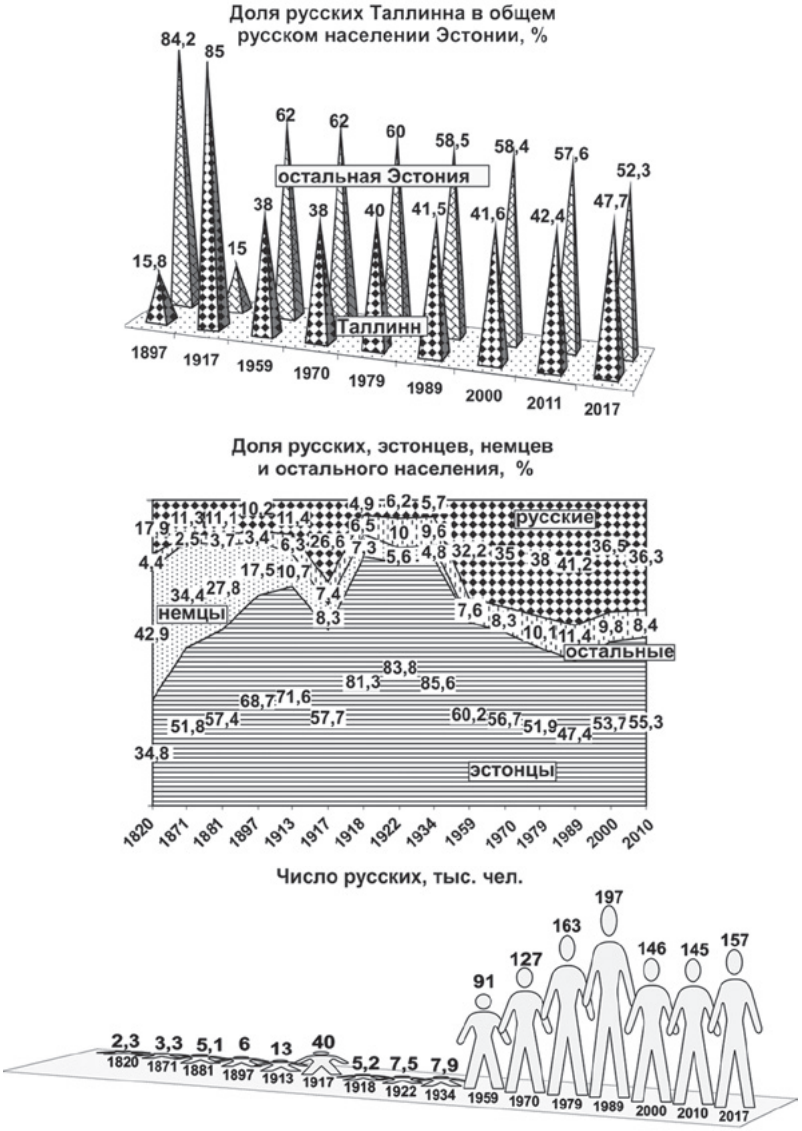

Рис. 3.5. Динамика русского населения Таллинна, 1820–2017 гг.[1]

Отток русских из сельской местности в города республики был не столь ощутимым, как в Латвии, и в полной мере проявил себя только в 1980-е гг. Впрочем, и присутствие русских в сельской местности Эстонии было значительно меньшим (8,5 %). Зато в городских центрах их было в несколько

[1] Рассчитано по: *Кабузан В.М.* Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

раз больше – 39 % горожании Эстонк концу советского периода – русские (табл. 3.4)

Таблица 3.4. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение у русских Эстонии, 1959–1989 гг. (тыс. чел., %)[1]

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	город	село
1959	240,2	207,8	32,4	86,5	20,1	30,8	6,22	77	76	81
1970	334,6	298,8	35,8	89,3	24,7	33,9	7,55	88	87	107
1979	408,8	370,3	38,5	90,6	27,9	36,4	8,59	88	87	100
1989	474,8	436,7	38,1	92	30,3	39,0	8,53	88	87	100

Литва

В отличие от двух других прибалтийских республик, русское население Литвы в первое послевоенное 15-летие отметилось куда менее бурным ростом, хотя численность его и выросла по сравнению с 1940 г. в 2,3 раза. И тем не менее русских в республике на рубеже 1960-х гг. было всего 8,5 % (табл. 3.5).

Одна из основных причин – активное вооруженное сопротивление литовских националистов, подавить которое советским силовым структурам удалось только в середине 1950-х гг. Свою роль играли и незначительные (в сравнении с двумя другими республиками) размеры русской общины и соответственно более плотная «титульная» этнокультурная среда, отпугивавшая часть русских потенциальных мигрантов. Имел значение и территориально-административный фактор – отсутствие прямой границы с РСФСР и наибольшая пространственная удаленность Литовской ССР.

Учитывая трудовой характер миграции и ее социопрофессиональную структуру, самая значительная часть русских переселенцев оседала в городах, ориентируясь на крупнейшие административные и промышленные центры республики. При общем уровне урбанизации в 77 %, более 60 % русских было сосредоточено в трех городах Литвы: Вильнюсе, Каунасе, а также в приморской Клайпеде – одном из крупнейших советских портов на Балтике.

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

Таблица 3.5. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение у русских Литвы, 1959–1989 гг. (тыс. чел., %)[1]

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	город	село
1959	231,0	177,8	52,2	77	8,52	17	3,19	82,5	80	92
1970	268,0	227,6	40,4	84,9	8,57	14,5	2,59	91	92	85
1979	303,5	263,0	40,5	86,7	8,95	12,9	2,98	93	93	96
1989	344,5	309,1	35,3	89,7	9,37	12,4	2,97	93	93	94

Существенной спецификой отличалась динамика русской общины республики и в дальнейшем. Рост ее долгое время значительно уступал аналогичному показателю двух других русских общин Прибалтики, но при этом он не сокращался от десятилетия к десятилетию, а в 1980-е гг. даже несколько вырос. Причем первоначально (1960-е гг.) вклад миграции существенно уступал по своему значению естественной компоненте этого роста, а в последнее советское десятилетие почти сравнялся с ней по масштабам (табл. 3.6).

Таблица 3.6. Структура демографического прироста русских Литвы, 1959–1989 гг. (тыс. чел., %)

Годы	Прирост	Компоненты, тыс. чел.			Доля в общей убыли, %		
		миграция	естественный прирост	ассимиляция	миграция	естественный прирост	ассимиляция
1959–1970	37,0	3–6	30–32	0,5–1	8–16	81–86	1,5–3
1970–1979	35,5	8–10	25–27	0,5–1	22–28	70–76	2,5–3
1979–1989	41,0	18–21	20–23	–	44–51	49–56	–

Ограниченные масштабы переселенческого потока не позволили русской общине серьезно увеличить свой удельный вес – за 1959–1989 гг. ее доля в населении Литвы выросла только на 0,85 % (с 8,52 до 9,37 %). При этом, в отличие от других прибалтийских республик, представленность русских в литовских городах всё это время сокращалась, составив к концу 1980-х гг. 12,4 % (против 17 % на рубеже 1960-х гг.). Сокращался удельный вес русского населения и в столице республики (рис. 3.6).

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

Рис. 3.6. Динамика русского населения Вильнюса, 1897–2011 гг.[1]

[1] Рассчитано по: *Кабузан В.М.* Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

Но если русские городские общины, теряя удельно, росли в размерах, то сельское русское население количественно сокращалось быстрыми темпами, начиная с 1960-х годов. В этом десятилетии его численность упала с 52 до 40 тыс. человек. Принимая в расчет высокий естественный прирост, можно предположить, что в республиканские города перебралось порядка 20 тыс. русских поселян, включившихся в процесс урбанизации наряду с литовцами. В 1970-е гг. отток в города существенно замедлился и вновь ускорился в последнее советское десятилетие. К концу 1980-х гг. в сельской местности проживало только 35 тыс. русских (менее 3 % местного населения).

***

Таким образом, своего исторического максимума русское население Прибалтики достигло в конце советского периода. На рубеже 1990-х гг. в трех союзных республиках СССР проживало в общей сложности более 1,7 млн русских. Но растянувшийся на все послевоенные десятилетия неуклонный рост русского этнического присутствия уже сменялся обратным демографическим трендом. В 1990 г. русские начали покидать прибалтийские республики. Наиболее активно данный процесс развернулся в Литве, чистый отток из которой достиг почти 9 тыс. чел., более двух тыс. чел. – из Эстонии.

3.4
ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Распад СССР еще более увеличил масштабы миграции русских из региона. Но на первые позиции по этому показателю теперь вышли Латвия и Эстония. Страны Балтии массово покидали военнослужащие, работники различных силовых ведомств и их семьи, которым было отказано в получении вида на жительство. Уезжали и мигранты последнего советского десятилетия, не успевшие укорениться на новом месте. Впрочем, причин для отъезда русских в это время было много. Регион покидали инженеры и рабочие, потерявшие работу после остановки предприятий союзного подчинения. По замечанию К.С. Халлик, русских Эстонии подталкивала к отъезду «неуверенность в будущем, неясность перспектив с получением образования на русском языке, опасения возможной национальной дискриминации и… открыто выраженное желание властей, чтобы как можно

больше переселенцев советского периода покинули Эстонию. Ряд законов, в первую очередь о гражданстве (1991 г.) и об иностранцах (1993 г.), оставили русских, поселившихся в Эстонии в советское время, вне официального общества… Перспектива обрыва связей с родственниками и близкими также не могла не стимулировать отъезд. Определенную роль играли, несомненно, и идеологические мотивы, несогласие с государственной самостоятельностью Эстонии»[1].

Все сказанное в полной мере относилось и к русским двух других стран Балтии, массово покидавших регион в первой половине 1990-х гг.

1990-е годы

В общей сложности за 1990–1994 гг. отток русских из Латвии составил более 60 тыс. чел. Эстонию и Литву покинуло соответственно 45,5 и 35 тыс. Но в отличие от других бывших союзных республик, в которых максимальные масштабы оттока русских пришлись на 1993–1994 гг., в Прибалтике пиковым оказался 1992-й. Уже в следующем 1993 г. миграция русского населения из всех трех прибалтийских стран быстро пошла на убыль (табл. 3.7). Во второй половине 1990-х гг. по официальной статистике среднегодовой отток русских из Латвии составлял порядка 6,5 тыс. чел., из Эстонии и Литвы соответственно 3,2 и 2,7 тысяч.

Таблица 3.7. Миграционная динамика русских в странах Балтии, 1990–1994 гг. (чел.)[2]

Страны	1990	1991	1992	1993	1994
Миграционный отток					
Латвия	–	–	30 740	19 694	14 223
Литва	12 273	10 409	16 380	9423	2145
Эстония	7465	8238	25892	10 983	6421
Миграционный приток					
Латвия	–	–	3408	1932	1223
Литва	6294	5121	2667	992	593
Эстония	5416	3596	2299	1233	865
Сальдо миграции					
Латвия			–27332	–17762	–13000
Литва	–5979	–5288	–13713	–8431	–1552
Эстония	–2049	–4642	–23593	–9750	–5556

[1] *Халлик К.С.* Русские в Эстонии // Русские: этносоциологические исследования. М., 2011. С. 100.

[2] Составлено по: Demographic statistics of the Baltic countries. Tallinn; Riga; Vilnius, 1996. P. 62–63.

Однако к этому времени заметно вырастают масштабы естественной убыли. В Эстонии ее показатель для местного русского населения в середине – второй половине 1990-х гг. поднялся до ежегодных 6 ‰, в Латвии составил 7,5 ‰. Таким образом, общие потери русских Прибалтики, фиксируемые текущим учетом их естественной и миграционной динамики, были весьма значительными. Но и они оказались существенно меньше демографической убыли русского населения, обнаруженной первыми постсоветскими переписями, проведенными в странах Балтии. Так, перепись 2000 г. обнаружила в Латвии 703 тыс. русских, хотя, согласно текущему балансу, их должно быть 763 тысячи.

Можно предположить, что реальный отток русского населения несколько превышал фиксируемый государственными органами. Но едва ли теневая компонента была столь значительной. Очевидно, что заметная часть демографических потерь русских общин стран Балтии в 1990-е гг. была связана с переменой этнической самоидентичности части их представителей (прежде всего, биэтнофоров – потомства межнациональных семей).

Уровень межнациональной брачности у местных русских был очень высоким уже в конце советского периода. При этом он напрямую соотносился с общей их численностью, удельным весом и системой расселения. Чем более высокой была пространственная концентрация русского населения, тем ниже у него оказывалась доля межнациональных браков. Но даже в Эстонии, в которой она была минимальной, более четверти русских в конце советского периода выбирали супруга другой национальности. А в Литве данный показатель превышал 50 % (табл. 3.8).

Таблица 3.8. Доля русских, вступивших в межнациональный брак в 1979 и 1989 гг. (%)[1]

Годы	Латвия		Литва		Эстония	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1979	35,5	35,1	52,3	47,4	24,7	29,2
1989	37,1	37,6	56,5	51,7	24,0	27,2

Наиболее распространенными вариантами, как уже отмечалось, являлись браки с украинцами и белорусами. Но основные ассимиляционные потери были связаны с русско-титульной брачностью, масштабы которой на всем протяжении советского периода оставались незначительными, хотя и постепенно росли. Однако в новых социально-политических условиях

[1] Население СССР. М., 1989. С. 276–277, 286–287, 318–319.

более привлекательными оказывались не только титульные, но и другие европейские идентичности (польская, немецкая и т.д.), в которых также теперь предпочитало самоопределяться смешанное население, ранее идентифицировавшее себя как русское.

Именно массовый идентификационный переход таких биэтнофоров «портил» демографическую статистику русского населения Прибалтики в первое постсоветское десятилетие. В общей сложности в 1990-е гг. на смену идентичности могло приходиться более трети зафиксированной убыли русских (табл. 3.9). К началу XXI в. в трех странах региона их оставалось 1,27 млн, на 450 тыс. (26 %) меньше, чем в 1989 году. Если в абсолютном выражении, максимально потеряло русское население Латвии (более 200 тыс.), то в удельном разрезе наиболее ощутимо сократилась русская общины Литвы (35,5 %).

Таблица 3.9. Компоненты демографической убыли русских стран Балтии, 1989–2001 гг.[1]

Страна	Абсолютные потери, тыс. чел.			Удельный вес в общей убыли, %		
	естест. убыль	миграция в Россию	смена идентичности	естест. убыль	миграция в Россию	смена идентичности
Латвия	50–51	99–100	52–54	32,7–33,3	64,7–65,4	34–35,3
Литва	16–17	51–52	55–57	12,9–13,7	41,1–41,9	44,4–46
Эстония	20–21	64–65	38–40	16,1–16,9	51,6–52,4	30,6–32,3

Начало XXI в. (2000-е гг.)

Этнодемографические тенденции, сформированные в конце XX в., сохранялись и в дальнейшем. В 2000-е гг. русское население Прибалтики характеризовалось устойчивым миграционным оттоком в Россию. Масштабы его, однако, были самыми незначительными. По данным Госкомстата РФ, ежегодно в начале нулевых в Россию переезжало (миграционное сальдо) порядка 3,5 тыс. жителей Прибалтики, в середине – 1,5–2 тыс. В начале 2010-х гг. этот показатель вернулся на уровень 3,5–4 тыс. чел. в год (табл. 3.10)

Но из прибалтийских стран в Россию уезжали не только русские. К тому же существовал и встречный поток. Некоторое число россиян (в т.ч. и рус-

[1] Расчеты автора.

ских) перебиралось в Прибалтику. Тем самым чистые миграционные потери русского населения в восточном направлении были совсем невелики.

Таблица 3.10. Миграционный обмен населения между Россией и странами Балтии, 2000–2016 гг. (чел.)

Страны	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Миграция в Россию									
Латвия	1785	726	811	1350	1427	1484	1511	1533	1428
Литва	945	360	433	790	770	892	754	790	802
Эстония	786	432	637	1588	1537	1475	1314	1283	1163
Миграция из России									
Латвия	365	211	139	184	431	556	904	946	926
Литва	376	213	153	173	268	339	593	604	579
Эстония	385	225	206	266	613	726	1011	1000	1089
Сальдо миграции									
Латвия	–1420	–515	–672	–1169	–996	–928	–607	–587	–502
Литва	–169	–147	–280	–617	–502	–553	–161	–186	–223
Эстония	–401	–207	–431	–1322	–924	–749	–303	–283	–74

Даже если бы все переселенцы из Латвии в Россию были русскими, а в обратном направлении перемещались исключительно представители других национальностей, миграционная убыль русского массива в 2000-е гг. составила бы всего 10–12 тыс. чел., а Литвы и Эстонии – по 5–7 тысяч.

На демографическое сжатие русских общин в странах Балтии продолжала работать и естественная убыль. В Эстонии ее уровень в 2000-х гг. постепенно снижался (с 5,5–6 ‰ до 3–4 ‰), в Латвии и Литве оставался более высоким (порядка 7–8 ‰). Таким образом, общие естественные потери русского населения Латвии за первое десятилетие XXI в. можно оценить в 23–25 тыс. чел., Эстонии и Литвы – соответственно по 7–8 тыс.

Сравнение естественной убыли и миграционного оттока в Россию с общими демографическими потерями русского населения стран Балтии в 2000-е гг. обнаруживает, что только в Эстонии именно они определяли количественную динамику местной русской общины. В Латвии и Литве общие масштабы убыли оказались куда более значительными. В первой русских в 2000-е гг. стало меньше на 147 тыс., во второй – на 43 тысячи. Таким образом, значительная часть потерь имела другое происхождение. Прежде всего, речь может идти о миграции в другие страны Евросоюза, которая становится ведущим фактором демографического сжатия (табл. 3.11).

На рубеже второго десятилетия XXI в. численность русских в странах Балтии составляет 1,07 млн человек, сократившись за десятилетие на 15,7 %.

Таблица 3.11. Компоненты демографической убыли русских стран Балтии, 2002–2010 гг.[1]

Страна	Абсолютные потери, тыс. чел.			Удельный вес в общей убыли, %		
	естест. убыль, ассимиляция	миграция в Россию	миграция на Запад	естест. убыль, ассимиляция	миграция в Россию	миграция на Запад
Латвия	23–25	10–12	110–114	15–17	7–8	75–77
Литва	7–8	5–7	28–31	16–19	12–16	65–72
Эстония	7–8	2–3	1–2	61–70	20–23	10–15

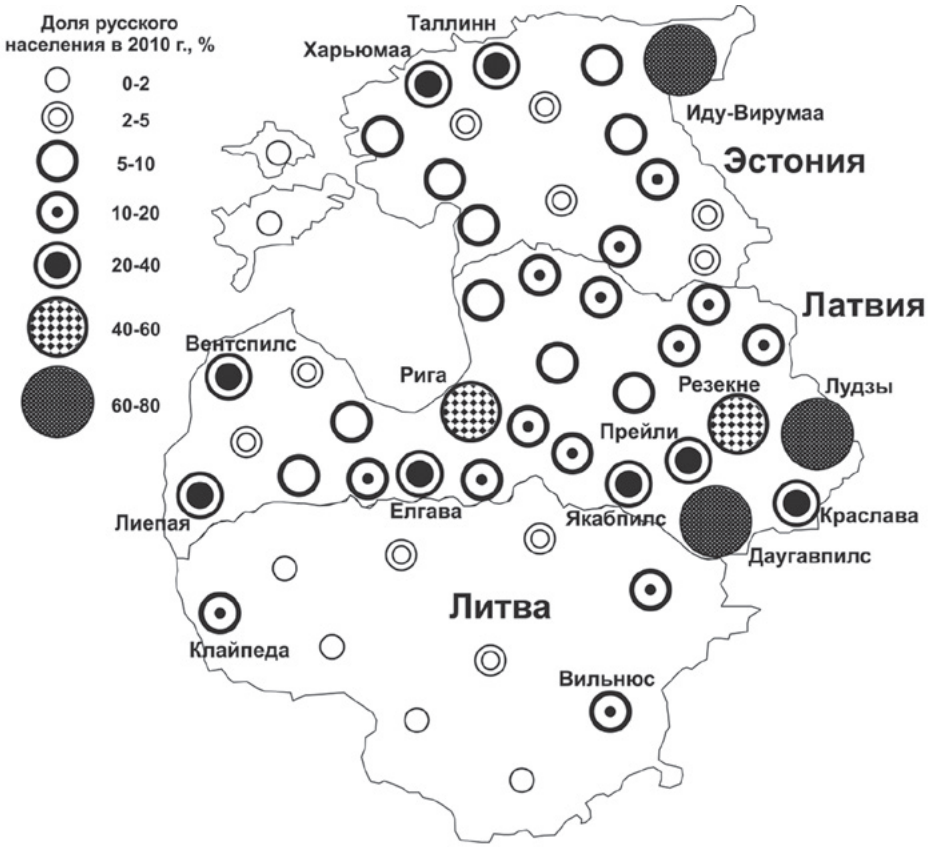

Рис. 3.7. Доля русских по административно-территориальным образованиям стран Балтии, 2010 г.

[1] Расчеты автора.

Сохраняла свои основные черты и система расселения русского населения, основными средоточиями которого помимо трех столиц оставались северные и северо-восточные районы Эстонии, запад и юго-восток Латвии. В районах своего компактного проживания русские этих двух стран по-прежнему являются этническим большинством, составляя до 40–80 % местного населения (рис. 3.7). При этом география русских Латвии остается более равномерной. В 10 из 26 крупных административных образований страны удельный вес русских в 2010 г. превышал 20 %, а с учетом территорий, в которых русских было не менее 10 %, число субрегионов возрастало до 19 (почти ¾ территории страны).

В пределах Эстонии русские были весомо представлены (более 20 % в населении) только в трех субрегионах из 17. При этом в 7 административных образованиях их удельный вес был меньше 5 %. Равномерно дисперсным оставалось расселение русских в Литве. В географии местной общины выделялось только два крупных центра – Вильнюс и Клайпеда, на которые приходилось более половины русского населения страны.

2010-е годы

В последние годы перечисленные тенденции сохранились в полном объеме – на демографическое сжатие русских общин Балтии работали все составляющие их количественной динамики. Максимальные темпы депопуляции в этот период, по данным текущего учета, отличали русскую общину Литвы, которая в первой половине 2010-х гг. ежегодно теряла 9,5 тыс. человек, или порядка 6 % своей численности. За 2011–2015 гг. численность русских в республике сократилась со 176,9 до 139,5 тыс. чел.

И если результаты следующей (уже совсем близкой) переписи зафиксируют сохранение данного темпа депопуляции на всем протяжении межпереписного периода, придется констатировать, что демографическая динамика русских в этой балтийской стране развивается по катастрофическому сценарию. Но даже если темпы убыли в последние годы вернулись к уровню нулевых (3,5 % в год), русское населении Литвы к началу 2019 г. должно было сократиться до 125 тыс. чел.

Потери русского населения соседней Латвии в 2010-е гг. несколько снизились, но по-прежнему оставались очень велики. Ежегодно русская община страны сокращалась примерно на 9–10 тыс. чел. (1,5–2,0 %

от численности), составив за семь лет (2011–2018 гг.) 70 тыс. человек (12,6 %). Но речь идет о текущем статучете населения, который, как показали обе постсоветских переписи, существенно занижает реальные потери русских.

Перепись 2000 г. обнаружила в Латвии 703 тыс. русских вместо 763 тыс. (–60 тыс.), имевшихся согласно текущей статистике; перепись 2011 г. – 557 тыс., вместо 611–612 тысяч (–54/55 тысяч). Таким образом, фиксируемые статкомитетом среднегодовые потери русского населения в 2000-е гг. составляли около 8 тыс. чел. Результаты переписи заставили поднять их до 14–15 тыс. Есть все основания полагать, что аналогичный «зазор» сохраняется и в текущем десятилетии. В этом случае ежегодные демографические потери русской общины Латвии в 2010-е гг. могут составлять 15–16 тыс. Если предположить, что люфт между статучетом и реальной динамикой сократился и потери составляют 12–13 тыс., численность русских к началу 2019 г. должна была составлять в стране 450–455 тыс. человек.

Определенным образом менялась и форма расселения русских Латвии. В частности, русская община Риги, в последние годы убывала ускоренным темпом (за 2010–2018 гг. доля столичных русских сократилась в стране с 51,8 % до 48,2 %). Свою роль в данном процессе мог играть повышенный уровень русско-титульных браков в столице, ускорявший «латышизацию», а также высокий уровень социокультурной модернизации и миграционной активности русских рижан, чаще уезжавших в другие страны Евросоюза.

Несмотря на существенное улучшение показателей естественного воспроизводства русских в самой России и в большинстве других государств ближнего Зарубежья во второй половине 2000-х – начале 2010-х гг., уровень их естественной убыли в Латвии и Литве оставался в данный период весьма значительным (порядка 7,5–8 ‰).

Отчасти это было связано с особенностями учета национальной принадлежности детей, родившихся в смешанных семьях. Речь, по сути, идет об ассимиляционной составляющей, встроенной в статистику естественной динамики. Уровень межнациональной брачности русских в странах Балтии, как уже отмечалось, возрастал в западном направлении и был максимальным в Литве, где уже в конце советского периода более половины вступавших в брак русских обзаводились супругом/супругой другой национальности.

В постсоветский период данный процесс еще более ускорился. Тем более что наряду с зарегистрированной формой куда большее распространение получил гражданский брак, нередко сопровождаемый рождением детей. Так, из почти пяти тысяч детей, рожденных в 2015 г. в Латвии русскими матерями, только 60 % имели русского отца. У 26 % таких новорожденных отцом был латыш[1]. Схожей была ситуация и в Литве. То есть интенсивность межнациональной брачности у русского населения Латвии и Литвы (в меньшей степени Эстонии) продолжала расти, в т.ч. и брачность с представителями титульных народов.

Значительная доля смешанного потомства таких браков «зачислялась» родителями в состав титульного населения[2]. Иными словами, порядка четверти репродуктивных русских женщин Латвии в настоящее время может «работать» на естественное воспроизводство латышского народа, что самым непосредственным образом сказывается на показателях естественного воспроизводства и общей демографической динамики русской общины страны. Еще острее эта проблема может стоять в Литве, в которой доля мононациональных браков у русских в настоящее время едва ли превышает 35–40 %.

Значительную роль в сокращении численности русского населения Латвии и Литвы играет и миграция в другие страны Евросоюза. Обе эти страны принадлежат к числу наиболее депопуляционных государств Европы. В первом десятилетии XXI в. население обеих стран сократилось на 13 %. В 2011–2018 гг. демографические потери Латвии составили 8,7 % (с 2,07 млн до 1,92 млн чел.), Литвы – 8,5 % (с 3,05 млн до 2,79 млн чел.)[3]. Основная причина – отток населения в более развитые страны Евросоюза. Среднегодовое отрицательное миграционное сальдо Литвы в середине 2010-х гг. составляло порядка 25–35 тыс. чел., Латвии – 8–10 тысяч.

В этом движении принимают участие представители всех национальных сообществ данных стран. Но есть все основания полагать, что русское население является одним из наиболее активных. Социально-экономическая ситуация в странах Балтии (в том числе и вследствие масштабной депопуляции) многие годы остается сложной, а уровень жизни населения – один из наиболее низких в пределах Европы. С другой стороны, сохраняющаяся политическая дискриминация русских усиливает желание (особенно у молодежи) перебраться в более культурно развитые, экономически динамичные и толерантные государства Евросоюза.

---

[1] *Бузаев В.* Правовое и фактическое положение русскоговорящего меньшинства в Латвии. Рига, 2016. С. 26.

[2] Что в целом соответствовало этносоциопсихологическим реалиям современной Прибалтики – такие биэтнофоры в своей массе ощущали себя представителями именно титульных народов.

[3] Так, каждая из двух стран ежегодно теряла порядка 1,2 % своего населения, хотя в отдельные годы данный показатель поднимался до 1,5 %.

Таким образом, центральную роль в сокращении русского этнического присутствия в двух из трех стран Балтии в настоящее время играет европейская миграция, на которую приходится порядка 9/10 всех демографических потерь русских в Литве и 3/4–4/5 в Латвии (табл. 3.12).

Таблица 3.12. Компоненты демографической убыли русских стран Балтии, 2011–2018 гг.[1]

Страна	Абсолютные потери, тыс. чел.			Удельный вес в общей убыли, %		
	естест. убыль, ассимиляция	миграция в Россию	миграция на Запад	естест. убыль, ассимиляция	миграция в Россию	миграция на Запад
Латвия	23–24	4–5	33–35	38–40	7–8	55–58
Литва*	4–5	2–2,5	30–32	11–13	5–6	79–84
Эстония	6–7	3–4	1–2	55–64	27–36	9–18

Примечание: * – 2011–2015 гг.

Существенно иной является количественная динамика русского населения Эстонии. Демографическое состояние местной русской общины в сравнении с двумя другими балтийскими странами можно считать весьма устойчивым. В течение первого десятилетия XXI в. ее общие потери составили порядка 3–4 %. Согласно текущей демографической статистике, число русских в 2000–2010 гг. сократилось с 351,2 до 341,5 тыс. чел. Перепись 2010 г. обнаружила в стране 326,2 тыс. русских. Но уже статистика за 2012 г. вновь оперировала цифрой в 335,2 тыс. русских. И в последующие годы она изменялась весьма незначительно, опустившись к началу 2018 г. до 328,9 тысяч. За 2012–2018 гг. демографическая убыль русской общины составила только 6,3 тыс. чел. (0,3 % в год). По сути, данная цифра соответствует естественным потерям русского населения, среднегодовые размеры которых в данный период могли составлять порядка 2,5–3,5‰. Таким образом, сальдо миграции оставалось близким к нулевой отметке. Не только Россия, но и Западная Европа не была слишком привлекательной для русских Эстонии.

***

В целом по региону темпы убыли русского населения в 2010-е гг. несколько выросли в сравнении с первым десятилетием XXI в. составляя порядка 22–23 тыс. чел. в год. Если в 2011 г. общая численность русских

[1] Расчеты автора.

в Прибалтике превышала 1070 тыс. чел., то уже в 2015 г. опустилась ниже миллионной планки. В начале 2019 г. русских в регионе оставалось порядка 940 тысяч. При этом их число в Латвии впервые с начала 1950-х гг. упало ниже полумиллионной отметки, а в Литве оказалось значительно меньше 150 тыс. чел.

Итак, за весь постсоветский период численность русских в странах Балтии сократилась почти вдвое (русская община Литвы сократилась в 2,65–2,75 раза; Латвии и Эстонии соответственно в 1,9 и 1,4 раза). Удельные потери русских общин в структуре населения всех трех стран оказались куда менее значительными вследствие общей депопуляции региона. Причем существенная часть этого долевого сжатия пришлась на первое постсоветское десятилетие. В 2000-е гг. темпы его заметно сократились. А в 2010-е гг. ощутимо доля русских сокращалась только в Литве. И в настоящее время русское население всё еще составляет более четверти жителей Латвии и Эстонии (табл. 3.13)

Таблица 3.13. Удельный вес русских в населении стран Балтии, 1989–2018 гг. (%)

Годы	Латвия	Эстония	Литва
1989	34,0	30,3	9,37
1995	32,8	28,7	8,40
2000	29,6	25,6	6,31
2010	26,9	25,5	5,81
2018	25,4	25,1	4,3/4,6

Сокращения русских в пределах региона в постсоветский период было практически повсеместным. Хотя масштабы этого процесса несколько различались по формам расселения и провинциям балтийских стран. Наибольшую устойчивость демонстрировало сельское население, удельный демографический вес которого заметно вырос в Латвии и Литве (табл. 3.14). Быстрей сокращалось русское население столиц, но максимальные темпы убыли демонстрировали русские средних и небольших городов. Не столь укорененные, как сельские «единоплеменники», среди которых было значительное число старожилов, они не имели и социально-экономических преимуществ, которыми пользовались столичные русские. Как результат, масштабы миграции нестоличных русских горожан Прибалтики оказывались самыми высокими а их удельный вес в структуре русских общин снижался.

Таблица 3.14. Форма расселения русских в Латвии и Литве, 1989–2011 гг. (% от общей численности)[1]

Годы	Литва			Латвия			Эстония	
	столица	другие города	села	столица	другие города	села	столица	остальная территория
1989	33,8	55,9	10,3	47,6	37,4	15,0	41,5	58,5
2015	35,2	49,9	14,9	47,5	25,0	27,5	47,5	52,5

3.5

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАЛТИИ

Анализ демографической динамики русских всех трех балтийских государств убеждает в устойчивом характере «нисходящего» тренда, имеющего место уже почти три десятилетия. С большой вероятностью убыль русского населения, определяемая сразу всеми факторами количественной динамики, продолжится и в дальнейшем. Причем в Литве и Латвии убыль достаточно быстрая.

Простая пролонгация на среднесрочную перспективу существующих темпов депопуляции уже к 2030 г. практически ставит крест на русской общине Литвы, которая при данном сценарии должна будет сократиться до 10–15 тыс. чел. Но и число русских в Латвии упадет до 360–380 тысяч. Наиболее устойчивая эстонская община будет насчитывать порядка 295–315 тысяч.

Если же исходить не из абсолютных, а относительных показателей убыли, коррелирующих с общим демографическим потенциалом русского населения Балтии, масштабы его депопуляции в итоге могут оказаться существенно меньше указанных. Особенно для Литвы, поскольку сложно представить, чтобы в современной европейской стране почти 180-тысячная этническая община (по данным 2011 г.) в течение двух десятилетий практически прекратила свое существование.

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

Но конкретные цифры и точные сроки, как представляется, большого значения не имеют, поскольку речь идет о жестко заданной нисходящей демографической траектории, изменить которую в сложившихся обстоятельствах практически не представляется возможным. При этом естественная убыль русских и миграция в Россию будут по-прежнему играть второстепенную роль, в сравнении с оттоком в другие страны Евросоюза и ассимиляцией русско-титульных биэтнофоров в Латвии и Литве.

За прошедшие после распада СССР три десятилетия в Прибалтике выросли и вошли в жизнь новые поколения русских, демонстрирующие всё большие социокультурные и психоповеденческие отличия от русского населения России.

Эти отличия были ощутимы уже в начале 2000-х гг. Русские, «сами того не замечая, переориентировались на Европу, на ее культурные штампы, оставаясь пока носителями русской речи… Впрочем, и русская речь в Латвии всё больше отдаляется от российского стандарта… Речь родившегося и выросшего в Латвии русского уже режет слух в российской культурной среде… А сами местные русские постепенно осознают, что латыши, с которыми они живут и работают бок о бок, становятся им куда ближе и понятнее, чем бывшие земляки-россияне… Не бывает единой модели поведения. Тем не менее десять лет существования латышского государства выявили основную тенденцию – курс на ассимиляцию русских в латвийское общество»[1].

Сказанное в еще большей степени распространяется на русских Литвы и вполне приложимо и к значительному числу представителей русской общины Эстонии. А за 15–17 лет, прошедшие после того, как был написан этот текст, все обозначенные в нем тренды социоэтнокультурной эволюции русского населения Балтии получили свое дальнейшее развитие.

В настоящее время основная масса русских балтийского региона – это люди, так или иначе – экономически, социокультурно, ментально – адаптированные к жизни в своих странах, высоко оценивающие возможности, открываемые европейским статусом Балтии. Подавляющее большинство тех, для кого возвращение на историческую родину являлось сколько-нибудь значимой жизненной целью, вернулись в Россию еще в 1990-е годы. Уже к началу XXI в. отток сократился самым существенным образом.

[1] Русские в Латвии. Вчера. Сегодня. Завтра... URL: http://xfilespress.com/russkie-v-latvii-vchera-segodnya-zavtra.aspx

А новое геополитическое охлаждение между Россией и коллективным Западом окончательно минимизировало переток русских Балтии в Российскую Федерацию.

Заметим, что уже в конце советского периода русские Прибалтики владели титульными языками заметно лучше, чем в других союзных республиках[1] – свидетельство очевидной заинтересованности не только в профессиональной, но и в социокультурной интеграции в принявшие их республиканские социумы. Причем уровень языковой адаптации прямо коррелировал с масштабом присутствия и формой расселения русского населения в республиках, достигая максимального уровня в Литве, где русские были в явном меньшинстве и не имели обширных ареалов своего компактного расселения, как в Эстонии и Латвии (табл. 3.15).

Таблица 3.15[2]**.** Свободное владение русскими региона титульным языком своих республик (государств), последняя треть XX – начало XXI вв. (%)*

Республика (страна)	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2008–2011 гг.
Латвия	18,3	20,1	22,3	48
Литва	32,7	37,4	37,5	65
Эстония	14,1	12,9	15,0	32 (82*)

Примечание:

* – с учетом владеющих языком пассивно (понимание устной речи, способность немного изъясняться).

В первые два десятилетия постсоветского периода проблема культурно-языковой интеграции русскими общинами Балтии в значительной степени была решена. Большинство не сумевших освоить титульный (государственный) язык своей страны в настоящее время представлено людьми старшего возраста. Местная русская молодежь (прежде всего, в Литве и Латвии) в своей массе владеет им свободно. Но в значительной степени уже и англоязычна, что открывает для нее широкие возможности по профессиональной самореализации за пределами Балтии в других странах Европы или Северной Америки. Очевидно и то, что немногие русские из числа уехавших «на запад» в дальнейшем испытывают желание вернуться.

[1] Даже украинским языком в пределах УССР русские в 1989 г. владели несколько хуже, чем литовским в Литве (соответственно 34,5 и 37,5 %). А показатель владения белорусским языком в БССР был сопоставим у русских с владением латышским в Латвии (22,3 % и 24,5 %).

[2] Данные для табл. 3.15–3.19 рассчитаны автором.

Прибалтика остается глубокой экономической и культурной периферией Евросоюза. А отношение государственной власти к русскому населению таково, что, покинув свои страны, оно вряд ли будет испытывать ностальгию по утраченной балтийской родине. Даже среди «титульных» прибалтов, отправившихся на поиски лучшей жизни в более развитые страны Европы, процент желающих вернуться в свои страны невысок. У русских мигрантов он еще ниже.

А среди русских, остающихся в Прибалтике, доминирует желание максимальной социально-экономической и социокультурной интеграции в местные социумы. Один из вариантов – брак с представителями титульных (и шире – всех европейских) народов. Впрочем, межнациональная брачность русских Прибалтики не только интеграционная стратегия, но, как уже отмечалось, давно укорененная и весьма распространенная практика.

Доля русских, выбирающих себе супруга другой национальности в Литве и Латвии, в настоящее время может достигать 50–60 %, в Эстонии – 30–40 %. Причем, повторимся, во всех трех странах региона русская идентичность серьезно проигрывает титульной в привлекательности и смешанное потомство титульно-русских семей в значительном большинстве выбирает первую из двух национальностей.

Показательными в этом плане являются данные по Латвии. Если в 2015 г. из 5,17 тыс. детей, рожденных в этой стране русскими матерями, 1,16 тыс. были записаны латышами, то из 14,1 тыс. младенцев, рожденных латышками, русскими было записано только 159 новорожденных. Конечно, данный более чем 7-кратный перевес отчасти связан с тем, что русские женщины чаще становились супругами латышей, чем русские мужчины женились на латышках. Но можно предположить, что количественная разница между данными двумя вариантами русско-латышской брачности была не столь значительной. И часть русских мужей была согласна записать своего ребенка по национальности матери.

Таким образом, в демографическом взаимообмене с титульным народом русские Латвии теряли в середине 2010-х гг. около ⅕ своего естественного пополнения. Справедливости ради следует указать, что в других межнациональных сочетаниях русская идентичность остается конкурентной. В смешанных семьях латвийских русских не только с местными украинцами и белорусами, но даже с поляками и литовцами родители чаще выбирают детям именно русскую национальность. Данное ассимиляционное пополнение компенсирует

примерно половину потерь, понесенных в демографическом взаимообмене с титульной нацией.

Но еще быстрей перечисленные крупные общины страны ассимилируются самими латышами. Как результат, уже в настоящее время медианный возраст белорусов Латвии превышает 57 лет, украинцев и поляков составляет соответственно 53,5 и 52,3 года. Налицо все признаки быстрого угасания данных диаспор. Очевидно, что их демографического ресурса для ощутимой подпитки русской общины Латвии хватит ненадолго. Не говоря уже о том, что в условиях устойчивого обострения отношений России и коллективного Запада даже украинская и белорусская идентичности со временем могут увеличить свою привлекательность у биэтнофоров.

Демографическая убыль русских общины Балтии будет ускоряться не только ростом числа русско-титульных семей с последующей ассимиляцией их потомства, но и резким сокращением числа женщин репродуктивного возраста. С начала 2010-х гг. в активный детородный возраст входит малочисленная генерация первого постсоветского десятилетия. За период 2012–2017 гг. численность русских женщин в возрасте 20–39 лет сократилась в Латвии с 68 до 60 тыс. чел. И данный тренд является долгосрочным (если не бессрочным). К началу 2030-х гг. даже без учета миграции в Латвии останется только половина потенциальных русских «матерей» от уровня начала 2010-х. Не менее острой является данная проблема и в Литве.

Однако демографические перспективы русских общин Балтии определяются не только общими трендами, но и множеством конкретных факторов, специфическими для каждой из стран.

Латвия

В настоящее время численность русских в стране упала до уровня первой половины 1950-х гг. и продолжает быстро сокращаться (рис. 3.8). Прогноз естественной динамики русского населения Латвии методом передвижки возрастов с учетом ассимиляционной составляющей обнаруживает заметное ускорение масштабов демографической убыли уже со второй половины 2020-х гг. А к концу 2040-х гг. среднегодовая естественно-ассимиляционная убыль может составлять порядка 17–18 ‰. Даже динамический вариант,

предполагающий определенную активизацию (на 10–20 % от современного уровня) репродуктивной активности русских женщин при параллельном улучшении коэффициентов дожития различных возрастных групп русского населения Латвии оказывается сопряжен со значительным сокращением его численности к середине XXI века (табл. 3.16).

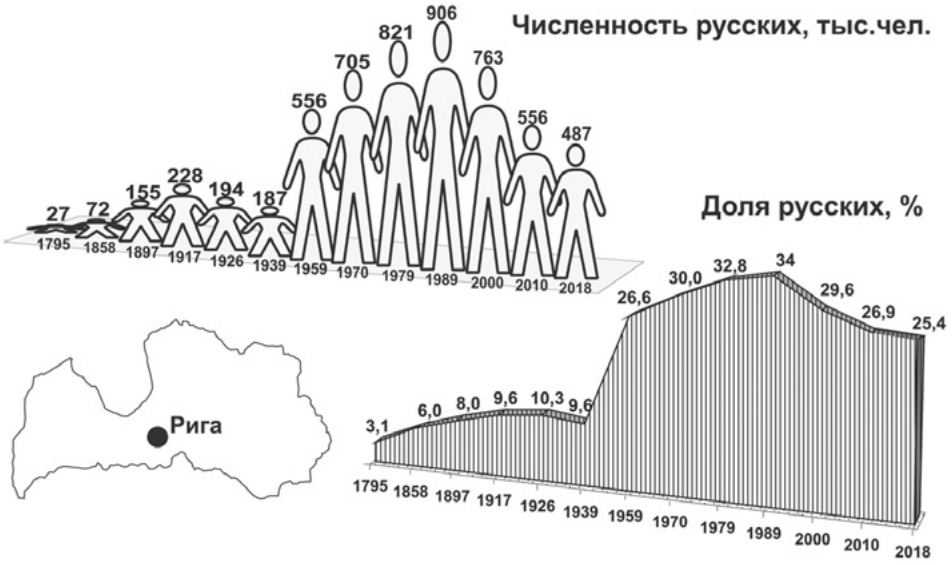

Рис. 3.8. Динамика русского населения Латвии, 1795–2018 гг.

Таблица 3.16. Сценарии динамики русского населения Латвии (удельные показатели), 2018–2050 гг.

Сценарии	2018–2020	2021–2030	2031–2040	2041–2050
Естественная убыль и ассимиляция (% от наличной численности)				
Оптимистический	1,8	4–4,5	7–8	12–13
Наиболее вероятный диапазон	2–2,2	5–6	9–10	14–16
Негативный	2,5	8–9	11–12	17–18
Чистый отток (% от наличной численности)				
Оптимистический	2,5	6–7	4–5	2–3
Наиболее вероятный диапазон	3	8–9	7–8	6–7
Негативный	3,5	11–12	11–12	11–12

Но помимо естественной и ассимиляционной убыли есть еще и миграционный отток, на который приходятся основные демографические потери русской общины. Если в 2000-е гг. он составлял порядка 10–11 тыс. чел. в год, то во втором десятилетии снизился до 6–6,5 тысяч. Сохранение миграции на таком уровне еще на 10–15, тем более 25–35 лет, наложившись на естественно-ассимиляционную убыль, способно сократить численность русских в Латвии к началу 2030 г. до 360–380 тыс. человек, а к середине века – до 200–215 тысяч.

Конечно, миграция с большой вероятностью будет сокращаться как в связи с общим «сжатием» русской общины, так и с ее постепенным старением (возрастное население, как известно, отличается меньшей мобильностью). Но даже расчет, предполагающий сокращение масштабов миграционного оттока русских в каждое следующее десятилетие на 30–40 % от уровня предыдущего, фиксирует значительные величины (он может составить 40–50 тыс. человек в 2020-е гг., 30–40 тыс. в 2030-е и 20–30 тыс. в 2040-е гг.). Результирующая механических потерь за весь 30-летний период при таком сценарии составит порядка 90–120 тыс. чел. Таким образом, к середине XXI в. численность русских в Латвии с большой вероятностью может опуститься до 240–280 тыс. чел. (табл. 3.17).

Таблица 3.17. Сценарии количественной динамики населения Латвии, 2018–2050 гг. (тыс. чел.)

Сценарий	2018	2020	2030	2040	2050
Оптимистический*	487,2	474	422–427	365–380	310–330
Наиболее вероятный диапазон**		469–470	390–410	310–350	235–280
Негативный***		466	365–380	285–300	200–215

Примечание:

* – совмещение положительных сценариев естественной и миграционной динамики;

** – сочетание «срединных» или противоположных сценариев естественной и миграционной динамики;

*** – совмещение отрицательных сценариев естественной и миграционной динамики.

Не менее существенно и то, что медианный возраст русского населения страны с большой вероятностью к 2050 г. поднимется до 57–59 лет, а доля пожилых (люди старше 60 лет) приблизится к 50 %. Такая возрастная структура будет свидетельствовать о неизбежном резком ускорении естественной убыли депопуляции русского населения уже в 2060–2070-е гг. При данном сценарии последняя четверть XXI в., по сути, может стать временем окончательного демографического заката пока еще самой крупной русской общины Балтии.

Литва

За 1989–2015 гг. численность русских сократилась в стране в 2,5 раза, вернувшись на уровень конца XIX века (рис. 3.9). Причем темпы убыли в 2010-е гг. были сопоставимы с первым постсоветским десятилетием. И если русская община Латвии даже при «средних» прогнозных сценариях демографической динамики способна продемонстрировать к 2050 г. двукратное сокращение, то перспективы русского населения Литвы выглядят еще пессимистичней.

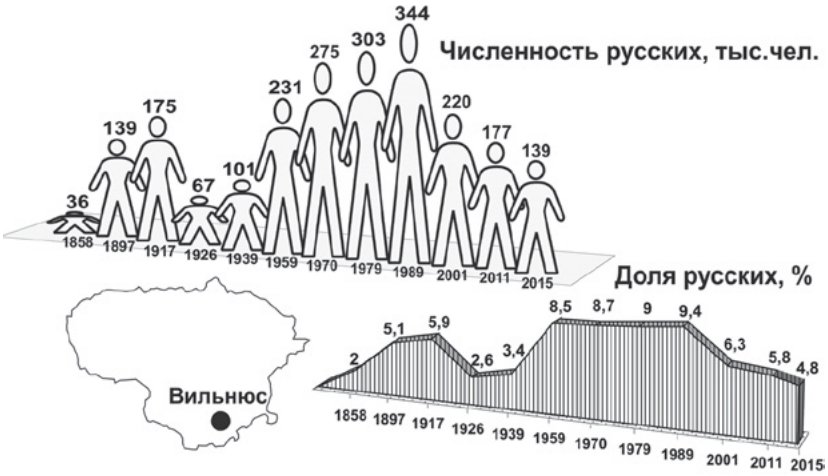

Рис. 3.9. Динамика русского населения Литвы, 1795–2015 гг.[1]

Находясь под куда более сильным ассимиляционным прессом титульной национальности, население параллельно демонстрирует максимальные темпы миграции (характерные и для других национальностей страны, включая самих литовцев). Даже если действия литовских властей, в последние годы серьезно обеспокоенных миграционными потерями своего населения, будут способствовать некоторому сокращению масштабов оттока, русской общине будет очень сложно остановить свое стремительное количественное сжатие. Речь может идти только об известном торможении данного процесса.

Естественная убыль и ассимиляция биэтнофоров даже без учета миграции в состоянии сократить численность русских Литвы к середине века

[1] Рассчитано по: *Кабузан В.М.* Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

до 90–95 тыс. чел. Если предположить, что в 2020-е гг. отрицательное миграционное сальдо русской общины, существовавшее в первой половине текущего десятилетия, сократится втрое (до 1,7–2 тыс. чел. в год), а в 2030–2040-е гг. будет составлять 1–1,5 тыс. чел. в год, то и в этом случае общие миграционные потери за 2018–2050 гг. составят несколько десятков тысяч человек и к середине века русских в стране останется не более 50–60 тысяч (табл. 3.18–3.19).

Таблица 3.18. Сценарии динамики русского населения Литвы (удельные показатели), 2016–2050 гг.

Сценарии	2016–2020	2021–2030	2031–2040	2041–2050
Естественная убыль и ассимиляция (% от наличной численности)				
Оптимистический	3	4–4,5	7–8	12–13
Наиболее вероятный диапазон	3,5	5–6	9–10	14–16
Негативный	4,0	8–9	11–12	17–18
Чистый отток (% от наличной численности)				
Оптимистический	6–7	10–12	8–10	6–8
Наиболее вероятный диапазон	9–11	15–18	13–15	10–14
Негативный	12,5–14	22–25	20–22	18–21

Таблица 3.19. Сценарии количественной динамики населения Литвы, 2016–2050 гг. (тыс. чел.)

Сценарий	2015	2020	2030	2040	2050
Оптимистический	139	125–126	105–109	86–92	68–75
Наиболее вероятный диапазон		119–125	90–102	68–83	48–65
Негативный		114–116	73–80	50–56	30–35

Эстония

Значительно большую демографическую устойчивость демонстрируют эстонские русские, на протяжении последних двух десятилетий потерявшие только 6,3 % свой численности (рис. 3.10). Среди причин можно назвать меньший уровень русско-титульной брачности. Повышенная закрытость титульного народа оборачивается лучшей сохранностью русского населения страны. Имеет значение и пространственная сопредельность Эстонии с «большой» Россией, а также и пространственная компактность системы расселения русских – концентрация их в столице и в северо-восточном, пограничном с РФ, регионе Эстонии (Ида-Вирумаа), на которые в сумме приходится

около 77 % всего русского населения страны. Показательна устойчивость его удельного веса в данных территориальных сообществах – в населении Таллинна доля русских за 2000–2017 гг. не упала, но даже сумела прибавить полпункта (с 36,3 % до 36,8 %), в Ида-Вирумае выросла на 3,4 % (рост с 69,5 % то 73,1 %).

Рис. 3.10. Динамика русского населения Эстонии, 1795–2018 гг.[1]

Таким образом, более ¾ русских страны проживают в территориальных сообществах, позволяющих не только сохранять более высокий уровень моноэтничной брачности, но и существенно минимизировать социокультурное давление титульного народа и формируемой им социальной среды. В 2010-е гг. у 71–72 % детей, рожденных русскими женщинами Эстонии, были русские отцы, в то время как в соседней Латвии этот показатель составлял только 60 %.

Часть своих демографических потерь русская община страны компенсирует ассимиляцией местных белорусов и украинцев. Данный процесс в известной степени характерен для всей постсоветской Балтии, но в Эстонии получил большее распространение. На это, в частности, указывает тот факт, что за 1989–2017 гг. общая численность белорусов и украинцев в стране сократилась значительно больше, чем русских (она составила соответственно 57 %, 52 % и 30 %). Показательно, что в Латвии и Литве темпы убыли представителей всех восточнославянских народов были куда более сближены между собой. Наконец, повторимся, незначительными были

[1] Рассчитано по: *Кабузан В.М.* Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

и масштабы миграции в Европу (не только русских, но и представителей других национальностей страны, включая самих эстонцев).

Вместе с тем, учитывая, что в репродуктивный возраст вступает малочисленная генерация 1990-х гг., размеры естественной убыли русских Эстонии в предстоящие десятилетия будут неуклонно расти. Тем более что и все последующие поколения русской молодежи страны будут существенно меньше генераций советского периода.

Естественные потери общины до 2050 г. в зависимости от реализуемого демографического сценария могут составить 12–20 %. Без учета миграции, численность русских Эстонии к середине века может сократиться до 265–290 тыс. человек. Долгосрочное сохранение миграционного оттока на текущем уровне способно сократить это демографическое множество еще на 20–30 тысяч. И к 2050 г. размеры русской общины могут составлять порядка 240–270 тыс. человек.

***

Итак, в настоящее время мы являемся наблюдателями демографического «заката» русских общин Балтии – стремительного в Литве, быстрого в Латвии, значительно более замедленного, но также неуклонного – в Эстонии. Учитывая, что миграцией наиболее быстро «вымывается» молодежь и люди среднего возраста, структура русских общин Латвии и Литвы постепенно смещается в сторону пожилых генераций (уже в настоящее время медианный возраст русских Латвии составляет 48 лет). Когда средний возраст местного русского населения поднимется до 50–55 лет, темпы его естественной и общей демографической убыли начнут ускоряться. В Литве в силу масштабных миграционных потерь период такого ускоренного количественного сжатия может наступить уже в среднесрочной перспективе (на рубеже – в начале 2030-х гг.), в Латвии на 10–20 лет позже, в Эстонии – во второй половине века.

Иными словами, сохранится алгоритм, в соответствии с которым темпы русского этнокультурного отступления из региона растут в западном направлении. Максимальную демографическую жизнеспособность продолжит демонстрировать русская община Эстонии. Демографические потери русского населения Латвии окажутся существенно выше. А максимальная убыль в удельном разрезе будет характерна для общины Литвы.

Наиболее вероятным сценарием для нее представляется 1,7–2-кратное сокращение размера за 2010–2030 гг. (до 90–100 тыс. человек) и трансформация к середине XXI в. в диаспору с демографическим потенциалом в несколько десятков тысяч человек. В Латвии численность русских к 2030 г. опустится до 370–400 тыс. чел. и до 250–280 тысяч к 2050 г. (притом, что возможны и более

количественно полярные варианты динамики) (рис. 3.11). Для русских Эстонии наиболее вероятные рубежи этнодемографического отступления к 2030 и 2050 гг. составляют соответственно 295–315 и 240–290 тыс. чел. Таким образом, с большой вероятностью, к середине XXI в. русские общины Латвии и Эстонии окажутся сопоставимы по размерам, а еще спустя 10–20 лет вторая станет крупнейшей в Балтии. В целом же в пределах региона к 2050 г. может оставаться порядка 470–580 тыс. русского населения.

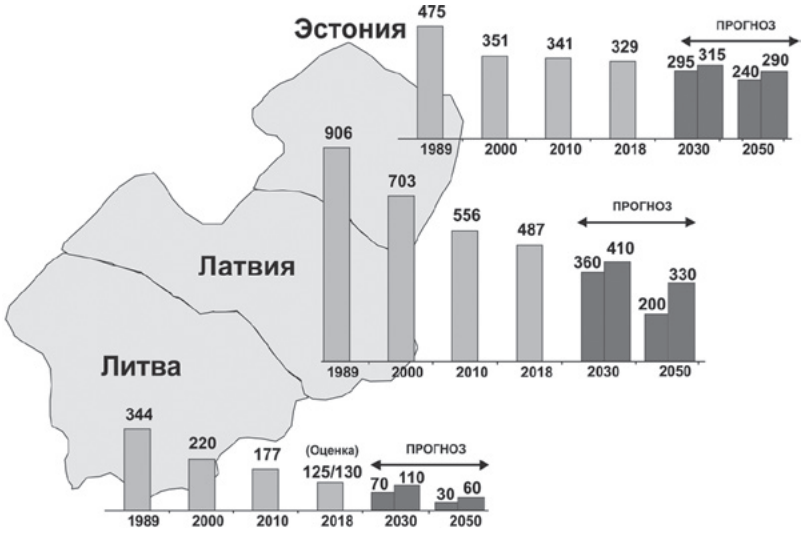

Рис. 3.11. Динамика русского населения Прибалтики, 1989–2050 гг. (тыс. чел.)[1]

Удельное сокращение русских будет менее значительным вследствие общей депопуляции региона. Русская община Эстонии может почти не потерять в данном показателе, а значит, и в середине XXI в. русские будут составлять почти четверть населения страны. В Латвии потери окажутся более значительными (русские в 2050 г. будут составлять ⅕–⅐ часть жителей). А в Литве долевое присутствие русских, скорее всего, ограничится 1,5–2 %.

Таблица 3.20. Удельный вес русских в населении стран Балтии, 2018–2050 гг. (%) (для 2030 и 2050 гг. наиболее вероятный диапазон значений)[2]

Год	Латвия	Эстония	Литва
2018	25,4	25,1	4,3/4,6
2030	21,3–22,7	24–24,5	2,7–3,9
2050	14,5–19,6	23–24	1,4–2,25

[1] Расчеты автора.
[2] Расчеты автора.

ГЛАВА 4
РУССКИЕ В ЗАКАВКАЗЬЕ

4.1
ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Формально границы Российской империи перевалили через Кавказский хребет в последней четверти XVIII в. – с 1782 г. под российским протекторатом находилась Восточная Грузия. Однако фактический выход России в пределы Закавказья состоялся в первой трети следующего века. Серия из четырех успешных войн с южными соседями[1] позволила империи к началу 1830-х гг. включить в своей состав значительную часть Южного Кавказа[2]. На первые десятилетия XIX в. приходится и появление в Закавказье постоянного русского населения. Формирование в пределах региона стратегических центров и создание на местах разветвленной российской администрации определило его социальный состав. Первыми более или менее многочисленными группами русских в Закавказье были военные и чиновники. Армейские гарнизоны и управленческие структуры тяготели к городам. Не удивительно, что в некоторых из них русское этническое присутствие могло становиться заметным уже в первой четверти XIX в. Впрочем, достаточно скоро появляется и группа русских, ориентированная уже исключительно на сельские территории. Закавказье начали обживать религиозные сектанты (духоборы, молокане, субботники).

[1] По две пришлось на каждую из двух сопредельных держав – в 1804–1813 и 1826–1828 гг. Россия воевала с Персией, в 1806–1812 и 1828–1829 гг. – с Османской империей.

[2] Наиболее значимым в этом плане оказались первые полтора десятилетия нового века. В 1801 г. в состав империи в качестве Грузинской губернии включается Картли-Кахетинское царство; в 1804–1810 гг. входят западногрузинские княжества и Абхазия; в 1804–1813 гг. – тюркские ханства северо-западного Ирана. Таким образом, уже к 1813 г. в России оказывается значительная часть Закавказья.

«Статус их был определен рядом законодательных актов, носивших строго ограничительный характер и регламентировавших их правовое положение, в том числе местожительство. В тот период русские поселения вкрапливались в поселения коренного крестьянства, отстоявшие подальше от городов. Со временем происходит трансформация в правительственных взглядах на назначение этой категории русских переселенцев, в результате чего права раскольников и сектантов законодательно были расширены. Постепенно из категории людей гонимых они превращались в людей, чьи права были приравнены к правам государственных крестьян с возможностью свободы передвижений. Высочайше утвержденные правила 1842 г., содержавшие пункт о разрешении им приписываться к городам, открывали доступ к городам»[1].

После решения российского правительства о высылке в Закавказье молокан и духоборов (октябрь 1830 г.) часть из них поселяется вдоль торговых путей, связывающих Россию и Грузию с Персией (по линии Тифлис – Дилижан – Эривань – Джульфа), другая часть размещается на турецком направлении (Тифлис – Ахалкалак – Карс – Эрзерум). Многие тысячи сектантов переселяются и в пределы Шемахинской губернии[2]. В плотной системе расселения коренных народов региона появляются десятки русских поселений.

Очевидно, что в условиях крайне ограниченного русского этнического присутствия власть пыталась использовать сектантов как дополнительную скрепу, связывающую специфический национальный регион с Россией. Именно этим можно объяснить расширение их прав и разрешение селиться в городских центрах, которым, впрочем, воспользовались очень немногие из молокан и духоборов. Так, из почти 10 тыс. сектантов Шемахинской губернии в 1848 г. только 500 чел. проживало в городах (в Шемахе и Ленкорани).

В целом численность русских в Закавказье в середине века оставалась весьма незначительной. По расчетам В.М. Кабузана, их было чуть более 30 тыс. чел. Однако неизвестно, включил ли он в это число многочисленных русских военных. «В начале 50-х годов XIX в. численность военнослужащих (команды линейных батальонов, артиллерийские и гарнизонные бригады, казачьи посты, инвалидные и военно-рабочие роты) достигала весьма существенных размеров, составляя до трети городских жителей, например, в Тифлисе и Кутаиси, четверть населения города Гори, около 10 %

[1] *Исмаил-Заде Д.И.* Население городов Закавказского края в XIX – начале XX века. М., 1991. С. 75.

[2] В 1848 г. в пределах данной губернии их насчитывалось 9,8 тыс. чел. (1,76 тыс. семей). См.: *Исмаил-Заде Д.И.* Указ. соч. С. 75.

Ахалциха и от 5 до 2 % Шемахи, Сигнахи, Телави, Елисаветполя и др.»[1] Безусловно, дислоцированные в Закавказье воинские части империи были интернациональны по своему составу. Однако русские составляли в них значительную долю.

В середине XIX в. русские в городах южного Кавказа – это всё еще преимущественно военные и чиновники со своими семьями, а в сельской местности – в основном религиозные сектанты. Впрочем, по мере укоренения русского населения в регионе данная особенность начинает понемногу размываться.

> *Например, в Тифлисе на Песках, над рекой Курой, возникает так называемая «молоканская слобода», жители которой занимались промыслами, в частности извозом, что составляло характерную особенность ремесленно-промысловой деятельности русских переселенцев… Позднее возникает слободка русских поселян в городе Баку… Помимо военного и гражданского чиновничества и сектантов, в Тифлисе оседали отставные чины со своими семьями. Из них образуется также самостоятельное, приписанное к городу поселение – Новотроицкое… Иной характер носило расселение русских в городах с превалирующим мусульманским населением… Здесь они размещались в тех частях города, которые населялись армянским, т.е. христианским населением»[2].*
>
> *Возвращаясь к Тифлису, отметим, что в 1855 г. его русская община насчитывала около 880 чел. (из них порядка 480 чиновников с семьями и 400 переселенцев, в основном из числа религиозных сектантов). На русских приходилось около 3 % жителей города. Для середины века это был высокий показатель. Русские общины в большинстве других центров Закавказья в это время были существенно меньше (к примеру, в Эривани русские, представленные в основном чиновничеством и духовенством, составляли только 1 % населения, в Шемахе русские сектанты – 0,3 %).*

Российские реформы, ускоряя социально-экономическое развитие страны, сказываются и на темпах русской колонизации Закавказья. Работает на рост русского этнического присутствия в регионе и сама продолжительность его пребывания в составе империи. Впрочем, речь идет о сложном и достаточно противоречивом процессе. Если в последней трети XIX в. в пределы Закавказья направляются новые группы русских переселенцев, то некоторые

[1] *Исмаил-Заде Д.И.* Население городов Закавказского края ... С. 154.

[2] Там же. С. 91–92.

славянские «старожилы», прожившие в регионе уже несколько десятилетий, в это же время его покидают. Так, попытка власти в самом конце века ввести среди местных духоборов воинскую повинность закончилась жестким конфликтом и миграцией значительной части закавказской общины в Канаду.

Но в любом случае число русских росло как в городах, так и сельской местности региона. Тем более что в последней четверти века в национальной политике имперской власти всё отчетливее начинает прослеживаться курс на этнокультурную русификацию обширного Кавказского региона, в том числе его закавказских провинций[1]. По переписи 1897 г., в пяти закавказских губерниях и Карсской области проживало почти 222 тыс. русских – в несколько раз больше, чем в середине XIX в. Впрочем, и этот значительно выросший этнический массив составлял только 5–6 % населения российского Закавказья. В пространственном отношении отчетливо выделялось два основных средоточия русского присутствия – Тифлисская и Бакинская губернии, на которые приходилось почти 69 % всех русских региона. А в пределах данных губерний русские максимально концентрировались в их административных столицах (рис. 4.1, 4.2)[2], и не удивительно: Тифлис и Баку на рубеже XIX–XX в. – социокультурная и экономическая столицы Закавказья, два крупнейших города региона. Максимально ощутимое присутствие империи в них выражалось в том числе и в национальной структуре населения – 44,8 тыс. русских Тифлиса и 37,4 тыс. русских Баку составляли соответственно 28,1 и 33,4 % горожан.

В остальных городах Южного Кавказа (включая губернские центры) не только число, но и удельный вес русских были ниже (доля русского населения, как правило, составляла 5–15 % местного населения). И совсем незаметным оставалось русское присутствие в сельской местности, притом что численность русских поселян превысила 100 тыс. чел. С конца века имперская власть начинает осуществлять всё более целенаправленные попытки «создать если не сплошные сегменты, то более насыщенные сети русских поселений… Эти попытки реализуются в формировании сети переселенческих участков, возникновении новых поселений по линиям железных дорог, в предместьях городских центров. В это время возникает “Русская Мугань” – район с компактным православным населением на опустошенных кочевьях тюркского племени шахсевенов»[3].

---

[1] Как замечает А.А. Цуциев, «политика русификации складывается отчасти в качестве имперского ответа на консолидацию местных элит по этническому принципу и фактическому блокированию ими возможностей для русского доминирования». См.: *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 33.

[2] Рисунки 4.1 и 4.2 составлены по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg

[3] *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории ... С. 35.

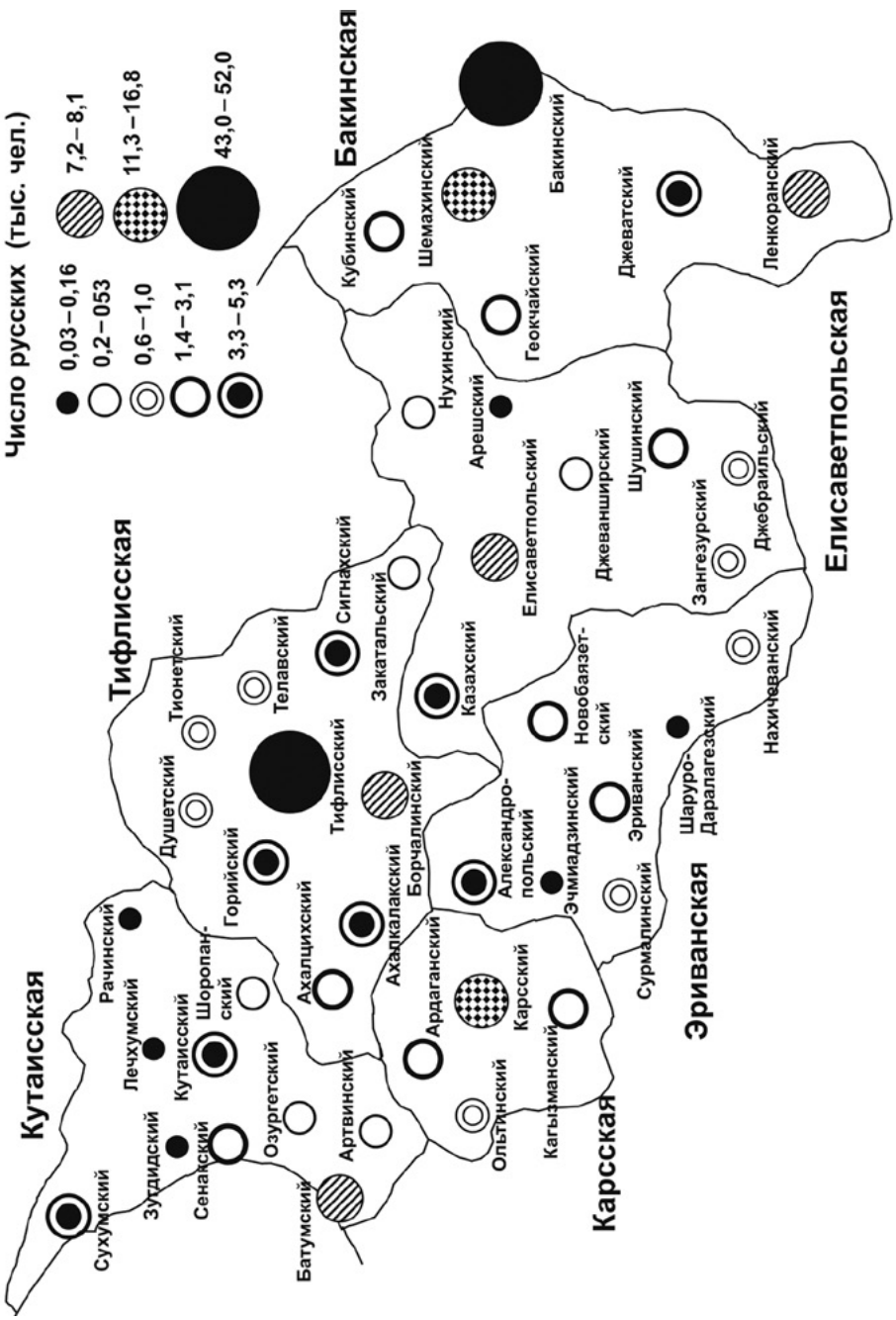

Рис. 4.1. Численность русских по уездам закавказских губерний, 1897 г. (тыс. чел.)

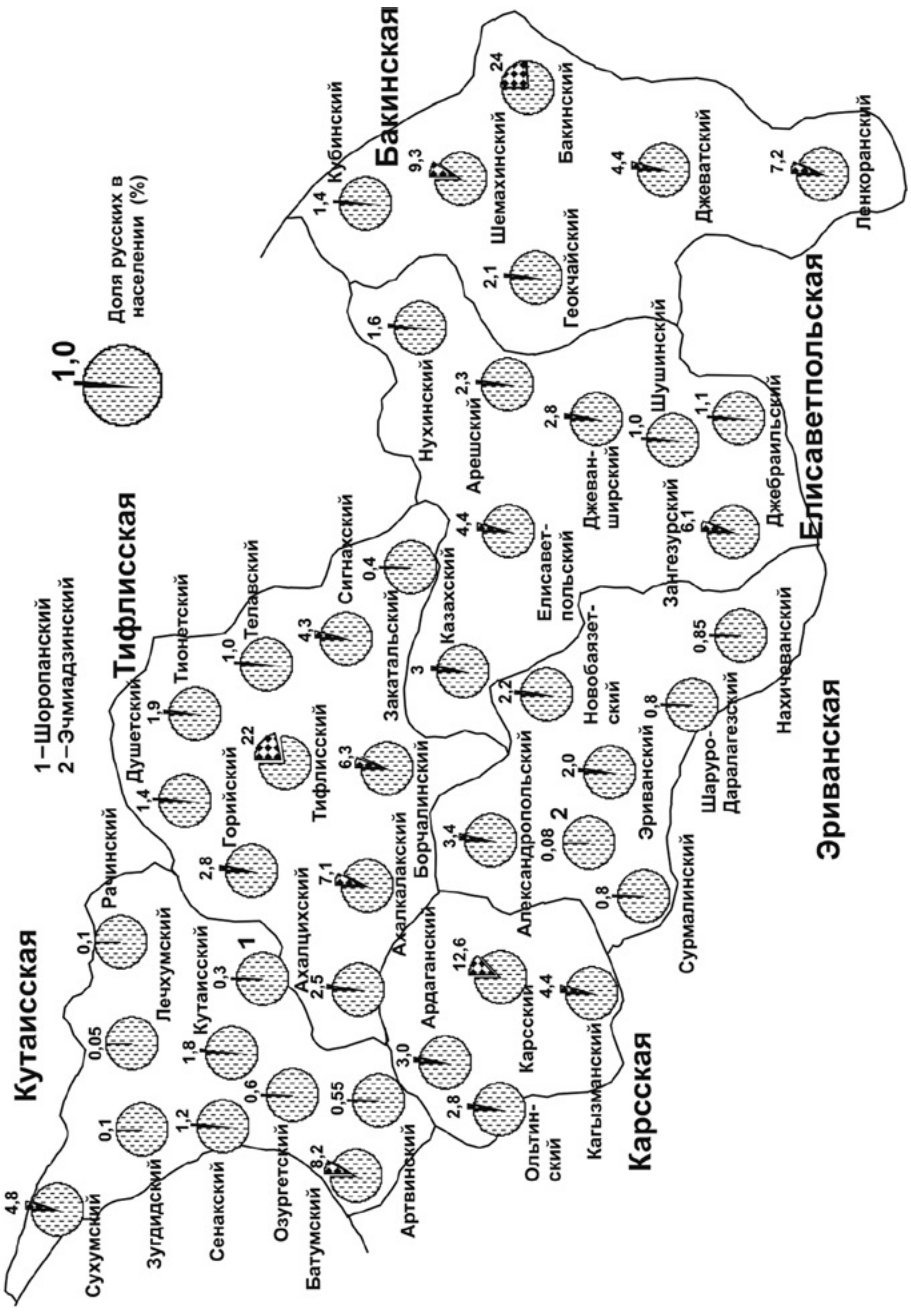

Рис. 4.2. Доля русских в населении уездов закавказских губерний, 1897 г. (%)

Расположенная на Талышской низменности (правобережье Куры от Карабаха до Каспийского моря) «Русская Мугань» начала формироваться в конце XIX в. Только за 1912–1917 гг. здесь было основано более 50 русских поселений (более 20 тыс. чел.)[1]. Еще несколько десятков сел в этот же период возникло на побережье Каспийского моря в Кубинском и Ленкоранском уездах. Столь масштабная колонизация была бы невозможна без протекционной политики центральной власти, планировавшей широкое заселение русскими Муганской и Мильской степей[2].

Впрочем, Мугань была своего рода исключением. В пределах Закавказья имелось совсем немного низменных территорий, позволявших организовать широкую крестьянскую колонизацию из центральных регионов России. А в других провинциях Южного Кавказа небольшое количество русских сел просто тонуло в плотной системе расселения местных народов[3]. Таким образом, и спустя столетие после включения в состав империи сколько-нибудь значительная этническая русификация региона оставалась невыполнимой задачей. На рубеже XIX–XX вв. почти ⅖ всех русских региона (82,2 тыс. чел.) – жители Тифлиса и Баку. На остальные городские центры Закавказья приходилось еще 17,2 % русских (38,1 тыс. чел.); в сельской местности проживало 45,7 % русского населения (101,3 тыс. чел.).

Учтем, что приведенные цифры включают военнослужащих, доля которых в составе русского массива отдельных закавказских губерний была самой значительной. По данным переписи 1897 г., на Кавказе было дислоцировано 9,5 % всех воинских контингентов империи. Среди русских горожан пограничной Карсской области доля военных достигала 66,9 %,

---

[1] *Комарова О.Д.* Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане // Русские старожилы Азербайджана. М., 1990. С. 9.

[2] Показательно, что желание ряда богатых азербайджанцев вложиться в развитие хлопководства в Муганской степи встретило жесткую реакцию со стороны канцелярии главноначальствующего по гражданской части на Кавказе, оповещавшей бакинского губернатора о том, что «заселение означенной соседней с Ираном степи мусульманским населением является с политической точки зрения совершенно недопустимым и что в политических видах эта степь должна быть заселена... русскими людьми...» (см.: История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1960. С. 463). Аналогичные планы имелись и в отношении Мильской степи, заселение которой русскими, как отмечалось в отчете о состоянии Елизаветпольской губернии за 1901 г., «отвечая современным государственно-экономическим запросам, будет иметь и серьезное политическое значение, ибо между закавказскими провинциями, населенными магометанами шиитского вероисповедания, и единоверною им Персиею пройдет широкая полоса, заселенная коренным русским элементом...» (см.: История Азербайджана. Т. 2. С. 464).

[3] Впрочем, даже в пределах Русской Мугани (Ленкоранский уезд Бакинской губернии) русские в начале XX в. составляли всего 8 % (10 тыс. чел. из 120 тыс. населения).

в Эриванской губернии составляла 65,7 %; в Кутаисской и Елисаветпольской губерниях – соответственно 24,9 и 17,1 %[1]. И в городах этих провинций мужчин среди русского населения было в несколько раз больше, чем женщин (рис. 4.3).

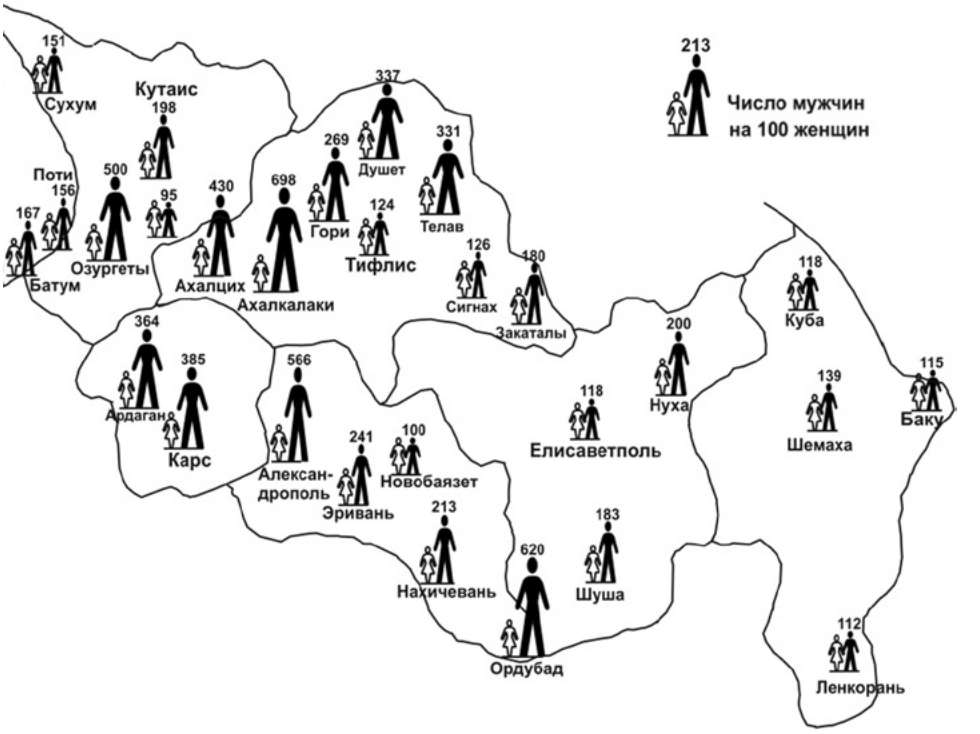

Рис. 4.3. Гендерная структура русского населения в крупных и средних городах Закавказья, 1897 г.[2]

Воинские гарнизоны располагались и в сельской местности. Как результат, русское население Закавказья в гендерном аспекте почти повсеместно имело ощутимый мужской перевес, достигавший максимума в Кутаисской губернии и Карсской области, в которых на 100 женщин приходилось соответственно 197 и 186 мужчин (табл. 4.1).

В начале XX в. в Закавказье сохранились все перечисленные этнодемографические тренды пореформенного периода, связанные в том числе и с достаточно быстрым количественным ростом местного русского на-

[1] *Исмаил-Заде Д.И.* Население городов Закавказского края ... С. 233–235.

[2] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg

селения. К 1917 г. в пределах региона уже было расселено более 400 тыс. русских – на 81 % больше, чем двумя десятилетиями ранее[1].

Таблица 4.1. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Закавказья, 1897 г.[2]

Территории	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
Бакинская губ.	73,6	40,1	33,5	54,5	8,9	23,6	5,1	118	116	122
Елисаветпольская губ.	14,1	3,5	10,6	24,8	1,6	3,9	1,35	152	140	156
Карсская обл.	22,3	6,4	15,9	28,7	7,7	16,9	6,3	187	464	139
Кутаисская губ.	19,3	13,4	5,9	69,4	1,8	13,7	0,61	197	176	258
Тифлисская губ.	79,1	49,1	30,0	62,1	7,5	21,8	3,6	132	133	131
Эриванская губ.	13,2	7,8	5,4	59,1	1,9	8,4	0,73	159	382	120

Темпы их демографического роста напрямую соотносились с экономической активностью кавказских провинций. А в этом аспекте очевидным лидером Закавказья был Бакинский промышленный район. За 1897–1917 гг. число русских в Бакинской губернии выросло более чем вдвое (табл. 4.2). В первую очередь этот опережающий рост был связан с самим Баку (здесь русское население за 20 лет увеличилось с 37,4 тыс. до 104,6 тыс. чел.). Но по-прежнему привлекательным для русских переселенцев был и Тифлис – ведущий социокультурный центр макрорегиона. В этих двух городах в конце имперского периода проживало около 45 % русских всего Закавказья, а на две губернии (Бакинскую и Тифлисскую) приходилось 72 % русского населения макрорегиона.

[1] *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 286.

[2] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg

Таблица 4.2. Динамика русского населения в Закавказье, 1858–1917 гг.[1]

Территории	Численность русских, тыс. чел.				Доля русских в населении, %			
	1858	1871–1874*	1897	1917	1858	1871–1874*	1897	1917
Бакинская губ.	14	18,2	73,6	156,2	2,7	4,1	8,9	14,2
Елисаветпольская губ.		8,9	14,1	43,9	1,5	2,4	1,6	4,0
Карсская обл.	–	8,2	22,3	15,4	–	5,4	7,7	3,9
Кутаисская губ.	1,7	1,23	19,3	16,0	0,5	0,21	1,8	1,5
Сухумский окр.		0,86		16,7		1,36		11,4
Батумская обл.		–		7,3		–		4,0
Тифлисская губ.	7,0	36,4	79,1	133,2	1,1	5,5	7,5	9,8
Закатальский окр.	–	0,26	–	0,3	–	0,35	–	0,3
Эриванская губ.	6,0	4,34	13,2	12,2	1,5	0,82	1,9	1,2
Всё Закавказье	24,7	78,4	221,6	401,2	1,1	2,54	4,7	6,2

Примечание: * – вместе с украинцами и белорусами.

4.2
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Первые советские десятилетия

Революция и последовавшее политическое «отложение» Закавказья – возникновение в его пределах независимых государств – сломали сложившиеся в имперский период этнодемографические тенденции. Регион покидают не только воинские подразделения, но и немалая часть русского гражданского населения. И хотя период независимости госу-

[1] Составлено по: *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 286; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской империи, кроме губерний Европейской России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=566; Кавказский календарь на 1886 год. Тифлис, 1885. С. 234.

дарств Южного Кавказа оказался самым непродолжительным[1], массив русского населения в большинстве районов Южного Кавказа сократился в 1918–1920 гг. весьма существенно. Но к весне 1921 г. всё российское Закавказье за вычетом Карса и ряда других территорий, уступленных Турции, оказывается в составе Советской России – государственной правопреемницы Российской империи. Начинается новый период в развитии региона.

Как и имперский, этот период был связан с постепенным расширением русского этнического присутствия. Но к середине 1920-х гг. его дореволюционные размеры были восстановлены только на востоке региона, в Азербайджане. Как и раньше, центральную роль в этом играл Бакинский промышленный район. Население Баку, сократившись за первые революционные годы (1916–1920 гг.) вдвое – с 406 до 200 тыс. чел., в первой половине 1920-х гг. столь же стремительно вернуло свой демографический потенциал.

В целом в пределах Закавказья в 1926 г. проживало 336 тыс. русских (5,7 % всего населения) (рис. 4.4). Как и ранее, основная их масса была сосредоточена в городах (250,4 тыс. чел.), в которых присутствие русского населения было достаточно весомым (почти 18 % всех горожан региона). В сельской местности доля русских была меньше почти на порядок (1,9 %). Впрочем, приведенные цифры – лишь «общая температура по больнице». В реальности территории региона самым существенным образом различались по численности и концентрации русского населения.

Если в конце XIX в. в Закавказье были два крупнейших средоточия русского населения – Тифлис и Баку (с известным перевесом первого), то спустя четверть века остается только Баку вместе с Промыслово-Заводским районом. Здесь в 1926 г. проживает 159,5 тыс. русских – более 47 % всего их регионального множества, почти 64 % русских горожан Закавказья и 71 % всех русских Азербайджана. Баку этого времени – не только крупнейший центр Закавказской ССР (более 450 тыс. жителей), но и в значительной степени русский город (русских более 35 % его населения).

В целом, сравнивая масштабы русского присутствия в разных районах Закавказья в конце XIX в. и в середине 1920-х гг., мы обнаруживаем сопоставимые величины. В городах региона без учета Баку в 1926 г. проживало 90,9 тыс. русских, а в 1896 г. (без Баку и городов Карса) – 68 тыс. чел.; в сельской местности русских было соответственно 85,8 и 85,4 тыс. чел. Таким образом, ощутимый рост русского массива в регионе в начале

[1] В апреле 1920 г. советская власть устанавливается в Азербайджане, в декабре 1920 г. – в Армении, в марте 1921 г. прекращает существование Грузинская демократическая республика.

XX в. сменился масштабным оттоком в годы Гражданской войны. Только стремительный подъем Бакинского промышленного района обеспечил весомый рост русского населения Закавказья в первой четверти XX в. Впрочем, гендерное равновесие закавказских русских общин, зафиксированное переписью 1926 г., – свидетельство возросшей укорененности местных русских.

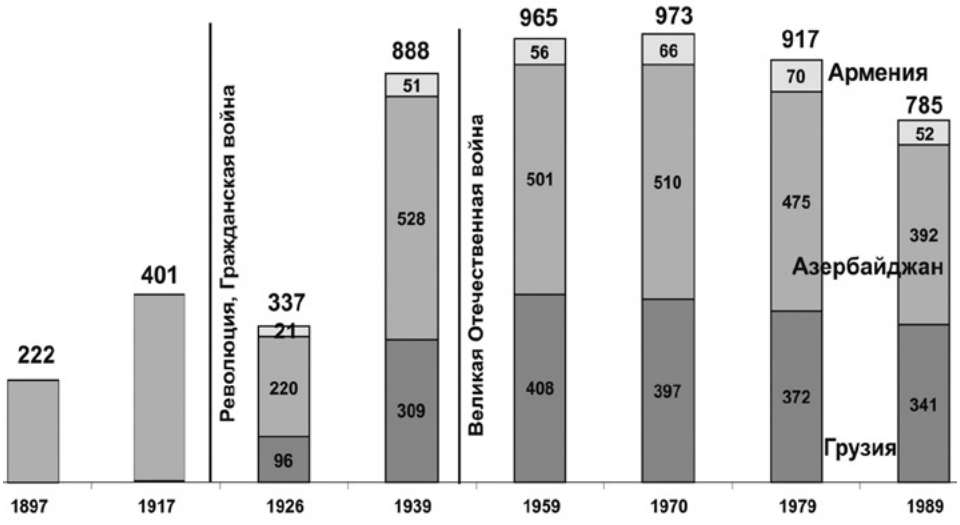

Рис. 4.4. Динамика русского населения российского (советского) Закавказья, 1897–1989 гг. (тыс. чел.)[1]

Вторая половина 1920-х гг. – 1930-е гг. – время всесоюзных строек и масштабных «трудовых десантов», ощутимо менявших национальную структуру целых регионов страны. В их числе не было Советского Закавказья. Однако численность и удельный вес русских в регионе выросли за этот период весьма существенно. Перепись 1939 г. зафиксировала в трех союзных республиках 888,5 тыс. чел. русского населения – в 2,6 раза больше, чем в 1926 г. Число русских горожан выросло в 2,5 раза, а сельских – почти втрое. Интеграция региона в русское этнокультурное пространство, столь тяжело дававшаяся имперским властям, значительно ускорилась.

Демографический рост русского населения был практически повсеместным (рис. 4.5). Но крупнейшим его средоточием в регионе оставался Баку (343,6 тыс. чел. – 42,5 % всех горожан). Второй центр – Тбилиси (93,3 тыс. русских) – отставал по этому показателю многократно.

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

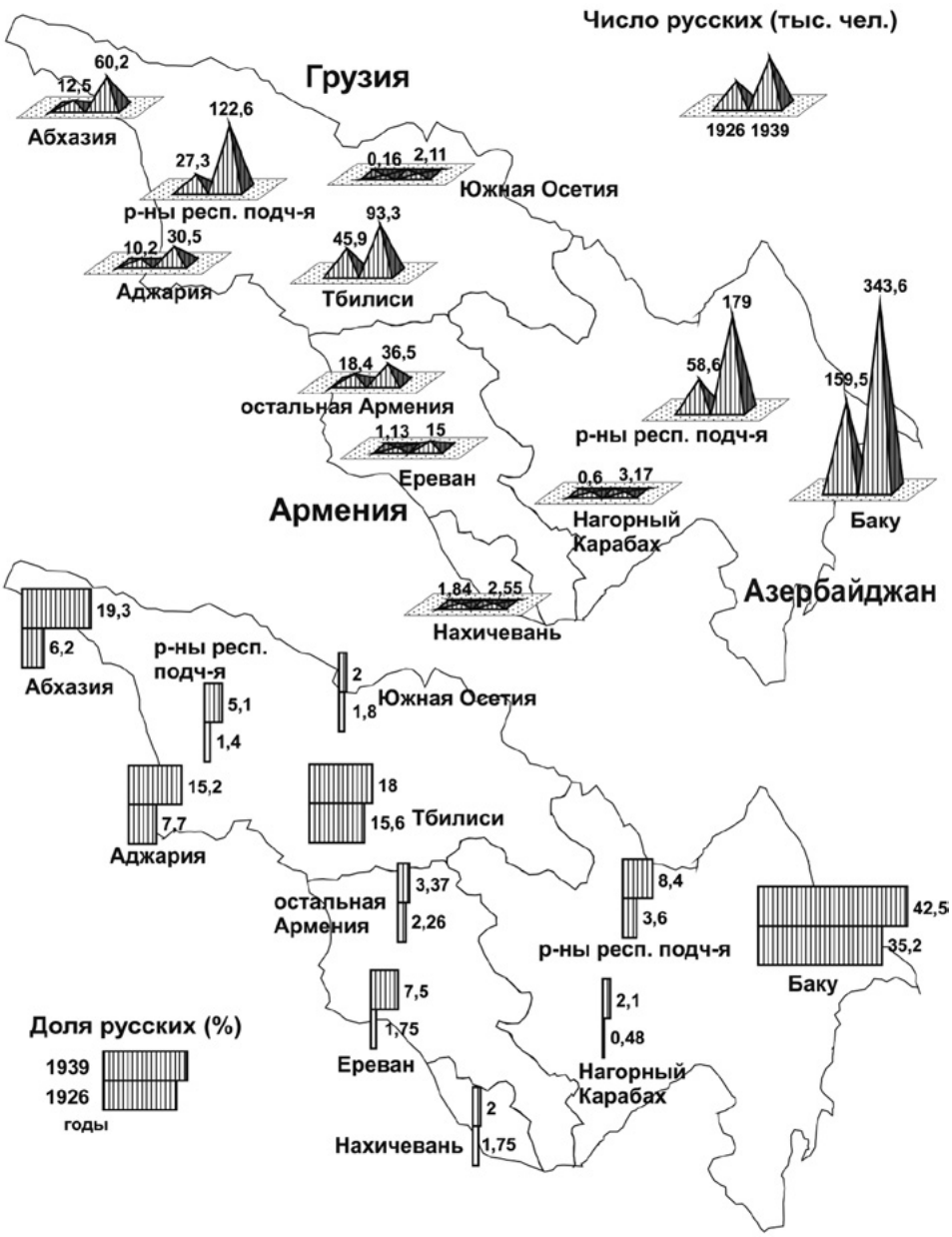

Рис. 4.5. Динамика русского населения Закавказья, 1926–1939 гг. (тыс. чел.)[1]

[1] Составлено по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39_gs.php

Послевоенные десятилетия

Тенденцию масштабного этнокультурного движения русских в пределы Закавказья оборвала война. Огромные потери, понесенные русскими, подорвали демографический потенциал народа. Первоочередной задачей на многие годы стало восстановление человеческих ресурсов самой исторической России. В условиях быстрой демографической модернизации русского народа даже эта стратегическая задача оказалась невыполненной в полном объеме. Не говоря уже о «колонизационном» потенциале русских, который Великая Отечественная война сократила до минимума.

Время крупных миграций русских за пределы их сложившейся системы расселения в середине века еще не закончилось. В условиях политической и экономической стабильности послевоенных десятилетий масштабы миграции населения между союзными республиками и крупными регионами СССР постепенно росли. Но речь уже шла о взаимной этнокультурной инфильтрации – пространственном взаимопроникновении всего множества народов Советского Союза.

Перепись 1959 г. обнаружила в Закавказье 965 тыс. русских – на несколько десятков тысяч больше, чем перед войной. Пространственный центр тяжести этого населения определенным образом изменился. Если в 1920–1930-е гг. на Азербайджан приходилось 60–65 % русских региона, то на рубеже 1950–1960-хх. – чуть больше половины. Баку сохранил позицию ведущего русского центра региона, но общая численность русских в Азербайджане сократилась в сравнении с довоенным периодом. Зато выросло их число и удельный вес в Грузии. К Тбилиси, традиционному средоточию русского населения в республике, добавилась Абхазия. Автономия активно осваивалась русскими: за период 1926–1959 гг. их численность выросла здесь в 7 раз (с 12,5 до 86,7 тыс. чел.) (рис. 4.6).

По-прежнему совсем незначительным оставалось русское этническое присутствие в пределах Армении, в 1940–1950-е гг. русских в республике стало больше только на 5 тыс. (с 51 до 56 тыс. чел.). Впрочем, русские не были исключением. Плотная система расселения титульного народа ограничивала возможности широкого проникновения и всех других национальных сообществ, и Армения оставалась наиболее этнически однородной союзной республикой СССР.

Доля армян в ней устойчиво превышала 90 % населения. Может быть, именно этот демографический минимализм русского присутствия позволил Армении дольше других республик Закавказья сохранять количественный рост русского населения, которое продолжало увеличиваться до начала 1980-х гг.

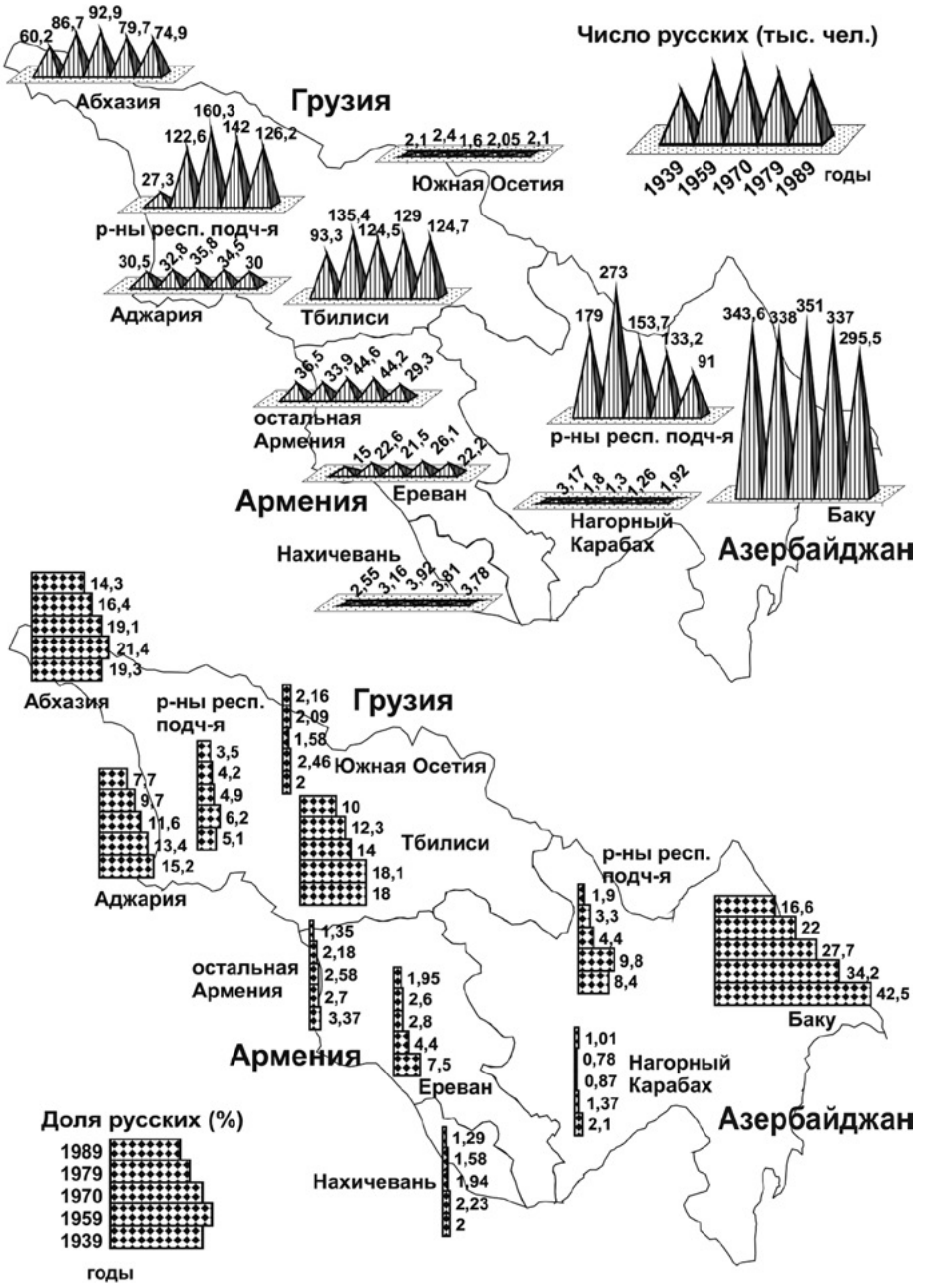

Рис. 4.6. Динамика русского населения союзных республик Закавказья, 1939–1989 гг. (тыс. чел.)[1]

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_39_gs.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_59_gs.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_89_gs.php

Между тем русская община Грузии уже в 1960-е гг. сокращается на 11 тыс. чел., хотя в результате естественной динамики должна была бы увеличиться на 55–60 тыс. чел. За межпереписной период (1959–1970 гг.) миграционный отток русских мог составить 65–70 тыс. чел. В Азербайджане абсолютный демографический рост русского населения в этом десятилетии еще сохранился, но был уже минимальным, что также указывало на миграцию в размере 55–60 тыс. чел. (табл. 4.3).

Таблица 4.3. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Закавказья, 1926–1989 гг.[1]

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
Армения										
1926	19,55	4,81	14,74	24,6	2,22	2,88	2,1	110	152	99
1939	51,5	25,5	26,0	49,5	4,0	6,9	2,8	105	82	134
1959	56,5	40,1	16,0	71,0	3,2	4,5	1,9	72	65	92
1970	66,1	52,5	13,6	79,4	2,65	3,5	1,35	76	72	94
1979	70,3	58,0	12,3	83,9	2,3	2,9	1,17	67	59	119
1989	51,5	43,9	7,6	85,2	1,55	2,0	0,7	71	70	77
Азербайджан										
1926	220,5	175,2	45,3	79,5	9,5	27,0	2,7	97	94	108
1939	528,3	413,1	115,2	78,2	16,5	35,7	5,6	90	83	124
1959	501,3	439,3	62,0	87,6	13,6	24,9	3,2	70	67	95
1970	510,1	470,2	39,9	92,2	10,0	18,3	1,6	73	71	96
1979	475,3	447,1	28,2	94,1	7,9	14,1	1,0	71	70	89
1989	392,3	372,5	19,8	95,0	5,6	9,8	0,62	70	70	70
Грузия										
1926	96,1	70,4	25,7	73,3	3,6	11,9	1,24	91	89	98
1939	308,7	196,0	112,7	63,5	8,7	18,4	4,6	92	79	121
1959	407,9	322,6	85,3	79,1	10,1	18,8	3,7	65	62	76
1970	396,7	328,4	68,3	82,8	8,5	14,7	2,8	70	69	74
1979	371,6	315,5	56,1	84,9	7,4	12,4	2,3	66	66	65
1989	341,2	294,4	46,7	86,3	6,3	9,8	1,9	69	69	67

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_39_gs.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_59_gs.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_89_gs.php

И хотя к 1970 г. русские достигли максимального уровня своего этнического присутствия на Южном Кавказе, совсем немного не дотянув до миллионной планки (973 тыс. чел.), этнодемографический тренд уже отчетливо развернулся в сторону их этнокультурного отступления из региона, что и подтвердило следующее десятилетие. В 1970-е гг. численность русских сокращается в Грузии на 25 тыс. чел., а в Азербайджане – на 35 тыс. чел. С учетом естественного прироста, компенсировавшего часть миграционных потерь, общая величина оттока русских из данных республик составила соответственно 50–55 и 65–70 тыс. чел. Русских становится меньше даже в Абхазии, в которой количественный рост не прерывался практически с последней четверти XX в.

Особенностью русского населения во всех трех республиках региона являлся пониженный удельный вес мужчин. Перевес женского населения в послевоенный период был характерен и для всех других регионов Советского Союза. Но с течением времени данный показатель постепенно выравнивался. В советском Закавказье «оптимизации» гендерной структуры не происходило. На протяжении 1960–1980-х гг. число мужчин на 100 женщин составляло около 70 чел. Центральную роль в данной диспропорции играла «брачная» миграция, приезд в республики русских женщин, вышедших замуж за представителей титульной национальности. Но и для представительниц местных русских общин был характерен повышенный уровень межнациональной брачности, нараставший к концу советского периода (табл. 4.4).

Таблица 4.4. Доля супругов другой национальности у русских Азербайджана и Грузии, вступивших в брак в 1979 г. и 1989 г. (%)[1]

Территории	Азербайджан		Грузия	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1979 г.				
Вся республика	19,2	34,6	22,5	34,5
Город	20,1	35,2	23,7	38,0
Село	4,6	26,9	20,0	26,1
1989 г.				
Вся республика	24,6	40,3	39,6	53,3
Город	25,0	40,7	39,4	51,7
Село	16,1	31,4	41,7	63,1

[1] Рассчитано по: Население СССР. М., 1989. С. 230–231.

К концу 1980-х гг. численность русских снижается в Закавказье до 917 тыс. чел. В последнее советское десятилетие отток идет уже из всех республик региона. Перестройка, развернутая в стране, обернулась для полиэтнического региона резким обострением межнациональных отношений. Горячие точки возникали по всей территории Закавказья, в отдельных районах превращаясь в открытые столкновения, переросшие в вооруженные конфликты. Даже не будучи включенными в эти противоборства в качестве одной из сторон, русские, как и другие этнические меньшинства, испытывали все тяготы, связанные с нарастающим социально-политическим и экономическим хаосом.

С конца 1980-х гг. отток русского населения стал приобретать массовые формы, но перепись 1989 г. успела зафиксировать только начало этого масштабного процесса, пик которого пришелся на первую половину 1990-х гг. Впрочем, даже его начальные этапы впечатляли масштабами. За период 1979–1989 гг. Азербайджан покидает порядка 110–115 тыс. чел. (почти четверть) русских республики. Отток из Грузии остался на уровне предыдущего десятилетия (53–57 тыс. чел.). Из Армении выехало 22–23 тыс. русских (чистый отток), и, несмотря на то что эта цифра относительно невелика, речь шла примерно о трети всей республиканской общины.

Уход русских из республик Закавказья был повсеместным: столицы и крупные города, небольшие центры и сельская местность – уезжали из всех районов и провинций. К концу советского периода численность русских в регионе опустилась до уровня середины 1930-х гг. (785 тыс. чел.).

4.3
ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Настоящий исход начался после распада СССР и превращения союзных республик в самостоятельные государства. К середине 1990-х гг. Азербайджан покинуло 169 тыс., Армению – 28,6 тыс. русских (соответственно 43 и 55 % от общей их численности). Столь же значительные были демографические потери русской общины Грузии, размеры которой, сократившись за 1990-е гг. в 3,7 раза, составили чуть более 70 тыс. чел.; численность русских Азербайджана и Армении – упала соответственно до 142 и 15 тыс. чел. (табл. 4.5).

Таблица 4.5. Геодемографические характеристики русского населения стран Закавказья, 1989–2014 гг.[1]

Страна	Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %		
		всего	город	село		всего	город	село
Армения	1989	51,5	43,9	7,6	85,2	1,55	2,0	0,7
	2001	14,66	10,5	4,16	71,9	0,46	0,51	0,36
	2011	11,9	8,1	3,82	68,1	0,39	0,42	0,34
Азербайджан	1989	392,3	372,5	19,8	95,0	5,6	9,8	0,62
	1999	141,7	134,7	6,95	95,1	2,0	3,65	0,18
	2009	119,3	115,1	4,26	96,5	1,46	2,61	0,1
Грузия	1989	341,2	294,4	46,7	86,3	6,3	9,8	1,9
	2002	67,7	57,5	10,2	85	1,55	2,7	0,64
	2014	26,45	22,5	3,95	84,9	0,71	1,06	0,25

Примечание: для Грузии данные за 2002–2014 гг. приведены без учета Абхазии и Южной Осетии, для Азербайджана за 1999–2009 гг. – без учета Нагорного Карабаха.

Таким образом, за первое постсоветское десятилетие демографический потенциал русских региона сжался до 250 тыс. чел., практически вернувшись на уровень предыдущего векового рубежа (напомним, что по переписи 1897 г. в Закавказье их было 222 тыс. чел.). Период широкого присутствия русских в регионе уложился в рамки одного столетия.

2000-е гг. продолжили этот нисходящий этнодемографический тренд, хотя темпы сжатия заметно сократились, процесс перешел из «стремительной» фазы в «плавную». Но русское население Закавказья сокращалось повсеместно, и общая его численность к концу нулевых составила порядка 190–196 тыс. чел.

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

Грузия

Перепись населения 2014 г. обнаружила в стране (без Абхазии и Южной Осетии) только 26,45 тыс. русских. Численность их за 12 лет (2002–2014 гг.) сократилась в 2,5 раза. Таким образом, хотя абсолютные масштабы потерь снизились, темпы демографического сжатия существенно возросли. Центральную роль в данном ускорении сыграли события августа 2008 г. Военная помощь России двум бывшим автономиям Грузии и резкое охлаждение взаимоотношений двух стран ускорили миграционный отток русских и активизировали смену национальной идентичности (или этническую мимикрию) людей смешанного происхождения, раннее самоопределявшихся русскими. Хотя очевидно, что речь может идти об очень небольшом множестве (в отличие от Украины или Беларуси).

Имеется в виду не пространственная перецентровка русского населения – перемещение из одних регионов страны в другие, переезд из сельских районов в города или общее «стяжение» русских в столицу. События 2008 г. резко ускорили процесс демографического угасания всей русской общины страны. Заключительные стадии данного процесса, которые могли приходиться на вторую четверть века, наступили на 10–20 лет раньше.

Показательно, что темпы сокращения русских общин в Тбилиси и остальных городах страны, как и в сельской Грузии, практически совпадали. Русское население грузинской столицы за 2002–2014 гг. сократилось с 35 до 13,1 тыс. чел. (рис. 4.7), остальной Грузии – с 32,6 до 13,3 тыс. чел.

На протяжении всего XIX в. Тифлис – крупнейшее средоточие русского населения в пределах имперского Южного Кавказа. Но и в XX в., уступив первую позицию Баку, Тбилиси остается городом с очень большой русской общиной (в начале этого столетия русские составляли четверть жителей города). В дальнейшем этот показатель сокращался. Но до конца советского периода присутствие русских во всех сферах городской жизни было весьма ощутимым, притом что рост их численности остановился уже в конце 1950-х гг. Это демографическое плато в истории русской общины Тбилиси закончилось на рубеже 1980–1990-х гг. В последующие четверть века ее размер сократился на математический порядок (со 125 до 13,3 тыс. чел.). Учитывая темпы убыли, доля русских в населении города в конце 2010-х гг. едва ли дотягивает до 1 %.

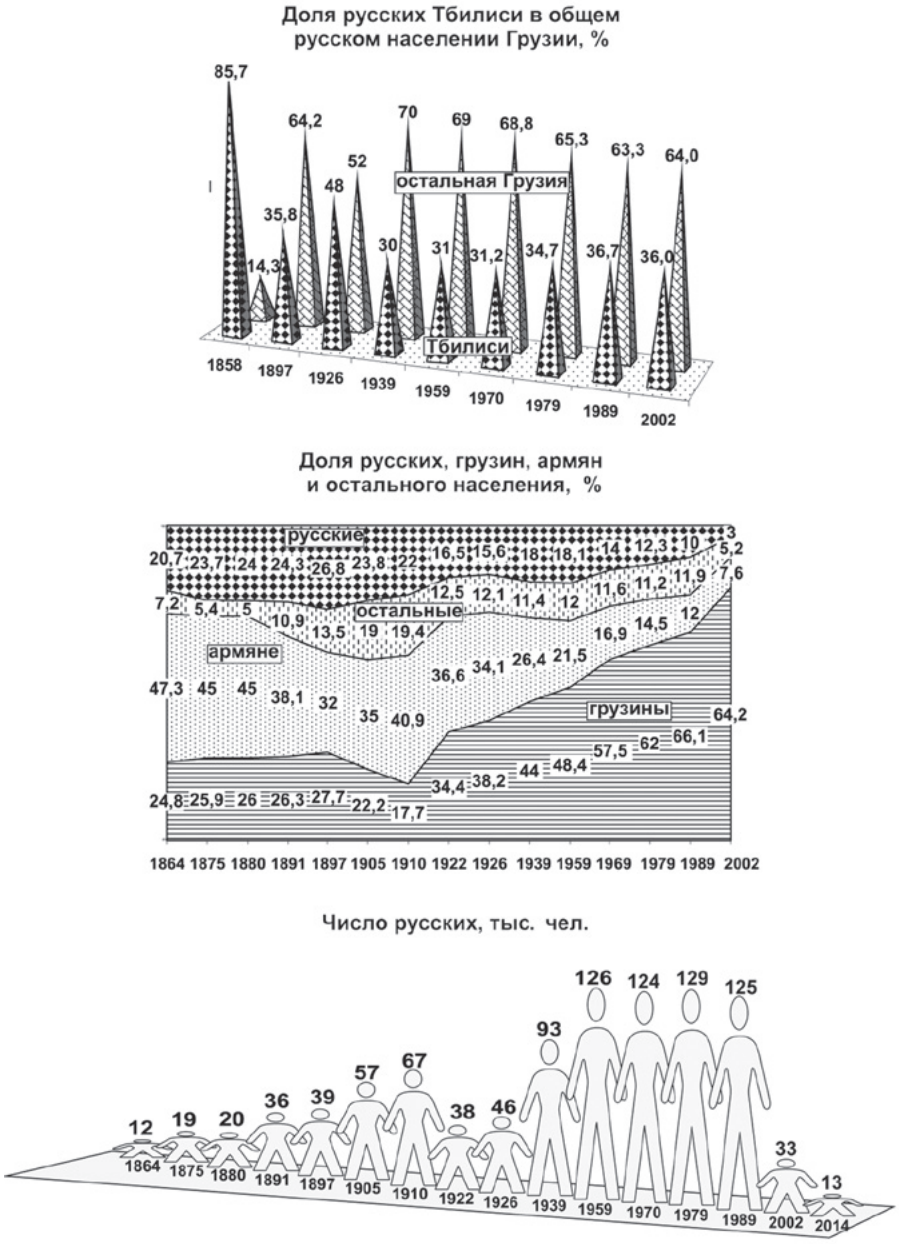

Рис. 4.7. Динамика русского населения Тбилиси, 1864–2014 гг.[1]

[1] Составлено (рис. 4.7, 4.8) по: *Кабузан В.М.* Русские в мире ; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php?reg=6; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=6; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

С момента последней переписи в Грузии прошло пять лет. И едва ли в настоящее время в стране остается более 20 тыс. русских (рис. 4.8). Нет информации о современной половозрастной структуре русского населения и его географии. Но линейный характер трансформации данных характеристик в последние 20–25 лет позволяет говорить о том, что русское население страны в конце 2010-х гг. – это люди, средний возраст которых составляет 50–55 лет (не исключено, что приближается к 60 годам). В гендерном аспекте это преимущественно женщины (60–70 % от общего числа), в расселенческом – горожане. Уровень урбанизации является очень высоким (85–90 %). Около половины русских сосредоточено в Тбилиси (рис. 4.8), еще 35–40 % – в других городах страны, прежде всего в Батуми и Рустави, в каждом из которых русское население всё еще превышает тысячу человек. По 400–500 русских проживает в Кутаиси и Поти. Во всех остальных городах эта цифра значительно меньше и редко достигает 200–250 чел.

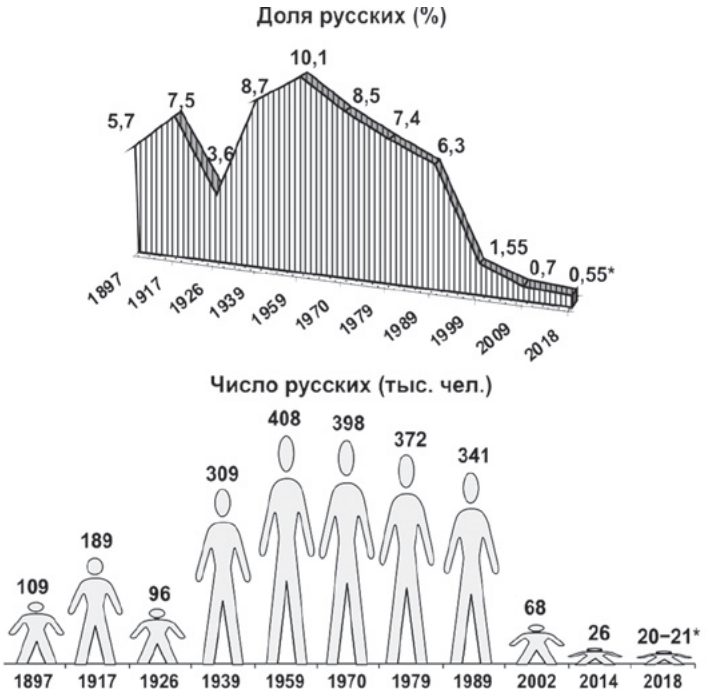

Рис. 4.8. Динамика русского населения Грузии, 1897–2018 гг.
(* – оценка автора)

Численность русских в сельской местности может составлять 2,5–3 тыс. чел. В большинстве своем это дисперсное население, в значительной степени

представленное одинокими пожилыми людьми, большинство из которых – женщины, находящиеся в браке с грузинами или представителями других кавказских народов. Даже в сельских поселениях, когда-то основанных старообрядцами (Ульяновка, Гореловка и т.п.), русские в настоящее время составляют 10–20 % местных жителей. Но и столь небольших средоточий русского населения (по 30–50 чел.) на всю сельскую Грузию – всего несколько. Подавляющее большинство сел страны в настоящее время вообще лишены русских (либо число последних – 1–3 чел.).

В такой ситуации практически любой демографический прогноз не обнаруживает у русского этнокультурного присутствия в Грузии каких-либо положительных перспектив. Если продлить на несколько лет вперед темпы демографической убыли общины страны, существовавшие в последний межпереписной период (2004–2014 гг.), то уже в середине 2020-х гг. в Грузии должно остаться не более 10–11 тыс. русских. В более отдаленной перспективе (середина 2030-х гг.) эта цифра сократится до 4–5 тыс. чел. Учитывая, что речь будет идти в основном о старых и очень старых людях, это остаточное этнокультурное множество может полностью прекратить существование к середине века. Если предположить, что темпы демографического сжатия общины, продемонстрированные в конце 2000-х – начале 2010-х гг., несколько снизятся, обозначенная перспектива сдвинется в будущее на 10–20 лет.

Казалось бы, остается констатировать, что дни русской общины в Грузии окончательно сочтены. Вопрос только в том, завершится полностью период русского этнокультурного присутствия в стране уже в первой половине века или потребует одного-двух дополнительных десятилетий.

Быстрая трансформация Грузии в туристическую страну позволяет до некоторой степени оставить ответ на этот вопрос открытым. Едва ли можно предположить, что численность русских, проживающих в Грузии «на постоянной основе», будет исчисляться десятками тысяч. Однако ежегодное посещение страны 1,3–1,4 млн россиян (в своем большинстве именно русскими) не может не налагать определенного отпечатка на социальную повседневность страны, присутствие в ней русского языка и культуры[1]. В пределах Грузии в каждый конкретный момент времени может находиться порядка 20–30 тыс. российских туристов[2].

[1] Тем более что двумя другими странами, представители которых наиболее часто посещают страну, являются Азербайджан и Армения, а общим языком коммуникации у населения всех трех закавказских стран также является русский. С учетом приезжающих из Казахстана, Украины, Израиля общая доля русскоязычных в туристическом потоке Грузии составляет около 70 %. См. также: Десять стран, откуда в Грузию в 2017 году приехало больше всего туристов. URL: https://www.newsgeorgia.ge/desyat-stran-otkuda-v-gruziyu-v-2017-godu-priehalo-bolshe-vsego-turistov/

[2] В летние месяцы данная цифра может возрастать в 1,5–2 раза.

Живое взаимодействие столь значительного числа людей не может не приводить к возникновению более прочных связей, в том числе и брачных союзов. Как и во всех гендерных связках между представителями русского и кавказских народов, речь в данном случае идет почти исключительно о сочетании «грузин – русская». У смешанного потомства таких брачных пар грузинская самоидентификация будет доминирующей (особенно у семей, живущих в Грузии). Однако каждое новое поколение молодежи страны будет содержать некоторое число биэтнофоров.

Учитывая пространственный динамизм современного населения и прихотливость индивидуальных жизненных траекторий, несколько тысяч русских, по разным причинам проживающих в Грузии, представляются реальной величиной и в самой отдаленной перспективе. Другое дело, что эти люди едва ли уже будут иметь отношение к тому русскому населению, которое поселилось на данных территориях в имперский период или первые десятилетия советского периода и во второй половине XX в. успело стать «старожильческим». Очевидно и то, что это этнокультурное множество не будет представлять диаспору, как ее определяют этносоциологи, имея в виду некую социокультурную общность, поддерживающую достаточно высокий уровень внутренней коммуникации своих представителей и демонстрирующую способность к устойчивому демографическому самовоспроизводству.

Азербайджан

Специфической чертой русского населения Азербайджана является его максимальная «столичность» (рис. 4.9). Качество, в известной степени отличавшее систему русского расселения на протяжении всего советского периода (в 1920–1980-е гг. в республиканской столице проживало от ⅔ до ¾ всех русских), максимально усилилось в конце XX – начале XXI в. В 1999 г. в Баку было сосредоточено 84 % русских Азербайджана, через 10 лет эта цифра выросла до 91 %[1].

В конце 2000-х численность русских за пределами Баку составляла менее 11 тыс. чел., из которых 2,1 тыс. чел. приходилось на Сумгаит, 0,89 тыс. чел. – на Гянджу (бывший Кировабад) и около 2 тыс. чел. проживало в Ивановке – молоканском поселении, расположенном в Исмаиллинском районе.

[1] Общий уровень урбанизации русских в стране поднялся с 95 % в 1989 г. до 96,4 % в 2009 г.

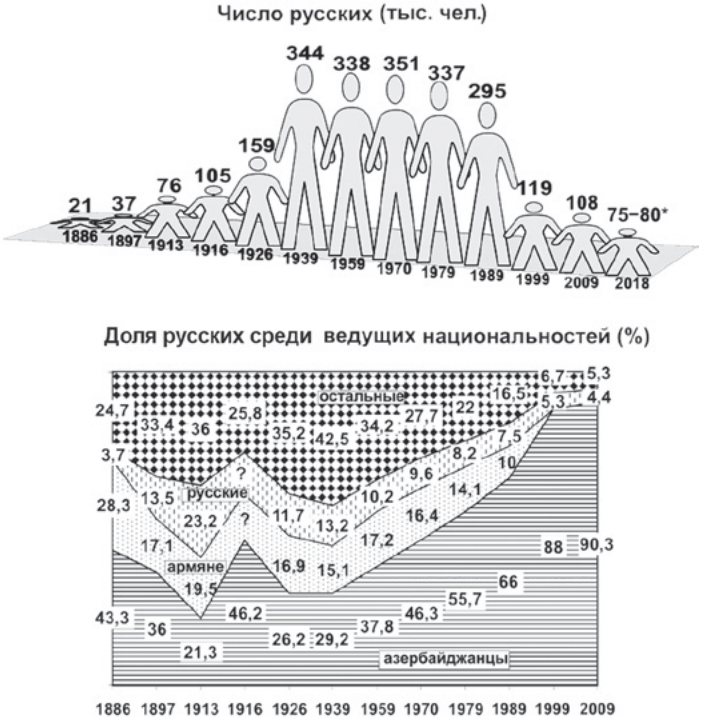

Рис. 4.9. Динамика русского населения Баку, 1886–2009 гг.
(* – оценка автора)[1]

Таким образом, этнодемографическое будущее русских Азербайджана – это прежде всего перспективы бакинской общины. Ее нисходящая количественная динамика сомнений не вызывает, но темпы этого процесса могут существенно различаться.

Если исходить из показателя последнего межпереписного периода (1999–2009 гг.), эти темпы могут быть достаточно ограничены. Численность русского населения Азербайджана за пределами столицы сократилась за эти годы почти вдвое, но бакинская община потеряла только 9 %. Очевидно, некоторая часть провинциальных русских предпочитала эмиграции в Россию переезд в Баку.

Второе десятилетие XXI в. для Азербайджана было устойчивым в политическом и социально-экономическом плане. Миграционный отток русских в РФ, учитывая ее осложнившееся положение, был минимальным. Но более

[1] Рассчитано (рис. 4.9, 4.10) по: *Кабузан В.М.* Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php?reg=7; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=7; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

существенными могли оказаться естественные потери, особенно с учетом половозрастной структуры русских Баку. Уже в конце XX в. средний возраст русских составлял 41 год, а в гендерном разрезе имелся значительный перевес женщин (170 на 100 мужчин)[1]. Столь серьезная разбалансировка была связана с более интенсивным миграционным оттоком мужчин, поскольку в стране осталась часть русских женщин, находившихся замужем за азербайджанцами.

Такая структура общины определяла не только низкий уровень рождаемости при повышенной смертности, но и быстрое дальнейшее старение ее представителей. К 2009 г. медианный возраст русского населения мог подняться еще на 5–7 лет, а в настоящее время с большой вероятностью находится в диапазоне 50–55 лет. Должен был усилиться и гендерный перекос. Как результат, современная русская община Баку в значительной степени представлена пожилыми и старыми женщинами.

Если численность русских в 2010-е гг. сокращалась теми же темпами, что и в предыдущем десятилетии, к 2018 г. их должно было остаться в Азербайджане около 100 тыс. чел. (рис. 4.10).

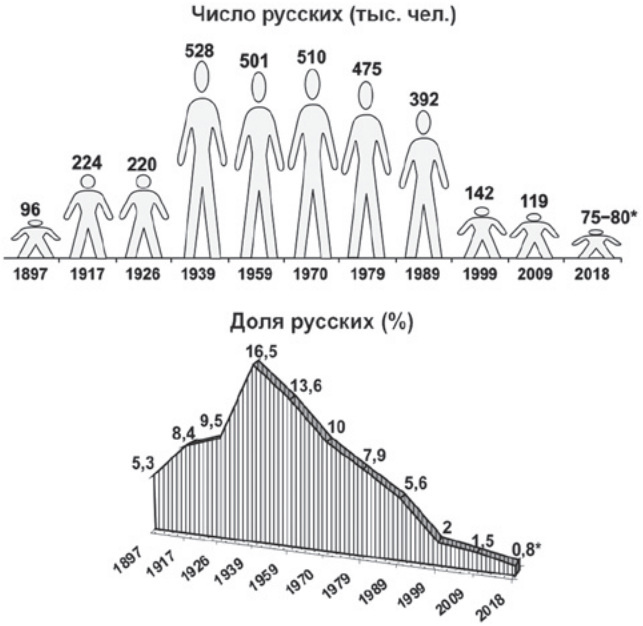

Рис. 4.10. Динамика русского населения Грузии, 1897–2018 гг.
(* – оценка автора)

[1] *Юнусов А.С.* Этнические и миграционные процессы в постсоветском Азербайджане // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. URL: http://chairs.stavsu.ru/geo/Conference/c1–67.htm

Принимая в расчет всё сказанное выше, скорости демографического сжатия должны были заметно возрасти. Есть все основания полагать, что перепись населения, которая должна пройти в стране в 2019 г., обнаружит не более 75–80 тыс. русских, из которых порядка 92–94 % будет приходиться на бакинскую общину.

В сельской местности русские в настоящее время представлены в небольшом числе сельских поселений, и общая их численность едва ли превышает 3–3,5 тыс. чел.

Как показали две предыдущие переписи, в постсоветский период ускоренными темпами сокращалось даже русское старожильческое население, имевшее более чем полуторавековую историю в Азербайджане. В крупнейшем из поселений молокан – селе Ивановка Исмаиллинского района – численность русских за 1999–2009 гг. сократилось с 2,5 до 2,0 тыс. чел. В конце нулевых на Ивановку приходилось уже почти половина сельских русских всей страны, а в настоящее время, возможно, уже 60–65 % (притом что число русских могло сократиться до 1,6–1,7 тыс. чел.). Во всех остальных сельских районах Азербайджана, за исключением Хачмазского и Апшеронского, численность русских уже в 2000-е гг. не превышала 100–200 чел., а зачастую ограничивалась несколькими десятками. За прошедшие с того времени 8–9 лет и эти небольшие цифры уменьшились на ¼–⅓.

Очевидно, что русская община Азербайджана находится на стадии демографического угасания, остановить которое в сложившихся обстоятельствах практически невозможно. От грузинского сценария ее динамику отличает только более значительный масштаб бакинской общины, который будет определять и более длительные сроки постепенного убывания русских в стране. Но в любом случае витального потенциала бакинских русских хватит только на несколько ближайших десятилетий.

Даже без социального форс-мажора, способного резко ускорить этот нисходящий этнодемографический тренд, масштабы потерь столичной общины будут составлять 20–30 % от ее размера за десятилетие. Причем по мере старения русских темпы убыли будут нарастать. Но и без такого ускорения («равномерный» сценарий демографического угасания) размеры бакинской общины к 2030 г. сократятся до 50–60 тыс. чел., а к середине века – до 25–35 тыс. чел. (при ускоряющемся варианте в 2050 г. в Баку может остаться 15–20 тыс. русских).

Впрочем, «бакинская община» и «азербайджанские русские» способны стать практически полными синонимами определениями уже в средне-

срочной перспективе. К 2030–2035 гг. многие города и целые сельские районы страны останутся практически без русских. В Баку к этому времени может быть сосредоточено уже порядка 95 % и более всех русских Азербайджана.

Армения

Если сколько-нибудь значительные масштабы русской общины Грузии и особенно Азербайджана предопределяют достаточно затяжной период их угасания, то русские в Армении всегда были малочисленны. В начале XXI в. их оставалось в стране не более 15 тыс. чел., значительную часть которых составляли возрастные женщины, имеющие «титульных» мужей. По замечанию И. Семенова, генерального директора Фонда помощи и содействия российским соотечественникам в Армении, «эти русские женщины со временем уходят в мир иной. А их дети от смешанных браков – это уже не русские. Они выросли здесь, им ближе армянский язык, всё армянское. Русский дух в них уже отсутствует»[1]. Возрастная структура русской общины Армении данный пессимистичный вывод полностью подтверждает. Уже в 2001 г. 44 % русских страны были людьми старше 50 лет. К концу 2000-х гг. доля «возрастных» русских должна была приблизиться к 50 %, а в настоящее время существенно превзойти и этот уровень.

При этом численность русских сократилась за 2002–2011 гг. на 19 % (с 14,7 до 11,9 тыс. чел.). В отличие от двух других стран Закавказья, данное сокращение не было повсеместным. В половине районов Армении (в 5 из 10) их численность за этот период даже несколько возросла или осталась неизменной. Однако демографическая динамика всей русской общины в максимальной степени определялась двумя ее основными средоточиями – русскими Еревана и поселениями в Лорийской области, в которой находилось несколько молоканских общин, в том числе крупнейшие в селах Лермонтово и Фиолетово. В этих эпицентрах общины проживало более ⅔ русских Армении. Но именно они в начале XXI в. демонстрировали самые высокие уровни депопуляции (ереванская община за межпереписной период сократилась на четверть, в Лорийской области русских стало меньше на 19 %) (рис. 4.11).

[1] См.: *Манвелян А.* Русские в Армении: последние из молокан // Русская служба Би-би-си. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth/newsid_6929000/6929421.stm

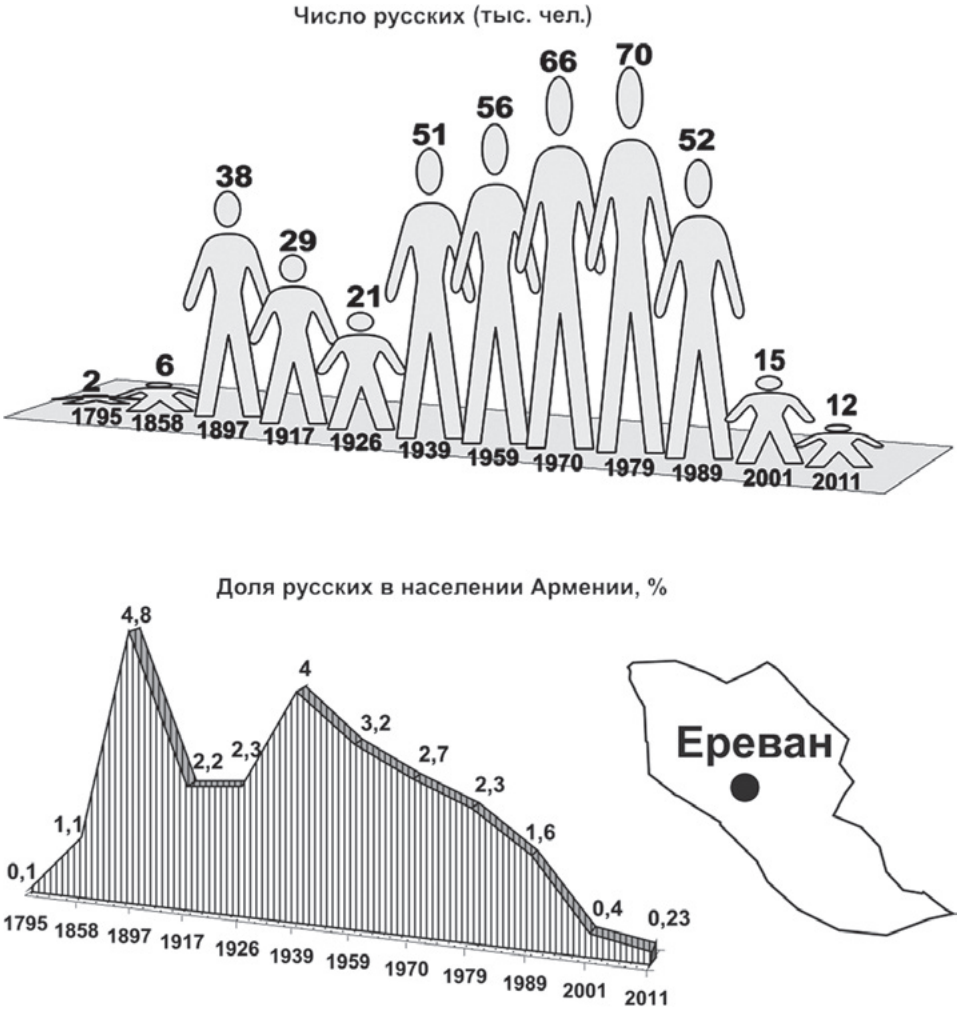

Рис. 4.11. Динамика русского населения Армении, 1795–2011 гг.[1]

При сохранении данного темпа депопуляции в 2010-е гг. к концу десятилетия в Ереване может оставаться порядка 3,6–3,7 тыс. русских, в Лорийской области 2,5–2,6 тысяч. Еще около трех тысяч человек может быть разбросано по остальной Армении (рис. 4.12). Даже без ускорения темпов убыли, характерных для последних стадий демографического

[1] Рассчитано по: *Кабузан В.М.* Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php?reg=13; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=13; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

угасания общины, численность русских в Армении к 2030 г. может сократиться до 7–8 тыс. чел., а в середине века будет составлять 4,5–5 тыс. чел. Подобный демографический сценарий можно считать наиболее позитивным из реально возможных. Достаточно темпу убыли подняться до 25–30 % за десятилетие (и это не предел), чтобы русская община страны к 2030 г. сократилась до 6,3–6,7 тыс., а в 2050 г. составила 3–3,5 тыс. чел.

Но, учитывая малую численность русских Армении, не исключен и сценарий почти полного исчезновения русских в течение двух-трех десятилетий. Вопрос только в том, сколько продержится последний более или менее крупный этнический анклав в селах (около 2 тыс. русских), расположенных в Лорийской области, каковы будут темпы ассимиляции русской общины Еревана. Впрочем, определение «община» по отношению к этому дисперсному демографическому множеству, представленному в своем большинстве пожилыми и старыми женщинами, в среднесрочной перспективе можно будет применять с большой оговоркой.

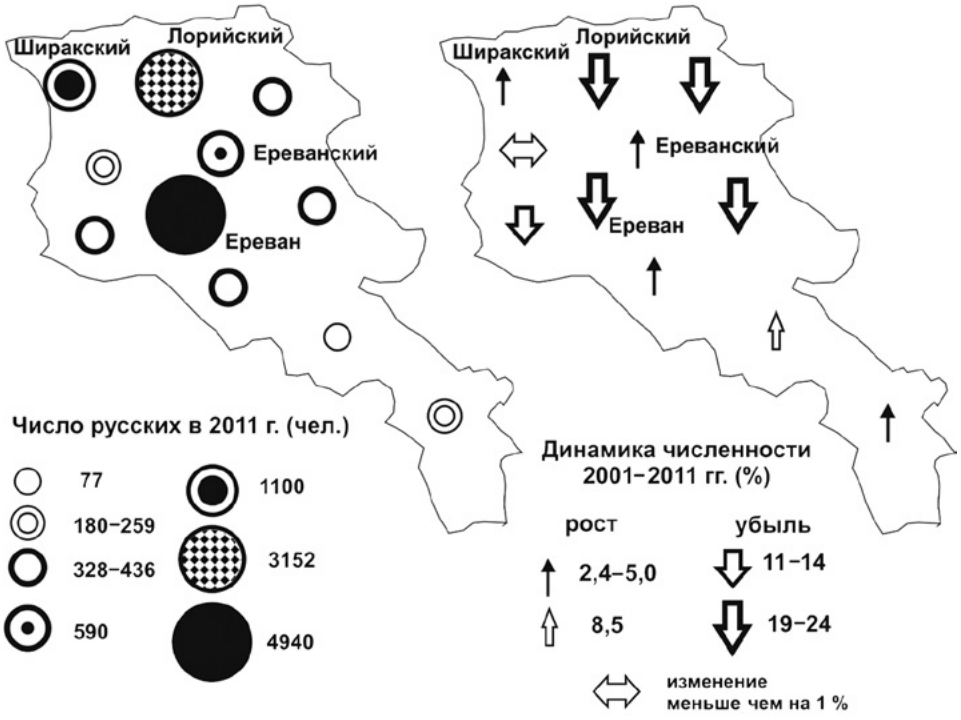

Рис. 4.12. Русские в Армении в начале XXI в.[1]

[1] Составлено по: Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

Нагорный Карабах

Число русских в данном территориальном сообществе всегда было незначительным и достигло своего исторического максимума в конце 1930-х гг. (более 3 тыс. чел.). В послевоенные десятилетия русская община автономии поступательно сокращалась. Учитывая существовавший в это время естественный прирост, которого было недостаточно для компенсации миграционных потерь, последние были весьма велики. В 1960-е гг. Нагорный Карабах могло покинуть около трети ее русского населения. В 1970-е гг. отток был существенно меньше (около 10 %).

Основным средоточием русского населения на протяжении 1930–1970-х гг. являлись столичный центр Степанакерт и Мардакертский район, на которые приходилось ⅔ всех русских Нагорного Карабаха.

Нисходящая количественная динамика русской общины была прервана в последнее советское десятилетие – в 1980-е гг. она выросла в 1,5 раза. Причины столь масштабного роста требуют специального анализа. Есть основания полагать, что речь идет о временном явлении, связанном с обострением армяно-азербайджанского конфликта и резким ростом в конце 1980-х гг. миграционной динамики населения Азербайджана. Перепись, проведенная в декабре 1989 г., могла зафиксировать в Нагорном Карабахе определенное число русских беженцев. Так или иначе, но на рубеже 1980–1990-х гг. русская община автономии вновь приблизилась к 2 тыс. чел.

Данный рост оказался явлением кратковременным. Вооруженное армяно-азербайджанское противостояние переросло в полномасштабную войну. Если в 1988–1989 гг. в зоне конфликта погибло порядка 100–150 чел., в 1990–1991 гг. – около 900 чел., то в 1992–1994 гг. – уже 23 тыс. чел.[1]

Миграционный отток из региона превратился в тотальный исход значительной части населения. Автономию покинули представители практически всех национальных меньшинств (русские, украинцы, греки, татары и др.). Республиканская перепись 2005 г. зафиксировала в Нагорном Карабахе только 170 русских (табл. 4.6). При этом следует учесть, что последний в его современных границах превышает территорию советской автономной области более чем в 2,5 раза. В начале 1990-х гг. в результате успешных боевых действий армянская сторона взяла под контроль 6 сопредельных административных районов Азербайджана с населением более 393 тыс. чел., в т.ч. около 3 тыс. русских. Таким образом, в 1989–2005 гг. число

[1] *Мукомель В.И.* Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 65–70.

русских в пределах данного территориального сообщества сократилось почти в 30 раз (с 5,9 тыс. чел. до 170 чел.) и русская община практически прекратила свое существование.

Таблица 4.6. Динамика русского населения Нагорного Карабаха, 1939–2005 гг.[1]

Территории	Годы					
	1939	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**2005**
Число русских, чел.						
г. Степанакерт	563	698	607	549		76
Гадрутский р-н	349	74	150	39		14
Мардакертский р-н	1244	611	348	355		23
Мартунинский р-н	457	134	53	155		22
Степанакертский р-н	305	75	6			
Шушинский р-н	256	198	142	114		7
Аскеранский р-н				53		7
Шаумяновский р-н						2
Кашатагский р-н						20
Весь Нагорный Карабах	3174	1790	1310	1265	1922	171
Доля русских, %						
г. Степанакерт	5,4	3,5	2	1,4	1	0,2
Гадрутский р-н	1,3	0,4	0,9	0,3		0,1
Мардакертский р-н	3	1,6	0,8	0,8		0,1
Мартунинский р-н	1,4	0,5	0,2	0,6		0,1
Степанакертский р-н	1	0,4	0,1			
Шушинский р-н	2,4	1,9	1	0,7		0,2
Аскеранский р-н				0,2		0,1
Шаумяновский р-н						0,1
Кашатагский р-н						0,2
Весь Нагорный Карабах	2,1	1,37	0,87	0,78	1,01	0,12

Впрочем, в данный период прекратили свое существование и все остальные диаспоры и этнические группы Нагорного Карабаха. Согласно переписи 2005 г., армяне составляли 99,74 % жителей республики – предельно высокий уровень моноэтничности населения.

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/karabax.html; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

Абхазия

Резкое обострение межнациональных противоречий в республике летом 1992 г. переросло в вооруженный грузино-абхазский конфликт, продолжавшийся более года и унесший более 9 тыс. человеческих жизней. Более масштабными оказались общие потери демографического потенциала Абхазии, население которой сократилось с 525 тыс. чел. (1989 г.) до 200 тыс. чел. (середина 1990-х гг.). Основной причиной стал почти полный исход грузинского населения (за исключением южного Гальского района и территории Кодорского ущелья) и отток большей части представителей национальных меньшинств, включая русских. В первое постсоветское десятилетие русская община Абхазии сократилась в три раза (с 75 до 20–25 тыс. чел.).

При этом в южных Ткварчельском и Очамчирском районах, прилегающих к Грузии, русских стало меньше в 4–5 раз, а Гальский район, населенный преимущественно грузинами, русские покинули почти полностью.

Но после стремительного сокращения в 1990-е гг. численность русского населения в Абхазии (в отличие от Грузии) в дальнейшем стабилизировалась. А события 2008 г. и признание Россией независимости двух бывших автономий Грузинской ССР создали надежную основу если не для расширения русского этнического присутствия, то по крайней мере для его сохранения в Абхазии на существующем уровне. Показательно, что за последний межпереписной период (2003–2011 гг.) размеры русской общины практически не изменились (небольшое сокращение с 23,4 до 22,1 тыс. чел.). Такую же демографическую величину зафиксировала и оценка этнической структуры населения республики, выполненная в 2015 г. Основная масса русского населения в настоящее время, как и в советский период, сосредоточена в самом северном Гагрском районе Абхазии и ее столице (рис. 4.13).

Но помимо «постоянных» русских, необходимо принимать в расчет 2–3 миллиона российских туристов, ежегодно посещающих курорты Абхазии, являющиеся не только центральным условием финансово-экономической стабильности республики, но и значимым социокультурным фактором ее развития (как и постоянным источником нового пополнения местной русской общины).

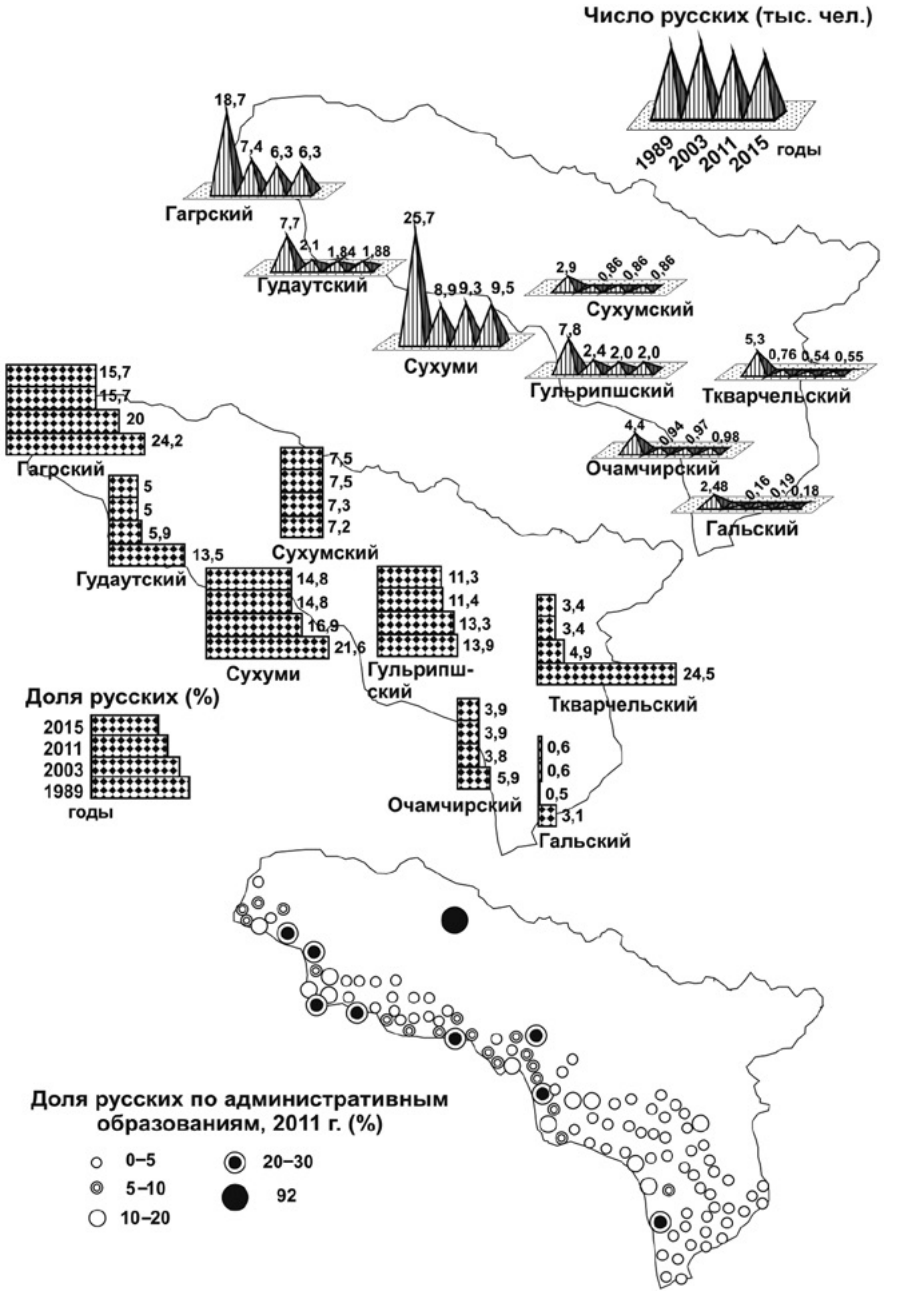

Рис. 4.13. Русские в Сухуми и районах Абхазии в конце XX – начале XXI в.[1]

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org; Население Абхазии. URL: http://www.ethno-kavkaz.narod.

Южная Осетия

Не менее значима российская поддержка и для существования Южной Осетии, второго пророссийского государственного образования в пределах Южного Кавказа. Однако глубокая социально-экономическая и социокультурная периферийность данного социума определяет минимальное присутствие русских в его пределах.

В 1926 г. русских в национальной автономии было только 157 чел. Годы первых пятилеток стали временем быстрого роста русского присутствия, и к концу 1930-х гг. русская община Южной Осетии превысила 2 тыс. чел. Достигнув своих максимальных размеров на рубеже 1960–1970-х гг. (почти 2,4 тыс. чел.), в последние советские десятилетия она колебалась на уровне 2 тыс. чел. (табл. 4.7). Однако география ее на протяжении второй половины XX в. постепенно сужалась. Русское население всё более стягивалось в столицу автономии. Если перед войной на Сталинир (Цхинвал) приходилось 56 % русских Южной Осетии, то в 1950–1960-е гг. уже 70–75 %, а в конце советского периода – более 86 %.

Вооруженный конфликт с Грузией и социально-экономические проблемы – основные причины трехкратного сокращения численности русских в 1990-е гг. Но в последние 10–15 лет размеры русской общины вновь стабилизируются, сохраняясь на уровне 500–600 чел. (табл. 4.7).

Таблица 4.7. Динамика русского населения Южной Осетии, 1939–2015 гг.[1]

Территории	Годы					
	1939	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**2015**
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Число русских, тыс. чел.						
г. Цхинвал	1185	1583	1180	1737	1836	479
Дзауский (Джавский) р-н	320	364	143	89	99	39
Знаурский р-н	196	94	71	55	47	28
Ленингорский р-н	212	87	63	59	50	10
Цхинвальский (Сталинирский) р-н	198	252	117	106	96	54

ru/abhazia.html

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=67; Население Нагорно-Карабахской республики. URL: http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/karabax.html

Окончание табл. 4.7

вся Южная Осетия	2111	2380	1574	2046	2128	610
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Доля русских, %						
г. Цхинвал	8,6	7,3	3,9	5,0	4,3	1,6
Дзауский (Джавский) р-н	1,6	2,2	1,0	0,8	1,0	0,6
Знаурский р-н	1,0	0,6	0,5	0,5	0,5	0,6
Ленингорский р-н	0,9	0,5	0,4	0,4	0,4	0,2
Цхинвальский (Сталинирский) р-н	0,7	0,9	0,4	0,4	0,4	0,7
вся Южная Осетия	2	2,5	1,3	2,1	2,2	1,1

В настоящее время самая значительная часть русских республики проживает в Цхинвале (78,5 % по переписи 2015 г.). При этом женщины (439 чел.) составляют 72 % общины. Столь существенный гендерный дисбаланс связан со значительными масштабами межнациональной брачности местных русских женщин. В браке состояло 213 из них, но только 13 имели русских мужей, тогда как у 180 супругом являлся осетин[1]. Заметим, что и в семьях русских мужчин (68 чел.) доля однонациональных браков была небольшой – в 50 супругой была осетинка, в 13 – русская. Дети от таких смешанных браков в своем большинстве (со значительным, если не подавляющим перевесом) пополняют титульное национальное сообщество. И с этого ракурса долгосрочные демографические перспективы русского этнокультурного присутствия в республике скорее пессимистичны.

***

Итак, мы наблюдаем заключительные стадии периода русского этнодемографического присутствия на Южном Кавказе. Угасание сохранившихся в регионе территориальных средоточий русского населения может затянуться на несколько десятилетий. Но большого значения темпы этого процесса не имеют, поскольку 110–130 тыс. чел., оставшихся от миллионного демографического множества, в общественно-политической, экономической, социокультурной жизни закавказских государств уже практически неощутимы.

Едва ли возможно представить реалистичный сценарий, способный развернуть процесс русского исхода из региона в обратном направлении. К 2030 г. в пределах бывшего советского Закавказья еще будет проживать

[1] Итоги всеобщей переписи населения Республики Южная Осетия. Цхинвал, 2016. С. 98–105.

порядка 90–100 тыс. русских. К середине века эта цифра сократится до 50–65 тыс. чел. К этому времени «русская» география региона в самом общем виде может иметь два эпицентра (по 20 тыс. чел.), разнесенных по его краям: на северо-западе – Абхазию, на востоке – столицу Азербайджана, в которых будет сосредоточено порядка ⅔–¾ всего русского населения Закавказья (рис. 4.14).

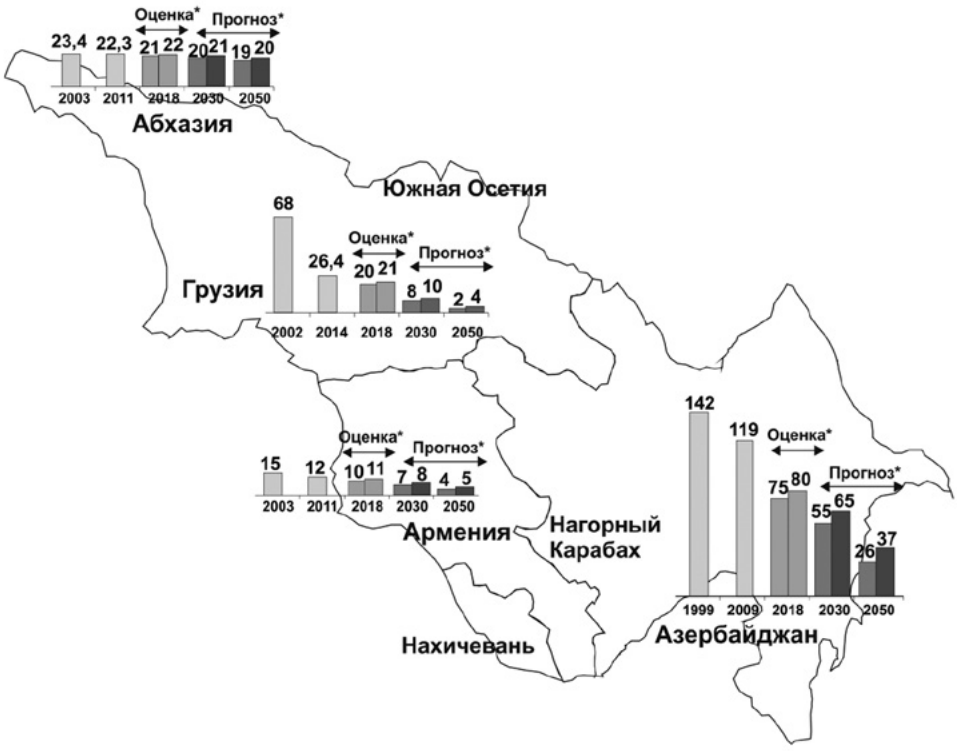

Рис. 4.14. Динамика русского населения в постсоветском Закавказье, 2000–2050 гг. (тыс. чел.)
(* – оценка и прогноз автора)[1]

[1] Прогноз численности русских для Нагорного Карабаха и Нахичевани не выполнялся по причине их практически полной дерусификации. В настоящее время число русских в каждом из данных территориальных социумов не превышает нескольких десятков человек. Русская община Южной Осетии больше (несколько сотен), но, как уже отмечалось, характеризуется серьезным половозрастным дисбалансом, способным уже в среднесрочной перспективе заметно сократить русское этническое присутствие в республике. Однако военно-стратегическая помощь со стороны России, связанная с присутствием в Южной Осетии российских военных, может позволить последней избежать сценария полной дерусификации.

ГЛАВА 5

РУССКИЕ В КАЗАХСТАНЕ

5.1

XVIII – НАЧАЛО XX в.

Территории, составляющие современный Казахстан, начали входить в Российское государство со второй половины XVI в., после покорения Астраханского ханства и выхода границ Московского царства к берегам Северного Каспия. Русские начинают селиться в низовьях Волги и вдоль русла Урала (уральские казаки).

В течение последующих столетий были постепенно присоединены территории Младшего, а затем Среднего и Старшего казахских жузов. И только к середине XIX в. Российская империя в самой значительной степени включила в себя этнический ареал казахских племен. Но обширные пустынные земли, населенные казахами, почти не привлекали русских переселенцев. Основная пространственная ось расселения русских, вытянутая от берегов Волги до Амура и Тихого океана, проходила севернее (южная ее граница располагалась на широте Оренбурга).

Впрочем, в первой половине XVIII в. эта система расселения начала смещаться к югу, включая земли вдоль среднего течения Иртыша (современный Восточный Казахстан). Однако речь в это время по-прежнему шла не столько о гражданской колонизации, сколько о стратегическом освоении территории. Вдоль казахских кочевий формируется укрепленная линия – цепочка крепостей, спустя время обраставших посадами и приобретавшими статус городов (в их числе Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Орск).

Но и в этот период, учитывая кочевой образ жизни казахов и концентрацию их стойбищ в глубинных районах степной зоны, общего русско-казахского расселенческого ареала не возникало. Редкая сеточка русских поселе-

ний дугой «оторачивала» гигантскую степь с запада на восток, от Каспия до Алтая. А в пределах данного пространства перемещались немногочленные для столь обширной территории группы казахского населения.

К концу XVIII в. на землях современного Казахстана, по расчетам В.М. Кабузана, проживало более 80 тыс. русских[1]. В середине XIX в. их стало в три раза больше. И приближалось время еще более активной колонизации. Продвижение империи в Среднюю Азию и социально-экономические реформы 1860–1870-х гг. заметно активизируют переселенческое движение в регионе (рис. 5.1).

В последней трети XIX в. русское население Казахстана в среднем за год вырастает примерно на 10 тыс. чел. Некоторая часть русских колонистов движется через казахские земли транзитом, во вновь приобретенные среднеазиатские владения России. Но большинство оседает в пределах уже существующей русской системы расселения (север и восток современного Казахстана). В общей сложности на данных территориях к началу XX в. проживало уже более 0,5 млн русских, и в некоторых округах их удельный вес достигал 30–50 % (Уральский, Петропавловский, Кокчетавский).

> *Только за 1906–1912 гг. в Акмолинскую, Тургайскую, Уральскую и Семипалатинскую области переселилось свыше 438 тыс. крестьянских семей. Более половины прибывших было занято в сельском хозяйстве, примерно четверть – в административных, судебных и военно-полицейских структурах, каждый десятый — в промышленности[2].*

В период 1897–1917 гг. среднегодовой прирост русского населения Казахстана составляет около 40 тыс. чел. Еще более интенсивным он был в годы столыпинских реформ, нацеленных на расширение переселенческого потока. Накануне революции в регионе насчитывалось уже почти 1,3 млн русских. Активными участниками колонизационного процесса становятся и украинцы, в 9 раз увеличившие свою численность на данных территориях в последнее имперское 20-летие. К 1917 г. их около 750 тыс. чел. (в 1897 г. было только 84 тыс. чел.) (рис. 5.2).

---

[1] Данным исследователем приведены разные оценки количественной динамики русских Казахстана в конце XVIII – первой половине XIX в. В таблице 1 (*Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 279) русское население для 1795 г. определяется в 84 тыс. чел., для 1858 г. – в 237 тыс. чел., а в таблице 11 (Там же. С. 298) численность русских в 1834 г. оценивается всего в 39 тыс. чел., в 1858 – в 122 тыс. чел. Несомненно только то, что этот медленный рост с течением времени ускорялся.

[2] Среднеазиатские владения Российской империи (Глущенко А.Е. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010).

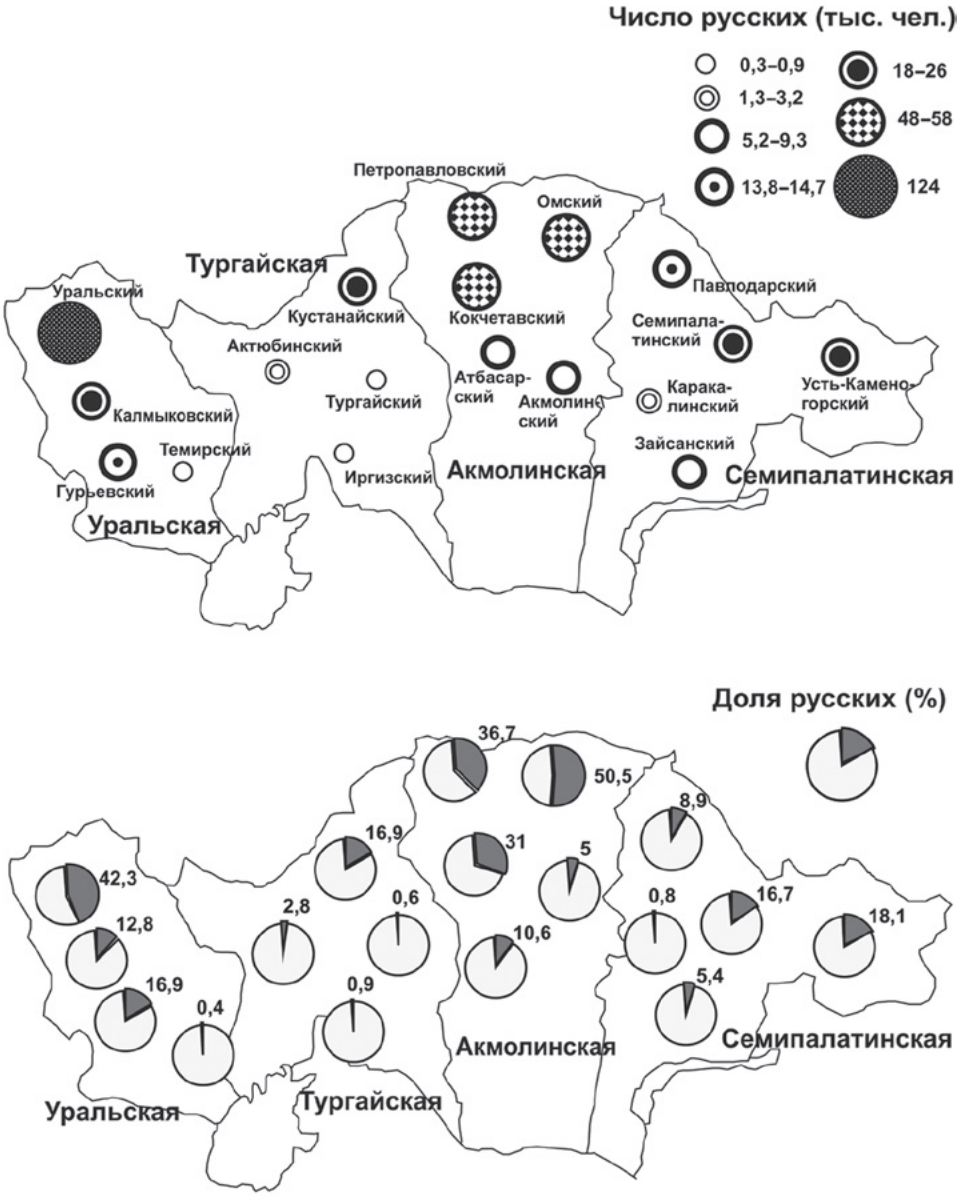

Рис. 5.1. Русское население четырех северных областей Туркестана, 1897 г.[1]

[1] Территория современного Казахстана, помимо территорий данных четырех областей Туркестана, включала также северные и центральные районы Семиреченской области, большую часть Сыр-Дарьинской, запад и центр Закаспийской области данного национального макрорегиона. При этом имелись и определенные несовпадения границ с губерниями, в дальнейшем вошедшими в состав РСФСР и Российской Федерации.

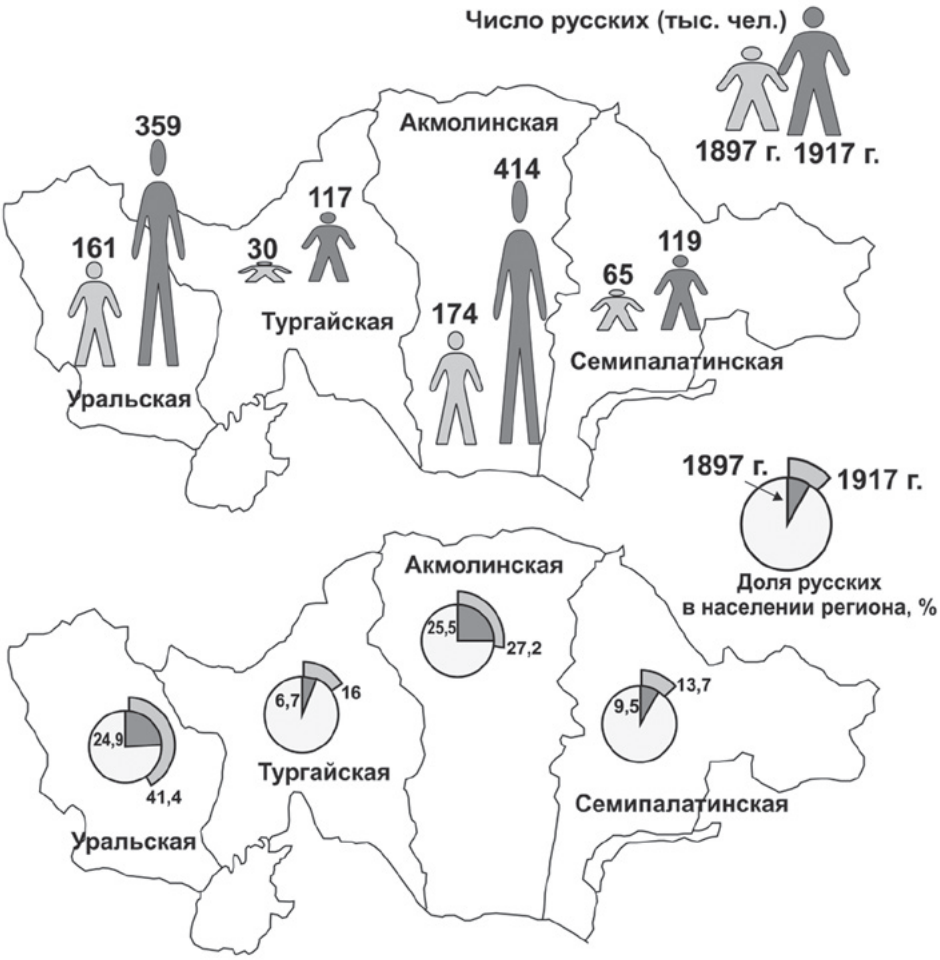

Рис. 5.2. Русское население четырех северных областей Туркестана, 1897–1917 гг.

Таким образом, к концу имперского периода русское (и шире – восточнославянское) присутствие в Казахстане становится уже более чем весомым. По сути, именно приток новых переселенцев из русских и украинских губерний обеспечивал быстрый рост населения всего региона. И если в 1897 г. русские и украинцы составляли в сумме 14,6 % всего населения в пределах будущего Казахстана, то в 1917 г. – уже почти треть.

5.2
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Этот восточнославянский демографический бум был оборван Гражданской войной. Выросшее за 1897–1917 гг. на 60 % население Казахстана сократилось на 3 % в первое послереволюционное десятилетие. Перепись 1926 г. зафиксировала некоторое снижение численности всех крупных национальных сообществ региона, кроме украинцев.

Основная часть русского (и русскоязычного) населения в этот период всё еще была сосредоточена в северных и восточных районах Казахстана, а казахи по-прежнему концентрировались во внутренних и южных областях. Впрочем, отчетливо обнаруживался и процесс пространственного сближения системы расселения двух народов, их постепенной встречной территориальной диффузии. Русские преимущественно через растущую вширь городскую сеть перемещаются внутрь региона, спускаются к югу, а казахи продвигаются на север и восток. Формируется обширный пространственный этнокультурный ареал совместного русско-казахского расселения.

Как мы знаем, для большинства территорий СССР политическая стабилизация и устойчивый социально-экономический рост 1920-х дополнялся быстрым демографическим подъемом, обеспечившим заметный рост населения за весь межпереписной период (1926–1937 гг.). Казахстан был среди исключений. Естественный прирост населения второй половины 1920-х гг. сменился демографическим обвалом, значительно более глубоким, чем во всех других макрорегионах СССР, за исключением Украины и Северного Кавказа. «Голощекинский голод» (первая половина 1930-х гг.), вызванный коллективизацией и засухой, унес жизни около 1,5 млн чел. Максимальные потери понесли казахи, более миллиона которых, спасаясь от голода, перебралась в Китай и соседние среднеазиатские республики. Перепись 1937 г. обнаружила в Казахстане только 5,13 млн жителей (на 17 % меньше, чем в 1926 г.).

Однако уже через два года, по переписи 1939 г., население Казахстана снова превысило 6 млн. Даже с учетом значительного миграционного притока и повышенного естественного прироста, результат удивительный. Но очевидные приписки едва ли сильно деформировали сложившуюся к этому времени этнодемографическую структуру населения республики, в которой русские занимали уже ведущую позицию. За 1926–1939 гг. их численность выросла в Казахстане почти вдвое (с 1,27 млн до 2,45 млн чел.) (табл. 5.1).

Даже в южных областях республики (Чимкентской, Кзыл-Ординской, Джамбульской), где русских в середине 1920-х гг. было только 6–10 %, к концу 1930-х их удельный вес поднялся до 23–30 % (рис. 5.3).

Таблица 5.1. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Казахстана, 1926–1989 гг. (тыс. чел., %)

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
1926	1280	283,8	996,2	22,2	19,7	52,6	16,7	92,3	89,3	93,2
1939	2458,7	987,2	1471,5	40,2	40,0	57,7	33,1	110	98,7	118,5
1959	3974,2	2343,3	1630,9	59,0	42,7	57,6	31,1	86,2	83,5	90,3
1970	5499,8	3808,3	1691,2	69,2	42,8	58,6	26,6	88,5	87,6	90,4
1979	5991,2	4426,5	1564,7	73,9	40,8	56,3	22,9	88,1	86,1	93,8
1989	6227,5	4823,2	1404,3	77,5	37,8	51,3	19,9	88,9	87,3	94,5

В пределах отдельных территорий произошла кардинальная трансформация национальной структуры населения. Наглядная иллюстрация – Карагандинская область, в которой численность русских за период 1926–1939 гг. выросла в 17 раз (а удельный вес соответственно поднялся с 2,6 % до 46,3 %) (рис. 5.4[1], 5.5[2]). То есть из достаточно небольшой этнической группы за межпереписной период русские превратились в ведущее национальное сообщество области. Определяющую роль в этом сыграл стремительный рост Караганды – мощного промышленного центра, строительство которого притянуло десятки тысяч мигрантов из разных регионов России. В сельских районах Карагандинской области казахи продолжали численно доминировать, хотя часть приезжего русского и русскоязычного населения оседала уже и за пределами городов.

[1] Составлено по: *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 299.

[2] Там же.

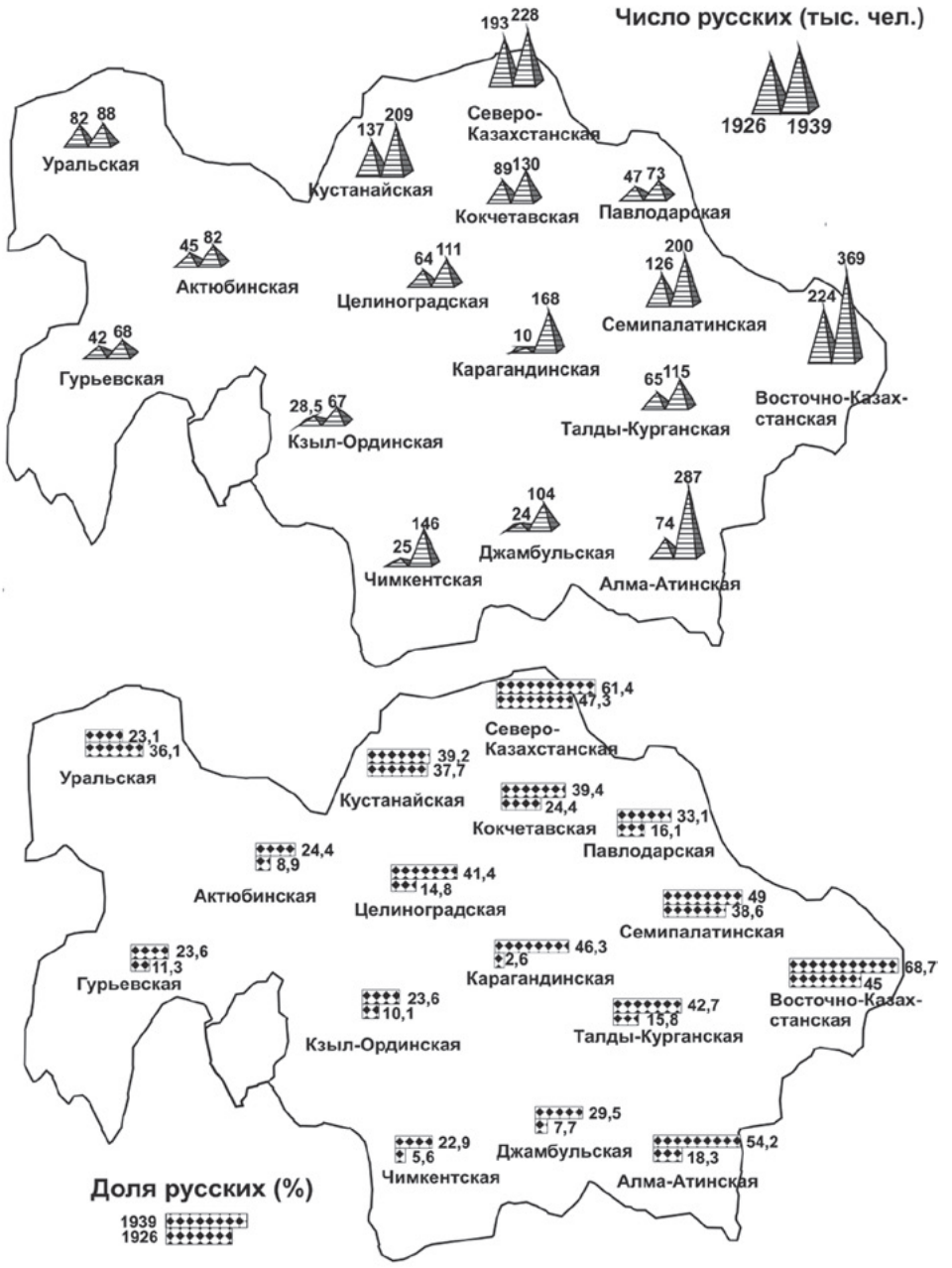

Рис. 5.3. Динамика русского населения Казахстана, 1926–1939 гг.[1]

[1] *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 299.

Рис. 5.4. Доля русского населения в областях Казахстана, 1926–1989 гг. (%)

Рис. 5.5. Число русских по областям Казахстана, 1926–1989 гг. (тыс. чел.)

Именно ускоряющие друг друга процессы индустриализации и урбанизации первых советских пятилеток, связанные с притоком трудовых мигрантов из других регионов СССР, являлись основными факторами быстрого роста русского населения республики. Организационный набор в промышленность увеличил численность рабочих республики в 1930-е гг. на 0,5 млн чел. Часть данного оргнабора составили сельские жители самого Казахстана. Но и трудовые мигранты из других регионов СССР представляли существенную долю этого множества. В эти же годы из различных районов страны в республику было выслано около 180 тыс. чел. «раскулаченных»[1].

Ощутимый вклад в демографическое пополнение русского населения Казахстана в данный период вносила уже и ассимиляция местных русскоязычных общин, прежде всего мощной украинской диаспоры.

> *Рост ее, столь быстрый в конце имперского периода, не остановился даже в первое послереволюционное десятилетие. Демографические потери военных лет были полностью компенсированы уже в начале 1920-х гг. Если численность русских и казахов в Казахстане за 1917–1926 гг. несколько сократилась, то украинцев стало больше почти на 15 % – община выросла с 750 тыс. до 860 тыс. чел. Естественный прирост и миграция увеличивала их численность и в последующие годы. Демографический провал первой половины 1930-х гг. отразился на украинцах в той же степени, что и на русских республики, поскольку они формировали практически общую систему расселения. Но русских в Казахстане за 1926–1939 гг. стало больше на 95 %, а число украинцев сократилось почти на четверть (с 860 тыс. до 660 тыс. чел.). Таким образом, масштабы обрусения в 1930-х гг. могли составить порядка 250–300 тыс. чел.*

Итак, все три фактора демографической динамики работали на быстрый рост русского населения республики. В национальной структуре Казахстана доля русских к концу 1930-х гг. превысила 40 %. Между тем удельный вес казахов за 1926–1939 гг. упал почти с 58,5 % до 37,9 %. Титульная национальность оказалась в численном меньшинстве. Особенно очевидным был количественный и удельный перевес русских в городах (почти 58 % горожан республики). Но и в сельской местности треть ее жителей – русские.

[1] *Савин И.С.* Русские в Казахстане: «кто мы сейчас» // Русские: этносоциологические исследования. М., 2011. С. 160.

Военные годы обернулись для Казахстана еще бóльшим смешением народов. Мощные потоки эвакуированного населения, следующие на восток, оседали в том числе и в пределах республики (за годы войны Казахстан принял около 1,5 млн эвакуированных и переселенных). Но ее территория стала и местом размещения множества репрессированных этнических групп. Перед войной в республику было выслано порядка 120 тыс. поляков из Западной Украины, Белоруссии и Литвы. В 1941 г. сюда же были перемещены многие сотни тысяч немцев Поволжья, а в конце войны – народы Северного Кавказа.

Если эвакуированное население в своей основной массе спустя 2–3 года покинуло Казахстан, то ссыльные получили такую возможность только во второй половине 1950-х. Часть поселенцев к этому времени обустроилась в Казахстане и уже не захотела его покидать. Тем более что новые промышленные стройки, быстрый рост городов и освоение целины открывали широкое поле для трудовой деятельности. Но масштабные проекты требовали всё новых работников. Нескольких миллионов жителей для республики площадью в 2,5 млн км^2 было явно недостаточно. И в 1950–1960-е гг. в Казахстан из других регионов СССР (прежде всего из России, Украины и Белоруссии) перебирается еще порядка 1 млн чел. Наиболее интенсивным этот миграционный поток был в середине 1950-х гг. – только за три года (в 1954–1956 гг.) в республику прибыло около 650 тыс. чел. Во второй половине данного десятилетия население Казахстана выросло на четверть, а в северных «целинных» областях – на 40–50 %[1].

Как результат, перепись 1959 г. фиксирует исторический «удельный» максимум присутствия русских в республике, а с другой стороны – долевой минимум казахского населения. На рубеже 1960-х гг. 42,7 % жителей республики – русские (с учетом русскоязычных диаспор – 60 %), против 30 % представителей титульной национальности.

Количественный рост русского населения продолжается и в дальнейшем. В 1960-е гг. он все еще очень значительный – численность русских в республике увеличивается на 39 %. Впрочем, основной вклад в этот рост дала первая половина десятилетия. Чистый приток мигрантов в Казахстан из других республик СССР в 1961–1965 гг. составил 407 тыс. чел. (большинство приехавших были русскими). В 1966–1970 гг. положительное сальдо миграции сократилось до 24 тыс. чел.[2] Русская община республики росла теперь только за счет собственной естественной динамики и ассимиляции русскоязычных общин Казахстана.

[1] *Савин И.С.* Русские в Казахстане ... С. 161.

[2] *Переведенцев В.И.* Рынок труда и миграция населения // Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 47.

Период восходящей демографической динамики очевидным образом шел к концу. Но и в 1970-е гг. численность русских увеличивалась. По итогам десятилетия рост составил 8,5 %. Это было чуть выше показателя естественного прироста русского населения всего Советского Союза. Но с учетом более молодой возрастной структуры русских Казахстана и повышенной репродуктивной активности весь этот прирост мог быть обеспечен естественной динамикой. В действительности естественный прирост русских был еще выше, но часть его уже «съедалась» миграцией.

В 1970-е гг. республику покинуло порядка 350 тыс. чел. (отрицательное миграционное сальдо). Не менее половины этого числа должны были составлять русские. Впервые с начала советского периода в Казахстане сокращается и удельный вес русского населения (с 42,8 % до 40,8 %). Особенно заметной смена этнодемографического тренда была в сельской местности, терявшей население в результате активной урбанизации. За период 1970–1979 гг. численность русских поселян Казахстана упала на 127 тыс. чел. (с учетом естественного прироста реальные демографические потери составляли 240–250 тыс. чел. – около ⅙ общей их численности).

Сократился удельный вес и русских горожан. Несмотря на все еще быстрый количественный рост (в 1970-е гг. их стало больше почти на 620 тыс. чел.) доля русских в городском населении республики потеряла 2,3 %. Освоение городской системы сельским титульным населением оказалось еще более интенсивным.

Последнее советское десятилетие представило все эти геодемографические тенденции еще более отчетливо. Число русских в республике за 1979–1989 гг. согласно результатам последней советской переписи выросло только на 3,9 % (236 тыс. чел.). По пересчитанным в 1990-е гг. данным казахстанских специалистов этот прирост был еще меньше – всего 68 тыс. чел. Но и тот и другой показатель – свидетельство устойчивого миграционного оттока, масштабы которого оказались весьма значительными. Отрицательное сальдо миграции за 1979–1988 гг. составило 784 тыс. чел. (максимальный показатель среди всех союзных республик СССР)[1]. Конечно, из Казахстана уезжали представители разных национальностей. Значительную часть мигрантов составляли сами казахи, выезжавшие в другие регионы СССР на работу и учебу. Но ощутимые потери несла и русская община республики, особенно в годы перестройки, связанные с быстрым подъемом этнонационализма, проявившего себя почти во всех союзных республиках. Не стал исключением и Казахстан.

[1] *Переведенцев В.И.* Рынок труда ... С. 47.

Уже 1986 год ознаменовался всплеском националистических выступлений в Алма-Ате, вызанных назначением нового секретаря республики. В первую очередь начинает терять русское население Южный Казахстан. Отток из Чимкентской области в 1980-е гг. составляет порядка 25–30 тыс. чел., из Джамбульской – 20–22 тыс. чел. Это существенно больше, чем естественный прирост местного русского населения, которое начинает сокращаться не только удельно, но и количественно. Но в большинстве других областей Казахстана отток всё еще мал и русское население продолжает идти в рост.

Этот рост, как и в 1970-е гг., приходится на городскую систему республики, привлекавшую не только внешних, но и внутренних мигрантов. Процесс урбанизации русских поселян Казахстана становится еще активнее – за последнее советское десятилетие их становится меньше на 160 тыс. чел. (сокращение с 1,56 млн до 1,4 млн чел.)[1]. А число горожан, прибавив 400 тыс., превышает 4,8 млн чел.

В целом по республике перепись 1989 г. фиксирует абсолютный максимум этнического присутствия русских – более 6,2 млн чел., почти 38 % жителей Казахстана, но второе десятилетие подряд удельный вес русских терял 2 %. И они впервые после переписи 1926 г. уступают по общей численности титульным казахам. Однако русские повсеместны (больше всего их по-прежнему на севере и востоке республики); составляют значительную часть кадрового состава промышленности и основных сфер социальной жизнедеятельности республики. Несмотря на опережающие темпы казахской урбанизации, русские всё еще количественно доминируют в городах, на них приходится более половины всех горожан Казахстана. Вместе с другими крупными общинами они формируют мощную русскоязычную городскую среду (за исключением городских центров Южного Казахстана). А в северных областях, прилегающих к России, русская поселенческая сеть широко включает сельские территории, на которых русские составляют 30–40 % местных жителей (в регионах Восточного Казахстана 20–27 %).

Всё указывало на устойчивость республиканского русского массива, что подтверждалось и массовыми социологическими опросами, получившими популярность в это время. Например, исследование русского населения Казахстана, проведенного ВЦИОМ осенью 1991 г., зафиксировало достаточно низкий уровень миграционных настроений, в сравнении с русскими в республиках Средней Азии, Закавказья и Молдавии. Только 11 % казахстанских русских изъявили желание уехать (меньше оказалось только на Украине и в Прибалтике).

[1] А с учетом естественного прироста демографические потери составили не меньше 260–280 тыс. чел.

5.3
ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Партийное руководство Казахской ССР во главе с Н. Назарбаевым оставалось сторонником идеи сохранения Советского Союза до самого его распада. Весьма ограниченной была степень этнонационализма казахской политической элиты страны и в первые годы независимого Казахстана.

Однако наличие существенных этнодемографических различий между различными регионами страны, и прежде всего существование мощного русского пояса на севере и востоке Казахстана, очевидно, не могло не беспокоить его руководство, в условиях социально-экономического кризиса первой половины 1990-х гг. опасавшегося сепаратизма своих «русских» регионов. Действительно, в Северо-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областях доля русских в составе населения составляла 62–66 %, в Карагандинской – более 50 %, еще в трех областях республики – 44–46 %.

С учетом крупных русскоязычных диаспор доля населения, очевидным образом тяготевшего к России, на севере и востоке страны достигала порядка 70–80 %. Сохранить эти территории в составе страны представлялось непростой задачей, даже на фоне низкой самоорганизации русских общин. Следует учесть и то, что Казахстан был единственной союзной республикой, в которой титульная национальность и русское население на рубеже 1990-х гг. имели сопоставимую численность. Таким образом, новое государство в этническом разрезе по сути было двусоставным. Раскол между русскими и казахами был чреват не только отделением части территории, но был неприемлем для социально-экономического выживания нового государства, обладавшего при огромной площади очень ограниченным демографическим потенциалом. Русские, составлявшие значительную часть профессиональных кадров промышленности, всех основных сегментов ее социальной инфраструктуры – от ЖКХ до науки и образования, – были необходимы Казахстану.

Эти обстоятельства в полной мере учитывались руководством страны при выборе нового политического курса – отчетливо союзнического и партнерского по отношению к России. Русский язык, хотя и не получил статус государственного или официального, но продолжал широко использоваться в делопроизводстве, оставаясь наряду с казахским «рабочим» языком в деятельности государственных организаций (от местного, регионального до национального уровня).

Вместе с тем руководство страны предприняло ряд серьезных административно-территориальных действий, призванных существенно осложнить

развитие потенциального сепаратизма русского населения. Была проведена серьезнуя административно-территориальная реформа, изменившая контуры многих областей таким образом, что удельный перевес русских над титульным населением в них стал менее ощутимым. Еще большее значение имел перенос официальной столицы государства из южной Алма-Аты на север Казахстана – в Целиноград, получивший новое название – Астана (в настоящее время – Нур-султан).

Таким способом решалось сразу несколько задач: демонстрируя очевидную ориентацию на укрепление связей с Россией (до границы с которой от Астаны менее 100 км), руководство Казахстана одновременно маркировало северные «русскоцентричные» области страны как неотъемлемую территорию своего государства. И к тому же возникал плацдарм для ускоренного освоения титульной нацией северного макрорегиона, в котором дефицит казахов был особенно ощутим. Было очевидным, что население новой столицы и ее окрестностей стремительно пойдет в рост, и в первую очередь за счет притока казахов. Следующие десятилетия полностью подтвердили данный расчет. За четверть века Астана стала вторым «миллионником» страны и крупнейшим средоточием титульного населения в пределах северо-восточного русского пояса страны.

Итак, современный Казахстан, расположенный между двумя великими державами – Китаем и Россией, – оказался развернут к каждой из них одной из двух своих столиц, демонстрируя свою расположенность ко взаимодействию и маркируя прочность существующих государственных границ.

1990-е гг.

Комплекс этнодемографических и миграционных процессов, развернувшихся в Казахстане в конце XX в., окончательно сломал двухвековой восходящий демографический тренд русского присутствия, позволив за 15–20 лет практически полностью снять проблему потенциального русского ирредентизма.

Только по официальным данным, чистый отток русских из республики в первый год государственной независимости Казахстана (1992 г.) превысил 80 тыс. чел. В следующие несколько лет эмиграция оказалась еще выше, достигнув максимума в 1994 г. (более 234 тыс. чел.). В общей сложности за период 1992–1999 гг. отток русских, по данным государственной статистики, превысил миллион человек (рис. 5.6). В действительности он был еще выше.

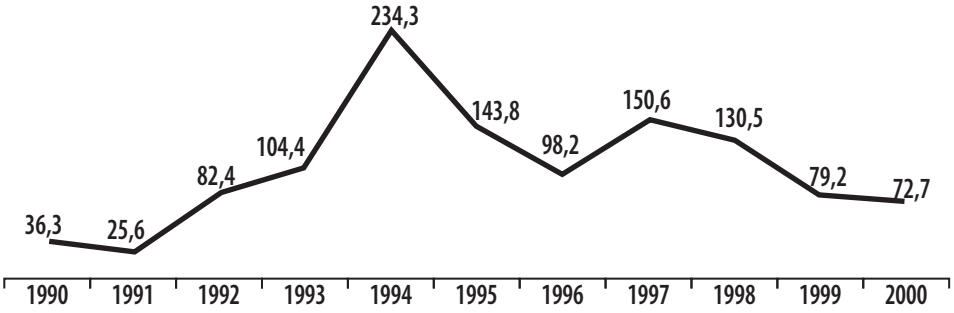

Рис. 5.6. Чистый миграционный отток русских из Казахстана в РФ, 1990–2000 гг. (тыс. чел.)[1]

Перепись 1999 г. обнаружила в стране 4,48 млн русских – на 1,5–1,65 млн меньше, чем в 1989 г. Естественная убыль, возникшая в первой половине 1990-х гг., в середине данного десятилетия составляла 3,5‰, во второй половине выросла до 5–6 ‰. Таким образом, за 1990–1999 гг. ее совокупный размер не мог превысить 150–200 тыс. чел.

Минимальными были и ассимиляционные потери, связанные с этнической «титулизацией» большей части смешанного потомства русско-казахских семей, поскольку размер такого биэтнического множества (в отличие, например, от Украины или Беларуси) был в Казахстане достаточно ограничен. Этногенетическая, социокультурная и языковая дистанция были слишком велики, чтобы русские массово «переходили» в казахи. К тому же параллельно продолжался процесс обрусения ряда крупных русскоязычных общин Казахстана. И в сумме русский массив страны должен был демографически даже выигрывать в результате ассимиляционных процессов (детальней данный аспект будет рассмотрен ниже).

Таким образом, на сокращение русского этнического присутствия в Казахстане работала только естественная убыль, за вычетом которой потери русских в 1990-е г. могли составить порядка 1,4–1,45 млн чел., что и являлось реальной величиной их миграции из страны.

Сокращение русского населения страны было повсеместным. Но территориальная повсеместность оттока не исключала его региональных особенностей. Вполне закономерно, что быстрее таяли русские общины Южного и Западного Казахстана. На севере и востоке вековая укорененность русского населения, как и значительная его концентрация, тормозили миграцию. Хотя в абсолютных размерах потери русского массива были максимальными именно здесь (рис. 5.7).

[1] Составлено по: *Карачурина Л.Б.* Постоянная миграция между Россией и странами СНГ и Балтии. 2012. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit05.php (дата обращения: 24.06.2019).

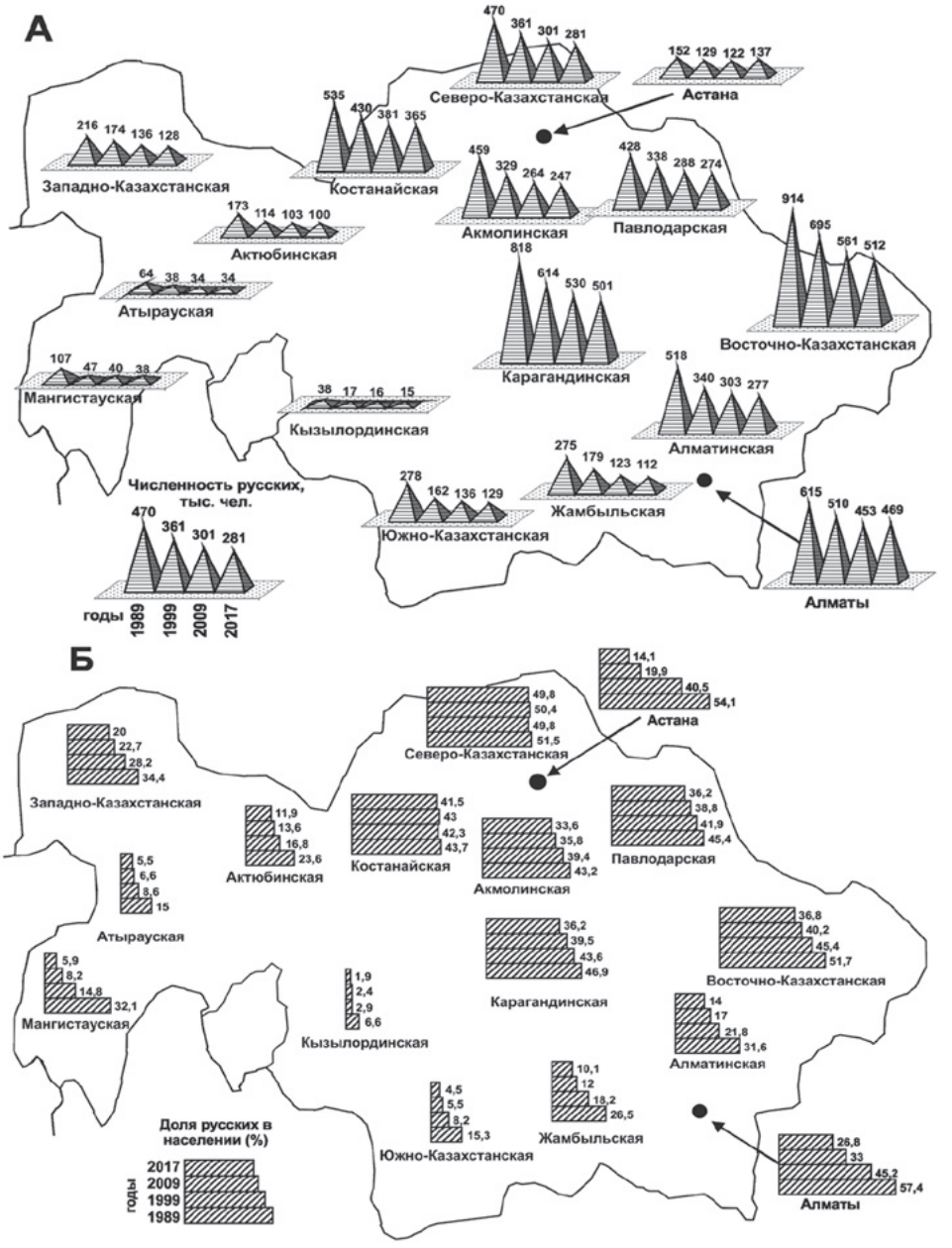

Рис. 5.7. Динамика русского населения Казахстана, 1989–2017 гг.[1]: А – численность (тыс. чел.); Б – доля в населении (%)

[1] Рисунки 5.6.–5.10 составлены по данным переписей Казахстана 1999 и 2009 гг. и текущей демографической статистики (архив бюллетеней 2000–2016 гг.). URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/perepis?; http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afrLoop

В целом депопуляция русских составляла в пределах 22–25 % на севере, востоке и в центре страны и 30–33,5 % на «казахоцентричных» юге и западе. Еще более высокие скорости дерусификации обнаруживались в ряде южных и западных областей (Атырауская, Кызылординская, Южно-Казахстанская, Мангистауская в 1990-е гг. потеряли 40–55 % своих русских жителей). При этом в равной степени убывали горожане и сельские жители (сокращение в масштабах всего Казахстана составило соответственно 25,8 % и 27,2 %).

Начало XXI в.

2000-е гг.

Сформированные в первое постсоветское десятилетие тренды демографической динамики русского населения Казахстана перешли в 2000-е гг. Естественные потери дополнялись миграционной убылью, и количественное сокращение русских оставалось почти повсеместным. Но социально-экономическая стабилизация страны и рост уровня жизни населения сказались на масштабах миграции: в начале XXI в. они упали до 22–26 тыс. чел. в год (рис. 5.8).

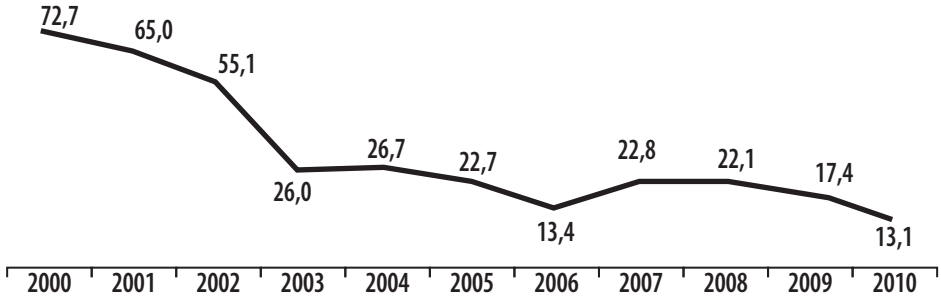

Рис. 5.8. Чистый миграционный отток русских из Казахстана, 2000–2010 гг. (тыс. чел.)

Работало на сокращение оттока и то, что основная масса русских, однозначно настроенных на отъезд, к этому времени уже покинула страну. Остались те, кто так или иначе сумел адаптировался к реалиям постсоветского Казахстана, приспособился к известным статусным потерям и очевидному доминированию титульной нации во всех престижных социальных иерархиях.

Впрочем, сократившись в разы, эмиграция русских из республики сохранялась на всем протяжении «нулевых». По переписи 2009 г. русское население Казахстана составило 3,79 млн чел. – на 690 тыс. меньше, чем в конце 1990-х гг. Согласно официальной статистике, чистый отток русских

из Казахстана за этот период составил более 343 тыс. чел. Но, как и ранее, реальная величина его очевидно была больше. Естественная убыль русского населения в начале 2000-х гг. находилась на уровне 5,8–6,1 ‰, к середине десятилетия опустилась до 5 ‰, а в 2010 г. составила только 2 ‰. И общие естественные потери в этом десятилетии не могли превышать 200 тыс. чел.

Положительной для русских оставалась и общая результирующая ассимиляционных процессов. Процесс обрусения, начавший проявлять себя в Казахстане еще в 1960–1970-е гг., заметно ускорился в постсоветский период, когда переход в «русские», казалось бы, потерял всякий практический смысл и куда предпочтительней стала казахская идентичность. В основе данного, на первый взгляд, парадоксального тренда несколько простых причин.

Распад СССР резко активизировал миграцию из Казахстана национально ориентированных представителей русскоязычных диаспор. К концу 1990-х гг. в Казахстане остались наиболее русифицированные части данных общин, при этом значительно сжатые в размерах. Для составляющего их в своей массе русскоязычного и «русскокультурного» населения поиск брачных партнеров собственной национальности становился, с одной стороны, делом всё более сложным, а с другой – всё менее важным. Наиболее распространенным (при этом вполне психологически и социокультурно приемлемым) вариантом оказывался выбор русского супруга. Как результат, доля мононациональных браков у представителей данных общин (за исключением татар и корейцев) оказалась в несколько раз меньше удельного веса семей с русским супругом (табл. 5.2).

Таблица 5.2. Мононациональные семьи и семьи с титульными и русскими супругами у представителей ряда русскоязычных общин Казахстана, 2009 г. (тыс., %)[1]

Национальности	Количество браков, тыс.			Доля браков, %*		
	однонациональные	с русскими	с казахами	однонациональные	с русскими	с казахами
Украинцы	28,2	111,3	6,3	19,3	76,3	4,32
Немцы	9,2	55,8	4,6	13,2	80,2	6,6
Татары	22,8	33,0	20,4	29,9	43,3	26,8
Белорусы	2,9	22,3	1,4	10,9	83,8	5,3

Примечание:

* – за 100 % принята сумма первых трех столбцов.

В 2000-е гг. процессы ассимиляции ускорились еще сильнее. Количество однонациональных семей у всех без исключения русскоязычных общин Казахстана заметно сократилось. И они демонстри-

[1] Таблицы 5.3–5.8 рассчитаны по данным переписей Казахстана 1999 и 2009 гг. и текущей демографической статистики (архив бюллетеней 2009–2017 гг.). URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/perepis?; http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afrLoop (дата обращения: 07.01.2018).

ровали максимальные темпы демографической убыли, сжимаясь не только в результате миграции и естественных потерь, но и вследствие ускорившегося обрусения. Если за 1989–2009 гг. русское население Казахстана потеряло менее 38 % своей численности, то четыре крупнейших русскоязычных диаспоры страны в сумме сократились в три раза (табл. 5.3). Причем если в 1990-е гг. значительная часть потерь приходилась на миграцию, то в 2000-е гг. ощутимо выросла ассимиляционная убыль.

Таблица 5.3. Динамика крупнейших русскоязычных общин Казахстана (тыс. чел.)

Народы	Численность, тыс. чел.			Динамика, %		
	годы			годы		
	1989	1999	2009	1999 к 1989	2009 к 1999	2009 к 1989
Украинцы	896,2	547,1	333,2	61	60,9	37,2
Татары	328,0	249,0	203,3	75,9	81,6	62
Немцы	946,9	353,4	178,2	37,3	50,4	18,8
Белорусы	177,9	111,9	66,5	62,9	59,4	37,4
Всего:	2349	1261,4	781,2	53,7	61,9	33,3

Если исходить из официальных данных по миграции и естественной динамике представителей данных четырех общин Казахстана, совокупные масштабы их ассимиляции в 1999–2008 гг. должны были составлять порядка 182–185 тыс. чел. (табл. 5.4).

Таблица 5.4. Структура демографической убыли ряда русскоязычных общин Казахстана, 1999–2009 гг.

Общины	Убыль	Количественные потери, тыс. чел.			Доля в общей убыли, %		
		миграция	естест. убыль	ассимиляция	миграция	естест. убыль	ассимиляция
Украинцы	213,9	60	55–57	97–99	28	25,7–26,6	45,3–46,3
Татары	45,7	12,9	9–9,5	23,5–24	28	19,7–20,8	51,4–52,5
Немцы	175,2	149,0	(+)12,5–13*	38,7–39,2	79,3	–	20,7
Белорусы	45,4	12,7	9,5–10	22,7–23,2	28	20,9–22	50–51,1
Всего	480,2	234,6	61–63,5	181,9–185,4	48,9	12,7–13,2	37,9–38,6

Примечание: * – у немцев в данный период фиксировался естественный прирост.

В действительности же реальные размеры оттока были заметно выше (по аналогии с русской миграцией, теневая компонента могла дополнительно составлять 30–40 %). Кроме того, что ассимиляция включала не только процесс обрусения, но титулизацию и другие идентификационные переходы (хотя в сумме их количественный масштаб, очевидно, был многократно меньше).

А для расчета ассимиляционного пополнения русских Казахстана следует учесть то, что часть данного демографического «довеска» шла на компенсацию потерь, понесенных в аналогичном взаимообмене с титульным народом страны[1]. Таким образом, едва ли положительная результирующая ассимиляции для русской общины в первом десятилетии XXI в. превышала 90–100 тыс. чел. Реальный размер русской миграции из Казахстана в первом десятилетии XXI в. составил порядка 600 тыс. чел.

Макрорегиональные показатели демографической убыли русского населения в 2000-е гг. сблизились. При этом максимальные темпы демонстрировал уже восток страны, потерявший в 1999–2008 гг. 19,2 % своих русских жителей (табл. 5.5). Обнаруживался этот процесс и на областном уровне. Большинство территорий, наиболее интенсивно терявших русских в первое постсоветское десятилетие, теперь характеризовалось меньшими масштабами их убыли[2]. Как результат, межобластная амплитуда данного показателя заметно сократилась (с 2,6-кратной в 1989–1999 гг. до 2,1-кратной в 1999–2009 гг.).

Таблица 5.5. Прирост/убыль русского населения по макрорегионам Казахстана, 1959–2016 гг. (%)

Территории	1959–1970	1970–1979	1979–1989	1989–1999	1999–2009	2009–2016
Запад	48,2	13,6	3,02	–33,4	–16,3	–3,4
Восток	16,6	1,97	1,71	–24	–19,2	–7,7
Центр	63,4	8,95	–4,8	–24,9	–13,7	–4,5
Север	39,2	9,65	7,79	–22,3	–14,7	–3,3
Юг	40,5	9,26	–3,9	–29,9	–14,7	–2,3
Весь Казахстан	38,9	8,55	1,13	–26,1	–15,4	–3,9

Существенной спецификой в 2000-е гг. отличалась демографическая динамика русских Казахстана в расселенческом аспекте. Практически вся их убыль пришлась на горожан, численность которых сократилас на 680 тыс. чел. (19,8 %). При этом русское сельское население потеряло только 8,7 тыс. чел. (0,8 %). Более того, в половине областей Казахстана (причем расположенных в разных макрорегионах страны) оно количественно даже возросло (рис. 5.9), что говорит о серьезных внутренних (внутриобластных и межрегиональных) миграционных перетоках русского населения. Как результат, уровень урбанизации русских Казахстана снизился за межпереписной период на 4 % (с 76,9 % до 72,9 %)[3].

[1] *Gorenburg D.* Rethinking Interethnic Marriage in the Soviet Union // Post-Soviet Affairs. 2006. 22, 2. P. 153.

[2] Исключение – южная Жамбыльская область, второе десятилетие подряд остававшаяся среди лидеров депопуляции русских.

[3] Максимальным его падение оказалось в Алматинской, Кызылординской и Костанайской областях (на 11–14 %); на 8–9 % уровень урбанизации русских снизился в Восточно-Казахстанской, Жамбыльской; на 6,5 % – в Атырауской областях.

Рис. 5.9. Динамика русского населения Казахстана по формам расселения (город/село), 1989–2009 гг.: А – численность (тыс. чел.); Б – доля в населении (%)

2010-е гг.

Существенно сократившись в первой половине 2000-х гг., масштабы оттока русских в дальнейшем стабилизировались на уровне 17–18 тыс. чел., а в последние годы снова стали расти. В 2016–2017 гг. русская община в результате миграции ежегодно теряла 23,5–24 тыс. чел., в 2018 г. – более 27 тыс. чел. (рис. 5.10). В целом за период 2009–2018 гг. Казахстан, по официальным данным, покинуло (отрицательное сальдо) более 190 тыс. русских. При этом их естественная убыль сократилась к 2014 г. до минимума (рис. 5.11), составив в общей сложности за 2009–2017 гг. 43 тыс. чел.

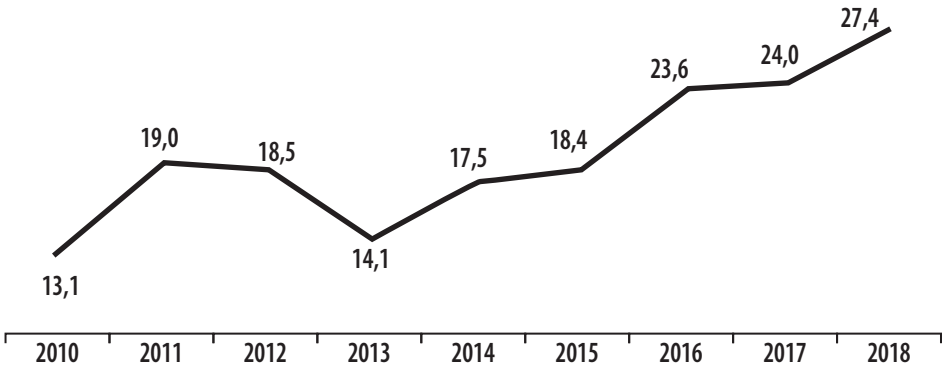

Рис. 5.10. Чистый миграционный отток русских из Казахстана, 2010–2018 гг. (тыс. чел.)

Рис. 5.11. Естественная динамика русского населения Казахстана, 1990–2017 гг. (‰)

По данным текущей статистики, русских в Казахстане в начале 2018 г. оставалось 3588 тыс. чел. Таким образом, среднегодовые масштабы их убыли в 2010-е гг. составляют примерно 23,2 тыс. чел. – почти в три раза меньше, чем в нулевые.

Но, как свидетельствуют данные последних переписей, показатели текущего статистического учета для русских оказываются серьезно завышенными вследствие недоучета миграционного оттока (в 2000-е гг. его реальные масштабы превышали официальные цифры примерно на 40 %). И демографические потери русских Казахстана за 2009–2017 гг. могли составить не 209 тыс., а порядка 250–290 тыс. чел.

Конечно, часть данных потерь была компенсирована обрусением представителей украинской, белорусской и ряда других общин. Но общая результирующая депопуляции русского населения страны в 2010-е гг. всё равно получится больше цифр текущего учета. И едва ли перепись 2019 г. обнаружит в Казахстане более 3500–3550 тыс. русских (рис. 5.12).

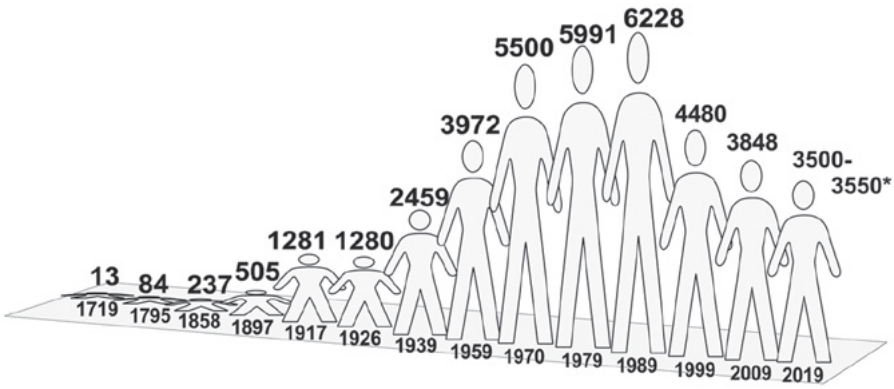

Рис. 5.12. Динамика русского населения в территориальных пределах современного Казахстана, 1719–2019 гг. (тыс. чел.; * – оценка автора)

При этом, согласно существующей статистике, макрорегионом-лидером по темпам депопуляции русских второе десятилетие подряд остается восток страны (7,7 % за 2009–2016 гг.), а минимальную скорость обнаруживает юг (2 %). Впрочем, его показатель серьезно улучшает Алма-Ата, наряду с Астаной, – один из основных центров межрегионального притяжения русского населения (в 2009–2016 гг. число русских в них выросло соответственно на 9,3 % и 3,4 %).

К сожалению, текущая статистика не дает данных по расселенческой динамике русского населения Казахстана. И до переписи 2019 г. мы не узна́ем, сохраняется ли обнаруженная в 2000-е гг. тенденция устойчивого сохранения

русских на сельских территориях при ускоренной депопуляции городских общин (табл. 5.6).

Таблица 5.6. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение у русских Казахстана, 1989–2009 гг. (тыс. чел., %)

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских (%)			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	город	село
1989*	6227,5	4823,2	1404,3	77,5	37,8	51,3	19,9	88,9	87,3	94,5
1989**	6062,0	4669,0	1393,0	77,0	37,4	50,8	19,9	88,9	87,7	94,5
1999	4480,7	3447,6	1033,0	76,9	29,9	40,8	15,8	84,3	81,2	92,7
2009	3793,8	2763,0	1030,8	72,8	23,7	31,9	14,0	82,0	81,9	92,7

Примечание:

* – по данным самой переписи;

** – перерасчет специалистов Агентства Казахстана по статистике.

Крупнейшим средоточием русского населения страны на всем протяжении постсоветского периода оставалась старая столица (рис. 5.13). Причем доля русских казахстанцев в нем продолжала расти, поднявшись к 2018 г. до 13,1 %.

5.4

ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКИХ КАЗАХСТАНА

Итак, тенденция к сокращению русского населения Казахстана остается устойчивой уже почти три десятилетия. Но темпы его демографического сжатия за это время сократились в несколько раз: с ежегодных 150–200 тыс. чел. в первой половине – середине 1990-х гг. до современных 20–30 тысяч. С максимальной вероятностью сохранится количественная убыль русских и в будущем. Для расчета ее возможных масштабов необходимо представить вариативное соотношение всех трех факторов демографической динамики – естественного прироста, миграции и ассимиляционных процессов.

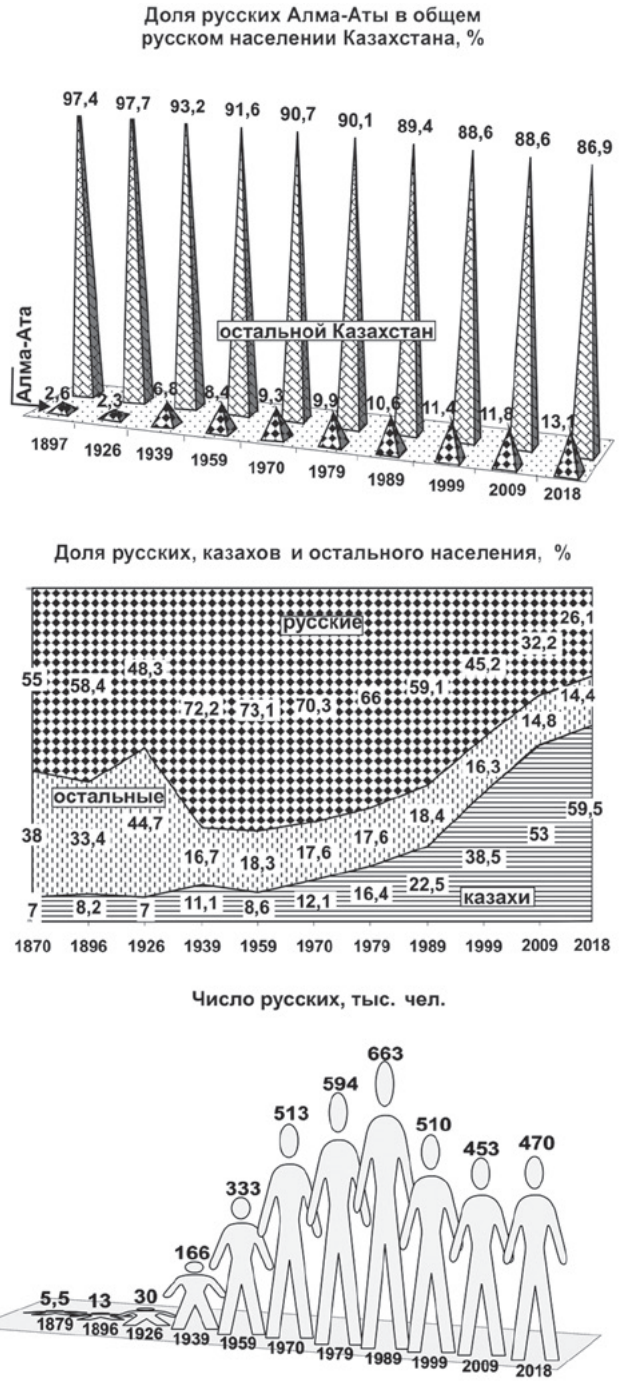

Рис. 5.13. Динамика русского населения Алма-Аты, 1897–2009 гг.

Естественная динамика

Показатели естественной динамики русских Казахстана могут варьировать в достаточно широком коридоре. Соотношение рождаемости и смертности будет зависеть как от социально-экономической успешности страны, так и от национальной политики государства, уровня дальнейшей «титулизации» статустных профессиональных сообществ и общей этнизации социальных практик. Свою роль сыграют и особенности демографической политики центральной и региональной властей, качество системы здравоохранения.

Очевидно только одно: достигнув в 2014 г. своего минимума (1,4 тыс. чел.), естественная убыль русских снова начала расти и в 2017 г. и составила уже 6,7 тыс. чел. Данный тренд продолжится прежде всего за счет сокращения рождаемости, которая снизилась с 46–48 тыс. чел. в первой половине 2010-х гг. до 39,4 тысяч в 2017 г. Во взрослую жизнь входит малочисленная генерация 1990-х гг., и число женщин репродуктивного возраста у русских Казахстана быстро сокращается. В 2010 г. в возрасте 20–39 лет находилось 619 тыс. русских женщин страны, в 2020 г. данная цифра снизится до 560 тысяч (–10,5 %), а в 2030 г. составит только 430 тысяч (–30,5 %). В такой ситуации значительное падение масштабов рождаемости становится неизбежным.

Возрастная структура русских Казахстана и России сближена[1], как и основные показатели естественного воспроизводства, что позволяет использовать метод передвижки возрастов, опираясь на данные по российским русским. В качестве основных демографо-воспроизводственных параметров для расчета пессимистического (негативного) сценария естественной динамики русских Казахстана на среднесрочную (до 2030–2035 гг.) и долгосрочную (до 2050 г.) перспективу были экстраполированы показатели рождаемости, смертности, возрастных коэффициентов дожития, средней продолжительности жизни русских России в 2010 г. с небольшим их улучшением по десятилетиям анализируемого периода.

Для расчета оптимистического сценария мы исходили из предположения, что основные демографические показатели русских Казахстана в течение анализируемого периода будут ощутимо улучшаться (и к середине века средняя продолжительность жизни у них станет сопоставимой с современными показателями населения стран Западной Европы и Северной Америки).

[1] Причем казахстанские русские, несмотря на отток в РФ части молодежи и людей среднего возраста, всё еще несколько моложе (в начале 2010-х гг. среди них было 23,1 % лиц в возрасте моложе 20 лет, против 20,6 % среди российских русских).

При негативном сценарии естественной динамики русские Казахстана за период 2010–2050 гг. могут потерять порядка 23–24 % своей численности, а реализация оптимистического сценария позволит сократить эти потери до 11–12 %. При этом наиболее вероятные варианты располагаются внутри указанного диапазона (табл. 5.7).

Таблица 5.7. Сценарии естественной динамики русского населения Казахстана, 2019–2050 гг.[1]

Показатель	2019–2030	2031–2040	2041–2050
Оптимистический максимум			
Среднегодовая убыль, ‰	3	4	5
Общие потери за период, %	3,6	4	5
Наиболее вероятные варианты			
Среднегодовая убыль, ‰	4–4,5	5–5,5	6–6,5
Общие потери за период, %	4,8–5,4	5–5,5	6–6,5
Негативный минимум			
Среднегодовая убыль, ‰	6	8	10
Общие потери за период, %	7,2	8	10

Миграционная динамика

Сокращение оттока стало основной причиной замедления темпов демографической убыли русского населения страны в 2000–2010-е гг. На дальнейший спад миграции работают сразу несколько факторов:

– общее сжатие русского массива, снижающее все количественные показатели его динамики;
– политическая и социально-экономическая стабильность Казахстана, достаточно высокий уровень межэтнической и социокультурной совместимости русского и титульного населения;
– в целом комфортная для местных русских культурно-языковая ситуация, высокий статус русского языка, широкое его распространение в разных сферах государственной и общественной жизни страны;

[1] Расчеты автора.

– комплексная адаптация местных русских к условиям жизни в постсоветском Казахстане и своему положению в нем, постепенное освоение казахского языка (хотя процесс этот идет не так быстро, как хотелось бы местным националистам)[1];
– рост возрастного населения, которое, как известно, отличается пониженной мобильностью.

Таким образом, при сохранении существующей в настоящее время политической и социально-экономической стабильности можно ожидать дальнейшего сокращения оттока русских. Однако симптоматично, что с середины 2000-х гг. его масштабы держатся на одном уровне. А в последние три года, как уже отмечалось, даже выросли. Очевидно, для этого есть свои причины.

В пределах Казахстана по-прежнему отчетливо выделяются два крупных этнолингвистических и социокультурных ареала: «до сих пор испытывающие кризис этнопсихологической адаптации к переходу на государственное казахское одноязычие север, восток, центр и переживающие активный рост этноказахского самосознания запад и юг. Такая "разбегающаяся асимметрия" закладывает основу будущих потрясений, поскольку молодежь оказалась разделенной на два сегмента – казахоязычный и русскоговорящий. Их менталитет и самоидентификация по своей сущности различны. Говоря на разных языках, они и думают по-разному. Отчуждение между ними возникает и по поводу представлений о национальном государстве, и по поводу государственного языка. Потенциальную опасность несет и присутствующая в молодежной среде критически высокая концентрация конфликтогенного потенциала на этнорелигиозной почве… Линии наибольшей напряженности проходят как среди самих казахов – между казахами русскоязычными, так и между казахоязычными казахами и русскими; между приверженцами ислама и православного христианства» [Алматбаева, 2016].

Удельный вес этнических националистов среди титульной молодежи страны (и казахов в целом) ограничен. Вместе с тем у внутренних политических сил, заинтересованных в конструировании Казахстана в качестве «этнического» государства, есть достаточно массовая этносоциальная опора (прежде всего на западе, юге, но отчасти и в центре Казахстана). В такой ситуации центральную роль в определении политического будущего страны (а значит и сценария миграционной динамики русских) может

[1] Согласно переписи 2009 г., уже 25 % казахстанских русских частично овладели языком титульной национальности (понимали устную речь). В 1989 г. таких было только 0,88 %. И очевидно, что этот рост был достигнут прежде всего за счет освоения казахского языка русской молодежью, среди которой доля владеющих им могла быть кратно выше, чем среди старших поколений.

сыграть деятельность следующего руководителя страны. Особенно с учетом персонализированного характера казахстанской политики, максимального значения первого лица в определении государственного курса и его безусловной переизбираемости, гарантирующей длительное пребывание на высшем посту[1].

Одним из «полюсных» вариантов, задающих края коридора возможностей, можно было считать приход к власти жесткого политика, ориентированного на системное дистанцирование от России и реализацию националистической программы, способной резко активизировать миграцию не только русских, но и представителей русскоязычных общин. Противоположный сценарий – появление однозначно «пророссийского» государственного деятеля, ориентированного на прочное союзничество с Россией, создание полиэтничной гражданской нации, всемерное сохранение в стране русского населения и сокращение его оттока. Вместе с тем наиболее вероятным представлялся приход на пост президента страны выдвиженца Н. Назарбаева, что должно было гарантировать преемственность сложившегося политического курса страны, представляющего некий «срединный» сценарий.

Происшедшая в марте 2019 г. смена власти в Казахстане подтвердила данные предположения. Место президента по предложению первого руководителя страны занял К.-Ж. Токаев, что очевидным образом может свидетельствовать о сохранении уже реализуемого курса. Тем более что Н. Назарбаев по-прежнему остается самым авторитетным политиком Казахстана.

На период в 5–10 лет может сохраниться существующий вариант миграционной динамики русских. Причем вероятно и некоторое сокращение масштабов оттока до уровня первой половины 2010-х гг. (т.е. к среднегодовому уровню в 15–20 тыс. чел.).

В дальнейшем, по мере сокращения общей численности русского населения, можно ожидать некоторого снижения масштабов оттока. Данный сценарий миграции в настоящее время представляется наиболее вероятным. Хотя едва ли можно исключить и другие, в том числе более «полюсные» варианты. Чисто теоретически можно представить даже ситуацию, при которой ежегодный отток русских из Казахстана будет исчисляться в сотнях тысяч человек. Но практическая вероятность подобного сценария, предполагающего резкое обострение межнациональных отношений внутри страны, а параллельно – жесткую конфронтацию Казахстана с Россией, близка к нулю.

[1] Можно даже предположить, что наметившийся рост миграции русских в последние два года отчасти связан с их повышенной тревожностью. В силу значительного возраста действующего президента страны становится всё более очевидной неизбежность близкой смены первого лица страны и последующих перемен во внутренней политике страны. И данное обстоятельство актуализирует миграционные настроения у части русского населения.

С другой стороны, приближена к нулю и вероятность варианта полного прекращения оттока русских из Казахстана как на учебу и работу, так и на ПМЖ (единственно просматриваемый здесь сценарий – резкая дестабилизация России и существенное падение уровня жизни российского населения) (табл. 5.8).

Таблица 5.8. Сценарии миграционной динамики русского населения Казахстана, 2019–2050 гг.[1]

Показатель	2019–2030	2031–2040	2041–2050
Оптимистический максимум, тыс. чел.			
Среднегодовой чистый отток	10	8	6
Общие потери за период	120	80	60
Наиболее вероятные варианты, тыс. чел.			
Среднегодовой чистый отток	15–20	11–16	10–15
Общие потери за период	180–190	110–160	100–150
Негативный минимум, тыс. чел.			
Среднегодовой чистый отток	30	35	35
Общие потери за период	360	350	350

Ассимиляционные процессы

По переписи 1999 г. у русских в Казахстане было 1482 тыс. семей, в т.ч. 999 тыс. однонациональных (67,4 %). К 2009 г. вследствие общего сокращения русского населения, число таких семей сократилось до 1243,5 тысяч (860 тыс. моноэтничных – 69,2 %).

Помимо казахов брачными партнерами русских часто становились представители других национальностей. Более того, в таких межэтнических браках количественно доминировали именно «неказахи». Речь, в первую очередь, идет о нескольких крупных русскоязычных общинах, в числе которых украинцы, немцы, белорусы, татары, которые в сумме дают значительную часть брачующихся с русскими (рис. 5.14).

Можно сказать, что последние в постсоветском Казахстане превратились в своего рода полюс этнической консолидации всего населения, этногене-

[1] Расчеты автора.

тически и социокультурно не имеющего отношения к Среднеазиатскому региону. Вторым полюсом являются казахи, ассимилирующие через смешанные семьи и их потомство некоторую часть представителей местных среднеазиатских общин (узбеков, уйгуров и др.).

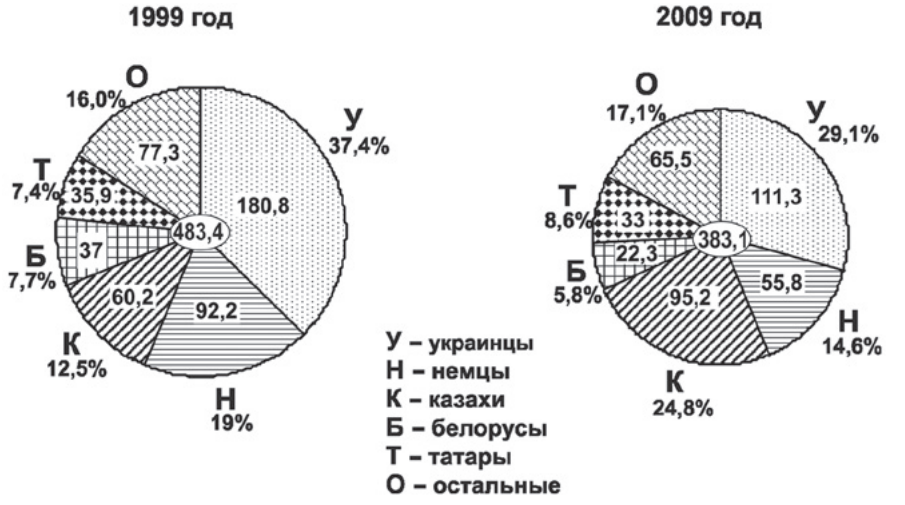

Рис. 5.14. Национальность супруга (супруги) в межнациональных браках русских Казахстана, 1999–2009 гг. (тыс. чел., %)

Очевидно, что данный сдвоенный этнодемографический тренд сохранится и в будущем, то есть некоторая демографическая подпитка русского массива Казахстана является устойчивой тенденцией. Но сам демографический ресурс русскоязычного сообщества страны стремительно сокращается. Если в 1989 г. четыре крупнейших его диаспоры заключали 2,35 млн чел., то к 2009 г. – 0,78 млн (к 2016/2017 гг., по нашим расчетам, их общая численность сократилась до 600 тыс. чел.).

При этом необходимо учесть, что только смешанное потомство русско-украинских и русско-белорусских семей с большим перевесом выбирает русскую идентичность. В семьях русских с татарами и немцами данное соотношение оказывается более равновесным. Конечно, пополняют русскую общину и представители других русскоязычных диаспор (в том числе ряда поволжских, польской, молдавской). Но их численность слишком невелика, чтобы обрусение складывалось в сколько-нибудь ощутимую демографическую величину. Учтем и то, что часть приобретенного ассимиляционного «довеска» идет на компенсацию демографических потерь, связанных с русско-казахским биэтническим множеством, в котором, как уже было сказано, обнаруживается перевес титульной самоидентификации.

Между тем доля казахов в межнациональных браках русских страны быстро растет. Если в конце XX в. они были третьими после украинцев и немцев, то в 2009 г. уже вторыми, уступая только украинцам, но почти до минимума сократив отставание от них (за 1999–2009 гг. доля русско-казахских браков в межнациональных семьях русских выросла с 12,5 % до 25 %). А в настоящее время русско-казахские браки – уже самый распространенный вариант межнациональной брачности у русских Казахстана.

Таким образом, положительная результирующая ассимиляционных процессов для них будет становиться всё меньше. В самом первом приближении ее существующий ежегодный размер можно оценить в 8–10 тыс. чел. Но в дальнейшем, от десятилетия к десятилетию, данная цифра будет сокращаться (табл. 5.9).

Таблица 5.9. Динамические варианты ассимиляционного пополнения русской общины Казахстана, 2019–2050 гг. (тыс. чел.)[1]

Положительное сальдо	2019–2030	2031–2040	2041–2050
Оптимистический максимум	100	70	50
Наиболее вероятный диапазон	60–70	40–50	20–30
Негативный минимум	30	20	10

Итак, неизбежное сокращение численности русских Казахстана скорее всего будет носить плавный характер. К 2030 г. русское население страны может составлять порядка 3,2–3,3 млн чел. К этому времени русская община Казахстана с большой вероятностью может оказаться крупнейшим зарубежным средоточием русского народа (в случае если современный жестко антироссийский курс властей Украины сохранится на длительный срок)[2]. К середине XXI в. число казахстанских русских может опуститься до 2,45–2,8 млн (рис. 5.15).

Может ускориться сокращение доли русских в населении страны – с 19,8 % до 16–17 % за 2017–2030 гг., и до 13,5–14,5 % в середине века. Соответственно продолжит изменяться и соотношение численности двух ведущих народов Казахстана. Если в 2009 г. казахов было больше, чем русских, в 2,7 раз, то в 2017 г. разница уже была трехкратной. К 2030 г., после ухода из жизни старших возрастных генераций, в которых количественно доминировали русские, удельное превосходство казахов станет 3,5–4-кратным, а в 2050 г. достигнет 5–6 раз.

[1] Расчеты автора.

[2] И без учета русского населения Восточного Донбасса.

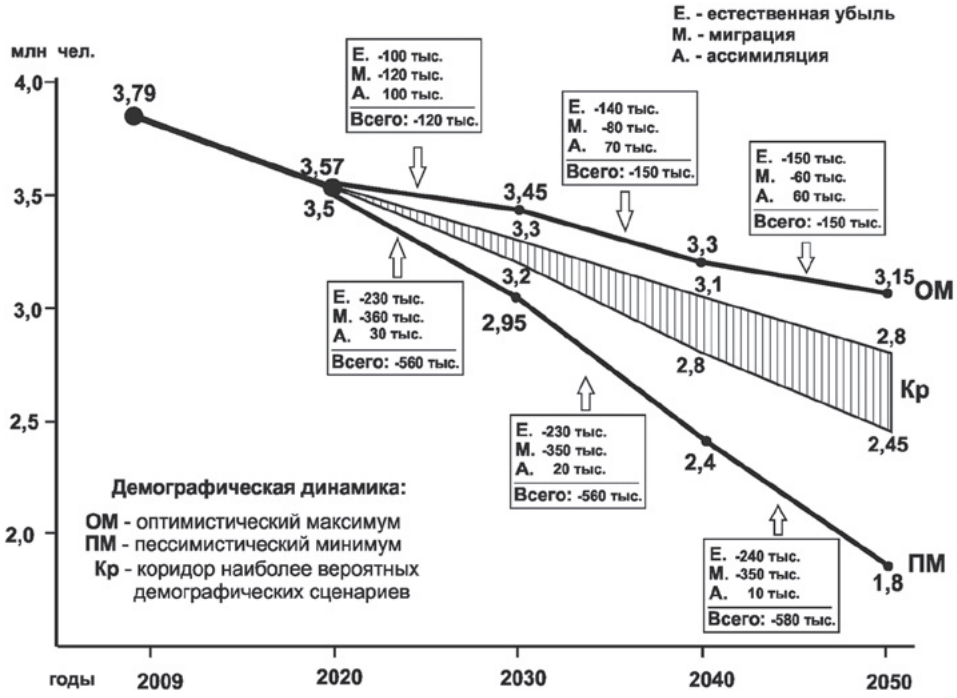

Рис. 5.15. Динамика русского населения Казахстана, 2010–2050 гг. (млн чел.)[1]

Данный многократный перевес, постоянно нарастающий в долгосрочной перспективе, по сути, уже пролонгирован существующей возрастной структурой представителей двух ведущих национальностей Казахстана. Если среди самых старых возрастных генераций населения страны (старше 80 лет) доля русских превышает 50 %, среди пожилых (старше 60 лет) – 35–45 %, то среди людей среднего возраста (35–50 лет) только 23–23,5 %, а среди молодежи (20–30 лет) – лишь 18–22 %. Это долевое выклинивание русской компоненты этносостава Казахстана прослеживается до самого основания возрастной пирамиды. Среди самой младшей возрастной группы (дети до 4 лет) русских только 13,5 %, против 73 % у казахов. Таким образом, в младших возрастных генерациях перевес казахов над русскими в начале 2010-х гг. был 4,5–5,5-кратным (табл. 5.10).

Передвинув существующие удельные соотношения возрастных групп в будущее на 20 или 40 лет, можно достаточно отчетливо представить удельное соотношение русских и казахов Казахстана

[1] Расчеты автора.

в середине века и второй его половине. Даже исходя из предположения, что удельный вес всех будущих детских генераций русских в Казахстане будет не меньше нынешних (т.е. 13,5 %), доля русского населения в республике сократится к середине века до указанных 13,5–14,5 %. Впрочем, если исходить из текущих темпов удельной динамики русского массива в структуре населения Казахстана, его отступление будет куда более стремительным. И до этого уровня оно может опуститься уже через 12–15 лет, то есть в начале 2030-х гг.[1]

Таблица 5.10. Доля ведущих национальностей в составе отдельных возрастных генераций населения Казахстана (%; данные на начало 2013 г.)

Число полных лет	Русские	Казахи	Остальные	Соотношение: казахи/ русские (кратность)
85+	53	35	12	0,66
80–84	51	33	16	0,65
75–79	46	36	18	0,78
70–74	40	43	17	1,08
65–69	36,3	47,7	16	1,31
60–64	37,5	47,5	15	1,27
55–59	32	53	15	1,66
50–54	28	58	14	2,07
45–49	23	64	13	2,78
40–44	23	64,5	12,5	2,80
35–39	23,5	64	12,5	2,72
30–34	23,5	63,5	13	2,70
25–29	22,5	64,5	13	2,87
20–24	18	70	12	3,89
15–19	16	72	12	4,50
10–14	16,5	71	12,5	4,30
5–9	16	72	12	4,50
0–4	13,5	73	13,5	5,21

В территориальном аспекте демографическая убыль русских, скорее всего, будет достаточно равномерной. Тем более что после ускоренного сокращения в 1990-е гг. русских общин Южного и Западного Казахстана, в начале XXI в. данный процесс замедлился и пришел в соответствие с общими темпами демографического сжатия русского массива страны. Как результат, за

[1] Действительно, за 2009–2017 гг. удельный вес русских сократился почти на 4 % – с 23,7 % до 19,8 %. То есть удельный показатель терял около 0,5 % в год. При дальнейшем сохранении такой динамики доля русского населения должна будет снизиться к 2030 г. в Казахстане до 14 %.

1989–2016 гг. доля отдельных макрорегионов в общей численности русских изменилась незначительно (рис. 5.16).

Есть основания полагать, что замедленный темп территориального перераспределения русского населения сохранится и в будущем. Но в перспективе ряда десятилетий данный тренд способен привести к достаточно ощутимой пространственной перецентрировке русской общины страны. К середине века более 40 % русских Казахстана может быть уже сосредоточено на севере страны. Вторыми по численности останутся южноказахстанские русские. Но исключительно за счет Алма-Аты, на которую уже в 2016 г. приходилось 46,5 % всех русских данного макрорегиона[1]. К 2050 г. этот показатель может вырасти до 55–65 %.

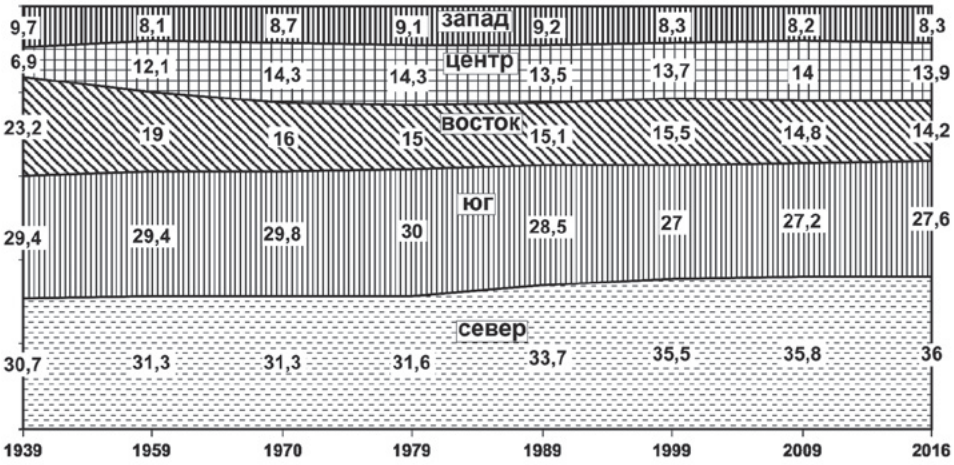

Рис. 5.16. Доля отдельных макрорегионов
в общей численности русских Казахстана, 1939–2016 гг. (%)[2]

***

Итак, за период независимого развития Казахстана русская община страны потеряла почти 40 % своего размера (убыль с 6,1 до 3,6 млн чел.). Основную роль в этом демографическом сжатии сыграла миграция, на которую пришлось порядка 85–90 % всех потерь русской общины в постсоветский период. С начала – середины 1990-х гг. отток русских сократился многократно. Но и в настоящее время он составляет 20–27 тысяч в год, оставаясь центральным фактором их депопуляции.

[1] В 1970 г. на нее приходилось только 32,3 % русских юга, в 1989 г. – уже 35,7 %. Очевидно, что речь идет о затяжном процессе, начавшемся задолго до распада СССР.

[2] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

В постсоветский период русские в Казахстане наряду с казахами являлись одним из двух центров этнической консолидации народов страны, ассимилируя часть представителей русскоязычных диаспор. Но к настоящему времени данный ресурс пополнения русской общины в значительной степени исчерпан.

Перспектива дальнейшего ее абсолютного и удельного сокращения – неизбежность, но диапазон возможных сценариев демографической динамики весьма широк (наиболее вероятным является сокращение общины к 2050 г. до 2,4–2,85 млн чел.). При этом наибольшую опасность для русского населения во второй половине XXI в. будет представлять его прогрессирующее старение.

Если в конце 2000-х гг. старые люди (70 лет и старше) составляли 9,3 % казахстанских русских, то к 2030 г. доля данной возрастной группы может вырасти до 14 %, а к 2050 г. составить 20 % даже без учета миграции, «вымывающей» прежде всего людей молодого и среднего возраста. С учетом оттока удельный вес старых людей к середине века может превысить четверть русской общины страны, что с определенного момента будет способно резко ускорить масштабы ее естественной убыли.

А демографическое равновесие двух ведущих национальных сообществ страны, существовавшее на момент возникновения суверенного Казахстана, после 60 лет независимости обернется 5–6-кратным демографическим перевесом титульного народа (рис. 5.17). Остается заметить, что даже при столь малоутешительных результатах именно Казахстан уже в среднесрочной перспективе с большой вероятностью, обойдя Украину, станет крупнейшим средоточием русского населения в пределах всего ближнего зарубежья.

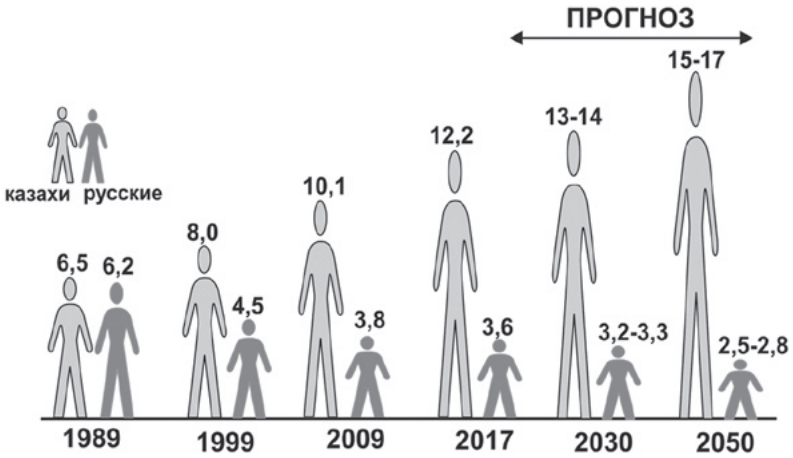

Рис. 5.17. Динамика численности русских и казахов в Казахстане, 1989–2050 гг. (млн чел.)[1]

[1] Прогноз автора.

ГЛАВА 6
РУССКИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Средняя Азия находилась в стороне от основных маршрутов русских купцов, хотя отдельные торговые люди из русских земель должны были добираться до богатых среднеазиатских государств еще в домонгольскую эпоху. Однако в сколько-нибудь заметном количестве и на «постоянной основе» русские (восточные славяне) появляются в регионе только в середине – второй половине XIII в. И появляются в качестве рабов.

На это, в частности, указывают записи Плано Карпини, францисканского монаха, посланного в 1264 г. папой Иннокентием с дипломатической миссией к монголам. При описании Средней Азии Карпини неоднократно упоминает о пленных русских, используемых в качестве воинов и переводчиков. Есть упоминания о русских и у Гильома де Рубрука, посланника французского короля, путешествовавшего в этих местах десятилетием раньше.

Речь идет о населении, обращенном в рабство во времена походов Батыя и последующих монгольских набегов на Русь. География русских рабов в это время, учитывая разветвленную сеть торговых коммуникаций, могла быть очень широкой, включая и Среднюю Азию. Очевидно, что русские пленники должны были регулярно оказываться в регионе и в следующие столетия. Количество их коррелировало с интенсивностью золотоордынской набеговой практики. Учитывая ее масштабы, в пределах данного обширного региона в отдельные периоды могли находиться многие сотни (тысячи?) уроженцев Руси. Однако сам характер их попадания не позволял складываться в Средней Азии устойчивым русским общинам. Даже если разрозненные русские пленники обзаводились семьями, их потомство полностью утрачивало «русскость» уже через одно-два поколения.

Итак, не только в XIII в., но и сотни лет спустя, уже в XVI–XVIII вв., основной причиной появления русских в регионе оставалась работорговля. Пленники захватывались в обширном русско-кочевом пограничье, протянувшемся от степного Предкавказья до Семиречья. В 1670 г., согласно данным, собранным русскими посланниками (Иваном и Семеном Пазухиными), во владении среднеазиатских правителей находилось порядка 300 русских невольников (150 приходилось на долю бухарского хана, 100 и 50 человек соответственно имелись у правителей Балха и Хивы). Русскими рабами владели и частные лица. Общее число этих невольников осталось невыясненным, но также могло быть достаточно значительным[1]. Таким образом, в Средней Азии в это время находились многие сотни русских людей. Не меньшим было их количество и в следующем столетии.

На серьезный масштаб подобного русского присутствия в регионе указывает тот факт, что в 1728 г. именно русские пленные возглавили восстание персидских и других рабов против хивинского хана Ширгази. А спустя столетие дипломатическая миссия А.Ф. Негри, посетившая Бухару в 1820 г., насчитала в данном центре более 500 русских[2]. Однако русские могли попадать в Среднюю Азию в XVI–XVIII вв. не только в качестве рабов, но и как дипломаты, а также купцы и путешественники, иногда совмещавшие торговлю с дипломатическими обязанностями.

Среди них Иван Хохлов, отправленный в Бухару в 1620 г.; Иван Федотов и братья Семён и Борис Пазухины, посетившие в 1669 г. соответственно Хиву и Бухару; Василий Даудов, побывавший в Бухаре в 1675 г. В 1713–1714 гг. состоялись две экспедиции: Ивана Бухгольца в Малую Бухарию и Александра Бековича-Черкасского в Хиву. В 1718 г. в Бухару отправлен Флорио Беневини, вернувшийся в Россию в 1725 г.

В число основных целей данных сношений практически всегда входил выкуп русских невольников. Упомянутому И. Хохлову удалось освободить и вывезти из Средней Азии 46 полонян. Поездка И. Федотова в этом отношении была менее результативной – 12 освобожденных. Более 30 рабов вывезли с собой братья Пазухины. Самым удачливым оказался В. Даудов, с которым в Россию вернулось более 50 бывших невольников[3].

[1] Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие // Труды общества русских ориенталистов. № 2. Петроград, 1915. URL: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XVI/1540–1560/Snos_ross_chiva_buchara/text1.php

[2] Этнический атлас Узбекистана. М., 2002. С. 189.

[3] Сношения России с Бухарой и Хивой …

В первой половине XIX в., по мере расширения империи и включения в нее обширных земель трех казахских жузов, границы России вплотную придвинулись к Средней Азии. Данное обстоятельство создавало определенные предпосылки и для расширения русского этнического присутствия в регионе. Но едва ли количество русских в нем в эти десятилетия возросло. Слишком велики были природные особенности; конфессиональная и социокультурная специфика местных государств, располагавших многочисленным населением, плотно заселявшим все территории, пригодные для жизни и хозяйственной деятельности.

6.1
ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Только включение данного региона в государственный состав России могло стать отправной точкой в организации русского переселенческого потока, масштабы и география которого зависели от множества факторов. Поступательный количественный рост русского населения в Средней Азии начинается в последней четверти XIX в. Ко времени первой всеобщей переписи населения 1897 г. регион находился в составе империи около двух десятилетий – совсем короткий срок для заметных колонизационных успехов (особенно учитывая масштаб отличий Средней Азии от великорусского ядра империи).

Согласно переписи, в регионе находилось уже более 80 тыс. русских, которые преимущественно концентрировались в городах – именно здесь формировались и функционировали имперские управленческие структуры, стояли гарнизоны, возникали производства, требовавшие квалифицированных рабочих (рис. 6.1). Тяготело к городским центрам и приезжее ремесленное население. Впрочем, практически с первых лет нахождения региона в составе империи началось и крестьянское переселенческое движение, хотя масштабы его оставались достаточно скромными в силу разных причин, в том числе вследствие противоречивой политики имперского центра и региональных властей, зачастую очень по-разному оценивавших роль переселенцев в развитии Средней Азии.

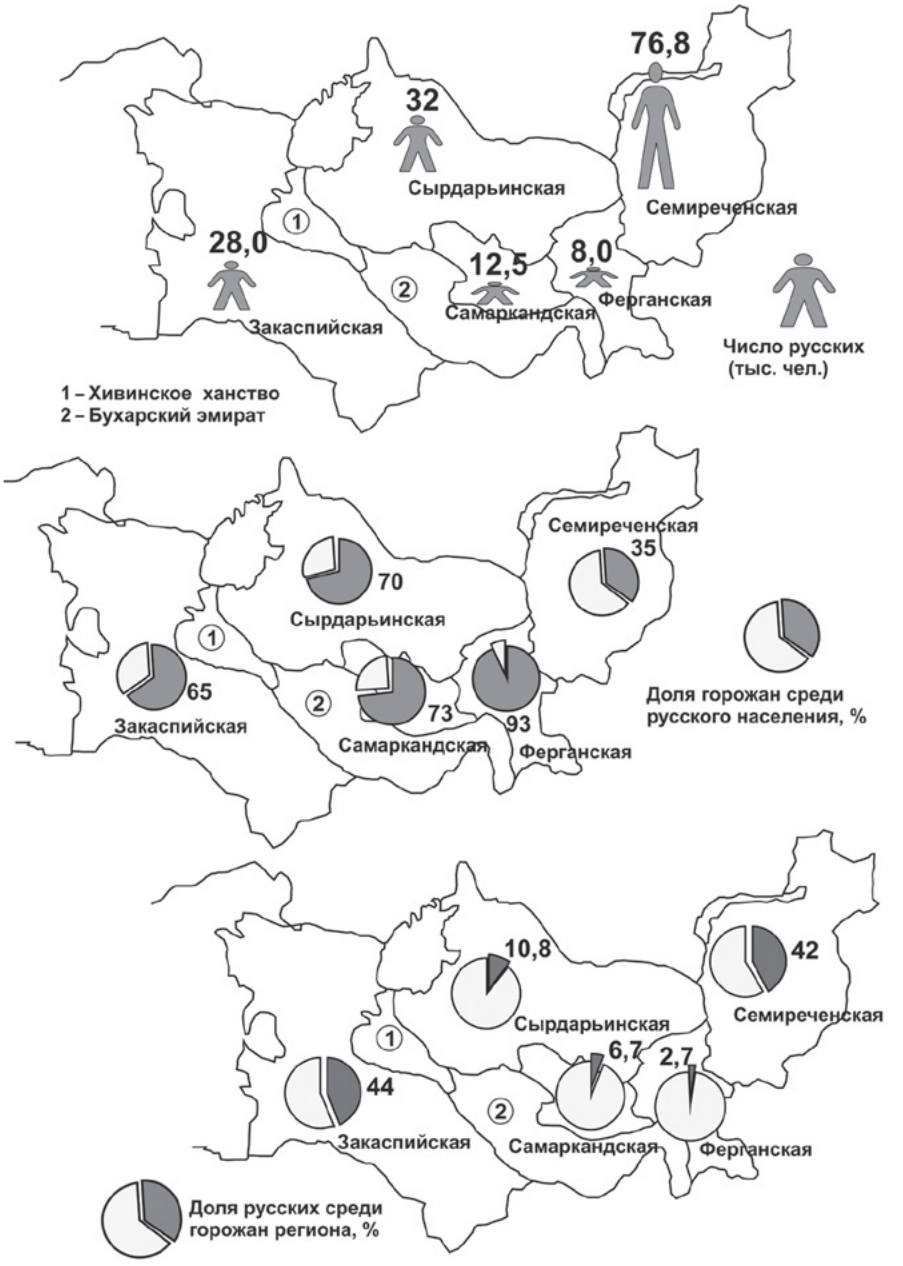

Рис. 6.1. Русские в Средней Азии (области), 1897 г.[1]
(значительные части Семиреченской и Сырдарьинской областей
в советский период вошли в состав Казахстана)

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg

С одной стороны, привлечение русского (и шире – восточнославянского/православного, еще шире – христианского) населения в Среднюю Азию представлялось властям одной из важных задач в процессе ее имперской интеграции. С другой – интенсивный приток мигрантов требовал соответствующего земельного передела. В условиях плотной системы расселения и многочисленного «туземного» населения сделать это было совсем непросто. Любые неосторожные действия в данной сфере были чреваты ростом социального напряжения и межнациональными конфликтами. Необходимо учитывать и сложносоставную структуру самого переселенческого потока: в Туркестан прибывали не только ремесленники или крестьяне из центральных трудоизбыточных районов России, искавшие на новом месте свободной «землицы» для земледелия.

Побывавший в 1908–1909 гг. в Туркестане с ревизией К. Пален отмечал, что многие из приезжих не являлись «ни крестьянами, ни рабочими, а были промежуточной обнищавшей прослойкой, рассчитывавшей получить в Туркестане землю и создать идеальную жизнь, не вкладывая тяжелого труда. Их мало интересовала экономия, и они свысока смотрели на тяжело работающих и дисциплинированных туземцев. А ферганский военный губернатор писал в 1907 г.: "Вместе с переселенцами-хлеборобами набрело много разных неудачников, как-то: выгнанные из полицейской службы, бывшие лесные объездчики и запасные нижние чины, совершенно отвыкшие от земледельческого труда"»[1].

Впрочем, как свидетельствует мировая история, повышенный процент неблагополучного и неустроенного люда – непременная характеристика «колонистско-пионерских» сообществ. Русское население региона конца XIX – начала XX в. по ряду признаков могло быть отнесено к их числу.

Свою роль в формировании русской системы расселения играло и развитие транспортной системы, прежде всего появление железных дорог, связывающих центральные районы империи с Туркестаном. Наличие железнодорожного сообщения зачастую становилось решающим аргументом в пользу переселения. Но и само строительство железных дорог, как и последующее их обслуживание, требовало соответствующих «трудовых десантов». Вдоль отстраиваемых магистралей формируется сеть небольших поселений с русскими путейцами, служащими железнодорожных станций, перебиравшимися в регион вместе со своими семьями.

[1] История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947. С. 348.

Впрочем, социальная структура переселенцев была самой разнообразной, как и причины их появления в Туркестане. Самостоятельную группу (ее иногда определяли как «оренбургскую») составляли отставные солдаты и казаки. Организуя Семиреченское войско, а также переселяя уральских казаков-староверов на территорию современной Каракалпакии, власть решала две задачи, колонизуя новые земли и одновременно наказывая отказавшихся по религиозным убеждениям от присяги староверов-уральцев[1]. «Самарскими» называли переселенцев, перебравшихся в Туркестан из голодающего Поволжья в 1890-е гг. Отдельную группу составляли появившиеся к концу XIX в. политические ссыльные, которых особенно много было в Ташкенте[2].

С течением времени противоречия между центральными управленческими структурами (в частности Переселенческой комиссией) и региональной властью возросли. Положение осложнялось и тем, что помимо организованных переселенцев (относительно числа и географии размещения которых у различных органов власти возникали споры и шел поиск компромиссных решений) происходила стихийная миграция. Динамика ее носила пульсирующий характер, в значительной степени зависела от социально-экономической ситуации в наиболее густонаселенных регионах Европейской России. В голодные годы количество переселенцев стремительно возрастало, тем более что в широкой крестьянской массе циркулировали слухи о бесплатной раздаче земли в новых южных регионах империи.

Часть подобных переселенцев, не сумев приспособиться к климату Средней Азии, особенностям южного ирригационного сельского хозяйства, возвращалась в Центральную Россию (доля таких неудачников могла быть весьма значительной, составляя от трети до половины всех новоприбывших, а в отдельные годы достигала почти 100 %). Но основного тренда это изменить не могло – число русских в Средней Азии продолжало расти вплоть до начала Первой мировой войны и революции. В 1917 г., по оценке В.М. Кабузана, в Средней Азии проживало 267 тыс. русских – в 4 раза больше, чем в конце XIX в. (рис. 6.2).

Дореволюционный максимум русского этнического присутствия в регионе, очевидно, был достигнут раньше, поскольку в 1915–1916 гг. проводится масштабная мобилизация в армию русского (и шире – русскоязычного) населения. С другой стороны, на 1916 г. приходится восстание, охватившее значительные территории Средней Азии и нередко принимавшее

[1] *Глущенко А.Е.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. URL: https://www.admw.ru/books/Rossiya-v-Sredney-Azii--Zavoevaniya-i-preobrazovaniya/12

[2] Этнический атлас Узбекистана. С. 189.

антирусскую направленность[1]. Восстание удалось подавить только к лету 1917 г. Часть русского населения за время этой смуты должна была покинуть регион, не говоря уже о прямых потерях, которые понесли в первую очередь сельские русские (переселенцы-колонисты), беззащитные перед восставшими, видевшими в них едва ли не главный источник своих бед.

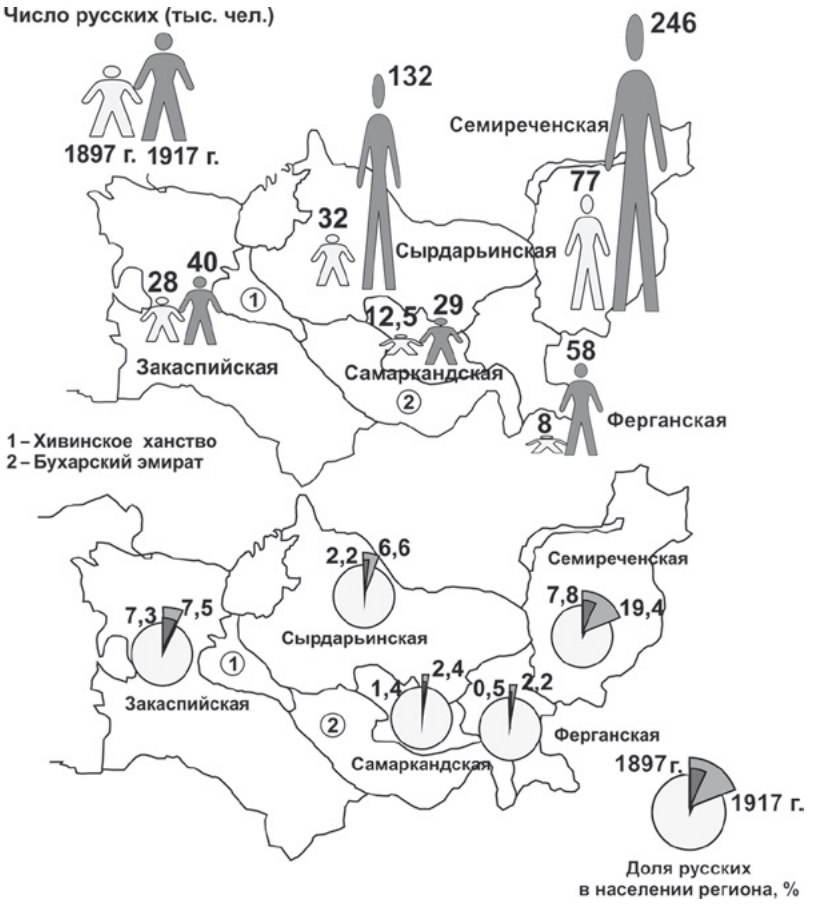

Рис. 6.2. Русские в Средней Азии (области), 1897–1917 гг.[2]

[1] Среди основных причин – отбор земель под хутора казаков и переселенцев; резко возросшее обнищание, вызванное закупом лошадей и скота для нужд фронта при катастрофически нараставшей инфляции. Свою лепту в растущее недовольство вносила деятельность местных властей, практиковавших реквизиции под видом «добровольных пожертвований» фронту. Окончательно накалил обстановку в регионе правительственный указ 25 июня 1916 г. о мобилизации мужского населения Средней Азии и Казахстана в возрасте от 19 до 43 лет «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии». Если ранее коренное население Туркестана к армейской службе не привлекалось, то по этому указу мобилизации подлежало до 250 тыс. чел. Однако непосредственным поводом для перехода скрытого напряжения в открытый протест стал расстрел в Ходженте (4 июля 1916 г.) манифестации с требованием уничтожения списков мобилизованных.

[2] Рассчитано по: *Кабузан В.М.* Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg

6.2
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Первые советские десятилетия

Однако ни восстание, ни глубокий политический и социально-экономический кризис страны (связанный с революциями 1917 г. и последовавшей Гражданской войной), ни развернутое в регионе активное вооруженное сопротивление новой власти (басмачество) не остановило приток в регион новых русских. В первое послереволюционное десятилетие (1917–1926 гг.) русское население Средней Азии выросло до 440 тыс. чел. Одна из причин – голод начала 1920-х гг., охвативший Поволжье и некоторые другие регионы Европейской России. Именно в это время появляется формулировка «Ташкент – город хлебный», объясняющая масштабную миграцию населения в крупнейший центр Средней Азии. За период 1920–1926 гг. русское население столицы Узбекистана, увеличившись почти вдвое, достигает 105 тыс. чел. Таким образом, в пределах одного города в середине 1920-х гг. концентрируется почти четверть всего русского массива региона.

Но куда активнее процесс русского этнокультурного освоения Средней Азии разворачивается в последующие годы. Масштабные планы первых пятилеток для национальных окраин обернулись ускоренной индустриализацией (тем более что их опережающее развитие являлось одним из основных ориентиров социально-экономической политики советской власти). Строительство железных и автомобильных дорог, урбанизация и создание десятков крупных промышленных предприятий стало причиной множественных трудовых десантов в регион из «большой» России. По разнарядке в Среднюю Азию посылаются тысячи врачей, учителей, агрономов. Только в Узбекистан в годы второй пятилетки (1933–1938 гг.) приехало 94 тыс. русских рабочих и специалистов. Русское население Таджикистана в 1930-е гг. выросло на порядок. Но и в других республиках этот рост был многократным (рис. 6.3).

Перепись 1939 г. обнаруживает в регионе уже 1,4 млн чел. русских. Почти 950 тыс. чел. из них (68 %) проживали в городах. Стремительно растущая городская система региона в это время обретала ощутимый русский этнический облик. В Туркмении и Киргизии русские перед войной составляли половину республиканских горожан, в Узбекистане и Таджикистане – соответственно 35,5 и 37,2 %.

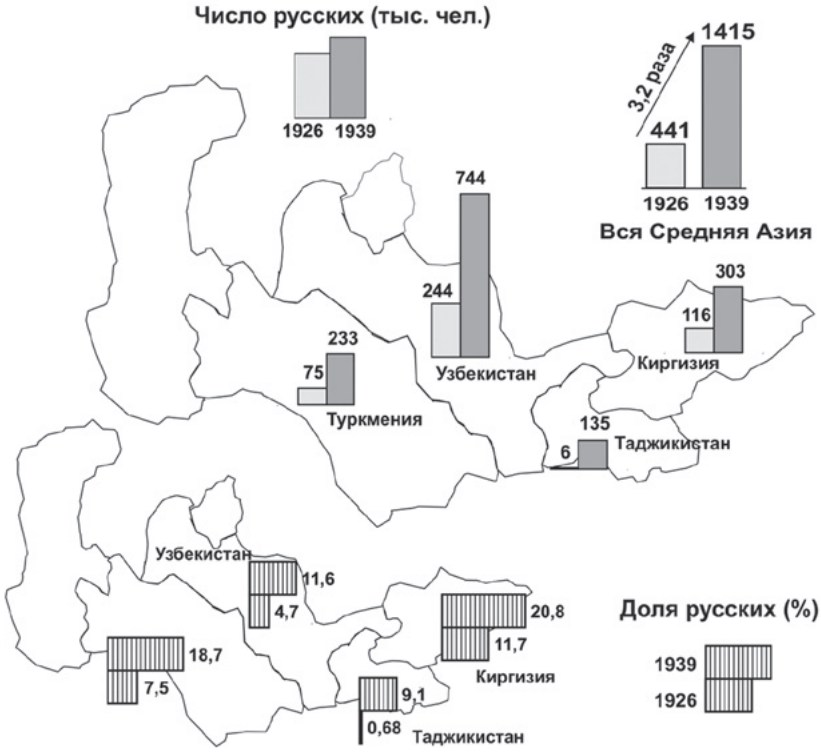

Рис. 6.3. Русское население Средней Азии, 1926–1939 гг.[1]

Даже в пределах само́й городской системы центростремительный характер русского расселения был очевиден. Чем крупней и выше по своему административному статусу был городской центр, тем больше в нем была доля русских и русскоязычных. Таким образом, концентрация русских была максимальной в республиканских столицах, в населении которых они в это время являлись основной этнической группой населения.

Растет русское население и в сельской местности. Конечно, здесь его присутствие было куда менее заметным, чем в городской среде. Тем не менее на него уже приходилось 3–4,5 % республиканских «поселян», а в Киргизии – более 14 %. Данная республика, заметим, была единственной в регионе, большая часть русского населения которой была расселена в сельской местности.

На растущую укорененность русских в Средней Азии указывало и достаточно сбалансированное гендерное соотношение, фиксируемое как в городах,

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_39.php

так и сельских районах. Половая структура русских к началу 1940-х гг. выровнялась даже в Таджикистане, в котором в середине 1920-х гг. мужской перевес был 4,5-кратным (а в сельской местности мужчин было больше в 15 раз).

За два десятилетия советская власть продвинулась в этнодемографической русификации региона больше, чем императорская Россия за 40 лет пребывания Средней Азии в ее составе. Впрочем, такого рода сравнение едва ли может быть корректным. Известно, насколько сложной и неравномерной во времени является такого рода этнодемографическая динамика. К тому же межрегиональная миграционная активность имеет тенденцию возрастать по мере продления срока пребывания территорий в пределах одного государства.

В конце 1930-х гг. Средняя Азия – куда более русский регион, чем в начале 1920-х. А Великая Отечественная война становится периодом еще более масштабного русского присутствия. Впрочем, имеет смысл говорить о стремительном демографическом росте не только русских, но и всего некоренного для региона населения страны, массово эвакуированного в Среднюю Азию. В республиках размещаются многие сотни промышленных предприятий, вывезенных вместе со своими трудовыми коллективами, открываются учебные заведения и детские дома; разворачиваются госпитали, в которых восстанавливаются после ранения десятки тысяч солдат Советской армии. Появляются в регионе и значительные массы гражданского населения, покинувшего оккупированные территории.

Пройдет два-три года – и эти производства и учреждения, как и массы беженцев, последуют в обратном направлении. Но часть перемещенного на юго-восток страны русского населения по разным причинам останется в Средней Азии, увеличивая местные русские общины. Тем более что на послевоенный период приходится новый виток советской индустриализации региона, сопряженной с масштабным городским строительством.

Послевоенные десятилетия

Перепись 1959 г. обнаруживает в Средней Азии уже больше 2,2 млн русских. Это число будет расти и дальше, но в удельном соотношении русское этническое присутствие в регионе достигает своего исторического максимума. На рубеже 1950–1960-х гг. в Узбекистане и Таджикистане русские составляют 13,3–13,5 % населения, в Туркмении – 17,3 %, а в Киргизии их уже более 30 %.

Следующее десятилетие (1960-е гг.) – последнее, связанное с ощутимым миграционным притоком русских в Среднюю Азию. Как и раньше, это были трудовые миграции на строящиеся и уже возведенные промышленные объекты – новые заводы и фабрики, плотины и гидроузлы. Потребность в квалифицированных кадрах была огромной. За период 1959–1970 гг. в регион перебралось около полумиллиона русских, половина из которых пришлась на Узбекистан, в котором пришлось почти с нуля восстанавливать разрушенный сильным землетрясением Ташкент (1966 г.). Перепись 1970 г. зафиксировала новый рекорд этнокультурного присутствия – более 3 млн русских в Средней Азии (рис. 6.4).

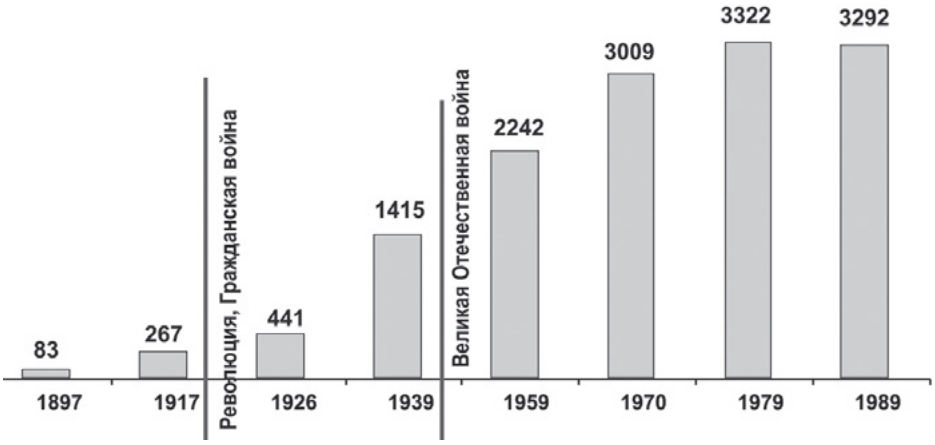

Рис. 6.4. Динамика численности русского населения Средней Азии, 1897–1989 гг. (тыс. чел.)

В последние два десятилетия советского периода темпы роста экономики постепенно шли на убыль, как и размах новых строек. Сокращались и потоки межреспубликанской трудовой миграции. Инерции данного мощного демографического тренда, заложенного послевоенными пятилетками, хватило еще и на 1970-е гг. Даже в это десятилетие все русские республиканские общины региона продолжали пополняться за счет миграционного притока, хотя и не столь значительного, как раньше (в общей сложности в Среднюю Азию в 1970-е гг. въехало порядка 170–190 тыс. русских). Но основным фактором демографического роста становится уже расширенное естественное воспроизводство, темпы которого тоже постепенно идут вниз (с ежегодных 11–12 ‰ в первой половине – середине 1960-х гг. до 6–7 ‰ в следующем десятилетии).

Временным порогом, развернувшим восходящий этнодемографический тренд на противоположный, стал рубеж 1980–1990-х гг. В Средней Азии

проживало более 3,3 млн русских. Но действовавшая с 1920-х гг. формула роста русского этнического присутствия через приток трудовых мигрантов – активных, а зачастую и основных создателей республиканской социальной сферы и промышленности, участников опережающего развития городов – полностью себя исчерпала.

Социокультурное развитие республик сопровождалось ростом национального самосознания титульных народов, нарастающей кадровой «коренизацией» профессиональных сообществ (прежде всего статусных социальных иерархий), всё более активным притоком в города местного сельского населения. Хотя во всех республиках Средней Азии русские наряду с титульными народами оставались ведущей группой городского населения (на них в конце 1970-х гг. приходилось 25–30 % горожан, а в Киргизии – почти 40 %). Еще выше была доля русских в республиканских столицах.

В целом вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг. стали коротким периодом равновесия в демографической динамике русских Средней Азии. Возможно, при другой общественно-политической траектории развития страны этот период мог превратиться во временно́е «плато», растянуться на 10–20 лет, в течение которых, перестав получать миграционную подпитку, региональный русский массив продолжал бы увеличиваться за счет небольшого естественного прироста.

Но за несколько перестроечных лет динамика развития Советского Союза стремительно скатывается в русло катастрофического сценария. Обрывается и равновесный период русского этнокультурного присутствия в Средней Азии. Но последняя советская перепись 1989 г. зафиксировала только начальные стадии набиравшего ход демографического отступления. Число русских в регионе сократилось за 10 лет всего на 29 тыс. чел. (менее 0,9 %) и по-прежнему составляло 3,3 млн чел. Однако миграционная убыль фиксировалась уже во всех республиках, составив в 1980-е гг. 165–175 тыс. чел. (причем самая значительная часть мигрантов покинула регион уже в годы перестройки)[1].

В 1990–1991 гг. ситуация в основных сферах жизни республиканских обществ (в том числе и сфере межэтнических отношений) стремительно ухудшалась, оборачиваясь в отдельных случаях массовыми миграциями из региона тех или иных национальных групп (например, были вынуждены бежать из Узбекистана турки-месхетинцы).

Массовый отток русского/русскоязычного населения из Средней Азии становился неизбежным. Начался он еще до распада Советского Союза.

[1] Достаточно сказать, что величина оттока русского населения в 1989 г. только из Узбекистана составила 35 тыс. чел.

Узбекистан

Демографический рост крупнейшей в регионе русской общины упал с 37 % в 1960-е гг. до 11,4 % в следующем десятилетии, что несколько превосходило собственный естественный прирост местного русского населения. Небольшой миграционный приток русских в республику мог сохраняться до середины 1970-х гг. Но если в 1960-е гг. их этническое присутствие ощутимо выросло в большинстве областей Узбекистана (за исключением Самаркандской и Наманганской областей), то в 1970-е гг. география активного демографического роста ограничивалась уже Ташкентом и тремя регионами республики. В двух других (Сурхандарьинская область и Каракалпакия) русские общины потеряли 12,5–15,5 %.

Менялась и форма расселения местных русских. Весь послевоенный период продолжался процесс их ускоренной урбанизации. Русское сельское население в республике сокращалось начиная с конца 1930-х гг. Начало этнодемографического отступления русских из республики можно отнести уже к середине века. Но на первых этапах оно имело отчетливую расселенческую форму. В 1960-е гг. сельская часть русской общины Узбекистана сократилась на 5 тыс. чел. (с учетом естественного прироста реальный отток составил около 20 тыс. чел.). В 1970-е гг. сельских русских стало меньше на 63 тыс. чел. (сокращение со 173 до 110 тыс. чел.) – для стабильного советского времени темпы убыли крайне высокие (принимая в расчет естественную динамику, сельскую местность республики за десятилетие покинул почти каждый второй русский житель) (табл. 6.1).

Нарастающая социокультурная специфика социальной жизни Узбекистана становилась всё менее комфортной для русских, в подавляющем большинстве не знавших узбекского языка[1]. Часть переселенцев могла уезжать из республики. Но основная масса перебиралась в города Узбекистана, куда был направлен и основной поток внешних трудовых мигрантов. Причем основным центром притяжения для тех и других являлся Ташкент.

В 1960-е гг. русская община столицы республики выросла на 41 %. Приезд в столицу Узбекистана строителей из многих регионов СССР был последним масштабными трудовым десантом в пределы республики. Но и в 1970-е гг. численность русских Ташкента выросла на 19 %[2]. К началу последнего советского десятилетия более 40 % всех русских Узбекистана – жители его столицы. А с учетом Ташкентской области в столичном ареале

[1] Из 1,67 млн чел. в конце 1970-х гг. «титульный» язык знало только 98,1 тыс. чел. (5,9 %).

[2] Помимо миграционного пополнения, этот рост мог быть обусловлен повышенным естественным приростом столичного русского населения, связанным с его молодой возрастной структурой и повышенной репродуктивной активностью.

было сосредоточено 60 % русского населения республики. Но и в других ее регионах основная масса русских – горожане. Уровень урбанизации общины в начале 1980-х гг. превышает 93 %. География русских Узбекистана всё более совмещается с его городской системой (рис. 6.5).

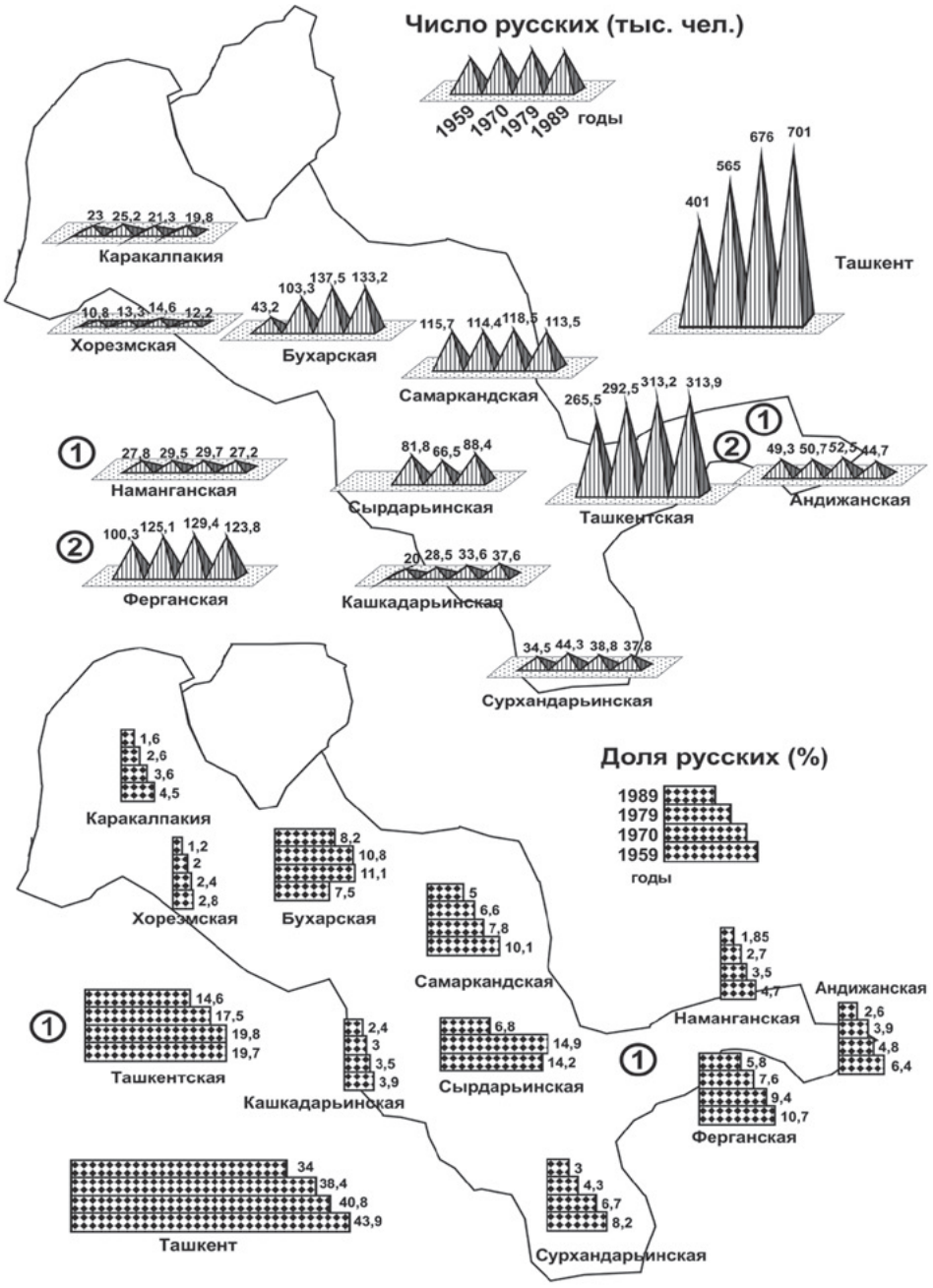
Таблица 6.1. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Узбекистана, 1926–1989 гг.[1]

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
1926	246,5	208,7	37,8	84,7	4,7	19,0	0,91	106	104	121
1939	727,3	515,0	212,3	70,8	11,6	35,5	4,4	94	85	119
1959	1090,7	912,7	178,0	83,7	13,4	33,5	3,3	75	73	87
1970	1495,5	1322,3	173,2	88,4	12,5	30,3	2,3	79	78	86
1979	1665,7	1555,5	110,1	93,3	10,8	24,8	1,2	80	80	84
1989	1653,5	1567,3	85,8	94,1	8,3	19,5	0,73	82	82	88

Данные геодемографические тренды еще отчетливей проявились в последнее советское десятилетие. Число сельских русских Узбекистана сократилось со 110 до 86 тыс. чел. Уровень урбанизации русского населения республики превысил 94 %. Но, в отличие от 1960–1970-х гг., число русских горожан выросло всего на 12 тыс. чел. Данный прирост был связан с положительной количественной динамикой столичной общины. Она увеличилась на 25 тыс. чел., тогда как численность остального русского городского населения республики уже начала сокращаться.

География русской демографической депопуляции, включавшая в 1960-е гг. только две области, в последнее советское десятилетие захватывала уже почти всю территорию республики – русское население количественно убывало в 10 из 12 регионов Узбекистана.

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php

1959–1989 гг.[1]

Туркмения и Таджикистан

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php

В целом аналогичной по геодемографическим закономерностям была послевоенная динамика русского населения в двух из трех остальных республик Средней Азии. Следует, однако, учесть, что число русских поселян в Туркмении и Таджикистане всегда было весьма незначительным. Причем в первой из них основное сокращение русских в сельской местности пришлось уже на 1940–1950-е гг. В течение этого периода их количество в Туркмении сократилось с 25,5 до 14,5 тыс. чел., а уровень урбанизации русской общины республики приблизился к 95 %. Почти все русские стали горожанами. Депопуляция русских сельских общин Туркмении продолжилась и в дальнейшем – к концу 1980-х гг. в ее сельской местности проживало только 10,4 тыс. русских жителей (табл. 6.2).

Таблица 6.2. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Таджикистана и Туркмении, 1926–1989 гг.[1]

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
Таджикистан										
1926	5,64	3,97	1,67	70,4	0,68	1,0	0,21	448	329	1519
1939	134,9	92,7	42,2	68,7	9,1	37,2	3,4	109	95	148
1959	262,6	228,3	34,3	86,9	13,3	35,3	2,6	77	74	97
1970	344,1	322,7	21,4	93,8	11,9	30,0	1,17	77	77	87
1979	395,1	371,8	23,3	94,1	10,4	28,3	0,94	79	78	91
1989	388,5	364,8	23,7	93,9	7,6	22,0	0,69	82	79	130
Туркмения										
1926	75,4	64,0	11,4	84,9	7,5	46,7	1,32	120	116	146
1939	232,9	207,5	25,5	89,1	18,7	49,8	3,1	99	90	235
1959	262,7	248,2	14,5	94,5	17,3	35,4	1,78	74	72	111
1970	313,1	299,5	13,6	95,7	14,5	29,0	1,21	80	79	118
1979	349,2	337,0	12,2	96,5	12,6	25,7	0,84	80	79	107
1989	333,9	323,5	10,4	96,9	9,5	20,3	0,54	83	81	132

Уход русских из сельской местности Таджикистана пришелся на 1940–

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php

1960-е гг. За 30 лет их число сократилось почти в два раза. Наиболее ощутимым оно оказалось в 1960-е гг. – с 34,4 до 21,4 тыс., чел. Это означало, что в течение десятилетия сельскую местность республики покинуло около 40 % ее русских жителей.

Городские общины в обеих союзных республиках росли быстрыми темпами до конца 1970-х гг., когда в них и был достигнут максимум русского демографического присутствия. В 1980-е гг. начинают сокращаться в числе и русские горожане. Впрочем, столичные общины (русские Ашхабада и Душанбе) очень ограниченно, но продолжали расти вплоть до конца советского периода. Это увеличило и без того высокий удельный вес столиц в структуре республиканского русского населения. Особенно отчетливым этот процесс был в Таджикистане, в котором доля столичных русских за 1939–1989 гг. выросла с 35 до 50 %. Но и в Туркмении к концу советского периода в столице было сосредоточено уже 39 % русских республики (рис. 6.6).

Растущая концентрация русского населения в столицах не способна была остановить процесс их быстрой коренизации. Русские, еще в 1970-е гг. являвшиеся в обеих республиканских столицах крупнейшей этнической группой, в последнее советское десятилетие уступили эту позицию титульным национальностям.

Если в Ашхабаде процесс русского этнокультурного отступления оставался плавным до самого конца советского периода, то в Душанбе он резко ускорился в начале 1990 г. – в середине февраля в столице Таджикистана произошли масштабные антирусские погромы под лозунгами: «Таджикистан для таджиков!», «Русские, убирайтесь в свою Россию!».

> *Существуют разные оценки количества жертв, но в любом случае счет шел на десятки, не говоря об избиениях и изнасилованиях, число которых многократно превышало количество убийств. Местные власти оказались не в состоянии остановить насилие, а Москва прореагировала со значительным опозданием. Внутренние войска были переброшены в столицу Таджикистана только через десять дней после начала погромов. Основную роль в прекращении насилия сыграли силы русской самообороны, организованные в городе к 15 февраля (погромы начались 12 февраля).*

Но стабилизация обстановки в столице республики по большому счету уже ничего не меняла. Русское население Душанбе убедилось в своей беззащитности даже в пределах современного модернизированного города, к этому времени всё еще на треть состоявшего из самих русских. Уход их из республики в последние два года советского периода принял массовые масштабы.

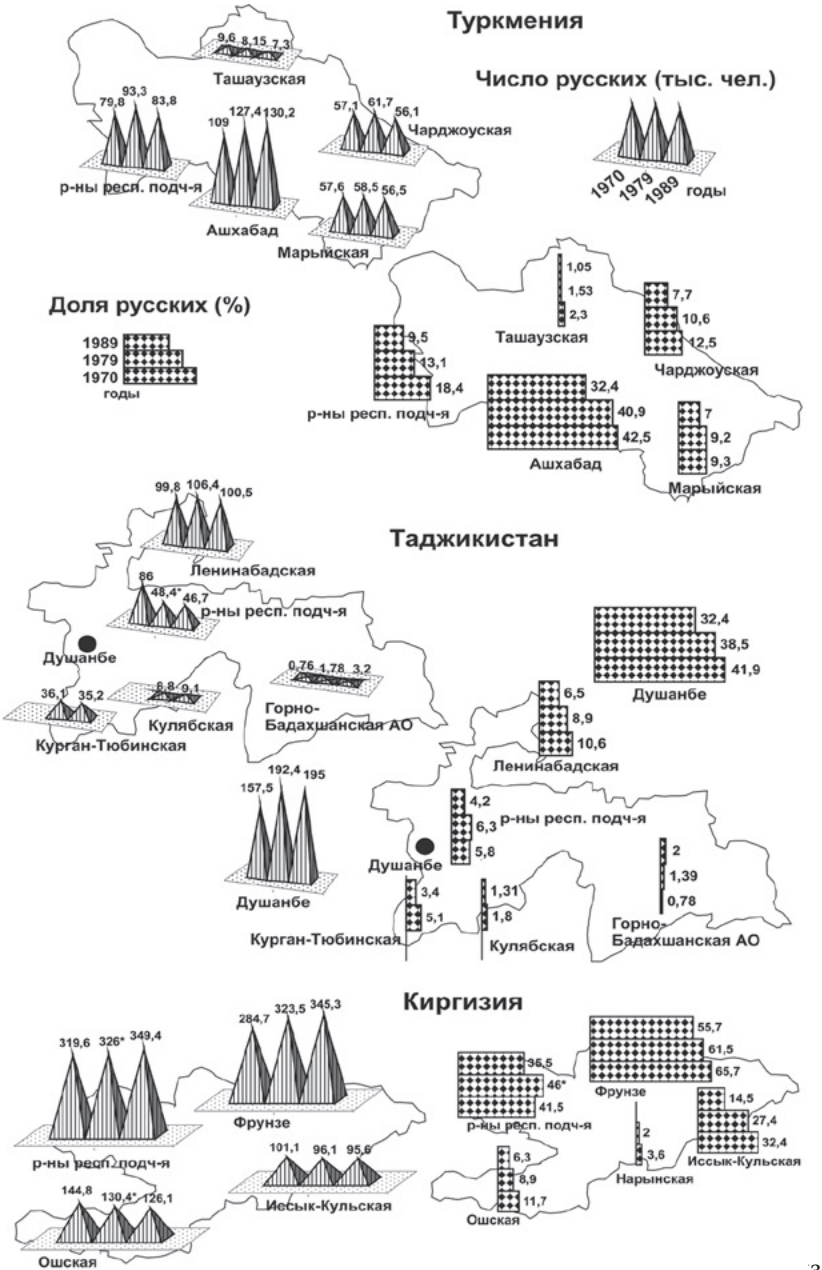

Рис. Число русского населения областей Туркмении, Таджикистана и Киргизии, 1959–1989 гг. (* – контуры территории изменились)[1]

Киргизия

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php

Определенной спецификой отличалась геодемографическая динамика русского населения Киргизии – единственной из республик региона, в которой сельские русские количественно преобладали на протяжении долгого времени. Уровень урбанизации русской общины в 50 % был достигнут здесь только в начале 1950-х гг., но демографический рост сельской ее компоненты продолжался еще два десятилетия. Только в 1970-е гг. отток в города начинает превышать естественный прирост и число русских поселян сокращается на 5 тыс. чел., но их география и система расселения оставалась широкой, включая северные и восточные районы республики (территории, прилегающие к республиканской столице, и Иссык-Кульскую область) (рис. 6.6).

Таблица 6.3. Геодемографические характеристики и гендерное соотношение русских Киргизии, 1926–1989 гг.[1]

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских, %			Гендерный баланс (число мужчин на 100 женщин)		
	всего	город	село		всего	город	село	всего	город	село
1926	116,4	45,1	71,4	38,7	11,7	37,2	8,2	101	103	99
1939	302,9	134,4	168,5	44,4	20,8	49,7	14,2	98	95	100
1959	623.6	360,3	263,2	57,8	30,2	51,7	19,2	83	81	87
1970	855,9	564,2	291,7	65,9	29,2	51,4	15,9	85	82	91
1979	911,7	625,3	286,4	68,6	25,9	46,3	13,2	86	84	91
1989	916,5	641,0	275,5	69,9	21,5	39,5	10,5	87	85	94

Доля русского населения в сельской местности Киргизии сокращалась на протяжении всего послевоенного периода, но и в конце советского периода составляла 10–13 %. Для Таджикистана и Туркмении данный показатель в это время опустился уже заметно ниже 1 %, в Узбекистане составлял 1,2–1,5 %.

Демонстрируя сходство с Казахстаном, Киргизия являлась единственной республикой Средней Азии, в которой численность русских росла практически до конца советского периода, увеличившись в 1980-е гг. почти на 5 тыс. чел. Столь незначительный прирост указывал на миграционный отток из республики в размере 40–50 тыс. чел.

6.3

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39_gs.php?reg=11&gor=3&Submit=OK; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php?reg=11; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59.php?reg=11.

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

1990-е гг.

Системный кризис СССР, закончившийся его распадом, раскручивает маховик русского этнокультурного отступления из региона уже на полную мощь. Показательной в этом плане является динамика русской миграции из **Узбекистана** – уже на рубеже 1990-х гг. она достигает внушительных размеров, составляя ежегодно десятки тысяч человек. Однако максимум приходится на первую половину 1990-х гг. с максимумом в 1994 г., когда и без того высокие показатели оттока выросли почти вдвое. Данный пик, очевидно, связан с окончательным решением выжидающей части русских, спустя 2–3 года после начала постсоветской эры убедившейся в бесповоротности происшедшего распада советской империи (а значит, и в окончательной государственной независимости Узбекистана – консервативной мусульманской страны, в которой русские отныне и навсегда становятся нацменьшинством с минимально защищенными правами и практически без знания государственного языка).

По данным А. Амана, чистый отток русских из Узбекистана только за 1990–1998 гг. составил более 642 тыс. чел. Но в исследовательской литературе присутствуют и более скромные оценки миграционной активности русских. По мнению авторов девятого демографического ежегодника России, за 1992–2001 гг. нетто-миграция русских из страны составила почти 398 тыс. чел. Как видим, расчетные периоды не совпадают, но для общего временного интервала ежегодные оценки оттока русских второго из этих источников оказываются в 1,5–2 раза ниже (табл. 6.4).

Учитывая, что перепись населения УзССР, проведенная в рамках советской переписи 1989 г., по настоящий момент остается последней в истории страны, определить точность представленных выше цифр невозможно. Ежегодные отчеты Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан дают некоторое представление об этнодемографической динамике населения страны, однако есть серьезные причины относиться к публикуемой статистике с осторожностью. Анализ динамики русского населения постсоветского Узбекистана (впрочем, как и всех его остальных народов) в значительной степени представляет собой экспертный расчет, сопряженный

с возможностью серьезных количественных ошибок, способных составлять десятки процентов от размера анализируемых национальных сообществ.

Таблица 6.4. Миграционная динамика русского населения Узбекистана

Страны	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Данные А. Амана[1]													
Прибывшие	62,4	32,5	48,2	45,1	36,1	24,6	26,5	12,1	7,5	7,5			
Выбывшие	97,5	70,6	102,4	174,1	116,6	208,6	115,0	31,2	28,3	35,5			
Чистый отток	35,2	38,2	54,2	129,1	80,5	184,0	88,6	19,1	20,8	28,0			
Население России 2001[2]													
Чистый отток				65,2	50,7	93,5	64,2	23	19,7	23	22,7	22,7	13

Различаясь в оценках масштабов оттока русских из Узбекистана, разные источники сходятся в том, что после пиковых значений первой половины 1990-х гг. во второй половине этого десятилетия активность миграции существенно снижается. К этому времени все однозначно ориентированные на отъезд русские покидают республику, и этнокультурное отступление из стремительной стадии переходит в плавную, сохраняя при этом устойчивость. А естественная убыль, накладываясь на отток, работает на ускоренное демографическое сжатие практически всех территориальных русских общин страны.

Согласно одной из оценок, численность русских в Узбекистане на рубеже 1990–2000-х гг. составляла 1199 тыс. чел., т.е. сократилась на 454 тыс. чел. (или на 27,5 %) в сравнении с 1989 г. Но если ориентироваться на данные А. Амана, только миграционные потери русского населения за период 1990–2000 гг. могли приближаться к 700 тыс. чел. Порядка 3–4 % (50–60 тыс. чел.) русской общины страны составляла в 1990-е гг. естественная убыль. Таким образом, к началу XXI в. в Узбекистане могло оставаться около 900 тыс. русских. Однако сам А. Аман для 1999 г. дает еще меньшую цифру – 843 тыс. чел.[3]

Даже если исходить из более осторожных оценок миграционного оттока, за весь анализируемый период они должны были составить примерно 450 тыс. чел. С учетом естественной убыли русских в Узбекистане стало бы меньше на полмиллиона человек (около 1,15 млн чел.). Если предположить,

[1] *Aman Alikhan.* Population migration in Uzbekistan (1989–1998). Tashkent: UNHCR, 2000. P. 61.

[2] Население России 2001: девятый ежегодный демографический доклад. М., 2002. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r01/sod_r.html.

[3] *Aman Alikhan.* Op. cit. P. 100–101.

что реальная численность русского населения в стране в 2000 г. была примерно равноудалена от крайних оценок (840 и 1200 тыс. чел.), то наиболее вероятный ее количественный диапазон – 1000–1050 тыс. чел. (т.е. русских в 1990-е гг. стало меньше на 36,5–40 %).

В целом аналогичной была динамика русских в **Киргизии**, обладавшей в регионе второй по величине русской общиной, при максимальном для Средней Азии удельном весе русских в структуре населения. Существенным фактором, во многом определившим характер демографический динамики русского населения в постсоветский период, являлась форма его расселения в стране. Напомним, что в Киргизии (как и в соседнем Казахстане) помимо городов русское население исторически было широко представлено и в сельской местности.

Сельское население, имеющее за спиной несколько поколений, выросших на этой земле, обладает куда более высокой степенью укорененности, чем городское. Это обстоятельство, как и общий значительный удельный вес русских в Киргизии, определяло меньшие масштабы оттока, чем в Узбекистане. Но сама динамическая кривая миграционного оттока была аналогичной – пик его пришелся на первую половину 1990-х гг. Показателен быстрый спад миграции после 1994 г. (за 7 последующих лет чистый отток русских составил только 50 тыс. чел.). За период 1989–1999 гг. число русских в республике сократилось с 917 до 603 тыс. чел. (на 34 %). С учетом того, что естественная убыль за этот период не превышала 20–30 тыс. чел., подавляющая доля демографических потерь (90–95 %) пришлась именно на миграцию.

Опережающими темпами сокращалось число русских горожан, что привело к некоторому сокращению уровня урбанизации русского населения страны. Исключение составляла только столица Киргизии. Если в конце советского периода на Бишкек (Фрунзе) приходилось 37,7 % русских республики, то на рубеже веков – уже почти 42 %. При этом доля остальных русских горожан сократилась с 32,2 до 23,6 %. Неравномерной была убыль русских и по регионам страны. Максимальные темпы депопуляции демонстрировали южные области – Ошская, Баткенская, Нарынская, в которых численность русских в 1990-е гг. сократилась в несколько раз.

География и форма расселения русского населения Киргизии заметно трансформировалась. В большей степени сохранялись столичная община и сельское население прилегающих к Бишкеку территорий (Чуйская область).

В двух других государствах региона демографическое сжатие русских общин оказалось более стремительным. Масштабный исход русских (и в целом русскоязычных) из **Таджикистана**, как уже отмечалось, начался еще в советский период. К моменту распада СССР из 388 тыс. чел. русских, зафиксированных переписью 1989 г., в республике оставалось только 250 тыс. чел.

За два последних года советской власти ее покинули около 140 тыс. русских. Почти столько же иммигрировало из Таджикистана в последующие четыре года (1992–1995 гг.). К середине десятилетия дерусификация страны уже в значительной степени состоялась. Это и подтвердила перепись 2000 г., обнаруживавшая в Таджикистане 68,2 тыс. русского населения (в 5,7 раз меньше, чем в 1989 г.).

Уход русских был повсеместным. Столичная община сократилась даже в большей степени, чем русское население других городов и сельской местности. Очевидно, свою роль сыграло то, что именно Душанбе стал эпицентром русских погромов на рубеже 1980–1990-х. Впрочем, и в сельских районах численность русских сократилась многократно, и к началу нового века составляла менее 7 тыс. чел. (0,15 %), практически неощутимых в местной этнокультурной среде. Заметную часть сельских русских могли составлять женщины, вышедшие замуж за таджиков или представителей другого регионального народа.

> *Один из распространенных вариантов такой семьи проиллюстрирован местной журналисткой следующим образом: «Кишлак Хасани находится в десяти километрах от районного центра. Обычный таджикский дом. Хозяйка дома ничем не отличается от ста других таджикских женщин, одетая в национальную одежду, большой повязанный платок, только светлые глаза и незначительный акцент свидетельствовали о том, что перед нами – явно не таджичка. Дина Пешкова живет здесь с 1967 года, со времени, когда ее будущий муж Шоди Камолов… после армии привез ее из Мокроусского района Саратовской области. Она приняла исламскую религию, родила десятерых детей и почти забыла свой родной язык»*[1].

Однако и в городской среде Таджикистана русские к 2000 г. стали малозаметной национальной группой – 5,1 % среди жителей столицы и 3,1 % населения в других городах (в конце советского периода эти цифры составляли соответственно 32,4 и 16,1 %). Всегда обладавшие высоким уровнем урбанизации, русские к началу XXI в. должны были уже в максимальной степени сконцентрироваться в городах, прежде всего в столице – по сути, единственном крупном центре страны, сохранившем значительный социокультурный потенциал и многие модернизированные формы социальной жизни[2].

---

[1] *Курбанова М.* Дина Пешкова: «Я уже давно таджичка!». URL: http://www.toptj.com/News/2006/10/26/dina_peshkova_ya_uzhe_davno_tadzhichka

[2] Очевидно, что между размером городского центра и сохранением в нем модернизированной социальной среды и современных структур повседневности в постсоветской Средней Азии наблюдалась прямая зависимость. Малым городам региона, даже в советское время располагавшим небольшим социокультурным потенциалом, после распада СССР оказалось еще сложнее противостоять плотно обступившей их сельской социальной архаике. Согласно переписи 2000 г., после столичного Душанбе

Быстрыми темпами сокращалась русская община и в **Туркменистане**. Однако анализ ее демографической динамики предельно затруднен из-за погрешностей национальной переписи 1995 г. и публиковавшихся в последующие годы официальных материалов республиканского статкомитета. Со второй половины 1990-х гг., рапортуя туркмен-баши С. Ниязову о небывалых демографических успехах республики, представители Госкомстата самым существенным образом завышали реальную численность населения.

По данным переписи 1989 г., в Туркмении проживало 3,53 млн чел. Перепись 1995 г. насчитала в республике уже 4,48 млн жителей. Итак, если за последнее советское десятилетие (1979–1989 гг.) ее население выросло примерно на 750 тыс. чел., то за шесть последующих лет – уже на 950 тыс. чел. На первую половину 1990-х пришелся максимальный миграционный отток русского и русскоязычного населения. Но даже если эмиграцию из страны не брать в расчет, считая миграционное сальдо равным нулю, получить подобный демографический рост можно было только при увеличении среднегодового коэффициента естественного прироста с 2,2–2,3 % (1979–1989 гг.) до 4,1–4,2 % (1989–2005 гг.). То есть в условиях глубокого политического и социально-экономического кризиса, на который население всех постсоветских государств ответило сокращением своей рождаемости и ростом смертности, демографическая динамика Туркменистана была прямо обратной.

Проблема данного виртуального демографического «довеска» усугубилась тем, что, начав делать масштабные приписки, республиканский Госкомстат не мог остановиться. Уже в 1999 г. его специалисты констатировали рождение 5-миллионного жителя республики. К середине 2003 г. родился 6-миллионый житель, а к лету 2007 г. население Туркменистана, усилиями его Госкомстата, вплотную приблизилось к семимиллионному рубежу, статистическое покорение которого остановила только смерть С. Ниязова. Но последствия данного «марафона» приписок сказываются до сих пор. Среди них, в частности, невозможность публикации данных переписи населения республики, проведенной еще в декабре 2012 г.

Очевидно, что в такой ситуации не приходится доверять данным официальной статистики и по национальной структуре населения Туркменистана. Если эти данные были существенно завышены для всего населения страны,

(562 тыс. чел.) вторым по размеру городом Таджикистана являлся Худжанд, имевший всего 149 тыс. жителей; третьим центром был Куляб – 78 тыс. чел. Не говоря уже об остальных городах, население которых было меньше 50 тыс. чел.

есть серьезные основания полагать, что такими же они были и в отношении местного русского населения.

Итак, согласно данным переписи, русская община Туркменистана за период 1989–1995 гг. сократилась всего на 10 % (с 334 до 299 тыс. чел.). Между тем именно на этот период пришлись пиковые показатели оттока русских из всех других бывших республик СССР, и едва ли Туркменистан был исключением[1]. Только по официальным (далеко неполным) данным, эмиграция русских из республики в Россию в 1992–1995 гг. составила почти 43 тыс. чел. С показателями 1991–1992 гг. и неучтенным оттоком данную цифру можно увеличить до 70–80 тыс. Свой вклад в демографическое сжатие русской общины начала вносить и естественная убыль, которая, впрочем, в первые постсоветские годы была незначительной.

К середине 1990-х гг. в Туркменистане могло оставаться порядка 250 тыс. русских. Период интенсивного сокращения местной русской общины мог оказаться несколько более затяжным, чем в других государствах Средней Азии (то есть завершиться не к 1994–1995 гг., а к 1997–1998 гг.)[2]. К началу XX в. в республике, по разным оценкам, оставалось от 100 до 250 тыс. русских. Реальная цифра, очевидно, располагалась в середине этого диапазона, в пределах 150–200 тыс. чел.

Но возможна и несколько более точная экспертная оценка. Согласно официальной статистике Госкомстата РФ, чистый отток русских из Туркменистана в Россию в 1995–2000 гг. составил 38 тыс. чел. С учетом теневой миграции, естественной убыли, а также русских, выехавших в другие страны СНГ и дальнее зарубежье, общий масштаб демографических потерь республиканской общины во второй половине 1990-х гг. мог достигать 50–60 тыс. чел. Если исходить из предположения, что в середине первого постсоветского десятилетия русских в стране было 250 тыс. чел., то к 2000 г. их должно было оставаться в пределах 190–200 тысяч.

Итак, на протяжении 1990-х гг. русский массив Средней Азии сократился почти в два раза. Но и на рубеже XX–XXI вв. он составлял всё еще весьма значительную величину – порядка 1,7–1,77 млн чел.

[1] К примеру, по данным М.С. Демидова, только в 1994 г. официальная эмиграция русских из республики составила 17,4 тыс. чел. (Демидов М.С. Постсоветский Туркменистан. М., 2002. С. 15).

[2] В этом отношении показательно, что по официальным данным российского Госкомстата ежегодный максимум оттока русских из Туркменистана был достигнут только в 1996 г., тогда как в Таджикистане в 1992 г., в Киргизии в 1993 г., в Узбекистане в 1994 году.

Начало XXI в.

Тенденция повсеместного русского этнокультурного отступления из региона сохраняется и в 2000-е гг. Острая фаза данного процесса осталась позади во всех государствах Средней Азии. Но устойчивый отток и столь же устойчивая естественная убыль работали на повсеместное сокращение русского населения.

Достаточно точная информация о демографической динамике русских общин на протяжении первых двух десятилетий XXI в. имеется только по Киргизии. Но перепись населения, проведенная в Таджикистане в 2010 г., также позволяет достаточно точно оценить численность и пространственное размещение русских в этой среднеазиатской стране в конце 2010-х гг. Для Узбекистана существует официальная статистика, представляющая данные текущего демографического учета. Эти данные могут быть завышены, но в любом случае расширяют возможности экспертной оценки геодемографической динамики русской общины этой страны в 2000–2010-е гг. Отрывочная информация имеется и по русским Туркменистана, предполагающая, однако, их серьезную аналитическую экспертизу.

Узбекистан

Первая перепись населения, которая должна пройти в постсоветском Узбекистане, анонсирована властями на 2022 г. Информация, предоставляемая Государственным статистическим комитетом Узбекистана, является результатом текущего этнодемографического и миграционного учета. Согласно ему, численность русских в стране на рубеже веков составляла порядка 1200 тыс. чел. К началу 2010-х гг. она опустилась ниже 900 тыс. чел., а в 2017 г. составила 750 тыс. чел. (табл. 6.5).

Таблица 6.5. Динамика русского населения Узбекистана, 1989–2017 гг.[1]

Годы	1989	2000	2005	2009	2013	2017
Число русских, тыс. чел.	1653,5	1199,0	983,6	895,3	809,5	750
Доля русских, %	8,3	4,9	3,8	3,3	2,7	2,3

Максимальными в XXI в. были демографические потери первой половины 2000-х гг., когда Узбекистан ежегодно терял более 43 тыс. чел. русского

[1] Составлено по: *Салиев А.С., Федорко В.Н.* Русская культура в Республике Узбекистан: общественно-географический анализ // Феномен культуры в российской общественной географии. Ростов н/Д, 2014. С. 400; *Федорко В.Н., Курбанов Ш.Б.* Этногеографическое районирование Узбекистана // Известия географического общества Узбекистана. Т. 54. Ташкент, 2018. С. 42–53.

населения (почти 4 % от общей численности в это время). В дальнейшем абсолютные и относительные масштабы убыли сокращались (табл. 6.6).

Таблица 6.6. Динамика русских Узбекистана по отдельным периодам, конец XX – начало XXI в.

Период	Убыль, тыс. чел.	Среднегодовая убыль, тыс. чел.	Среднегодовая убыль от общего числа русских, %
1989–2000	454,6	41,3	2,9
2001–2005	215,4	43,1	3,95
2006–2009	88,3	22,1	2,35
2010–2013	85,8	21,4	2,51
2014–2017	59,5	14,9	1,92

Согласно официальным данным, численность русских сократилась в Узбекистане за 1989–2017 гг. в 2,2 раза. Напомним, что в соседнем Таджикистане уже первое постсоветское десятилетие завершилось почти полной дерусификацией республики. В пределах другой сопредельной страны – Киргизии – русских в постсоветский период стало меньше в 2,6 раза. Результаты постсоветских переписей в странах ближнего зарубежья нередко обнаруживали куда меньшие размеры русских общин, чем это оценивалось текущим этнодемографическим учетом. Реальные миграционные потери русского населения оказывались значительно больше фиксируемых государственными органами. Наиболее характерные примеры – Казахстан и Латвия, в которых официальная статистика «пропускала» 25–35 % демографической убыли русских общин. Есть основания полагать, что ситуация с Узбекистаном аналогична.

Убеждает в этом и анализ официальных данных о численности и доле русских в населении ряда городов Узбекистана. Согласно этим данным, в 2017 г. в Чирчике проживало 47,2 тыс. русских (27,4 % населения города), в Алмалыке – 28,2 тыс. (22,4 %), Самарканде – 30,9 тыс. чел. (5,9 %) (см. Приложение). Очевидно, что данные цифры существенно завышены и реальные количественные показатели местного русского населения значительно ниже.

Среди экспертов, не склонных доверять официальной статистике, фигурировали более скромные оценки современного демографического потенциала русской общины Узбекистана. По оценке А.Л. Арефьева, русских в Узбекистане к 2010 г. оставалось менее 700 тыс. чел.[1] Согласно Л.Л. Хоперской, русское население страны к этому времени составляло менее 500 тыс. чел.[2] Но если

[1] *Арефьев А.Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М., 2012. С. 121.

[2] *Хоперская Л.Л.* Российские соотечественники в Центральной Азии – демографический ресурс, отрезанный ломоть или хранители русского мира? // Этнопанорама. 2012. № 3–4. С. 2.

официальные цифры можно считать своего рода расчетным максимумом, то величина, обозначенная Л.Л. Хоперской, скорее представляет противоположный полюс – минимальную оценку. Реальный показатель, очевидно, располагался в заданном этими полюсами количественном диапазоне.

Как уже отмечалось, приблизительная численность русских Узбекистана в 2000 г. составляла 1–1,05 млн чел. Есть основания полагать, что темпы дерусификации страны в первом десятилетии XXI в. могли быть меньше, чем в Таджикистане или Туркменистане, но больше, чем в Киргизии, и тем более – в Казахстане. В двух последних государствах русских в данном десятилетии стало меньше соответственно на 31,4 и 14,1 %. Если определить демографические потери русской общины Узбекистана в 35–40 %, ее размеры в 2010 г. могли составлять около 600–650 тыс. чел.

Свою роль в демографической динамике русского населения страны в постсоветский период играло обрусение части представителей русскоязычных общин, а с другой стороны – потери, связанные с ассимиляцией самих русских узбеками. Напомним, что в Казахстане русские наряду с казахами в конце XX – начале XXI в. являлись двумя полюсами этнокультурного притяжения для значительной части остального населения страны. И если этнические общины среднеазиатских народов ассимилировались титульными казахами, то русскоязычные диаспоры тяготели к русскому демографическому множеству, компенсируя часть его естественной убыли и миграционных потерь.

Аналогичные процессы протекали и в постсоветской Средней Азии, однако с поправкой на существенно меньший социодемографический (а значит, и ассимиляционный) ресурс местных русских общин. По сути, только в Узбекистане и Киргизии русские были достаточно многочисленны, чтобы сколько-нибудь серьезно претендовать на роль центра этнокультурной консолидации некоренных для Средней Азии этнических групп населения.

Очевидно, что в 1990–2000-е гг. обрусение русскоязычных общин Узбекистана позволяло русской общине компенсировать часть ее демографических потерь. Но масштабы этого ассимиляционного пополнения были незначительными (в самом первом приближении они могли составлять порядка 20–30 тыс. чел.)[1].

[1] Даже столь скромная количественная оценка нуждается в дополнительной проверке. Согласно Л.П. Максаковой, за 1989–2002 гг. численность русских и украинцев в Узбекистане сократилась в равной степени – примерно на 60 %. (См.: *Максакова Л.П.* Узбекистан в системе международных миграций // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М., 2009. С. 331). Если это соответствует действительности, масштабы обрусения республиканских украинцев в 1990-е гг. были минимальными.

Ко второму десятилетию XXI в. этот источник демографического роста был, по сути, исчерпан. Даже без точной информации о количественной динамике крупнейших русскоязычных общин страны не вызывает сомнения многократное сокращение их численности. Речь может идти о количественном сжатии на математический порядок. В любом случае суммарная численность украинцев, белорусов, немцев, евреев в Узбекистане, составлявшая в конце советского периода почти 290 тыс. чел., в настоящее время едва ли превышает 30–50 тыс. чел., что не оставляет надежд на сколько-нибудь значительное ассимиляционное пополнение русской общины страны[1].

В отличие от Казахстана, самыми незначительными оставались в Узбекистане и ассимиляционные потери русских, вследствие брачности с титульными узбеками. Количество русско-узбекских браков на всем протяжении постсоветского периода оставалось небольшим, как и масштабы их смешанного потомства.

Для русских современного Узбекистана характерны основные проблемы, свойственные русскому населению всех бывших южных республик СССР, связанные с нарушением гендерного баланса (ощутимым женским перевесом) и заметным повышением медианного возраста. В 2008 г. рождаемость русских в стране составляла 6,2 ‰, смертность – 12,8 ‰[2]. Именно значительный средний возраст местного русского населения был причиной столь низкой рождаемости. Данная социодемографическая характеристика предопределяла и устойчивый характер естественной убыли, которая в 2000-е – начало 2010-х гг. устойчиво могла составлять 6–8 ‰, а в самые последние годы снова должна была пойти в рост. С учетом миграционного оттока ежегодная демографическая убыль русской общины могла составлять около 1,8–2 % от общей ее численности (т.е. соответствовать динамике русского населения Киргизии).

Сказанное означает, что за 2010–2018 гг. численность русских в Узбекистане сократилась на 13,5–16 % и в начале 2019 г. могла составлять порядка 500–550 тыс. чел. (рис. 6.7). Средний возраст этого населения с большой вероятностью заметно превышает 40-летний рубеж (скорее всего, он приближается к 45 годам). Можно также предположить, что женская часть общины достигала 57–60 % от ее численности. Иными сло-

[1] Несколько более многочисленны татары, численность которых, по официальным данным, в 2017 г. составляла 195 тыс. чел. Являясь в значительной степени русскоязычной, данная община демонстрировала существенно меньшие масштабы этнического обрусения, чем восточные славяне или немцы.

[2] *Салиев А.С., Федорко В.Н.* Русская культура в Республике Узбекистан ...

вами, на 100 русских мужчин в Узбекистане в настоящее время приходится 130–150 женщин.

География этого населения сохранила основные черты системы расселения советского периода, в которой центральное место принадлежало республиканской столице. На Ташкент в конце 1989 г. приходилось более 42 % русских Узбекистана. В постсоветские десятилетия доля русского населения, сконцентрированного в столице страны, должна была возрасти за счет притока из сельской местности и других городских центров.

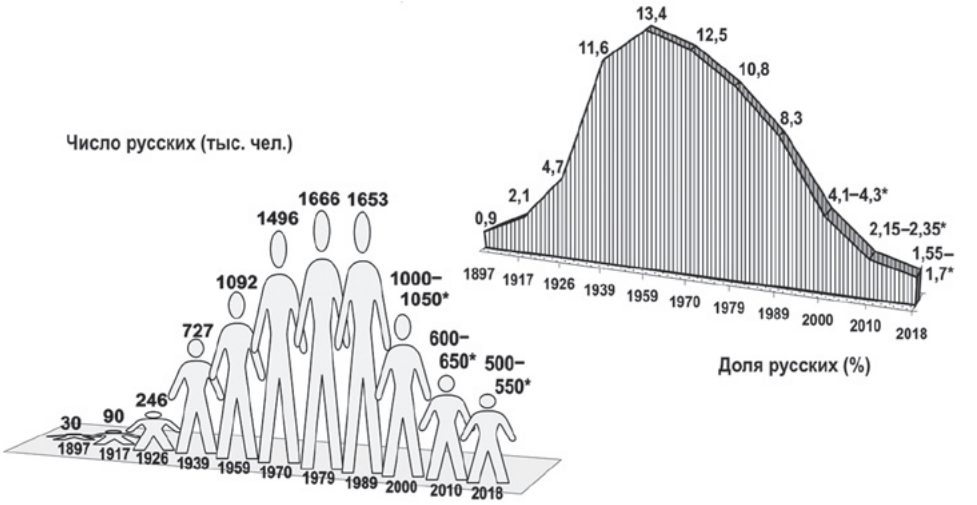

Рис. 6.7. Динамика русских в территориальных пределах современного Узбекистана, 1897–2018 гг. (* – оценка автора)[1]

Согласно циркулирующим в информационном поле оценкам, численность русских в Ташкенте во второй половине 2000-х гг. могла составлять порядка 450 тыс. чел. (в справке, характеризующей национальную структуру населения города, помещенной на официальном сайте хокимията г. Ташкента, было указано, что доля русских составляет 20 % от числа горожан).

К 2013 г., по данным Госкомстата Узбекистана, собранным В.Н. Федорко и А.С. Салиевым, эта цифра сократилась до 16,2 %, а в 2014 г. составила 14,2 %. На Ташкент приходилось 46 % всех русских страны (345 из 750 тыс. чел.). Даже принимая во внимание количественные размеры русской общины страны (с большой вероятностью, завышенные официальной статистикой), мож-

[1] Составлено (рис. 6.7–6.14) по: *Кабузан В.М.* Русские в мире. С. 279; Демоскоп Weekly (приложение). URL: Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

но предположить, что оценка столичного русского населения была близка к действительности. Численность русских в Ташкенте во второй половине 2010-х гг. могла составлять порядка 300–350 тыс. чел. (рис. 6.8).

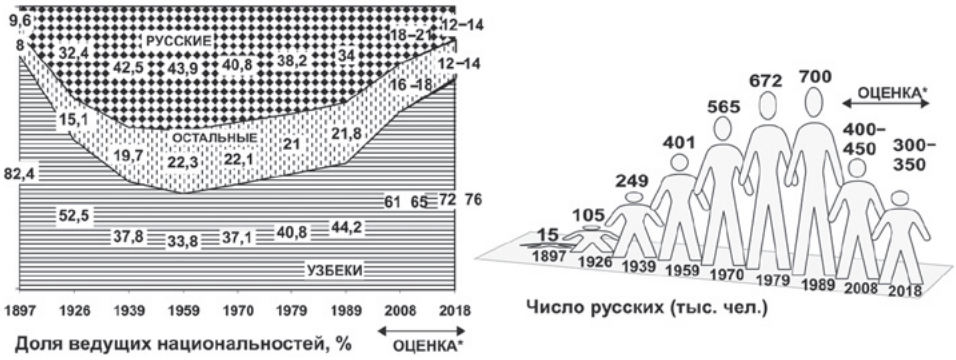

Рис. 6.8. Динамика русского населения Ташкента, 1897–2018 гг. (* – оценка автора)

Итак, на столицу в настоящее время приходится уже больше половины русского населения Узбекистана. Процесс концентрации русских в столичном регионе имеет устойчивый характер. А в пределах других территорий страны русские почти в максимальной степени сосредоточены в городах, прежде всего в областных центрах, на которые в большинстве регионов Узбекистана приходится 60–70 % местного русского населения (табл. 6.7)[1].

Таблица 6.7. Динамика русского населения по регионам Узбекистана, 1989–2017 гг.[2]

Регионы	Число русских, тыс. чел.		Доля русских в населении, %				Доля русских, проживающих в областном центре, %
	1989	2017	1989	2005	2013	2017	
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
Андижанская обл.	44,7	19,0	2,6	0,9	0,7	0,6	61,4
Бухарская обл.	133,2	26,2	8,2	2,0	1,6	1,4	59,6 (84,8)*
Навоийская обл.	–	17,6	–	4,5	2,5	1,9	58,4 (83,4)
Джизакская обл.	34,0	15,1	4,4	1,7	1,3	1,2	53,0

[1] Следует учитывать, что помещенные в таблице цифры за 2017 г. являются данными текущего демографического учета, дающего для всей страны величину 750 тыс. чел. Реальный размер русской общины страны может составлять 500–550 тыс. чел. Соответственно заметно меньше оказывается численность русского населения и по отдельным регионам страны. Процент завышения может варьировать для них в достаточно широком диапазоне.

[2] Составлено по: *Салиев А.С., Федорко В.Н.* Русская культура в Республике Узбекистан ... С. 400; *Федорко В.Н., Курбанов Ш.Б.* Этногеографическое районирование ... С. 42–53.

Окончание табл. 6.7

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*
Кашкадарьинская обл.	37,6	20,7	2,36	1,0	0,7	0,7	76,8
Наманганская обл.	27,2	11,9	1,85	0,7	0,5	0,4	79,6
Самаркандская обл.	113,5	48,4	5,0	2,2	1,5	1,3	63,8
Сурхандарьинская обл.	37,8	21,6	3,0	1,3	1,0	0,9	64,2
Сырдарьинская обл.	88,4	23,3	6,8	4,4	3,3	2,9	28,9 (40,3)
Ташкентская обл.	313,9	141,8	14,6	7,4	5,6	5,0	70,8 (79,5)
Ферганская обл.	123,8	42,8	5,8	2,0	1,4	1,2	16,4 (28,0)
Хорезмская обл.	12,2	6,0	1,2	0,5	0,4	0,3	21,4
Ташкент	701,3	345,1	34,0	21,6	16,2	14,2	
Каракалпакия	19,8	10,5	1,64	0,8	0,6	0,6	58,8

Примечание: * – с учетом второго городского центра данного региона.

Киргизия

Русское население страны за 1999–2009 гг. сократилось почти на треть (с 603 до 408 тыс. чел.). Естественная убыль русских в первом десятилетии XXI в. могла составить порядка 5–6 % от общей их численности в республике, т.е. не превышала 25–30 тыс. человек. Таким образом, как и в 1990-е гг., демографические потери были в самой значительной степени связаны с миграционным оттоком. И по-прежнему наиболее быстрым темпом шло сокращение русских «провинциальных» горожан. Если русское население столичного Бишкека за 1999–2009 гг. сократилось на 24 %, сельских районов республики – на 30 %, то остальных городов – на 42 %. В итоге доля русских Киргизии, проживающих в столице, выросла с 42 % до 47 %.

Активный миграционный отток «вымывал» в первую очередь молодежь. И средний возраст русских поднялся до 41 года. Еще опасней для демографического воспроизводства русского населения страны был нарастающий гендерный дисбаланс. В конце нулевых в Киргизии на 100 русских мужчин приходилось уже 127 женщин (среди горожан данный показатель поднимался до 135). Тем самым всё отчетливей обнаруживались две основные социодемографические характеристики процесса демографического угасания территориальной этнической группы (постепенное «старение» ее представителей и непропорционально большой удельный вес в ее составе женщин старших возрастов).

Впрочем, сравнительно мягкая степень выраженности деградационных признаков указывала на начальные стадии данного процесса. Средний возраст русских Киргизии лишь на три года превосходил показатель русского населения России. Сходный уровень репродуктивной активности

демонстрировали и русские женщины детородного возраста (20–39 лет) обеих стран – соответственно 1,5 и 1,63 ребенка.

Итак, быстрые темпы дерусификации определялись не столько внутренними факторами, сколько внешними – миграционными потерями. Это и было подтверждено демографической динамикой русских страны во втором десятилетии XXI в. За период 2010–2018 гг. их число сократилось на 12,5 % (с 408 до 357 тыс. человек) (рис. 6.9). Темпы депопуляции, оставшись весьма значительными, заметно снизились (если в 2000-е гг. русская община в среднем за год теряла 3,44 % своей численности, то в 2010-е гг. уже 1,78 %). Центральную роль в этом сыграло сокращение масштабов оттока. Хотя на него по-прежнему приходилось порядка ⁴⁄₅ (40 из 50 тыс.) демографической убыли русского населения страны в текущем десятилетии.

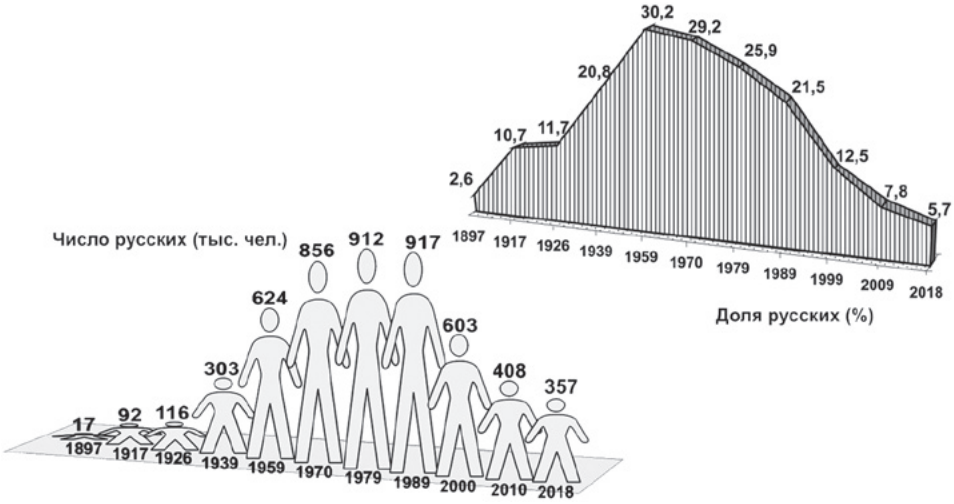

Рис. 6.9. Динамика русских в территориальных пределах современной Киргизии, 1897–2018 гг.

Положительные сдвиги не отменили, однако, общего негативного тренда – устойчивого и повсеместного сокращения русского этнокультурного присутствия в стране. Доля русских в населении Киргизии за 2010–2017 гг. сократилась с 7,8 % до 5,8 %; в столице страны – с 23,2 % до 17,2 %. Несколько выровнялись темпы демографических потерь русских в пространственном отношении. Хотя по-прежнему минимальные скорости убыли отличали общину Бишкека и русское сельское население «столичной» Чуйской области (табл. 6.8), на которые в 2010 г. приходилось в сумме 85,5 % русских страны (359 тыс. чел.)[1].

[1] К 2018 г. их число сократилось до 307 тыс., но удельный вес еще более вырос (87 %).

Таблица 6.8. Убыль русского населения ведущих городских центров и областей Киргизии (%)

Центры, территории	1989–2009 гг.	2009–2017 гг.
Бишкек	–44,5	–12,3
Ош	–90,8	–30,3
Ошская		–21,8
Баткенская		–29,5
Иссык-Кульская	–63,0	–18,9
Нарынсая		–35,0
Джалал-Абадская	–48,7	–25,7
Талаская		–22,3
Чуйская		–15,5
Вся Киргизия	–54,2	–15,0

Русское население продолжало постепенно стягиваться в столицу страны и ее окрестности. Вторым территориальным средоточием русских являлась территория самой восточной Иссык-Кульской области с центром в Караколе (бывший Пржевальск). В каждой из остальных пяти областей Киргизии русских оставалось по несколько тысяч человек, в т.ч. в Ошской области, русская община которой еще в конце советского периода составляла 126 тыс. человек. В 2018 г. в ее территориальных пределах[1] проживало чуть более 8 тыс. русских (рис. 6.10).

Рис. 6.10. Динамика русского населения Киргизии, 2009–2017 гг.

[1] В постсоветский период она была разделена на две области – Ошскую и Баткенскую.

При этом значительная часть русских сосредоточена в региональных столицах, а сельская местность уже практически дерусифицирована (русские составляют десятые/сотые доли процента). В той же Ошской области без учета регионального центра удельный вес русских в населении в настоящее время составляет лишь 0,09 %.

Нет информации относительной гендерной структуры современной русской общины страны и среднего возраста ее представителей. Но социодемографические диспропорции, связанные с угасанием этнокультурной группы, с течение времени, как правило, только усиливаются. За 2010-е гг. средний возраст русских должен был подрасти на 2–3 года (если не больше) и к концу десятилетия составлять 43–44 года. При этом удельный вес женщин в структуре общины мог подняться с 56 % до 58–59 % (тем самым в Киргизии на 100 русских мужчин в настоящее время может приходиться 138–144 женщины).

Вместе с тем у русских в стране вплоть до начала – середины 2010-х гг. сохранялся известный источник демографического пополнения за счет ассимиляции представителей русскоязычных общин. Постсоветская демографическая динамика украинской и белорусской общин Киргизии указывает на реальную возможность их частичного обрусения. За 1989–2019 гг. численность украинцев и белорусов в стране уменьшилась на математический порядок, тогда как русских стало меньше только в 2,5 раза. Причем опережающий характер демографического сжатия двух восточнославянских общин в сравнении с русской наблюдался на всем протяжении постсоветского периода, в каждом из его десятилетий. Едва ли фиксируемая разница в темпах депопуляции была связана с повышенной миграционной активностью украинцев и белорусов.

Принимая во внимание высокий уровень культурно-языкового обрусения данного населения и самые значительные масштабы межнациональной брачности, до половины демографических потерь данных двух диаспор Киргизии в последние 30 лет могли быть связаны именно с обрусением – переменой национальной самоидентификации части взрослого населения и самоопределением в качестве русских значительной части потомства смешанных восточнославянских семей. Напомним, что в условиях иноэтнической среды с высоким уровнем специфики местного населения восточные славяне на протяжении всей второй половины XX в. являлись основными брачными партнерами друг для друга, причем в первую очередь таковыми для других выступали русские в силу своей значительно большей численности (табл. 6.9).

Заметим, что немецкая община страны, количественная динамика которой в постсоветский период также протекала по сценарию демографического коллапса (сокращение за 1989–2018 гг. в 12 раз), могла быть охвачена

обрусением в значительно меньшей степени. На это, в частности, указывает динамика демографической убыли по отдельным десятилетиям. За 1990-е гг. численность немцев в Киргизии сократилась в пять раз. Определяющую роль в столь стремительном сжатии играла миграция на историческую родину. И потому процесс обрусения в качестве весомой причины депопуляции общины мог подключиться только в начале XXI в., распространяясь среди оставшихся представителей диаспоры, в своем большинстве уже русскоязычных и в заметной части состоявших в межнациональных браках (в которых опять-таки основными брачными партнерами являлись русские). Но малочисленность общины уже не могла обеспечить сколько-нибудь ощутимого ассимиляционного пополнения русского населения страны.

Таблица 6.9. Доля супругов другой национальности у русских и украинцев Киргизии, вступивших в брак в 1979 г. и 1989 г. (%)[1]

Показатели	Русские		Украинцы	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1979 г.				
Вся республика	17,7	18,8	71,0	71,1
Город	15,8	16,9	74,5	77,2
Село	22,3	23,2	67,2	62,6
1989 г.				
Вся республика	19,4	23,0	85,6	84,8
Город	17,7	20,9	86,7	77,2
Село	23,6	28,2	81,3	80,7

Во втором десятилетии XXI в. темпы демографической убыли немцев и русских и вовсе сравнялись. При этом средний возраст представителей немецкой диаспоры был ниже, чем у местных русских, а гендерная структура была более сбалансированной, что указывало на весьма высокий уровень естественно-демографической жизнеспособности диаспоры. Сказанное в полной мере относится и к еще одной крупной русскоязычной общине Киргизии – татарам, темпы депопуляции которых полностью совпадали с показателем русского населения страны.

Итак, ассимиляционный ресурс своего пополнения, имевшийся у русской общины страны, был использован в первые два десятилетия постсоветского периода, позволив компенсировать небольшую часть ее демографических потерь (масштабы ассимиляции едва ли за 1990–2000-е гг. составили более 25–30 тыс. чел.). К настоящему времени данный ресурс использован практически полностью. Основный «донор» – украинская диаспора – сократилась

[1] Рассчитано по: Население СССР. М., 1989. С. 296–300.

до 11 тыс. чел. и продолжает стремительно таять (ежегодные потери на уровне 5–7 % от общей численности).

Однако, как уже отмечалось, собственного потенциала у русской общины страны при любом демографическом сценарии хватит на многие десятилетия, и перспективы русского этнического пребывания в Киргизии уходят далеко за горизонт даже долгосрочного прогноза, ограниченного серединой XXI века.

Таджикистан

Подобного вывода, к сожалению, нельзя сделать о соседнем Таджикистане, самой дерусифицированной стране региона, количественная динамика русской общины которого уже в начале века, очевидно, демонстрировала заключительные стадии демографического заката. За 2000–2010 гг. численность русских в республике сократилась вдвое. При этом в сельской местности их стало меньше почти в три раза. К концу 2000-х гг. в Таджикистане оставалось только 2,3 тыс. русских поселян – около 0,04 % местного населения. Столь незначительные величины позволяют говорить о том, что в настоящее время (конец 2010-х гг.) русских в сельской местности страны практически не осталось. Речь может идти о нескольких сотнях человек (преимущественно о пожилых женщинах).

Столичная община, в 1990-е гг. убывавшая быстрей, чем остальное русское городское население, в 2000-е гг. вновь проявила большую устойчивость, потеряв «только» треть своих представителей (рис. 6.11).

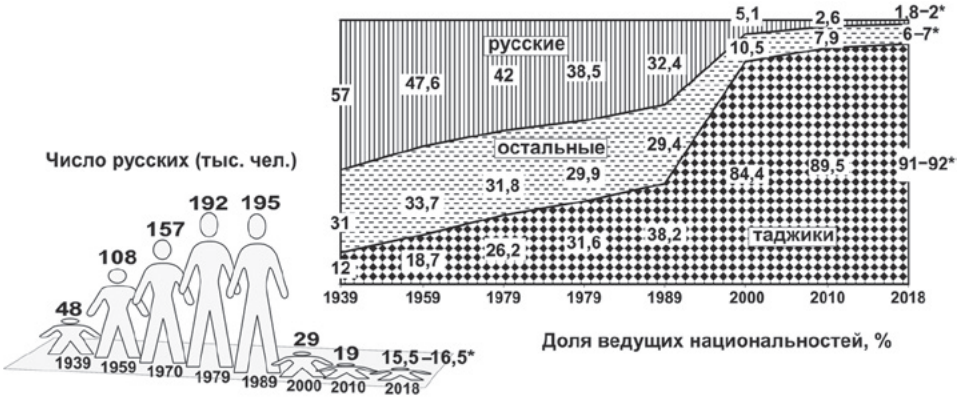

Рис. 6.11. Динамика русского населения Душанбе, 1939–2018 гг.
(* – оценка автора)

Впрочем, для этнической географии Таджикистана особенности расселения его русской общины большого значения уже не имели. Даже в Душанбе

доля русских в населении составляла в 2010 г. только 2,63 % (притом что за 20 лет до того приближалась к трети). В других городах этот показатель составляет 0,8–1,5 %, в сельской местности 0,03–0,07 % (табл. 6.10).

Таблица 6.10. Территориальная динамика русского населения Таджикистана, 1989–2010 гг.[1]

Территории, города	1989 год			2010 год		
	всего	город	село	всего	город	село
Душанбе	194,6	194,6		19,06	19,06	0
Горно-Бадахшанская обл.	3,19	0,64	2,55	0,08	0,025	0,056
Согдийская обл.*	100,5	97,2	3,4	8,89	8,39	0,5
Хатлонская обл.**	8,12	5,16	2,96	3,96	3,21	0,75
районы республ. подчинения	81,9	67,2	14,7	2,85	1,88	0,97
Весь Таджикистан	388,5	364,8	23,7	34,84	32,56	2,28
Доля русских в населении, %						
Душанбе	32,8	32,8		2,63	2,63	
Горно-Бадахшанская обл.	2	3,18	1,82	0,04	0,09	0,03
Согдийская обл.**	6,47	18,6	3,28	0,4	1,51	0,03
Хатлонская обл.**	1,33	3,3	0,64	0,15	0,69	0,03
районы республ. подчинения	3,8	18,5	0,82	0,17	0,81	0,07
Весь Таджикистан	7,6	22	0,69	0,46	1,62	0,04

Примечание: * – бывшая Ленинабадская; ** – бывшая Кулябская.

В 2000-е гг. среднегодовой уровень депопуляции русской общины Таджикистана существенно сократился, но все еще составлял порядка 5 % в год от ее общего размера. Если предположить, что в текущем десятилетии он снизился еще вдвое и, как в соседней Киргизии, составил около 2,5 %, численность русских в стране к началу 2019 г. могла бы составлять около 27–28 тыс. человек – 0,3 % населения Таджикистана (рис. 6.12).

Если при этом предположить, что доля русских, сосредоточенных в столице, за прошедшие после последней переписи 8 лет выросла с 55 до 60 %, в Душанбе в настоящее время может проживать порядка 15,5–16,5 тыс.

[1] Составлено по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=77; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

русских (2 % населения). Еще около 10 тыс. расселены в других городах страны, несколько сотен человек, как уже отмечалось, может оставаться в сельской местности. Однако темпы демографического сжатия русской общины страны могли быть и выше, учитывая, что речь идет об одной из заключительных стадий ее существования.

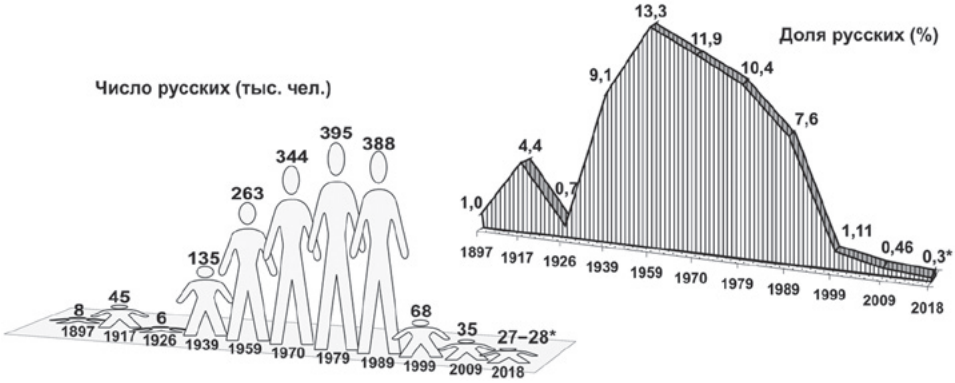

Рис. 6.12. Динамика русских в территориальных пределах современного Таджикистана, 1897–2018 гг. (* – оценка автора)

Туркменистан

В 2012 г. в Туркменистане была проведена перепись населения. Однако ее результаты так и не были обнародованы. И все циркулирующие в информационном поле цифры являются не более чем приблизительными экспертными «прикидками».

Очевидно, что число русских в республике на протяжении первого десятилетия XXI в. продолжало быстро сокращаться. А ликвидация в 2008 г. возможности иметь двойное российско-туркменское гражданство поставило их перед предельно сложным выбором: либо отказ от российского гражданства, по сути закрывающий для них путь возвращения на историческую родину, либо отказ от туркменского гражданства, превращающий их в иностранцев и до предела усложняющий им и без того сложную жизнь в одной из самых архаичных стран региона. Жесткая необходимость гражданского самоопределения должна была вызвать новую активизацию эмиграции русских республики. С учетом естественной убыли значительное сокращение местного русского массива являлось неизбежностью.

Не без основания можно предположить, что удельные потери русской общины Туркменистана в первом десятилетии XXI в. были едва ли не самыми значительными среди государства региона или, по крайней мере, оказались сопоставимыми с темпами сжатия общины Таджикистана (двукратная убыль).

Если исходить из рассчитанного для 2000 г. размера русской общины страны в пределах 190–200 тыс. чел., то в конце нулевых речь должна идти о цифре порядка 90–100 тыс., что несколько меньше оценки А.Л. Арефьева, согласно которому к середине 2012 г. в Туркменистане оставалось порядка 120 тыс. русских[1].

По мнению данного исследователя, более половины (до 60 %) местных русских проживало в это время в Ашхабаде. Учитывая, что еще в советский период уровень урбанизации русских Туркменистана был максимальным, составляя 97 % в конце 1980-х гг., есть основания полагать, что сельская местность республики была практически полностью оставлена русским населением уже в первые два постсоветских десятилетия (тем более что речь шла о демографической группе размером всего в 10 тыс. человек). Таким образом, расселенческая оценка Арефьева представляется вполне реалистичной. Практически все русское население Туркменистана к началу второго десятилетия XXI в. было сосредоточено в городах. При этом более половины русских приходилось на их столичную общину (рис. 6.13).

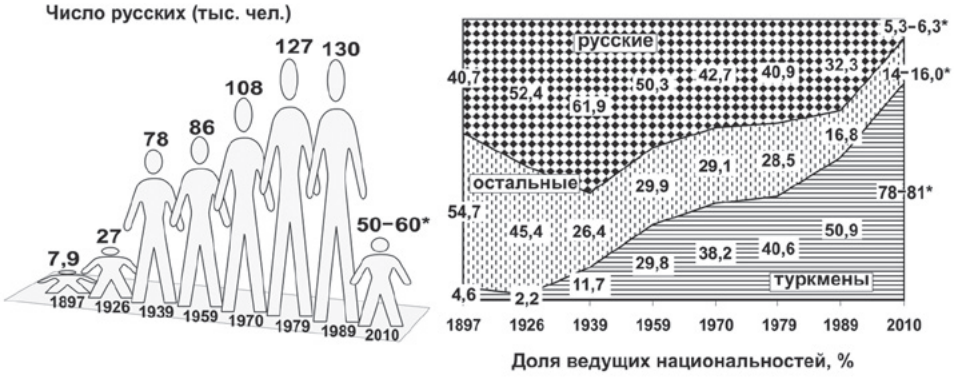

Рис. 6.13. Динамика русского населения Ашхабада, 1897–2010 гг.
(* – оценка автора)

Эта система расселения русских в значительной степени напоминает ту, что сложилась в Таджикистане. И в целом неизменно сопоставимые размеры русского массива двух бывших союзных республик – Туркмении и Таджикистана, фиксируемые по переписям 1939–1989 гг., очевидно, сохранялись и в постсоветский период, когда именно эти два среднеазиатских государства продемонстрировали максимальные темпы дерусификации.

[1] *Арефьев А.Л.* Русский язык ... С. 147.

В начале 2015 г. в информационном поле оказалось несколько цифр из «закрытой» переписи 2012 г., согласно которым русские на момент ее проведения составляли 5,1 % жителей страны при численности ее населения в 4,75 млн человек. По этой информации русских в Туркменистане в начале текущего десятилетия было около 242 тыс. человек.

Но журналистами было замечено, что «представители официальной туркменской делегации на заседании Комитета ООН по правам ребенка в середине января в Женеве озвучили несколько другие данные по национальному составу. В частности, они заявили, что узбеков в Туркменистане проживает чуть меньше 9 % от общего числа населения, русских – 2,2 %»[1]. Данная достаточно скромная цифра, позволяющая оценить численность русских в 104–105 тыс. чел., представляется куда более приближенной к действительности. Хотя, возможно, несколько преувеличенной является и она.

Как и в других странах региона, темпы депопуляции русских в Туркменистане в текущем десятилетии могли несколько сократиться. Если количественная корреляция их демографической динамики с таджикской общиной сохранялась, то потери за 2010–2018 гг. могли составлять порядка 16–20 % от общей численности. В этом случае к началу 2019 г. русское население страны составляло порядка 60–70 тыс. чел., из которых 45–50 тыс. могло проживать в Ашхабаде, а значительная часть остальных русских приходилась на областные центры.

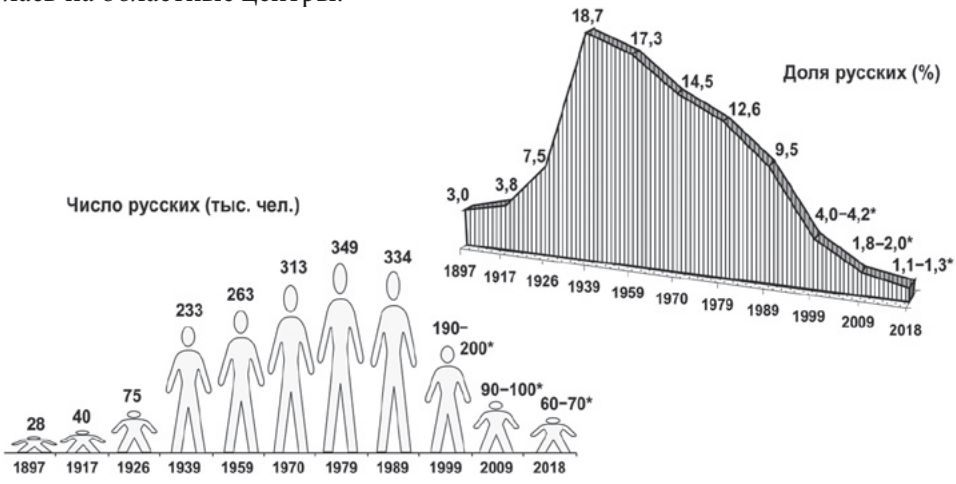

Рис. 6.14. Динамика русских в территориальных пределах современного Туркменистана, 1897–2018 гг.

[1] Результаты переписи населения в Туркменистане. URL: https://www.hronikatm.com/2015/02/rezultatyi-perepisi-naseleniya-v-turkmenistane/

***

Итак, анализ демографической динамики русских общин всех стран региона обнаруживает высокую устойчивость сложившегося на рубеже 1980–1990-х гг. тренда, основными чертами которого являются повсеместность и неуклонный характер количественного сжатия русского населения. Если в 2000 г. численность русских в Средней Азии составляла 1,86–1,92 млн чел., то в 2010 г. – 1,24–1,27 млн, а к настоящему времени опустилась до 1,07–1,11 млн чел. (рис. 6.15). Таким образом, за 29 лет, прошедших после последней советской переписи, русских в регионе стало меньше в три раза.

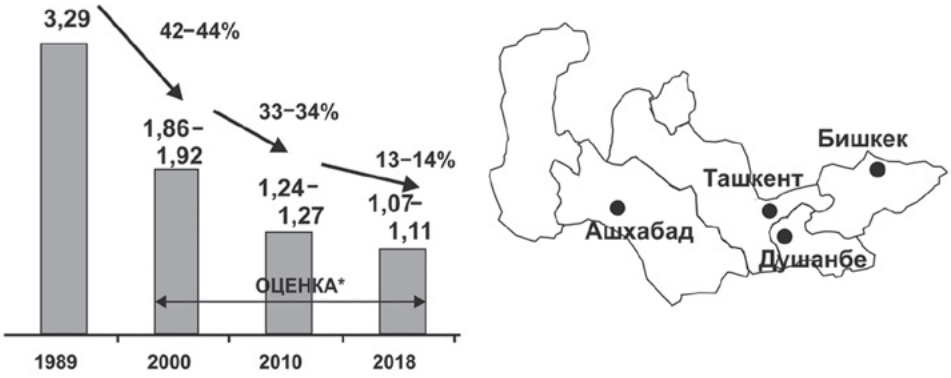

Рис. 6.15. Динамика численности русского населения Средней Азии, 1989–2018 гг. (млн чел.; * – оценка автора)

Конечно, темпы депопуляции постепенно снижались. Если в 1990-е гг. в среднегодовом исчислении они составляли 4,2–4,4 %, то в 2000-е гг. 3,3–3,4 %, а в текущем десятилетии только 1,6–1,7 %. Но сама устойчивость демографического сжатия не оставляет надежд на кардинальное изменение данной тенденции.

Помимо неуклонного сокращения русского населения в регионе происходила его территориальная перецентрировка. Сельские территории и небольшие центры русское население оставляло в первую очередь. Причем данная расселенческая подвижка в целом уложилась в 1990-е годы. Уже к рубежу веков русские Средней Азии (за исключением Киргизии) оказались максимально урбанизированным национальным сообществом. Начало XXI в. сохранило тенденцию нарастающей концентрации русского населения в столичных центрах. В настоящее время порядка 55–60 % русских Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана может проживать в столицах

своих стран, а в Киргизии данный показатель приближается к 50 %. Иными словами, более половины всего русского населения региона в настоящее время – это жители четырех городов.

6.4
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКИХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Уже в среднесрочной перспективе следует ожидать почти окончательную дерусификацию **Таджикистана**, в котором отток может дополняться достаточно интенсивной естественной убылью возрастного русского населения. Даже если русская община страны будет терять каждое следующее десятилетие 20–30 % свой численности (что можно считать оптимистическим сценарием), к 2030 г. ее размеры сократятся до 17–20 тыс., а к середине века составят 8–12 тыс. человек. При негативно-умеренном демографическом сценарии (40–50 % убыли за десятилетие) русских в стране к 2050 г. останется 5–7 тыс., из которых половину могут составлять люди старше 60 лет (рис. 6.16). Самая значительная часть этого остаточного русского населения будет уже сосредоточена в самом Душанбе.

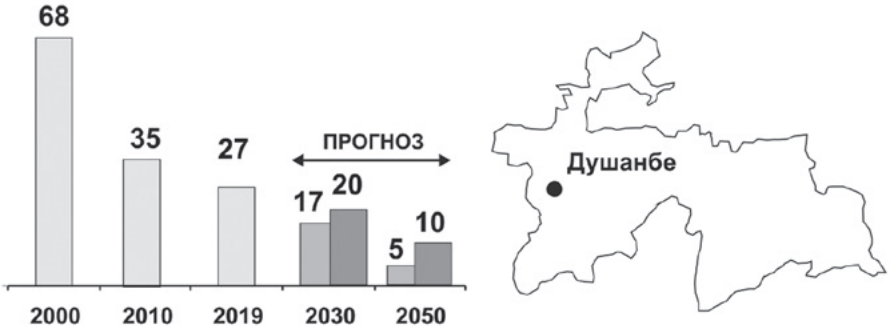

Рис. 6.16. Динамика численности русских Таджикистана, 2000–2050 гг. (тыс. чел.)[1]

[1] В рисунках 6.16–6.19 для 2030–2050 гг. дан авторский расчет диапазона наиболее вероятных сценариев динамики.

По аналогичному сценарию, очевидно, будет протекать и демографическая динамика русской общины **Туркменистана** – устойчивая депопуляция, связанная как с миграционным оттоком, так и с естественной убылью; нарастающее ее старение и концентрация в столице страны, способная со временем ограничить географию общины одним столичным центром.

Но хотя самая значительная часть «дерусификационного» маршрута республикой уже проделана, окончательное демографическое угасание русской диаспоры может растянуться на многие десятки лет. При депопуляционном темпе в 20–30 % за десятилетие (наиболее вероятный алгоритм демографического сжатия) к 2030 г. в Туркменистане может оставаться 45–60 тыс. русских, а к середине века – порядка 25–40 тыс. (рис. 6.17). Но нельзя полностью исключать и сценария более быстрого сжатия (30–40 % убыли за десятилетие). В этом случае русская община страны к 2050 г. сократится до 15–27 тыс. чел.

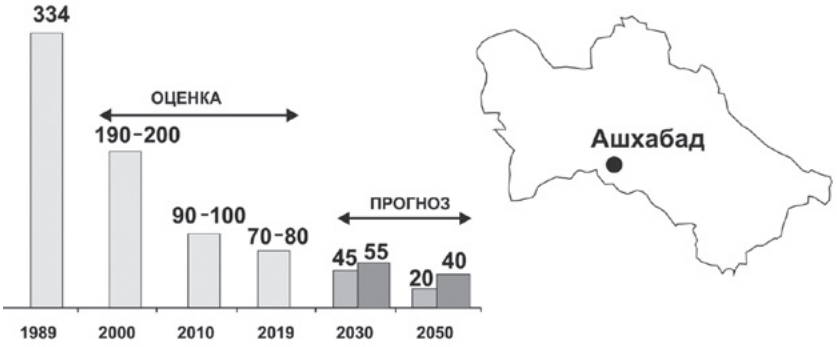

Рис. 6.17. Динамика численности русских Туркменистана, 1989–2050 гг. (тыс. чел.)

Динамика русского населения, фиксируемая текущим демографическим учетом Государственного статистического комитета **Киргизии**, в 2010-е гг. обнаруживала достаточно устойчивое сокращение масштабов ежегодной убыли. Если в начале текущего десятилетия русская община республики теряла за год более 13 тыс. человек, то в 2016–2017 гг. убыль сократилась до 4 тысяч (примерно 1,1 % от общей численности русских). Естественные потери русского населения составляли 4–5 ‰, а на миграцию в последние годы приходится немногим больше половины общей депопуляции общины (напомним, что еще в 2000-е гг. доля оттока в демографической убыли составляла порядка 85–87 %). Одна из основных причин заключалась в социально-экономических проблемах России в середине – второй половине 2010-х гг., позволившая в несколько раз сократить масштабы миграции русских из Киргизии.

Таким образом, дальнейшая динамика русского населения страны будет зависеть от того, насколько устойчивым окажется данное изменение миграционной активности. При оптимистическом сценарии, предполагающем если не дальнейшую минимизацию оттока, то хотя бы сохранение его на уровне последних лет, демографические потери русских за 2019–2030 гг. могут составить 12–14 %. И размер общины сократится до 307–314 тыс. человек.

В дальнейшем естественные потери русского населения, учитывая его растущий средний возраст и гендерный дисбаланс, могут достичь ежегодных 9–10 ‰ в 2030-е и 11–12 ‰ в 2040-е годы. Практически неизбежным будет и сохранение некоторого оттока. Если его масштабы будут ограничены 0,3–0,5 % в год, общая депопуляция общины может составить в данные два десятилетия соответственно 12–15 % и 14–17 % от ее размера. И к 2050 г. численность русских может составить в Киргизии 230–240 тыс. человек (рис. 6.18).

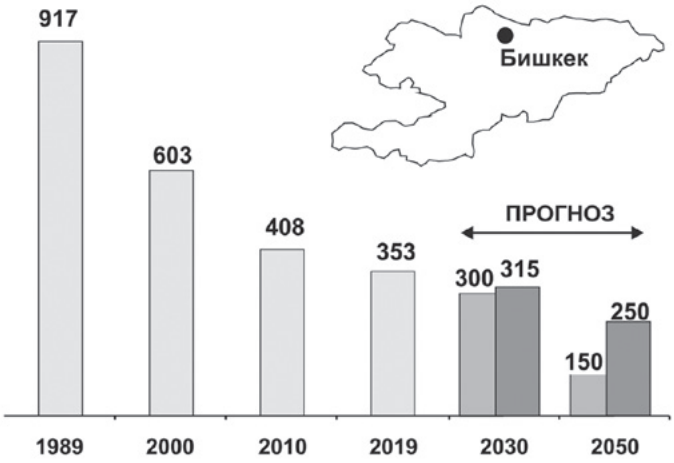

Рис. 6.18. Динамика численности русских Киргизии, 1989–2050 гг. (тыс. чел.)

Но подобный демографический сценарий можно считать оптимистическим для республики. Главной особенностью негативного варианта можно считать возобновление масштабного оттока, способного в разы увеличить интенсивность депопуляции русской общины, вернув этот показатель на уровень конца XX – начала XXI в. (сокращение на 30–40 % каждое десятилетие). «Пролонгация» подобного варианта демографической динамики на три ближайших десятилетия в состоянии сократить размеры русского населения в стране к середине века до 80–120 тыс. человек. Таким образом,

диапазон возможных вариантов количественной динамики весьма широк, как и у русской общины **Узбекистана**, все еще самой крупной в регионе. Но описанный выше оптимистический сценарий для нее представляется менее вероятным. Слишком велика социокультурная специфика страны и менее пророссийским является ее внешнеполитический курс. Будет работать на ускоренное демографическое сжатие и более возрастная структура местных русских, уже в настоящее время задающая высокий уровень естественной убыли, который может составлять 9–10 ‰, а в близком будущем способен прибавить еще несколько промилле. Только естественные потери в 2020-е гг. могут составлять 1–1,5 % в год (10–15 % за десятилетие), чтобы еще более вырасти в 2030–2040-е гг.

В таких условиях масштабы депопуляции русской общины в 20–30 % за каждое следующее десятилетие представляются едва ли не минимальными из реально возможных сценариев ее количественной динамики. Но и этот «умеренный» сценарий способен сократить численность русских Узбекистана к 2030 г. до 300–400 тыс. чел., а к 2050 г. – до 150–250 тыс. (рис. 6.19). При негативном сценарии (35–40 % депопуляции общины в каждое десятилетие) русских в стране в середине века может остаться порядка 100–140 тысяч.

В целом, можно с большой уверенностью предположить, что демографический потенциал русских общин Киргизии и Узбекистана с течением времени будет постепенно сближаться из-за более ускоренных темпов сжатия русского населения второй из стран. И к 2050 г. общины уже будут иметь сопоставимые размеры.

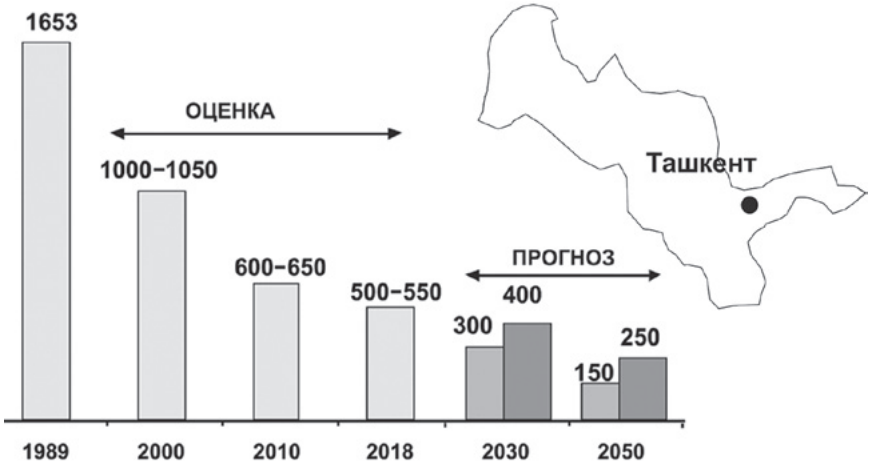

Рис. 6.19. Динамика численности русских Узбекистана, 1989–2050 гг. (тыс. чел.)

***

Итак, география расселения русских Средней Азии из территориальной формы, характерной для советского периода, уже в 1990-е гг. превратилась в ареальную, а в последующем все более отчетливо эволюционировала в анклавную, в которой центральное место принадлежало столичным центрам макрорегиона. В 2010-е гг. основными средоточиями русских в макрорегионе являлись Ташкент и Бишкек, в меньшей степени – Ашхабад, и еще в меньшей – Душанбе. Но уже в среднесрочной перспективе в качестве эпицентров русской системы расселения останутся только два первых города, в которых к 2030–2035 гг. может концентрироваться до половины всех русских Средней Азии.

К концу второго десятилетия XXI в. в двух из четырех стран макрорегиона (Узбекистане и Киргизии) еще сохраняются достаточно обширные множества русского населения. Следовательно, остается и определенная вариативность возможных сценариев их демографической динамики. Но при любом из этих вариантов речь может идти о более или менее затяжном финале масштабного этнокультурного проекта, начатого геополитическими успехами Российской империи в последней трети XIX века.

К середине XXI в. русских в Средней Азии может оставаться от 200–300 тыс. до 450–550 тыс. – в несколько раз больше, чем их было по первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г. (83 тыс. человек). Но «великовозрастная» структура этого множества (средний возраст русского населения к 2050 г. может подняться до 50–55 лет) и его демографо-воспроизводственные характеристики (существенный перевес смертности над рождаемостью) сделают весьма проблематичной возможность сохранения данного старожильческого населения до следующего векового рубежа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геодемографическая динамика русских общин ближнего зарубежья, несмотря на кардинальные социально-политические, экономические, социокультурные различия стран постсоветского пространства, обнаруживает множество типологически сходных черт. Прежде всего, речь идет о едином для всех этих стран демографическом тренде: их русское население сокращалось непрерывно и практически повсеместно (в региональном разрезе и на всех уровнях системы расселения) на всем протяжении постсоветского периода. Причем естественная убыль в данном процессе всегда играла подчиненную роль. А центральное место принадлежало миграционному оттоку и/или различным формам ассимиляции и смены этнической самоидентификации представителями группы би(поли)этнофоров.

Определенные различия обнаруживались только в темпах демографического сжатия русских общин. За три постсоветских десятилетия русские практически полностью оставили Закавказье и большую часть Средней Азии, несколько лучше они сохранились в западном и северо-западном регионах ближнего зарубежья.

Но в целом, если для сопоставимости расчетов исключить из анализа русских Крымского полуострова, огромный массив русского населения за 30-летний период сократился более чем вдвое (с 23,7 млн до 10,7–11,4 млн чел.) (табл. 1).

Наблюдая подобную количественную динамику, можно было бы констатировать наличие отчетливой русофобской линии в национальной политике едва ли не всех постсоветских стран. Но более внимательный взгляд на этнодемографические процессы в ближнем зарубежье обнаруживает аналогичное сжатие значительного числа других диаспор и этнических групп. Практически все постсоветские государства (кроме самой России) отличаются нарастающей титулизацией населения. Причем данный процесс шел вне зависимости от того, как менялся их общий демографический потенциал.

Таблица 1. Динамика численности русских в странах ближнего зарубежья, 1989–2018 гг. (тыс. чел.)[1]

Страны и территории	1989	1999–2001	2009–2011	2018
Украина (без Крыма, с учетом Восточного Донбасса)	9730	6880	5500	4400–4900*
Белоруссия	1342	1142	785	590–630*
Узбекистан	1653	1000–1050*	600–650*	500–550*
Таджикистан	388	68	35	25–30*
Туркмения	334	190–200*	90–10*	60–70*
Казахстан	6228	4480	3848	3450–3550*
Киргизия	917	603	408	353
Грузия (с учетом Абхазии)	341	95	50	40–45*
Азербайджан	392	142	119	75–80*
Армения	52	15	12	8–9*
Литва	344	220	175	120–130*
Латвия	906	703	556	487*
Эстония	475	351	341	329*
Молдавия (с учетом Приднестровья)	562	390	270	245–255*
Ближнее зарубежье (млн чел.)	***23 664***	***16,28–13,34***	***12,79–12,85***	***10,68–11,42****

Примечание: * – оценка автора.

Все постсоветские страны по количественной динамике населения четко разделились в соответствии со своей цивилизацинно-конфессиональной принадлежностью. Страны христианской цивилизации демографически убывали, а государства исламского ареала – увеличивали (как правило, быстро) свое народонаселение. Но доля титульного народа во всех постсоветских государствах росла непременно[2]. Причем самая значительная часть этнических меньшинств не только теряла в удельном плане, но и сокращалась в абсолютных размерах. Закрытый, консервативный Туркменистан в этом отношении немногим отличался от модернизированной Литвы.

Таким образом, динамика русских на постсоветском пространстве представляла частный случай общей закономерности, хотя и самый яркий в силу их изначальной многочисленности. Декларации о создании гражданских полиэтнических наций, озвучиваемые политиками новых постсоветских государств, мало соотносились с реальными практиками активной

1 Составлено по: Национальные переписи стран СНГ и Балтии; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

2 Среди исключений отметим незначительное сокращение в 2004–2014 гг. удельного веса молдован в Молдове (с 75,8 % до 73,8 %), связанное идентификационной трансформацией части титульного населения, определившегося во время последней переписи в качестве румын.

«коренизации» социально-политической, административно-управленческой, экономической и культурной жизни ближнего зарубежья.

Впрочем, многочисленные примеры построения национальных государств с упором на титульное большинство демонстрирует не только ближний пояс России, но практически все страны Восточной Европы, включенные в мультикультурный, наднациональный, предельно толерантный к национальным меньшинствам Евросоюз. Наличие общего социально-экономического пространства не мешало восточным европейцам оставаться закрытыми для многих социокультурных институтов и практик, характерных для Западной Европы. Еще свободнее в своей управленческой деятельности был политический класс постсоветских государств (не включенных в Евросоюз), в большинстве случаев формируемый и активно поддерживаемый национально ориентированными группами титульного населения, нежелавшего делить с кем-либо еще роль «хозяина» своих стран.

Таким образом, практически на всем постсоветском пространстве у власти оказались буржуазные националисты, продолжившие процесс нациестроительства своих стран в том же системном направлении, в каком они пытались его осуществить в первой половине XX в. У государств Закавказья и Украины опыт такого строительства уложился в считанные месяцы (или 1–2 года) в начале 1920-х гг., в странах Балтии занял около двух десятилетий. Однако и данного ограниченного времени было вполне достаточно, чтобы наглядно продемонстрировать основные векторы национальной политики.

Показательной в этом отношении была ситуация в межвоенной Литве. Согласно А. Марценкявичусу, не только для политического класса страны, но и для большинства его титульного населения «лояльность этнических меньшинств, как и успех социальной адаптации, ассоциировалась с их ассимиляцией. Р. Скипитис обратил внимание на то, что сохранению идентичности русских способствовала старообрядческая и православная вера, но он не считал этот фактор долговременным. Он полагал, что небольшой процент иностранцев и в других странах поддается влиянию основной нации государства, и на протяжении жизни двух-трех поколений бóльшая часть членов меньшинств переходит в ряды господствующей нации. Известный литовский географ Казис Пакштас (1893–1960) в одной из своих работ высказал предположение, что русские в Литве постепенно утратят свою идентичность ввиду их рассеянности на территории страны и по причине смешанных браков с литовцами»[1].

[1] *Марцинкявичус А.* Социальная адаптация русских в межвоенной Литве // Диаспоры. № 1. 2011. С. 143.

Курс на этнокультурную унификацию населения, его комплексную титулизацию остается доминирующей тенденцией на всем постсоветском пространстве и в настоящее время. И данное обстоятельство было определяющим фактором в количественной и пространственной динамике подавляющего большинства национальных меньшинств новых государств.

Теоретически высокий удельный вес русских в населении целого ряда стран ближнего зарубежья на стыке 1990–2000-х гг. позволял рассчитывать им если не на признание в качестве второго государствообразующего народа, то хотя бы на придание русскому языку статуса государственного, наряду с языком титульной нации. Эти надежды оказались чистой утопией. Очевидно, они больше бы соотносились с социальной реальностью в случае организованного, продуманного, постадийного демонтажа СССР. Но распад Советского Союза был не плановым «бракоразводным» процессом, а политической катастрофой, следствием/свидетельством системного поражения глобального советского проекта.

Русские – государственный народ распавшейся державы – были побежденным народом. Как жестко обходятся с побежденными, хорошо известно по итогам Второй мировой войны. С русскими в 1990-е гг. обошлось без массовых организованных репатриаций, через которые прошли миллионы немцев в середине 1940-х. Но отношение к русскому населению во многих постсоветских странах было именно как к побежденным. Не говоря о глубинном страхе постсоветских стран, что мощная демографическая масса русских будет вечной пятой колонной, которая если не сейчас, так позже, но обязательно захочет реванша. И если сорганизуется, наведет мосты с Россией, то позволит последней опять «засосать» в себя малых соседей, как это случилось в начале 1920-х гг.

Этот метафизический страх у целого ряда титульных народов (и соответственно их политического класса) ближнего зарубежья России жив до сих пор. Событиями на Украине он был реанимирован полностью. Наконец, учтем, что советский проект был масштабным наднациональным начинанием – попыткой создать общество, существующее поверх этнических границ, сводящее к минимуму национальные противоречия и взаимные претензии. Проект потерпел поражение, в том числе из-за роста этих межнациональных противоречий и подъема титульных национализмов. Государства, возникшие на осколках СССР, во многом вернулись к уровню этнополитических образований.

Системная «национализация» социальной жизни, наложившись на политические практики по десоветизации и деколонизации постсоветских государств, не могла не превратиться в процесс их комплексной дерусификации. Непосредственно в сфере этнодемографической динамики данный

процесс обернулся этнокультурным отступлением русских – количественным сокращением и пространственным сжатием их географии. С данного ракурса весь 30-летний постсоветский период развития русского зарубежья по сути являлся периодом его геодемографического угасания.

В первое постсоветское десятилетие, на фоне общего быстрого ухода русских из всех бывших союзных республик, темпами этого процесса выделялись Закавказье и Таджикистан. Местные русские общины сократились за 1990-е гг. в несколько раз (рис. 1).

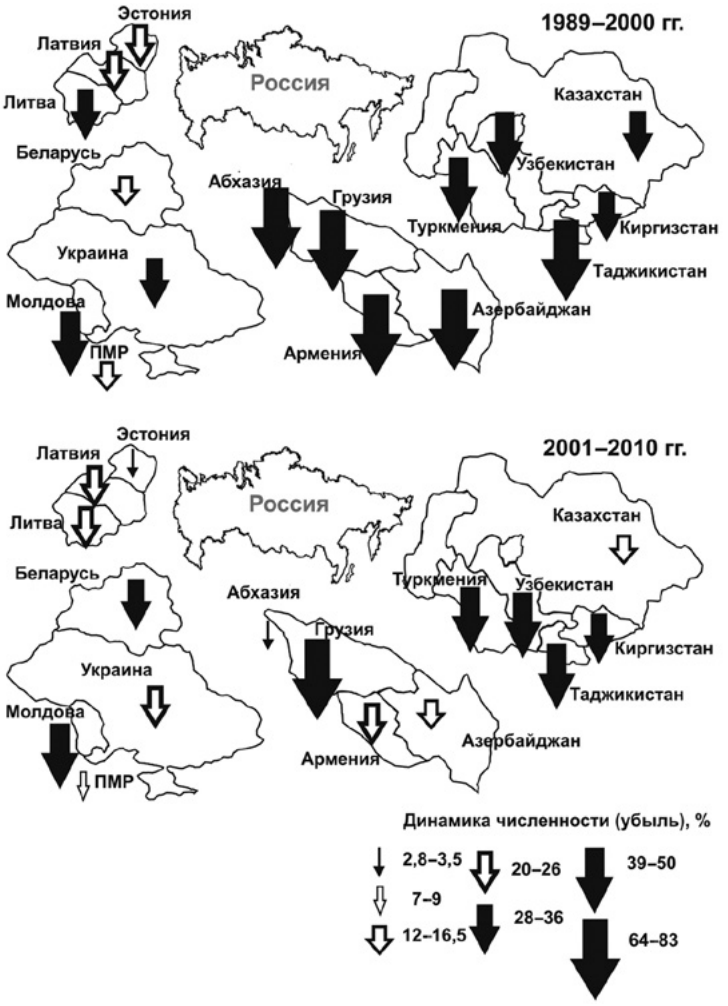

Рис. 1. Темпы убыли русского населения в странах ближнего зарубежья, 1990–2000-е гг. (%)[1]

[1] Рисунки 1 и 2 составлены по: Национальные переписи стран СНГ и Балтии; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

Наименьшими оказались демографические потери русского населения Беларуси (–15 %), а также Латвии и Литвы (–22–26 %). Несколько больше в удельном отношении (–28–29 %) потеряли две крупнейшие русские общины ближнего зарубежья на Украине и в Казахстане. Однако в абсолютных цифрах именно на них пришлись основные потери русского населения (4,6 млн убыли из 7,4 млн чел.).

Общая политическая и социально-экономическая стабилизация постсоветского пространства в 2000-е гг. способствовала некоторому сокращению темпов демографического сжатия русских общин в большинстве стран ближнего зарубежья[1]. Частично изменился и состав группы лидеров депопуляции русского населения. Из стран Закавказья в ней осталась Грузия, а к Таджикистану присоединились еще две страны среднеазиатского региона – Туркмения и Узбекистан. Минимальные темпы демографических потерь продемонстрировали русские общины Эстонии (–2,8 %) и Казахстана (–14 %). Показательно, что и в 2010-е гг. их отличали минимальные удельные потери (соответственно –3,5 % и –9 %), притом что русские общины пяти других постсоветских стран потеряли за 8 лет текущего десятилетия 13–16 % своего размера, две – 22–23 %, пять – 29–35 % (рис. 2).

Рис. 2. Темпы убыли русского населения в странах ближнего зарубежья, 1990–2010-е гг. (%)

[1] Они упали в 9 странах, в трех практически не изменились, а увеличились в Беларуси и Туркменистане (во второй из стран речь идет об экспертной оценке).

Впрочем, сколько-нибудь достоверная информация (данные текущего демографического учета) о численности русских в 2017–2018 гг. имелась только для четырех стран (Латвии, Эстонии, Казахстана, Киргизии). Еще в трех странах соответствующие данные имеются на середину 2010-х гг. (по Литве текущий учет, а в Молдове и Грузии результаты переписей, которые прошли в 2014 г.). И современные размеры русских общин этих стран являются экспертной оценкой. Тем более это касается государств, со времени переписи населения в которых прошло уже 8–9 лет (Армения, Азербайджан, Беларусь, Таджикистан).

Особняком стоят три страны – Узбекистан, ни разу не проводивший самостоятельных переписей населения; Туркменистан, проводивший ее дважды (1995 и 2012 гг.), но в силу разных причин скрывающий результаты второй из них (притом что данные первой были недостоверны); Украина, единственная постсоветская перепись в которой прошла почти два десятилетия назад (2001 г.), а социально-политический кризис середины 2010-х гг. закончился потерей части территории. Для этих трех государств экспертные расчеты численности русских являются исследовательской процедурой, чреватой значительными погрешностями. Между тем речь идет о первой и третьей (на момент распада СССР) по своим размерам русских общинах ближнего зарубежья. Без сколько-нибудь достоверного знания их размеров нельзя составить точного представления об общем демографическом потенциале русских на постсоветском пространстве и его динамике в начале XXI в.

Таблица 2. Динамика численности русского населения в странах ближнего зарубежья, 1989–2050 гг. (убыль, %)

Страны и территории	**1989–2000**	**2000–2010**	**2010–2018***	**1989–2018***	**2018–2030****	**2030–2050****
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*6*
Украина	–29,3	–20,1*	–16,4	–52,7	–13,0	–28,8
Беларусь	–14,9	–31,3	–22,3	–54,5	–23,0	–41,5
Узбекистан	–39,5	–40,0*	–13,3	–68,5	–32,7	–42,9
Таджикистан	–82,5	–48,5	–22,9	–93,0	–33,3	–61,1
Туркменистан	–43,1	–50,0*	–31,6	–80,5	–23,1	–40,0
Казахстан	–28,1	–14,1	–9,0	–43,8	–10,0	–20,6
Киргизия	–34,2	–32,3	–13,5	–61,5	–13,0	–34,9

Окончание табл. 2

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*6*
Грузия	–72,1	–47,4	–16,0	–87,7	–31,0	–20,7
Азербайджан	–63,8	–16,2	–35,3	–80,4	–24,7	–43,1
Армения	–71,2	–20,0	–33,3	–84,6	–25,0	–33,3
Литва	–36,0	–20,5	–28,6	–63,7	–32,0	–47,1
Латвия	–22,4	–20,9	–12,4	–46,2	–22,0	–28,9
Эстония	–26,1	–2,8	–3,5	–30,7	–7,3	–9,8
Молдавия	–30,6	–30,8	–7,4	–55,5	–14,0	–18,6
Все ближнее зарубежье	**–31,2**	**–21,4***	**–14,1**	**–53,5**	**–14,3**	**–26,9**

Примечание: * – оценка автора; ** – прогноз автора.

Итак, данные за 2018 г. в значительной степени являются расчетными величинами (рис. 3). Но фрагментарность нашего знания не отменяет сделанного ранее вывода о наличии устойчивого депопуляционного тренда. Как не отменяет и того факта, что за 30-летний постсоветский период данный процесс во многих постсоветских странах ближнего зарубежья прошел ззначительный путь по их полной этнокультурной дерусификации.

Всего 6–8 % русских от общей их численности к началу 1990-х гг. остается в настоящее время в Грузии и Таджикистане, порядка 14–20 % в Армении, Азербайджане, Туркмении. Только в трех государствах ближнего зарубежья (в Латвии, Эстонии, Казахстане) русские общины за прошедший период сумели сохранить более половины своего советского размера. Очевидным лидером здесь является Эстония (69 %).

Удельный вес русских снижался на постсоветском пространстве столь же неуклонно. Однако темпы данного процесса определялись не только масштабами демографических потерь местных русских общин, но и динамикой всего населения каждой из постсоветских стран. Депопуляция Балтики, государств западного макрорегиона (Украины, Беларуси, Молдовы) и двух из трех стран Закавказья (Армении, Грузии) снижала потери долевого показателя русского населения. Ускоренный рост демографического потенциала Средней Азии или Азербайджана эту удельную убыль заметно увеличивал. Рекордсменом в этой группе являлся Таджикистан, доля русских в котором сократилась в 25 раз. Но в несколько раз их удельная этническая представленность сократилась и во всех других странах Средней Азии и Закавказья. Минимальными были долевые потери русских в двух странах Балтии – в Эстонии и Латвии, где они продолжают составлять около четверти жителей.

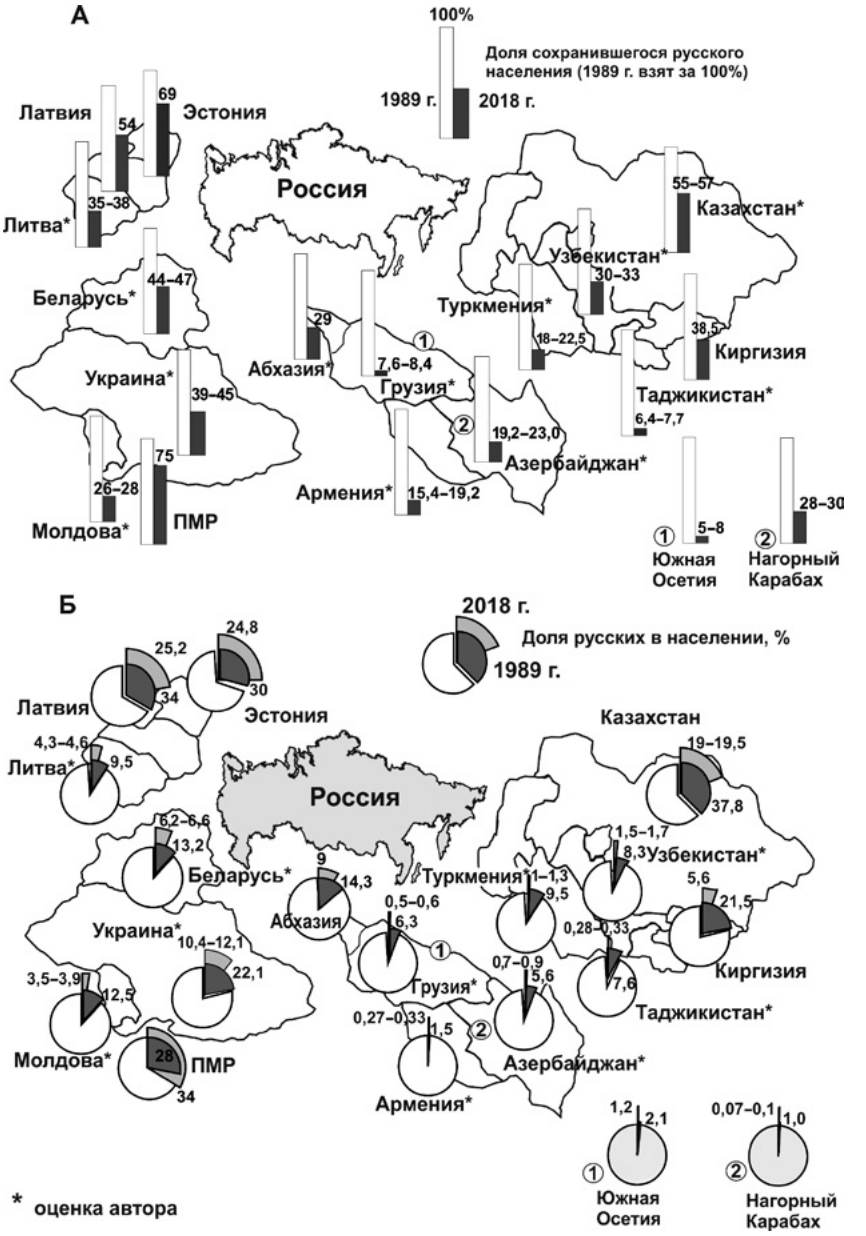

Рис. 3. Динамика русских общин стран ближнего зарубежья, 1989–2018 гг. (* – оценка автора)

В целом векторы геодемографической динамики русского населения на постсоветском пространстве не отличались разнообразием. Известным исключением являлись только непризнанные государства, возникшие

в результате сецессионного отмежевания территориального сообщества с большой этнонациональной или социокультурной спецификой от одной из стран ближнего зарубежья. Причем только в тех случаях, когда такое отмежевание происходило при политической и военной поддержке со стороны России. Превращение последней в основного гаранта существования самопровозглашенных территориально-политических образований останавливало процесс их демографической дерусификации или по крайней мере минимизировало его масштабы.

Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия, а в последние годы и две народные республики Восточного Донбасса – единственные социумы в пределах ближнего зарубежья, в которых социальный статус русской национальности оставался (и остается) достаточно высоким, чтобы минимизировать, если не исключить ассимиляционные потери русских общин[1]. И они сокращались прежде всего в результате естественной убыли (отчасти и миграционного оттока), что обеспечивало гораздо лучшую демографическую сохранность русского населения, чем в странах, от которых данные социумы политически отпочковались. Достаточно сравнить количественную динамику русских в Молдове и Приднестровье, Грузии и Абхазии (темпы убыли русских общин в обоих непризнанных государствах были в три раза ниже, чем в «материнских» государствах).

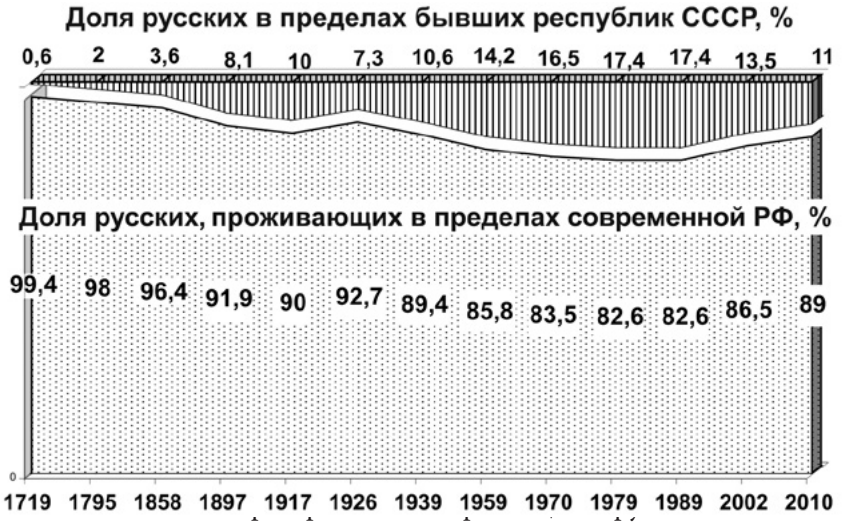
Данная этнодемографическая тенденция с большой вероятностью сохранится и в будущем. Расчеты показывают, что к середине XXI в. в пределах Абхазии может быть сосредоточено до половины русских всего Закавказья (на рубеже 1980–1990-х гг. доля Абхазии составляла менее 10 %). К этому же времени число русских в Приднестровье может оказаться в несколько раз больше, чем в Молдове, притом что в 1989 г. их было меньше на 40 %. К 2050 г. при неблагоприятном сценарии демографической динамики русской общины Украины с ней по численности может сравняться русское население Восточного Донбасса, которое в настоящее время меньше в 2,5–3 раза.

Таким образом, именно социально-политическая ориентация государств, степень их общей пророссийскости становились одним из основных факторов, определявших демографическую динамику местного русского населения. Однако в отличие от непризнанных государств, возникших в результате сецессии, ни одна из бывших союзных республик не

[1] А в трех из пяти перечисленных государственных образований (ПМР, ДНР и ЛНР) ассимиляция продолжала работать на демографическое пополнение русского населения.

стала полностью пророссийской. По сути, многовекторной является даже внешняя политика ближайших союзников России – Беларуси, Армении, Казахстана.

В результате общая численность русского населения в 14 странах ближнего зарубежья за последние 30 лет сократилась более чем вдвое (и составляет 42,5–45 % от уровня 1989 г.). Если к началу 1990-х гг. на ближний пояс РФ приходилось около 16,5–17 % всего русского народа (в том числе 17,4 % русских Советского Союза), то в 2010 г. уже 10–10,5 % (10,5–11 % бывшего СССР) (рис. 4). В настоящее время этот показатель сократился до 8–8,5 % (8,5–9 %). Иными словами, с начала 1990-х гг. доля русского народа, сосредоточенного в самой России, неуклонно растет. Этот процесс существенно потерял в темпах по сравнению с первым постсоветским десятилетием. Но русские продолжают стягиваться из внешнего пояса России в ее государственные пределы. И в любом случае темпы депопуляции их в ближнем зарубежье существенно превосходят убыль русского населения в самой России, в которой она связана исключительно с естественными потерями (миграция[1] и ассимиляционные процессы устойчиво работают на количественный прирост).

в границах бывшего СССР, 1719–2010 гг. (%)[2]

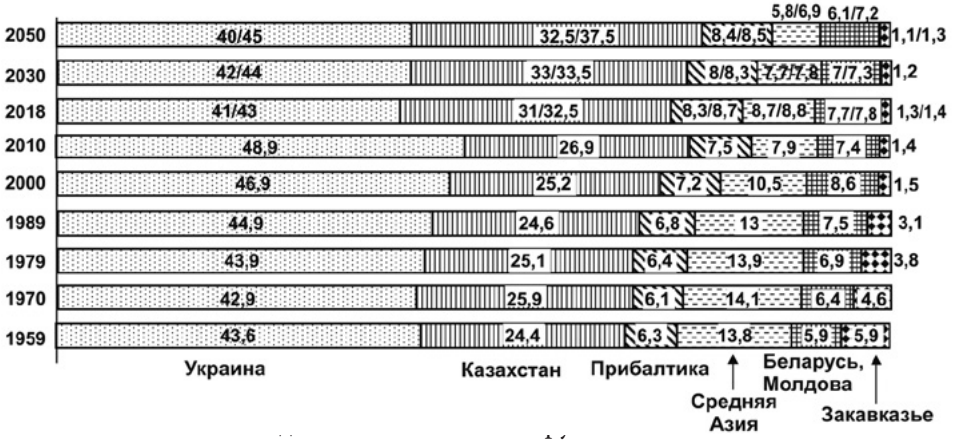
Анализ динамики удельного соотношения русского населения по крупным

[1] Речь идет о миграционном сальдо. Небольшие потери, которые Россия имеет в миграционном взаимообмене русскими с дальним зарубежьем, с избытком компенсируются притоком из стран СНГ.

[2] Составлено по: *Кабузан В.М.* Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg1.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg1.php; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org

макрорегионам ближнего зарубежья, несмотря на существенные различия в темпах демографической убыли, обнаруживает устойчивое соотношение, определяемое определяемую общим количественным масштабом русского присутствия. Мощный потенциал русского массива на Украине или в Казахстане позволяет данным странам оставаться основными средоточиями русских в пределах всего ближнего пояса России. На данные две страны в настоящее время в сумме приходится 72–75 % русских ближнего зарубежья, на несколько пунктов больше, чем в 1950-е гг. или в конце советского периода.

Это связано с ростом показателя Казахстана, доля которого с четверти выросла до трети. Более существенными были перестановки между остальными средоточиями русского населения ближнего зарубежья. Русские Балтии, в конце 1980-х гг. количественно уступавшие русским общинам Средней Азии почти в два раза, в настоящее время уже практически сравнялись с ними по численности, параллельно обойдя по размеру русский массив Беларуси и Молдовы. Самым существенным образом сократилась доля русских общин Закавказья, процесс опережающей депопуляции которых начался еще в середине XX в. (рис. 5).

по крупным национальным макрорегионам СССР (ближнего зарубежья), 1959–2050 гг. (%)[1]

Сложившиеся в последние десятилетия тренды продолжатся в будущем. Казахстан, несмотря на устойчивую и достаточно интенсивную убыль своего русского населения, с большой вероятностью в ближайшие десяти-

[1] Данные по Украине для 2018–2050 гг. даны без Крыма, но с учетом русского населения народных республик Восточного Донбасса; для Беларуси и Молдовы, данные за 2000–2050 гг. учитывают русских Приднестровья.

летия нарастит долю в общем показателе, а Украина может ее сохранить. Однако следует учесть, что на графике в состав русской общины Украины включено русское население республик Восточного Донбасса. Из 41–43 % украинского долевого показателя 2018 г. на республики может приходиться 9–9,5 %, и в дальнейшем их удельный вес будет только возрастать (табл. 2).

Таблица 2. Доля русского населения двух «частей» Украины в общей численности русских ближнего зарубежья, 2018–2050 гг. (%)

Территория	2018	2030	2050
Украина, подконтрольная Киеву	32–33,5	30–31	21–25
Народные республики	9–9,5	12–13	19–20
Вся Украина	***41–43***	***42–44***	***40–45***

К середине XXI века численность русских Восточного Донбасса может быть уже сопоставимой с их количеством на территориях Украины, подконтрольных Киеву. Иными словами, если рассматривать народные республики как политически независимые государственные образования, то уже в настоящее время Восточный Донбасс можно считать третьим по размеру своего русского населения макрорегионом ближнего зарубежья. В этом случае Украина и Казахстан оказываются практически равны по данному показателю. Но к середине XXI в. доля Казахстана будет уже намного больше. На него будет по-прежнему приходиться треть (или более) русских всего ближнего зарубежья, тогда как на Украину и Восточный Донбасс соответственно 21–25 % и 19–20 %.

К этому времени демографический закат русского ближнего зарубежья можно уже будет считать в основном завершенным, притом что несколько миллионов русских всё еще будет проживать в постсоветских странах. С учетом сопредельности ближнего пояса и общего динамизма современного человека, определенное число русских по самым разным причинам будет перебираться в эти страны на ПМЖ, не говоря уже об их присутствии в качестве туристов: число ежегодных посещений в ряде государств уже в настоящее время исчисляется сотнями тысяч (и большее – 1–1,5 млн) ежегодных посещений[1].

Но как крупные старожильческие сообщества, прожившие на данных территориях многие поколения, русские общины ближнего зарубежья будут исчезать одна за другой по мере ухода из жизни наиболее многочисленных (и при этом наиболее возрастных) групп их представителей.

[1] Иными словами, в каждый момент в пределах таких стран может одновременно находиться от многих тысяч до нескольких десятков тысяч русских людей.

К настоящему времени последние стадии своего демографического заката проходят русские общины Армении и Грузии и по крайней мере двух из пяти государств Центральной Азии (Таджикистана и Туркмении). К середине века к ним может присоединиться Молдова и Азербайджан (рис. 6). Во всех этих странах к этому времени сохранится менее (или около) 10 % русского населения от уровня рубежа 1980–1990-х гг. Столько или чуть больше русских в 2050 г. может оставаться в Литве и Узбекистане.

Рис. 6. Доля русского населения к 2050 г.
(1989 г. взят за 100 %; Украина дана с республиками Восточного Донбасса)

А во второй половине XXI столетия растущие диспропорции половозрастной структуры окажутся в состоянии включить ускоренную естественную убыль оставшихся общин. Если это произойдет, то до следующего векового рубежа в ближнем поясе России только некоторые из них сумеют сохраниться в качестве сколько-нибудь значимых этнодемографических групп местного населения. Хотя, повторимся, основные стадии демографической истории русского ближнего зарубежья в целом можно будет считать завершенными уже к 2050 г. К этому времени за пределами России, в ближнем зарубежье, может находиться порядка 6–8 млн чел. (рис. 7; табл. 3), а если исключить из этой цифры пророссийский Восточный Донбасс, который к этому времени даже если не войдет в состав России, то будет плотно интегрирован в ее социально-экономическое и социокультурное пространство, – 4,5–6,5 млн чел.

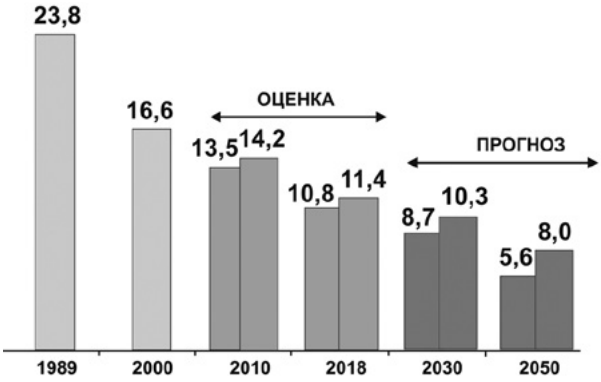

Рис. 7. Динамика русских ближнего зарубежья (без Крыма), 1989–2050 гг. (млн чел.)[1]

Таблица 3. Динамика русского населения по странам и макрорегионам ближнего зарубежья, 2018–2050 гг. (тыс. чел.)[2]

Территория	2018	2030	2050
Украина	4400–4900	3700–4400	2500–3200
Казахстан	3500–3550	2900–3400	1800–3000
Средняя Азия	940–1000	680–790	325–550
Беларусь, Молдова	835–885	635–715	400–485
Прибалтика	936–946	725–825	470–680
Закавказье	144–155	106–122	70–86
Все ближнее зарубежье (млн чел.)	***10,75–11,44***	***8,75–10,25***	***5,56–8,0***

[1] Оценка и прогноз автора.
[2] Оценка и прогноз автора.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЧИСЛЕННОСТЬ И УДЕЛЬНЫЙ ВЕС РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ[1]

I. ЗАПАДНЫЙ МАКРОРЕГИОН

Таблица 1. Беларусь

Города	Годы					
	1897	1926	1939	1989	1999	2009
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Численность русских, тыс. чел.						
Минск	22,2	12,6	28,7	325	264	184,1
Борисов	2,53	4,38	7,61		26	18,5
Жодино					6,87	4,97
Молодечно					10,3	7
Слуцк	1,1	2,32	3,31		7,63	3,96
Солигорск					12,8	8,44
Брест	10,2			52,7	47,1	33,1
Барановичи					24,3	16,4
Кобрин	1,3				5,67	3,94
Пинск	3,62				11,8	7,54
Витебск	19	25,7	28,8	82	65,6	44,1
Новополоцк					24,2	16,9
Орша	1,67	7	5,93		17,9	9,9
Полоцк	3,52	6,93	4,89		16,8	12,2
Гомель	7,1	24,9	25,1	105,5	81,6	52,4
Жлобин			2,31		10,7	7,62
Мозырь	0,81	1,73	1,67		11,4	7,2
Речица	0,84	8,44	3,33		9,7	6,1
Светлогорск					10,6	6,7
Гродно	10,5			55	53,6	40

[1] Составлено по: Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_39_ra.php; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org; *Кабузан В.М.* Русские в мире; *Кабузан В.М.* Украинцы в мире. Динамика численности и расселения в 20-е годы XVIII в. – 1989 год. М., 2006; *Марцинкявичус А.* Русские в независимой и советской Литве: демография, социальное положение, идентичность // Этническая политика в странах Балтии. М., 2013. С. 197–218.

Окончание табл. 1

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Лида					14,1	10,7
Слоним	2,34				7,35	4,65
Могилев	6,85	6,7	12,5	56,4	38,5	25,6
Бобруйск	9,72	11,1	12,4		43,2	28,4
Доля русских в населении центра, %						
Минск	24,4	9,6	12	20,2	15,7	10
Борисов	16,8	9	15,5		17,3	12,6
Жодино					11,6	8,1
Молодечно					10,7	7,4
Слуцк	7,7	7,8	15,1		12	6,4
Солигорск					12,7	8,2
Брест	33,9			20,6	16,5	10,7
Барановичи					14,5	9,8
Кобрин	12,5				11,2	7,7
Пинск	12,8				9	5,8
Витебск	28,9	26	17,2	23,6	18,8	12,7
Новополоцк					22,9	16,2
Орша	12,8		15,8		13,1	8,5
Полоцк	17,3	18,5	16,5		20,4	14,8
Гомель	19,4	28,8	18	21,2	16,8	10,9
Жлобин			12		15,1	10
Мозырь	10	4,6	9,6		10,4	6,6
Речица	9,1	27,6	11,9		14,6	9,4
Светлогорск					14,5	9,6
Гродно	22,4			20,4	17,8	12,2
Лида					14	10,9
Слоним	14,8				14,2	9,5
Могилев	15,9	13,4	12,6	15,8	10,8	7,15
Бобруйск	28,3	21,6	14,8		19,6	13,2

Таблица 2. Молдавия

Города	**Число русских, тыс. чел.**				**Доля русских, %**			
	1897	**1939**	**2004**	**2014**	**1897**	**1939**	**2004**	**2014**
Кишинев	29,3		99	42,2				9
Бельцы	3,63		24,5	15	19,6		19,2	15,3
Бендеры*	11		62,4		34,6		43,3	
Дубоссары*		0,99	5,89	0,27		21,9	24,9	0,92
Когул			7,7	3,21				10,7
Оргеев	1,27			0,73	10,3			3,5
Рыбница*		0,77	11,74			6,7	21,88	
Сороки	2,23			1,19	14,5			5,4
Тирасполь*		14,8	66,3			33,8	41,7	

Примечание: * – центры Приднестровской Молдавской Республики.

Таблица 3. Украина (численность русских, тыс. чел.)

Города	Годы					
	1897	1926	1939	1959	1989	2001
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Центральный регион						
Киев	133,8	125,5	139,5	254,3	537,5	337,2
Белая Церковь			3,6	13,1	34,2	20,2
Винница	5,2	8	9,8	27	60	36,1
Кировоград	21,1	16,6	11	23,8	52,4	30,7
Житомир	16,9	10,5	13,6	5,9		29,1
Бердичев	4,6		7,2	9,9		7,6
Новгород-Волынский	2,94		5,7	6,4		4,8
Полтава	11	8,2	12,4	22,3		33
Лубны	0,96		1,82	4,7		4,26
Миргород	0,43		0,91	3,9		3,72
Кременчуг	12,1		6,7	14,8		34,5
Сумы	6,6	7,2	5,7	16,5		36,5
Черкассы	4,9		4,37	18		38,5
Умань	2,7		2,9	7,7		5,36
Чернигов	8	14,6	6,1			31,8
Нежин	2,37		2	6,3		5,4
Прилуки				6		4,1
Западный макрорегион						
Ивано-Франковск				16,9		13,9
Луцк	2,8			11	23,3	12,7
Владимир-Волынский	1,74				4,7	1,9
Львов				118,8	128,2	64,6
Дрогобыч				9,5	7,3	3,4
Ровно	4,3			14,6	29,8	16,6
Дубно	3				3,6	1,4
Тернополь				8,8		7,74
Хмельницкий			3,04	12,1	33,1	19,9
Каменец-Подольский	7,42		4,78	7,1	12,1	5,8
Шепетовка				5,1	5,4	2,8
Ужгород				8,2	16,6	11,1
Мукачево				7,4		7,32
Черновцы				32,4		26,7
Южный макрорегион						
Днепропетровск	47,2	73,4	117,3	198	365,8	249,9
Днепродзержинск			26	45,9		40,5
Кривой Рог			21,5	83,6		119,1
Никополь			12,8	23,6		35,4
Павлоград						29,9
Запорожье	4,7	14,5	65,6	142,8	300,4	207
Бердянск	17,5		23,9	32,3		45,3
Мелитополь	6,6		28	40,3		62,4
Николаев	61	46,7	51,6	68,5	160,2	117,5
Первомайск				7		7,7

Окончание табл. 3

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Одесса	198,3	162,8	186,6	249,4	441,7	292
Белгород-Днестровский	5,73				20,6	14,4
Измаил	7,8				47,2	37,2
Ильичевск					22,4	15,4
Котовск				5,5	7,5	4,2
Херсон	27,9	21,1	18,9			67,1
Восточный макрорегион						
Донецк		59,5	220,1	368,2	607,9	493,4
Горловка			49,7	157		132,8
Енакиево			46,5	82,9		58,2
Константиновск			35	36,1		35,7
Краматорск			26,5	45		51,8
Мариуполь	19,7	42,2	79,8	125,2		220,6
Макеевка		32,9	128,1	216,1		204,2
Славянск			14,8	23,5		28,3
Луганск	13,9	31,3	81,5	250,6	287,7	218
Алчевск			26,9	46		53
Харьков	110	154,4	274,2	337,1	695	496

Таблица 4. Украина (доля русских в населении**, %)**

Города	**Годы**					
	1897	**1926**	**1939**	**1959**	**1989**	**2001**
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Центральный регион						
Киев	54	24,4	16,5	23	20,9	13,1
Белая Церковь			7,6	18,6	17,5	10,3
Винница	17	13,8	10,6	22,1	16,4	10,2
Кировоград	34,3	25	11	18,6	19,5	11,9
Житомир	25,6	13,7	8,6	5,6		10,3
Бердичев	8,6		6,2	18,6		8,7
Новгород-Волынский	17,4		8,6	23,2		8,5
Полтава	23,9	8,9	9,5	15,6		10,6
Лубны	9,5		6,6	16		8,2
Миргород	4,3		4,9	15,5		9
Кременчуг	19,2		7,5	17,1		14,8
Сумы		7,9	9	16,8		12,5
Черкассы	16,6		8,5	21,2		13,1
Умань	8,7		6,5	17,3		6,1
Чернигов	28,8	19,9	8,9			10,6
Нежин	7,4		5,1	13,6		7,1
Прилуки						6,4
Западный макрорегион						
Ивано-Франковск				25,4		6
Луцк	17,7			19	11,9	6,2

Окончание табл. 4

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Владимир-Волынский	17,6				12,3	5
Львов				28,6	15,8	8,9
Дрогобыч				22,6	9,4	4,4
Ровно	17,5			26	13,1	6,8
Дубно	21				14,4	7,6
Тернополь				16,9		3,4
Хмельницкий			8,1	19,4	14,2	7,9
Каменец-Подольский	20,7		4,1	17,6	11,7	5,9
Шепетовка				16	10,7	5,8
Ужгород				17,3	14,9	9,6
Мукачево				15,9		9
Черновцы				22,2		11,3
Южный макрорегион						
Днепропетровск	41,8	31,5	23,4	27,9	30,8	23,7
Днепродзержинск			17,6	22,7		15,9
Кривой Рог			10,9	20,5		17,9
Никополь			15	28,4		25,6
Павлоград						25
Запорожье	24,8	26	22,7	32,9	34,2	25,5
Бердянск	66		46,2	49,5		37,2
Мелитополь	42,8		37	42,6		38,9
Николаев	66,3	44,5	31	30,3	30,7	23,1
Первомайск				15,8		10,9
Одесса	49,1	38,7	31	37,1	39,7	29
Белгород-Днестровский	20,2				37,1	28,2
Измаил	35				51	43,7
Ильичевск						
Котовск				20,1	17,6	10,3
Херсон	47,2	35,9	19,5			20,7
Восточный макрорегион						
Донецк		56,2	47,2	50,6	53,3	48,2
Горловка			45,8	46,7		45,8
Енакиево			52,5	56,1		55,8
Константиновск			36,5	40,7		37,6
Краматорск			28,2	28,5		28,7
Мариуполь	63,3	46,7	35,7	42,3		45,2
Макеевка		31,1	53	51,8		52,7
Славянск			19	24		23,1
Луганск	68,2	43,6	34,5	47,1	53,9	47
Алчевск			49,2	47,1		44,7
Харьков	63,2	37	32,9	36,1	43,6	34,2

II. ПРИБАЛТИЙСКИЙ МАКРОРЕГИОН

Таблица 5. Латвия

Города	Годы						
	1897	1925	1935	1989	2002	2010	2018
Численность русских, тыс. чел.							
Рига	44,4	27,7	28,4	430,7	335,4	264,8	234,7
Даугавпилс	19,2	6,94	8,06	72,8	63,7	50	40,8
Лиепая	7,3	2,47	1,86	49,3	31,3	23,7	19,7
Юрмала	–	–	–	25,5	20,7	17,5	16,4
Елгава	4	0,94	1,03	25,7	20,7	16,6	14,5
Резекне	2,44	3,03	2,6	23,4	19,9	15	12,1
Вентспилс	0,19	0,2	0,14	19,9	14	11,1	9,3
Екабпилс	1,2	3,75	0,76	11,7		6,8	5,7
Валмиера	0,32					2,91	2,48
Доля русских в населении, %							
Рига	15,7	8,2	7,4	47,3	43,9	40,2	38,7
Даугавпилс	27,5	17,1	17,8	58,3	55,2	53,6	52,4
Лиепая	11,3	2,26	1,67	43,1	35	30,9	30,6
Юрмала				42,1	37,1	34,4	35
Елгава	11,3	3,3	3,02	34,7	32,5	27,9	26,4
Резекне	22,6	24	19,8	55,1	50,7	46,5	43,9
Вентспилс	2,6	1,22	0,89	39,9	32	28,7	28,4
Екабпилс	20,6	66,4	13	30,8		27,6	26,1
Валмиера	6,3						10,8

Таблица 6. Литва

Город	Годы							
	1897	1923	1959	1970	1979	1989	2001	2011
Численность русских, тыс. чел.								
Вильнюс	30,9	7,4*	69,4	91,1	105,6	116,5	77,7	62,3
Клайпеда			32,5	43,4	52,1	57,5	41,1	31,9
Каунас	16,1	2,91	25,6	32	30,7	35,1	16,6	11,9
Шауляй	1,54	4,67	7,9	10,6	13	15,2	6,4	4,5
Паневежис	1,65	2,41	4,7	6,1	6,8	7,4	3,44	2,43
Висагинас							15,5	11,7
Доля русских, %								
Вильнюс	20	3,8*	29,4	24,5	22,2	20,2	14	12
Клайпеда			35,7	30,8	29,6	28,2	21,3	19,6
Каунас	22,7	3,15	11,7	10,5	8,3	8,3	4,4	3,8
Шауляй	9,5	2,64	13,1	11,4	11	10,5	4,8	4,1
Паневежис	12,7	2,02	11,5	8,3	6,7	5,9	2,9	2,4
Висагинас							52,4	52,2

Примечание: * – 1931 г.

Таблица 7. Эстония

Города	Годы									
	1881	1897	1922	1934	1959	1970	1979	1989	2000	2011
Численность русских, тыс. чел.										
Таллинн	8,7	10,3	7,5	7,9	90,6	127,1	168,3	207,3	146,2	145
Нарва			7,9	7	22	48,2	62	69,8	58,7	51,4
Котхла-Ярве					14,2	37	43,1	50	32,8	27,5
Тарту	1,82	3,64	2,57	2,64	14,3	18	21,5	24,6	16,2	14,3
Силламяэ					7,4	11,6	13,9	17,8	14,8	12,5
Пярну	0,55	0,68	0,49	0,47	7,37	9,15	9,7	10,8	6,95	5,08
Валга			0,44	0,37	3,9	5,24	6,16	6,14	3,9	3,22
Хаапсалу		0,17	0,18	0,125	1,42	2,22	3	3,72	1,84	1,43
Куресааре	0,25	0,34	0,16	0,12	1,36	1,06	1,08	0,83	0,21	0,16
Раквере	0,34	0,33	0,3	0,35	2,48	3,44	3,33	3,54	1,84	1,37
Вильянди	0,2	0,18	0,124	0,34	1,82	1,91	2	1,9	1,08	0,65
Выру		0,24	0,16	0,17	1,74	2,28	2,38	1,93	1,11	0,8
Доля русских в населении, %										
Таллинн	17,2	15,6	6,2	5,7	32,2	35	38,1	41,5	36,5	36,6
Нарва			29,4	29,8	79,7	83,3	85,2	86	85,4	87,6
Котхла-Ярве					48,6	54,2	59,3	64,9	68,8	73,9
Тарту	6,1	8,6	5,1	4,5	19,3	38,9	43,3	21,7	16	14,7
Силламяэ					90,1	85,9	85,7	86,6	86	87,4
Пярну	4,2	5,3	2,65	2,3	20,4	19,8	19,5	20,6	15,3	12,8
Валга			4,7	3,4	29,2	31,2	33,3	34,7	27,2	26,3
Хаапсалу		5,2	4,2	2,7	16,6	19,3	23	25,4	15,3	14
Куресааре	7,2	7,4	4,7	2,7	14	8,7	7,6	5,1	1,4	1,2
Раквере	9,7	5,6	4	3,5	17,3	19,2	17,5	17,9	10,8	9
Вильянди	3,7	2,3	1,3	2,9	10,2	9,2	9	8,2	5,2	3,7
Выру		5,8	3,2	3,2	16,3	14,8	14,2	11	7,5	6,3

III. ЗАКАВКАЗСКИЙ МАКРОРЕГИОН

Таблица 8. Азербайджан

Города	Годы							
	1886	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1999
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*
Численность русских, тыс. чел.								
Баку	21,4	37,4	159,5	343,6	338	351	338	119,4
Нахичевань	0,024	0,22	1,38	1,42	1,8	2	1,5	
Сумгаит				4,1	23	35,1	37,1	4,67
Агдам			0,12	0,91	0,58	0,4	0,27	
Евлах				5,1	2,61	1,97	1,12	
Ленкорань	0,72	1,28	1,87	3,26	3,4		2,24	

Окончание табл. 8

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*
Монгечаур						8,1	6,92	1,05
Куба	0,3	0,44	0,7	2,35	1,68	1,3	0,54	
Шемаха	0,67	0,73	0,45	2,16	1,4	1,13	0,57	
Шеки (Нуха)	0,03	0,18	0,2	1,48	0,97	0,86	0,5	
Ширван (Али-Байрамлы)			0,55	1,27	2,78	5,59	3,4	0,63
Гянджа (Елизаветполь, Кировобад)	0,13	2,5	4,47	17	18,5	20	18	2,81
Доля русских в населении, %								
Баку	24,7	33,4	35,2	42,5	34,2	27,7	22	6,7
Нахичевань	0,35	2,5	13,4	9,1	7,1	6,1	3,7	
Сумгаит				64,5	32,7	25,9	18	1,65
Агдам			1,5	8,7	3,6	1,8	1,3	
Евлах				47	12,8	7,1	3,3	
Ленкорань	17,1	14,6	15,5	19,7	13,5		5,7	
Мингечаур						18,8	11,7	1,1
Куба	2,2	2,9	5,1	19,6	7,7	6,8	3,1	
Шемаха	3	3,6	12,3	25,2	10,7	6,3	2,6	
Шеки (Нуха)	0,1	0,7	0,85	4,6	2,8	1,8	1	
Ширван (Али-Байрамлы)			2,5	41,4	14,3			0,9
Гянджа (Елизаветполь, Кировобад)	0,65	7,5	7,8	17,2	3,4	10,5	7,8	0,94

Таблица 9. Грузия (численность русских, тыс. чел.)

Города	Годы								
	1897	**1922**	**1926**	**1939**	**1970**	**1979**	**1989**	**2004**	**2014**
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
Тбилиси	45	38,6	45,9	93,3	124,5	129,1	124,7	32,6	13,35
Ахалкалаки	0,48	0,1	1,11	0,24		0,56		0,05	0,018
Ахалцихе	1,17	0,18	1,42	1,06	2,03	2,21		0,31	0,075
Боржоми		0,48		2,28	1,99	1,16			0,12
Гардабани					1,67	2,08			0,15
Гори	1,18	0,17	0,25	2,09	3,61	3,34	2,79	0,77	0,29
Зестафони		0,045	0,06	1,27	1,17	0,93	0,81	0,22	0,065
Зугдиди	0,047	0,053	0,07	3,2	3,69	2,78	2,38	0,66	0,134
Кобулети				1,68	4	2,97			0,28
Кутаиси		1,13	0,89	7,39	11,64	12,9	10,3	2,22	0,53
Лагодехи		0,33		0,8	2,15	1,83	3,33	0,45	0,3
Марнеули (Борчалы)				0,33		2,11	1,98	0,29	0,13
Озургети (Махарадзе)				1,94	2,24	1,7			
Поти	0,99	0,72	0,87	5,91	11,6	11,5	10,1	1,88	0,6
Рустави					21,6	23,1	21,3	3,56	1,46
Самтредиа		0,135		1,86	1,97	1,73	1,6	0,5	0,17
Телави	0,48	0,12	0,44	1,42	1,67	1,67		0,24	0,097

Окончание табл. 9

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
Ткибули		0,05		1,75	2	1,45	1,03	0,24	0,073
Сенаки (Миха-Цхакая)				1,02	2,24	2,09			
Цхалтубо			2,04		5,15		4,58	0,35	0,074
Чиатура		0,07	0,17	1,16	0,92	0,59	0,53	0,1	0,02
Аджария									
Батуми	6,2	10,7	8,8	17,7	23,5	24,8	21,1	6,3	2,89
Абхазия									
Сухуми	1,7	4,5	5,1	18,6	31,2	28,5	25,7		9,3
Гагра			1,46	4,78	9,7	7,4	18,7		2,35
Гали				0,4	0,89	0,48	2,48		0,073
Гудаута		0,72	0,89	2,62	4,5	3,56	7,7		0,74
Очамчира			0,15	2,65	3,3	2,47	4,44		0,53
Ткварчели					8,3	6,2	5,3		0,49
Южная Осетия									
Цхинвал		0,064	0,114	1,19	1,18	1,74	1,84		0,48

Таблица 10. Грузия (доля русских, %)

Города	Годы								
	1897	**1922**	**1926**	**1939**	**1970**	**1979**	**1989**	**2004**	**2014**
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
Тбилиси		16,5				12,3	10	1,55	1,2
Ахалкалаки	8,8	3,73		4,6	10,4	4,3		0,53	0,22
Ахалцихе	7,6	1,8	11,5	8,7	18,9	11,3		1,33	0,42
Боржоми		12,3		15,9	12,2	7			1,14
Гардабани					18,3	15,2			1,37
Гори	11,5	1,83	2,4	10,6	7,5	6,1	4,1	1,56	0,6
Зестафони		0,92	1,2	9,2	5,4	4,5	1,1	0,84	0,31
Зугдиди	1,38	1,17	1,3	21,1	9,2	6,3	4,8	0,96	0,31
Кобулети				27,4	22,2	17,2			1,67
Кутаиси		2,5	1,8	9,5	7,2	6,7	4,4	1,2	0,36
Лагодехи		21,8		25	25,8	21,9	6,1	6,6	5
Марнеули (Борчалы)				7,7		10,9	7,2	1,22	0,64
Озургети (Махарадзе)				1,94	10,3	7,7			
Поти	13,4	6,3	6,6	23,2	25,2	23,7	4,8	4	1,46
Рустави					22	17,8	13,4	3,06	1,17
Самтредиа		2,1		9,4	9	5,3	2,5	1,59	0,67
Телави	3,43	1,3	4,6	9,8	7,9	6,7		1,11	0,49
Ткибули		2,7		28,7	8,6	6,6	2,8	1,64	0,75
Цхакая				8,4	8,8	7,7			
Цхалтубо					31,8	15,6	6,5	2,11	0,66
Чиатура		2,25	4	8,3	3,6	2,3	0,8	0,72	0,16

Окончание табл. 10

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*
Аджария									
Батуми	21,8	17,6	18,1	25,3	23,4	20,3	15,4	5,17	1,89
Абхазия									
Сухуми	21,1	25,6	23,6	42	30,6	26,4	21,6		14,8
Гагра			39,9	48,9	42,1	35	24,2		19
Гали				10,3	6,5	3,3	3,1		0,96
Гудаута		25,3	24,8	37,2	34	27,3	13,5		8,7
Очамчира			4,4	22,7	17,6	13,8	5,9		10
Ткварчели					32,1	28,6	24,5		9,8
Южная Осетия									
Цхинвал		1,41	2	8,6	3,9	5	4,3		0,89

IV. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН

Таблица 11. Казахстан

Города	**Годы**					
	1897	**1926**	**1939**	**1989**	**2010**	**2018**
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Численность русских, тыс. чел.						
Нур-султан (Астана, Целиноград)	4,6	50,7	11,7	149,9	122,2	138,2
Алма-Ата	13,3	30,1	166,4	662,7	453	469,6
Актобе (Актюбинск)	1,73	18,3	26	104,7	75,2	73,2
Усть-Каменогорск	7,3		16,55	262,9	196,5	182,7
Атырау (Гурьев)	6,5		22,3	44,5	29,3	29,7
Джамбул	1,05		32	131,3	66,3	61,5
Жезказган (Джезказган)				53,5	25,7	20,6
Караганда			100,1	337,7	212,2	203
Кызылорда	0,69		17,8	24,4	10,6	9,65
Кокшетау (Кокчетав)	3,1		11,9	75,1	49,6	47,9
Костанай (Кустанай)	1,04	18,7	22,2	135,1	103,8	104,3
Павлодар	5,6		15	201,4	160,9	152,4
Петропавловск	10,5		66,8	185,5	133,9	132,4
Семей (Семипалатинск)	11,1	33	73,5	198,3	96,2	85,2
Талдыкорган (Талды-Курган)				67,4	36,5	34,3
Уральск	31,7	44	50,9	132,5	92,3	86,7
Шимкент (Чимкент)	6,4	45,4	36,7	164,7	92,1	92,6
Актау (Шевченко)					37,2	34,8
Риддер			50		42,2	47

Окончание табл. 11

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Доля русских в населении, %						
Нур-султан (Астана, Целиноград)	47,6	62,7	34,7	54,3	19,9	13,2
Алма-Ата	58,4	48,3	72,2	59,1	32,2	26,1
Актобе (Актюбинск)	61,3	51,7	51,9	41,4	19,2	15,3
Усть-Каменогорск	83,8		82,2	81,6	62,4	53,6
Атырау (Гурьев)	70		53,2	30,7	12,2	9,1
Джамбул	9		50,2	43,2	20,7	17,3
Жезказган (Джезказган)				50	28,6	26,2
Караганда			59,8	55,6	46,1	40,5
Кызылорда	13,6		38,1	16,2	4,6	3,3
Кокшетау (Кокчетав)	62,7		61,8	55,5	33	30
Костанай (Кустанай)	73	73,6	66,3	60,4	48,3	43,5
Павлодар	71,8		52,6	61,1	47,8	42,3
Петропавловск	53,1		72,9	77,4	66,1	60,7
Семей (Семипалатинск)	40,9	58	67,2	59,6	29,6	24,5
Талдыкорган (Талды-Курган)				56,8	25,5	20
Уральск	86,8	73,1	75,3	66,4	37,3	28,5
Шимкент (Чимкент)	5,7	33,6	49,3	42,1	15,3	9,7
Актау (Шевченко)					21,9	18,7
Риддер			67,1		84,4	81,7

Таблица 12. Киргизия

Города	**Число русских, тыс. чел.**			**Доля русских, %**		
	1897	**1939**	**2010**	**1897**	**1939**	**2010**
Фрунзе	2,52	60,8	188,1	38,2	65,5	22,2
Ош		9,7	6		29	2,3
(Каракол) Пржевальск		12,1	11,8		57,1	17,6
Нарын		1,62	0,03		35,5	0,09
Токмак		11,4	10,3		58,4	19,2
Джалал-Абад			2,88			2,9
Талас			2,07			6,3

Таблица 13. Таджикистан

Города	**Число русских, тыс. чел.**				**Доля русских, %**			
	1897	**1939**	**1989**	**2010**	**1897**	**1939**	**1989**	**2010**
Душанбе		47	194,9	19,1		56,9	32,4	2,63
Худжанд (Ленинабад)	0,46	12,5			1,6	27,4		
Ура-Тюбе (совр. Истаравшан)		2,5				9,8		
Хорог		0,78	0,64	0,025		20,4	3,18	0,09
Куляб		2,03				24,1		

Таблица 14. Туркмения

Города	Число русских, тыс. чел.				Доля русских, %			
	1897	1926	1939	1989	1897	1926	1939	1989
Ашхабад	7,9	27,1	78,4	130,2	40,7	52,5	61,9	32,3
Мары			22,8	31,3			61,5	34,3
Ташауз		0,61	4,28	5,7		15,8	29,2	5,1
Чарджоу		8,1	31,1			51,9	56,9	
Мерв		15,3				48,3		
Красноводск			11,9				51,1	

Таблица 15. Узбекистан

Города	Численность русских, тыс. чел.					Доля русских, %				
	1897	1926	1939	1989	2017	1897	1926	1939	1989	2017
Ташкент	14,9	104,7	248,6	700,5	345,1	9,6	32,4	42,5	34	14,2
Каттакурган			8,8		0,17			34,2		0,2
Алмалык					28,2					22,4
Чирчик			8,7		47,2			58,9		27,4
Андижан	0,75	8,8	19,1	29,6	11,7	1,58	12	22,5	10,2	2,8
Бухара		10,8	13,2	24,7	15,6		17,8	26,2	11,1	5,7
Каган			11,8		6,6			66,7		11
Карши			3,32	23,7	15,9			21	15,3	6
Наманган	0,82		9,34	19,2	9,4	1,3		11,7	6,3	1,6
Самарканд	7,4	27	50,3	83	30,9	13,4	25,7	36,9	22,8	5,9
Термез			6,73		13,9			57,9		9,8
Джизак	0,39		4,87	15,1	8	2,5		55	14,5	4,7
Фергана	3,84		21	75,8	7	43,1		59	38,2	2,5
Коканд			28,4		5			33,6		2,1
Маргелан			6,9		1,58			15		0,7
Ургенч			6,58	8,8	1,3			29,3	7	0,9
Хива			0,85		0,2			5,9		0,2
Нукус			2,5	11	6,16			23,9	6,5	2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Алейников М.В., Боровиков И.В. Русское население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е гг. XX в.) // Мир Евразии. 2013. № 2. С. 2–8.

Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М., 2012.

Борисенок Ю.А. Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 116–122.

Бузаев В. Правовое и фактическое положение русскоговорящего меньшинства в Латвии. Рига, 2016.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.

Водарский Я.Е. Население России за 400 лет. М., 1973.

Волков В.В. Демография русского населения Латвии в XX–XXI вв. // Этническая политика в странах Балтии. М., 2013. С. 177–196.

Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М., 1930.

Глущенко А.Е. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010.

Горбачев О.В., Лиин Д.Г. Демографическое развитие российско-белорусского пограничья в условиях урбанизации (середина XX – начало XXI века). М., 2013.

Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма. М., 1994.

Гудков Л.Д. Русские в Казахстане: доклад Центра исследований русских меньшинств в странах ближнего зарубежья. М., 1995.

Демидов М.С. Постсоветский Туркменистан. М., 2002.

Демографический ежегодник России. М., 2001. С. 314.

Исмаил-Заде Д.И. Население городов Закавказского края в XIX – начале XX века. Историко-демографический анализ. М., 1991.

Исмаил-Заде Д.И. Русское крестьянство в Закавказье в 30-е годы XIX – начале XX века. М., 1982.

Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. I. Рига, 1893.

История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1960.

История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947.

История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002.

Итоги всеобщей переписи населения Республики Южная Осетия. Цхинвал, 2016.

Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX века. Численность и этнический состав. М., 1992.

Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990.

Кабузан В.М. Русские в мире. СПб., 1996.

Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998.

Кавказский календарь на 1886 год. Тифлис, 1885. 453 с.

Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана // Центральная Азия. 1997. № 5 (11). С. 117–120.

Комарова О.Д. Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане // Русские старожилы Азербайджана. М., 1990. С. 6–26.

Лаппо Г.М. География городов. М., 1997.

Максакова Л.П. Узбекистан в системе международных миграций // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М., 2009.

Манаков А.Г. Динамика национального состава населения Эстонии и Латвии в 1920–1930-е гг. // Псковский регионологический журнал. 2017. № 2 (30). С. 74–95.

Манаков А.Г., Чученкова О.А. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 г. по 2016 г. Псков, 2017.

Марцинкявичус А. Русские в независимой и советской Литве: демография, социальное положение, идентичность // Этническая политика в странах Балтии. М., 2013. С. 197–218.

Марцинкявичус А. Социальная адаптация русских в межвоенной Литве // Диаспоры. 2011. № 1.

Матишов Г.Г. Опасные тенденции и риски на южном фланге России. Ростов н/Д, 2016.

Модернизация населения России. М., 2006.

Мукомель В.И. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 65–70.

Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001.

Население СССР. М., 1989.

Никифоров И.В., Полещук В.В. Демография русского населения Эстонии в XX веке // Этническая политика в странах Балтии. М., 2013. С. 155–176.

Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдавии: миграция или адаптация? М., 1998.

Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдове: демографические и социальные трансформации // Русские: этносоциологические исследования. М., 2011. С. 120–157.

Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910.

Переведенцев В. Рынок труда и миграция населения // Вопросы экономики. М., 1991. № 9. С. 44–52.

Пуллат Р.Н. Городское население Эстонии с конца XVIII в. до 1940 г. Таллинн, 1976.

Рашин А.Г. Население России за сто лет (1811–1913). М., 1956.

Русские в мире. Вып. 2. М., 1991.

Русские. М., 1999.

Русские. Этносоциальные очерки. М., 1992.

Русские. Этносоциологические очерки. М., 2011.

Рыбаковский Л.Л. Русские и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. М., 1996.

Савин И.С. Русские в Казахстане: «кто мы сейчас» // Русские: этносоциологические исследования. М., 2011. С. 158–190.

Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М., 2001.

Салиев А.С., Федорко В.Н. Русская культура в Республике Узбекистан: общественно-географический анализ // Феномен культуры в российской общественной географии. Ростов н/Д, 2014. С. 400.

Сборник статистических сведений по Союзу ССР. М., 1924.

Статистический ежегодник России 1910 г. СПб., 1911.

Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914.

Субботина И.А. Демографические перспективы русской диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3.

Сущий С.Я. Военный конфликт на востоке Украины: демографические потери и сдвиги в национальной структуре населения Донбасса // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). 2016. № 2. С. 82–90.

Сущий С.Я. Этнодемографические аспекты русско-украинского взаимодействия (Украина и Юг России). LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016.

Тишков В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 1993. Док. № 51.

Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 110–124.

Тыминский А. Русская общественная жизнь в Литве // Русский календарь на 1932 г. Ковно, 1931. С. 1–24.

Уалиева С.К. Межэтнические браки в Казахстане и дети // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 2008. С. 370–379.

Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941.

Федорко В.Н., Курбанов Ш.Б. Этногеографическое районирование Узбекистана // Известия географического общества Узбекистана. Т. 54. Ташкент, 2018. С. 42–53.

Халлик К.С. Русские в Эстонии // Русские: этносоциологические исследования. М., 2011. С. 90–119.

Хоперская Л.Л. Российские соотечественники в Центральной Азии – демографический ресурс, отрезанный ломоть или хранители русского мира? // Этнопанорама. 2012. № 3–4. С. 5–12.

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

Цыряпкина Ю.Н. Русские в Узбекистане: языковые практики и самоидентификация (на примере полевых исследований в Фергане) // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. 2015. 3 (9).

Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002.

Эшмент Б. Проблемы русских в Казахстане – этничность или политика? // Диаспоры. 1999. № 2–3.

ИСТОЧНИКИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Дністрянський М.С. Этнополитическая география Украины // Етнополітична географія України. Львів, 2006.

Мигович І.І., Макара М.П. Закарпатський соціум: етнологічний аспект. Ужгород:

Патені, 2000.

Романцов В.О. Населення України і його рідна мова за часів радянської влади та незалежності (XX – початок XXI століття). Київ, 2008.

Терлюк І.Я. Росіяни західних областей України (1944–1996 р.р.) (Етносоціологічне дослідження). Львів, 1997.

Aman Alikhan. Population migration in Uzbekistan (1989–1998). Tashkent, 2000.

Apine I., Volkovs V. Latvijas krievu identitāte: vēsturisks un socioloģisks apcerējums. (Идентичность латвийских русских. Исторический и социологический очерк). Rīga, 2007.

Demographic statistics of the Baltic countries. Tallinn; Riga; Vilnius, 1996.

Gorenburg D. Rethinking Interethnic Marriage in the Soviet Union // Post-Soviet Affairs. 2006. 22, 2. P. 145–165.

McEvedy C., Jones R. Atlas of world population history. N.-Y., 1978.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Алексеенко А.Н. Население Казахстана между прошлым и будущим. URL: http://polit.ru/article/2006/05/16/demoscope245/

Алматбаева Ж. Социологи – тенденции казахской молодежи: архаизация, исламизация и этнонационализм // Русские в Казахстане. 2016. 13 октября. URL: http://russianskz.info/society/8130-sociologi-o-molodezhi-rk-marginalizaciya-islamizaciya-i-negativnaya-etnokazahskaya-solidarnost-osnovannaya-na- etnicheskom-protivopostavlenii.html

Андреев Е., Вишневский А. Ближайшие демографические перспективы России. URL: http://demoscope.ru/weekly/2014/0601/tema01.php

Веретенников В. Прошлое и настоящее латвийского старообрядчества. URL: https://regnum.ru/news/cultura/1550530.html

Волк В.В. Беженцы Донбасса: декларации и реализация. URL: http://rusrand.ru/analytics/bezhentsy-donbassa-deklaratsii-i-realizatsija

Государственная служба статистики Украины. 1998–2019. URL: http://ukrstat.gov.ua

Дегтярь И. Русофобия как новое измерение стратегии национальной безопасности Украины // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/dekabr/16/

Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

Карачурина Л.Б. Постоянная миграция между Россией и странами СНГ и Балтии. 2012. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit05.php

Касымова С. Расширяя границы: межэтнические и межконфессиональные браки в постсоветском Таджикистане (на примере браков таджикских женщин с иностранцами). URL: http://demoscope.ru/weekly/2013/0565/analit04.php

Кульчинский С. Демографические потери Украины в XX веке. URL: http://demoscope.ru/weekly/2004/0173/analit06.php

Курбанова М. Дина Пешкова: «Я уже давно таджичка!». URL: http://www.toptj.com/News/2006/10/26/dina_peshkova_ya_uzhe_davno_tadzhichka

Манвелян А. Русские в Армении: последние из молокан. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth/newsid_6929000/6929421.stm

Миколюк О. К 2065 году нас будет 35 миллионов? // День: [электронная версия газеты]. 29.01.2014. URL: http://day.kyiv.ua/ru/article/obshchestvo/k-2065-godu-nas-budet-35-millionov

Миколюк О. О демографическом будущем Украины. URL: http://demoscope.ru/weekly/2014/0583/gazeta024.php

Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. URL: http://stat.gov.kz/

Население России. 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. М., 2000. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r01/sod_r.html

О соотечественниках в странах Центральной Азии. URL: http://demoscope.ru/weekly/2014/0587/gazeta018.php

Перепись населения Республика Молдова, 2014. URL: http://recensamant.statistica.md

Поммер А.А. Русские в Латвии. Исторический очерк. XIII–XIX вв. URL: http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-a-pommer.html

Результаты переписи населения в Туркменистане. URL: https://www.hronikatm.com/2015/02/rezultatyi-perepisi-naseleniya-v-turkmenistane

Русские в Латвии. Вчера. Сегодня. Завтра... URL: http://xfilespress.com/russkie-v-latvii-vchera-segodnya-zavtra.aspx

Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие // Труды общества русских ориенталистов. № 2. Петроград, 1915. URL: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XVI/1540–1560/Snos_ross_chiva_buchara/text1.php

Среднеазиатские владения Российской империи. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki

Федотов А.Н. Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики. URL: http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-fedotov.html

Юнусов А.С. Этнические и миграционные процессы в постсоветском Азербайджане // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. URL: http://chairs.stavsu.ru/geo/Conference/c1–67.htm

Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org.

Научное издание

Сущий Сергей Яковлевич

РУССКИЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ
(геодемографический аспект)

Техническая редакция: А.С. Бабаева,
С.А. Шестак,
А.А. Яковлева

Верстка Н.В. Лункина

Оформление обложки Л.В. Безбородова

Подписано в печать 27.09.2019. Бумага офсетная. Печать цифровая
Формат 72 × 104/16. Усл. п. л. 38,65. Тираж 300 экз.

Издательство Южного научного центра
Российской академии наук
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. 8 (863) 250-98-21

Отпечатано DSMGroup
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9. Тел. (863) 263–57-66
E-mail: dsmgroup@mail.ru